Н. Н. ДУРНОВО

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

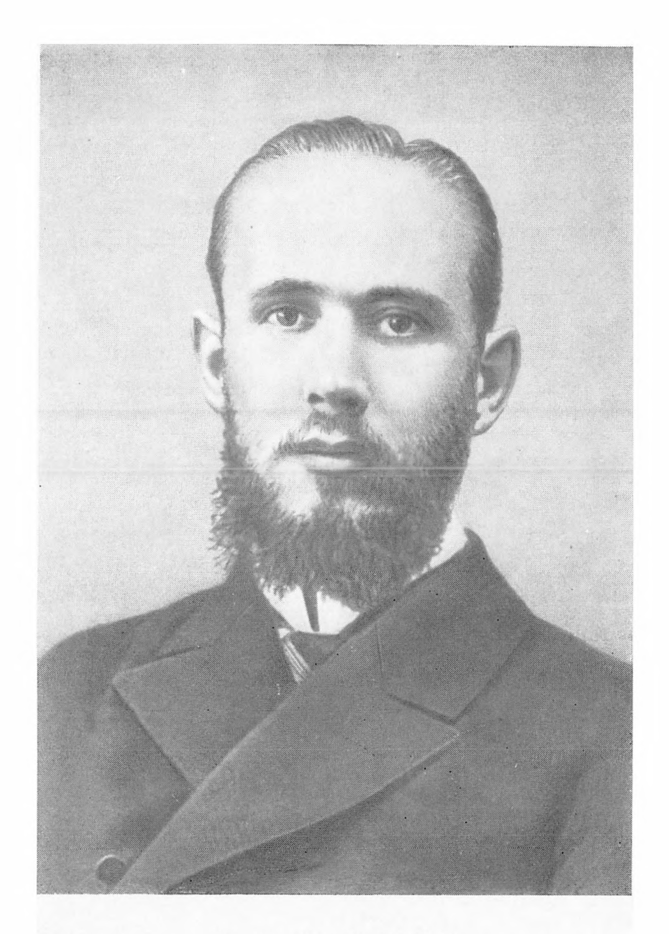
ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Н. Н. ДУРНОВО

Н. Н. ДУРНОВО

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1969

Книга представляет переиздание монографии выдающегося филолога-слависта, диалектолога и историка русского языка Н. Н. Дурново. Содержит наиболее полное описание письменных памятников XI—XVII вв. и характеристику восточнославянских диалектов.

Подготовка текста,
редактирование и комментарии

Л. Л. КАСАТКИНА, Т. С. СУМНИКОВОЙ

7-1-1
175, 69 (II)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Введение в историю русского языка» принадлежит выдающемуся филологу-славису, диалектологу и историку русского языка Н. Н. Дурново. Вышедшая в Брно в 1927 г. эта книга у нас стала сразу же библиографической редкостью. До настоящего времени труд Н. Н. Дурново практически не был доступен широкому кругу специалистов. Между тем книга и сейчас продолжает оставаться важным пособием в научных исследованиях.

Основу книги составляют первые две главы. В главе I дан обзор памятников XI—XVIII вв. Приведено и описано 280 рукописей, в основном восточнославянского происхождения. В отличие от всех предшествовавших и последующих сводов памятников обзор Н. Н. Дурново содержит указания на диалектную принадлежность рукописей, их публикации и указания на работы, посвященные их лингвистическому исследованию, иногда с оценкой этих работ. Ценна для современного исследователя и содержащаяся в книге классификация памятников по происхождению (оригинальные и переводные) и по их жанровой принадлежности.

Глава II. Нынешние русские наречия и говоры — подводит итог целому этапу, связанному с деятельностью Московской диалектологической комиссии, развернувшей широкое изучение диалектов восточнославянских языков. Здесь Н. Н. Дурново расширил и уточнил наблюдения и выводы «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» и «Очерка русской диалектологии» (1915), одним из авторов которых он являлся.

При подготовке данного издания все дополнения, поправки и примечания Н. Н. Дурново, составлявшие в первом издании

книги особый раздел, внесены в соответствующие места, указанные Н. Н. Дурново, и отмечены квадратными скобками. Заново составлен «Указатель памятников» и уточнен «Грамматический указатель». Раздел «Сокращения в названиях учреждений, архивов и рукописных собраний» пополнен названиями учреждений, в которых в настоящее время хранятся рукописи, упомянутые у Н. Н. Дурново. «Указатель источников, названных сокращенно, неполно или неточно» сокращен за счет работ, упомянутых в книге 1—2 раза (названия таких работ внесены в соответствующие места текста) и дополнен рядом названий, неоднократно встречающихся в тексте и приведенных в первом издании неполно или неточно. Поэтому в настоящем издании название указателя изменено: «Источники, названные сокращенно или неполно».

В первом издании к картам № 2—4 были добавлены кальки с дополнительной географической и лингвистической нагрузкой. В настоящем издании эта нагрузка с калек перенесена на основные карты. Города, переименованные после выхода первого издания, на картах настоящего издания не показаны.

Авторский текст дается в современной орфографии. Орфография примеров сохранена без изменений. В первом издании примеры были даны в разрядку. В настоящем издании такие примеры, а также буквы, обозначающие звуки, переведены в курсив.

Унифицированы, где это оказалось возможным, способы сокращения лингвистических терминов, названий собраний рукописей, книгохранилищ и библиотек, названий памятников, упомянутой литературы и некоторых других слов в тексте автора. Однако в тех случаях, когда автор употребляет те же термины, названия и т. д. полностью, они оставлены без сокращения. Раскрыты многие сокращения в тексте книги, затруднявшие чтение или не принятые в настоящее время.

Вся библиография заново выверена и исправлена. Явные ошибки, в том числе в библиографии, исправлены без оговорок. В ряде случаев в ломаных скобках редакторами даны добавления разъясняющего и дополняющего характера. Примечания помещены либо в низу страницы (под буквой русского алфавита), либо в конце книги (на странице — отсылка: арабская цифра в квадратных скобках).

В связи с тем, что за время, прошедшее после выхода первого издания, места хранения многих рукописей или их шифры изменились, в подстрочных примечаниях сообщаются современные места хранения и шифры рукописей. Шифры, указанные Н. Н. Дурново, приведены во всех случаях, так как рукописи в старых изданиях описаны под этими шифрами.

В наших добавлениях к главе I указаны новые издания названных Н. Н. Дурново памятников и работы, посвященные лингвистическому исследованию каждого из них. (Тезисы докладов не приводятся, автореферaты указаны в основном при отсутствии публикации по диссертациям).

За последние 40 лет, прошедшие после выхода книги Н. Н. Дурново, в области восточнославянской диалектологии проделана огромная работа. Наряду с описаниями отдельных говоров или диалектных особенностей созданы и обобщающие труды. Эти работы приведены в библиографических указателях и списках, названных в примечаниях к главе II.

При подготовке настоящего издания работа по главе I и библиографические дополнения к ней проведены Т. А. Сумниковой, по главе II — Л. Л. Касаткиным, остальная работа проведена совместно. Библиография трудов Н. Н. Дурново составлена Л. И. Почкай.

Считаем приятным долгом поблагодарить Р. И. Аванесова за ценные советы по редактированию и комментированию настоящей книги, А. И. Кузьмина, активно содействовавшего переизданию труда Н. Н. Дурново, В. Л. Микитася, Н. Н. Розова и Н. Б. Тихомирова за помощь в библиографических разысканих, а также всех тех, кто в той или иной мере советом или делом помог в работе над новым изданием книги.

Редакторы

Посвящается
незабвенной памяти
корифея русской науки
А. А. ШАХМАТОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Во время весеннего семестра 1926 г. в качестве гостя я читал курс истории русского языка на философском факультете университета им. Масарика в Брно. Из-за ограниченности во времени я должен был остановиться на вводной части своего курса, а именно на обзоре источников истории русского языка, на изложении методов исторического исследования языка и на некоторых явлениях так называемой праславянской эпохи. Этот труд представляет собой расширенную переработку моих лекций. Я делю его на два тома. Первый том, выходящий теперь, содержит обзор источников истории русского языка, второй том будет содержать методологические замечания и объяснения некоторых явлений так называемой праславянской эпохи, относительно которых мое мнение отличается от мнений других славистов, а также историю развития церковнославянского языка русской редакции в XI и XII вв.

Выражение «русский язык» имеет несколько значений. В самом широком смысле слова оно обозначает язык всего русского народа или всех восточных славян во всех его различиях местных, классовых и функциональных. В более узком смысле это выражение означает только литературный русский язык, исключая не только все разговорные русские наречия, но и другие литературные языки, которые находятся в употреблении у некоторых частей русского народа, а именно язык украинский, а в последнее время и литературный белорусский и карпаторусский язык [1].

---

[1] Следует заметить, что некоторые славянские языковеды, особенно украинисты и белорусисты, не любят употреблять выражение «русский язык» в указанном самом широком смысле потому, что современные диалекты русского языка отличаются друг от друга настолько, что едва ли можно говорить о них как о едином языке, а скорее как о самостоятельных языках. Эти самостоятельные языки они называют не «русскими», а «восточнославянскими», а термин «русский» они оставляют только для великорусского языка и для литературного русского языка.

SPISY FILOSOFICKÉ FAKULTY MASARYKOVY UNIVERSITY V BRNĚ

OPERA FACULTATIS PHILOSOPHICAE UNIVERSITATIS MASARYKIANAE BRUNENSIS

ŘÍDÍ JUL. GLÜCKLICH, FRANT. NOVOTNÝ A FRANT. TRÁVNÍČEK

ČÍSLO 20

НИКОЛАЙ ДУРНОВО

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

Часть I

ИСТОЧНИКИ

1. Письменные памятники — 2. Нынешние русские диалекты

NIKOLAJ DURNOVO

ÚVOD DO DĚJIN JAZYKA RUSKÉHO

Díl I

PRAMENY

1. Písemné památky — 2. Nynější ruská nářečí

BRNO 1927
VYDÁVÁ FILOSOFICKÁ FAKULTA
S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVÍ A NÁRODNÍ OSVĚTY
V KOMISI KNIHKUPECTVÍ A. PÍŠA V BRNĚ, ČESKÁ 28

Титульный лист первого издания

Равно и выражение «история русского языка» мы можем употреблять в двух значениях: история русского языка в широком смысле, как совокупность всех отдельных русских языков и наречий, или история того литературного языка, который обычно называется «русский». В первом, широком смысле историю русского языка следует начинать с так называемой праславянской эпохи, когда впервые в общеславянском языке возникли диалектные особенности, которые после распада этого языка стали особенностями русского языка. При этом следует учитывать все наречия русского языка. История же литературного русского языка начинается только с эпохи возникновения русской письменности, и отдельные русские диалекты важны для историка русского литературного языка лишь постольку, поскольку они принимают какое-то участие в создании и развитии литературного русского языка. В этом «Введении» я прослеживаю историю разговорного русского в самом широком смысле, но касаюсь также и истории русского, украинского и белорусского литературных языков.

В последнее время некоторые языковеды придерживаются отрицательной точки зрения в отношении чисто исторического исследования языка. Они говорят, что основной целью научного языкового исследования является познание системы языка в целом. Этого же якобы можно достичь лишь при помощи синхронического, а ни в коем случае диахронического изучения языка, поскольку каждый язык только с синхронической точки зрения является целым, все части которого находятся в тесной взаимосвязи и образуют одну реальную систему; изменения же, возникающие в языке с течением времени, не являются сами по себе изменениями языковой системы, а лишь отдельными фактами, часто случайными и не находящимися в какой-либо связи друг с другом [2].

Я убежден, что эти языковеды правы, когда они говорят о значении и цели научного синхронического языкового исследования, но я решительно не могу согласиться с их взглядом на сущность исторического развития языка; они представляют себе это развитие как ряд изменений, которые в то время, как нам кажется, что они касаются часто только единичных языковых фактов, все же неизбежно связаны со всей языковой системой и обусловлены этой системой. Поэтому история языка является не наукой об отдельных сепаратных изменениях в языке, а наукой об изменении самого языка как системы и является в науке о языке не менее важной частью, чем синхроническое изучение языка, поскольку они одинаково оперируют с языковой системой как целым.

---

[2] De Saussure. Cours de la linguistique générale publié par Bally et Sechehauye. 2-e ed. Paris, I p., chap. III, § 2, За j. стр. 117.

Перед обзором источников истории русского языка я привожу в § 3—7 краткие данные о современных литературных языках, используемых русским народом, а именно о языке собственно русском и о языках украинском, белорусском и карпаторусском, о их происхождении и отношении к живым наречиям. Я ничего не говорю здесь о народных говорах, поскольку я даю подробный обзор этих говоров во второй главе этой книги. В библиографических примечаниях к § 3—7 я привожу лишь те работы, которые касаются вопросов происхождения и становления литературных русских языков; работы, содержащие лишь описание их современного состояния без упоминания о их происхождении или отношении к живым наречиям, как, например, работы В. А. Богородицкого, С. И. Карцевского, Р. Кошутича, А. Мазона, Л. В. Щербы и других о литературном языке, здесь не приводятся.

Источником истории русского языка являются: 1) письменные памятники, 2) современный живой разговорный язык русского народа во всех его ответвлениях и видах, 3) слова и формы иностранных языков, заимствованные из русского языка и 4) письменные свидетельства иностранцев о русских, содержащие русские имена, слова и выражения. Помимо этого для более поздней эпохи истории русского языка, начиная с XV в., мы имеем ряд грамматических работ о русском языке, русских и иностранных, и словарей с переводом русских слов на иностранные языки. Принимая во внимание эти разные источники, I том моего «Введения» содержит четыре главы: 1) обзор письменных памятников, 2) обзор и краткое описание современных русских наречий [3], 3) краткие сведения об элементах русского языка в других языках и 4) обзор иностранных свидетельств о русском языке. В этом «Введении» я не рассматриваю старинных грамматических работ о русском языке, хотя и признаю их ценными источниками для истории русского языка XV—XIX вв., так как эти работы до сих пор надлежащим образом не исследованы [4].

---

[3] Кроме говоров, т. е. местных ответвлений языка, существуют и другие различия, а именно классовые, или специальные (třídní, resp. odborové), и функциональные различия в языке. Я почти не касаюсь этих различий в своей книге, хотя и считаю их исследование важным для истории русского языка. О различиях в народной речи, обусловленных классовым дроблением населения, почти нет никаких других работ, кроме работы проф. Д. К. Зеленина. Различиями функциональными (например, различиями между речью эмоциональной и интеллектуальной, между языком поэтическим и повседневным, между койне и арго, между языком фольклорным и разговорным, церковным и светским, литературным и разговорным и между различными видами литературного языка) только в последнее время стал заниматься ряд русских ученых, по большей части младшего поколения [1].

[4] См.: С. К. Булич. История языкознания в России, I (XIII в. — 1825 г.) Пг., 1904 (А. И. Соболевский. [Рец.]. — РФВ, т. 53); И. В. Ягич. Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Пг., 1895 (Исследования по русскому языку, 1);

Сохранившихся письменных памятников русского языка чрезвычайно много. Многие из них до сих пор неизвестны даже специалистам, и только незначительная часть их издана и исследована в научном отношении со стороны графической и языковой. При таких условиях весьма трудно дать подробнейший обзор письменных памятников русского языка и поэтому я ограничиваюсь приблизительной характеристикой различных видов этих памятников. Здесь я прилагаю списки: а) опубликованных русских надписей вплоть до половины XIII в., б) рукописей, в основном опубликованных или более или менее исследованных в графическом и языковом отношении большей частью раннего времени, и в) русских переводов и оригинальных сочинений вплоть до XIV в. Поэтому в библиографическом отделе я привел из изданий древних текстов в основном самые важные или самые доступные, а из монографий, посвященных отдельным памятникам, исключил те, которые, по моему мнению, не могут дать правильного представления о языке или графике этих памятников.

Во второй главе я даю обзор основных фонетических и морфологических, а иногда и некоторых лексических особенностей русского языка в целом, равно как и особенностей отдельных русских наречий, и отмечаю, которые из этих особенностей являются общими для русского языка или его диалектов и той или иной части других славянских языков. Я даю здесь только перечисление отдельных черт и почти не касаюсь вопроса о их взаимосвязи и причинах, способствующих частичному совпадению русского языка или некоторых его диалектов с другими славянскими языками. Точное определение этого, поскольку эти совпадения обусловлены общим прошлым или одинаковыми предпосылками, которые возникли в процессе самостоятельного развития русского языка, должно было бы быть целью дальнейшего исследования. Обзор русских наречий в данной книге более подробный, нежели в Трудах Московской диалектологической комиссии [5], и отличается от него тем, что моя классификация русских диалектов не совпадает полностью с классификацией на карте вышеуказанной комиссии. Я не описываю границ территории русского языка и отдельных наречий, так как они обозначены на прилагаемых диалектных картах.

Я прилагаю ко второй главе четыре диалектные карты. Первая из них — карта всей территории русского языка в Европе — имеет преимущественно ориентировочное значение и представ-

---

Он же. История славянской филологии. Пг., 1910 (Энциклопедия славянской филологии, 1). — Некоторые грамматики русского языка XVII и XVIII вв. не приведены ни у С. К. Булича, ни у И. В. Ягича.

[5] Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии. Составили Н. Н. Дурново, М. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. М., 1915. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. 5 (РФВ, т. 74).

ляет собой с некоторыми исправлениями уменьшенную копию с карты Московской диалектологической комиссии. Другие карты — карты отдельных русских наречий — даны по одинаковому плану. На карте № 2 — южновеликорусских наречий — и № 3 — белорусских — обозначена территория различных видов аканья [6] и границы отдельных диалектных черт; на карте № 4 — малорусского языка, выполненнной по образцу карты В. М. Ганцова, я обозначаю не территории или границы отдельных черт, а лишь территории основных наречий малорусского языка, характеризующихся определенными диалектными чертами. В отличие от В. М. Ганцова [7], я выделяю карпатские диалекты в отдельную группу. Карта северновеликорусских, как и особая карта карпатских диалектов, до сих пор не готовы и будут приложены ко второй части «Введения». Из-за значительной неполноты диалектного материала, который был у меня под рукой, эти карты дают лишь приблизительную картину реального диалектного членения русских наречий. Однако для дальнейшего развития русской диалектологии нужны и подобные временные карты.

Главы третья и четвертая много меньше, чем две первые. Для того, чтобы правильно судить о словах и других языковых фактах, заимствованных из русского языка другими языками, а именно тюркскими (турецко-татарскими) [8], финскими [9], балтийскими [10] и другими, их нужно хорошо знать. Но я не владею достаточно хорошо этими языками, и поэтому в третьей главе я остановился лишь на замечаниях общего характера.

В последней главе (Свидетельства иностранцев о русском языке) я даю обзор преимущественно самых древних свидетельств, относящихся к эпохе перед возникновением русской письменности, ибо в них мы порой находим указания на те особенности русского языка, которых уже не было в нем в эпоху, когда возникло Остромирово евангелие. К известиям подобного рода принадлежат прежде всего известия арабских географов IX и X вв. и известия византийского императора Константина Багрянородного. Эти известия, хотя и содержат лишь несколько русских слов и имен, для истории русского языка особенно важны, потому что, как указал в превосходой лекции на II съезде византологов в Белграде в 1927 г. проф. Петар Скок, известия Константина о славянах очень точны, и все славянские слова даны у него в очень точной транскрипции.

---

[6] То есть произношением одинакового гласного, преимущественно *а* (хотя бы в первом слоге перед ударением) вместо этимологического *а* и *о*.

[7] В. М. Ганцов. Діялектологічна класифікація українських говорів. Київ, 1924 («Записки Україньскої Академії Наук», кн. 4).

[8] Татарским, чувашским, башкирским и др.

[9] Финским, карельским, эстонским, мордовским, марийским и др.

[10] Преимущественно литовским и латышским.

Я искренне благодарю профессорский коллектив и редакционную коллегию «Трудов факультета», в первую очередь г. декана проф. Ю. Глюклиха и гг. проф. А. Новака и Ф. Новотного, а также г. заместителя декана проф. М. П. Гашковца за благосклонное принятие моей книги для издания в «Трудах философского факультета университета им. Масарика» в Брно. Г. проф. Ф. Травничку я весьма признателен за многие советы, исправления и, главным образом за самоотверженное чтение трудных корректур. Я благодарю г. доктора М. Ногу, ассистента славянского семинара в Брно, и г. В. Тукалевского, директора Славянской библиотеки в Праге, за помощь в работе над библиографией. Наконец, я очень признателен своим младшим коллегам и ученикам за многочисленные научные споры по различным языковым вопросам, которые порой были очень полезны для моей работы.

Н. Дурново

Брно, сентябрь 1927 г.

Перевод с чешского языка Г. Я. Романовой

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ. — английский
ап. — апостол
архиеп. — архиепископ
б. — бывший
болг. — болгарский
б.-р. — белорусский
в. кн. — великий князь
в.-луж. — верхнелужицкий
вост. — восточный
вост.-болг. — восточноболгарский
вост.-сл. — восточнославянский
вост.-укр. — восточноукраинский
в.-р. — великорусский
галиц. — галицкий
греч. — греческий
диалект(ич). — диалектический
др.-р. — древнерусский
ев. а. — евангелие апракос
ев. т. — евангелие тетр
ед. ч. — единственное число
еп. — епископ
зап. — западный
зап.-р. — западнорусский
зап.-сл. — западнославянский
карп.-р. — карпаторусский
каш. — кашубский
кн. — книга
л. — лист
ливск. — ливский
лит. — литовский
литер. — литература
митроп. — митрополит
монаст. — монастырь
м.-р. — малорусский
наз. — называемый
н.-луж. — нижнелужицкий
о.-и.е. — общеиндоевропейский
ок. — около
опис. — описал, описание
о.-р. — общерусский
о.-сл. — общеславянский
п. — пункт
патр. — патриарх
подляш. — подляшский (в южной части б. Гродненской губ. на запад от Кобрина и в сев. части б. Холмской губ.)
полес. — полесский (полесские говоры — северномалорусские; собственно полесские — те же, кроме подляшских)
полов. — половина
поль. — польский
пр. — прочие
преп. — преподобный
р. — русский
ред. — редакция, редактор
рец. — рецензия
ркп. — рукописный
ркпсь — рукопись
с.-б.-р. — севернобелорусский
св. — святой
с.-в.-р. — северновеликорусский
сев. — северный
сев.-р. — северорусский
сербохорв. — сербохорватский
сл., слав. — славянский
словац. — словацкий
словин. — словинский
с.-м.-р. — северномалорусский
собр. — собрание
ср.-в.-р. — средневеликорусский
старосербск. — старосербский
ст.-сл. — старославянский
у. — уезд
укр. — украинский
финск. — финский
црк. — церковный
цсл. — церковнославянский
чеш. — чешский
эст. — эстонский
ю.-б.-р. — южнобелорусский
ю.-в.-р. — южновеликорусский
ю.-зап. — югозападный
ю.-м.-р. — южномалорусский
ю.-р. — южнорусский
ю.-сл. — южнославянский
acc. — accusativus
gen. — genitivus
dat. — dativus

du. — dualis
sq. — singularis
imp. — imperativus
ind. — indicativus
inf. — infinitivus
instr. — instrumentalis
cond. — conditionalis
loc. — locativus
m. — masculinum
n. — neutrum

nom. — nominativus
part. — participium
pass. — passivum
pl. — pluralis
praes. — praesens
praet. — praeteritum, прошедшее время
resp. — respective, соответственно
f. — femininum
fut. — futurum

СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ УЧРЕЖДЕНИЙ, АРХИВОВ И РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ

Акад. Наук — Российская (до 1917 г. императорская) Академия Наук (с 1925 г. — Академия наук СССР).
Арханг. собр. — рукописное собрание Московского Кремлевского Архангельского собора, теперь в Московском Историческом Музее.
Арх. Ком.— Археографическая (б. императорская Археографическая) Комиссия в Петрограде, теперь — при Академии Наук.
АМЮ — Московский Архив Министерства (с 1918 г. — Комиссариата) Юстиции.
‹БАН — Библиотека Академии наук СССР, в Ленинграде›.
Барс. — рукописное собрание Е. В. Барсова в Московском Историческом Музее.
Бычк. — рукописное собрание акад. А. Ф. Бычкова в Российской Публичной Библиотеке в Петрограде.
Вил. Г. Арх. — Виленский Городской Архив.
Вил. Пб. Б-ка — Виленская Публичная Библиотека.
Волокол. — рукописное собрание Иосифова Волоколамского монастыря в библиотеке б. Московской Духовной Академии (Сергиев Посад).
‹ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина, в Москве›.
‹ГИМ — Государственный исторический музей, в Москве›.
‹ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде›.
‹ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, в Москве›.
Дух Акад., см. Каз., Киев., Моск., Петр.
Каз. Дух. Акад. — Казанская Духовная Академия (см. также Солов.)
Кир.-Бел. — рукописное собрание Кириллова Белозерского монастыря в библиотеке Петроградской Духовной Академии, теперь в Российской Публичной библиотеке в Петрограде.
‹ЛГНБ — Львовская государственная научная библиотека›.
‹ЛГМУИ — Львовский государственный музей украинского искусства›.
‹ЛИМ — Львовский государственный исторический музей›.
МДК — состоящая при Академии Наук Московская Диалектологическая Комиссия, ныне Комиссия по диалектологии р. языка.
МИД — Министерство Иностранных Дел.
Моск. Археолог. О-во — Московское (до 1917 г. императорское Московское) Археологическое Общество.
Моск. Гл. Арх. — Московский Главный Архив (б. Московский Архив Министерства Иностранных Дел)
Моск. Дух. Акад. — б. Московская Духовная Академия в Сергиевом Посаде Московской губернии.
Моск. Ист. М. — Российский Исторический Музей в Москве.
Моск. Оруж. Палата — Московская Оружейная Палата (теперь коллекции Оружейной Палаты частью перенесены в Исторический Музей).

Моск. Рум. М. — Московский Публичный и Румянцевский музеи.
Моск. Син. Тип. — библиотека б. Московской Синодальной Типографии.
Никол. Единов. монаст. — библиотека Никольского Единоверческого монастыря в Российском Историческом Музее в Москве.
Н.-Иерус. — рукописное собрание Новоиерусалимского Воскресенского монастыря Московской губернии в Российском Историческом Музее в Москве.
НТШ — Наукове Товариство імени Шевченка во Львове.
ОИДрР — Московское (б. императорское Московское) Общество Истории и Древностей Российских.
ОЛДрП — Общество (б. императорское Общество) Любителей Древней Письменности в Петрограде.
Отд. р. яз. и словесн. — Отделение русского языка и словесности (иначе — Второе Отделение) Российской Академии Наук.
Патр. — рукописное собрание Патриаршей (или Московской Синодальной) библиотеки в Российском Историческом Музее в Москве.
Петр. Дух. Акад. — б. Петроградская Духовная Академия.
Петр. Пб. Б-ка — Российская (б. императорская) Публичная Библиотека в Петрограде.
Погод. — рукописное собрание М. Н. Погодина в Российской Публичной Библиотеке в Петрограде.
РГО — Русское Географическое Общество в Петрограде.
Риж. Г. Арх. — Рижский Городской Архив.
Рум. — рукописное собрание гр. Н. Ф. Румянцева в Московском Румянцевском Музее.
Син[од]., см. Патр.
Сокол. — рукописное собрание М. И. Соколова в ГИМ.
Солов. — рукописное собрание Соловецкого монастыря на Белом море; состояло из двух частей: а) бóльшая часть до 1926 г. находилась в библиотеке Казанской Духовной Академии, а b) небольшая часть до 1918 г. — в Соловецком монастыре.
Соф. — рукописное собрание Новгородского Софийского собора в Петроградской Духовной Академии, теперь в Российской Публичной библиотеке в Петрограде.
СССР — Союз Советских Социалистических республик.
Тип. — библиотека б. Московской Синодальной Типографии.
Тихонр. — рукописное собрание Н. С. Тихонравова в Московском Публичном (Румянцевском) Музее.
Толст. — рукописное собрание гр. Ф. А. Толстого в Российской Публичной Библиотеке в Петрограде.
Тр. Л. — библиотека Троицкой Лавры в Сергиевом Посаде Московской губернии.
Увар. — рукописное собрание графов Уваровых в Российском Историческом Музее в Москве.
Унд. — рукописное собрание В. М. Ундольского в Московском Публичном (Румянцевском) Музее.
Усп[енск]. собр. — рукописное собрание Московского Кремлевского Успенского собора в Российском Историческом Музее в Москве.
Хлуд. — рукописное собрание А. И. Хлудова (Никольского Единоверческого монастыря) в Российском Историческом Музее в Москве.
Царс. — рукописное собрание И. Н. Царского, составляющее часть рукописного собрания гр. Уваровых.
‹ЦБАН ЛитССР — Центральная библиотека Академии наук ЛитССР, в Вильнюсе›.
‹ЦБАН УССР — Центральная библиотека Академии наук УССР, в Киеве›.
‹ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, в Москве›.
Црк.-Археолог. Музей — Церковно-Археологический Музей при б. Киевской Духовной Академии.

‹ЦГИА Лат. ССР — Центральный гос. исторический архив Лат. ССР в Риге›.
‹ЦГИА СССР — Центральный гос. исторический архив СССР в Ленинграде›.
Чуд. — рукописное собрание Чудова монастыря в Московском Кремле, теперь — в Российском Историческом Музее в Москве.
‹Яросл. музей — Ярославско-Ростовский историко-архитектурный музей-заповедник в Ярославле›.

ИСТОЧНИКИ, НАЗВАННЫЕ СОКРАЩЕННО ИЛИ НЕПОЛНО

Д. И. Абрамович. Исследование о Киевско-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике. — Изв., т. 6, 1901, кн. 3, 4, т. 7, 1902, кн. 1, 2, 3, 4. ‹Изд. отдельно: СПб., 1902›.
Он же. Памятники и пр., см. Памятники древнерусской литературы.
АЕ — Архангельское Евангелие, см. § 31, № 6.
‹АМЮ, см. Описание АМЮ›.
AslPh — Archiv für slavische Philologie. Bd. 1—42. Berlin, 1875—1929.
АЮ — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археогр. Комиссиею. СПб., 1838.
Библиотека Московской Синодальной Типографии. Ч. I. Рукописи, вып. 1. Сборники. Опис. А. Орлов. М., 1896; вып. 2. Сборники и лексиконы. Опис. В. Погорелов. М., 1899; вып. 3. Псалтыри. Опис. он же. М., 1901; вып. 4. Материалы и оригиналы «Ведомостей». Опис. он же. М., 1903; вып. 5. Календари и святцы. Опис. А. А. Покровский. М., 1911; вып. 6. Проповеди. Опис., он же. М. 1912.
БПс — Бычковская псалтырь, см. § 31, № 22.
С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — Изв. т. 19, 1914, кн. 2, 3.
П. А. Бузук. Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў. Мінск, 1926 (Институт беларускай культуры, фольклёрна дыялекталёгічная камісія).
Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языков. М., 1861.
Л. Л. Васильев. К истории звука ѣ в московском говоре XIV—XVII веков. Главы 1—2. — Изв. т. 10, 1905, кн. 2.
Он же. Несколько данных для определения звукового качества буквы ѣ сравнительно с буквою е в памятниках XVII в. — Изв. т. 15, 1911, кн. 3.
Он же. Об одном случае смягченного звука *п* в общеславянском языке, явившегося не посредством следующего за ним древнего *j*. — РФВ, т. 70, 1913.
Он же. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI и XVII веков. — РФВ, т. 78, № 3—4, (1917), 1918. Начало работы: «Введение», гл. 1—4. ‹Полностью изд.: Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929. (Сборн. по русск. яз. и словесности, т. 1, вып. 2)›
Он же. С каким звуком могла ассоциироваться буква неиотированный юс малый (ѧ) в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников. — РФВ, т. 69, 1913.
В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия. Вып. 1. Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии. — Изв., т. 24 (1919), кн. 1, 1921, кн. 2, 1923.
Он же. К истории лексики русского литературного языка. — «Русская речь». Сборн. статей под ред. Л. В. Щербы. Новая серия. I. Л., 1927.

Он же. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. — «Русская речь». Сборн. статей под ред. Л. В. Щербы. I. Пг., 1923.

Weingart. Byzantské kroniky v literatuře cirkevnoslovanské. Čast I. Bratislava, 1922 (Spisy filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě, č. 2). Čast II, oddil 1 a 2. Bratislava, 1923 там же, č. 4).

М. С. Возняк. Історія української літератури, т. 1—3. Львів, «Просвіта», 1920—1924.

Он же. Старе українське письменство. Вибір для середніх шкіл. Львів. 1922.

Г. Воскресенский. Древнеславянский Апостол. Послания св. апостола Павла по основным спискам четырех редакций рукописного апостольского текста. Вып. 1. Послание к римлянам. Сергиев Посад, 1892; вып. 2. Первое послание к коринфеянам, 1906; вып. 3. Второе послание к коринфеянам, послания к галатам и ефесянам, 1908.

Он же. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей евангелия XI—XIV вв. Сергиев Посад, 1894.

А. Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842.

В. М. Ганцов. Діалектологічна класификація українських говорів. — Записки Історично-Філологичного Відділу Української Академії наук, кн. 4. Київ, 1924.

ГБ — Тринадцать слов Григория Богослова, рукопись XI в., см. § 31, № 13.

ГЕ — Галицкое Евангелие (Четвероевангелие) 1144 г., см. § 31, № 28.

[П. А. Гнедич]. Материалы по народной словесности Полтавской губернии. Роменский уезд. Вып. 1. Песни обрядовые; вып. 2, ч. 1 и 2. Песни необрядовые. Полтава, 1915.

Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. 1. Период первый, Киевский, или Домонгольский, 1-я полов. тома, М., 1880, 2-я полов. тома, М., 1881, т. 1, изд. 2-е, М., 1901—1902. Т. 2. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. 1-я полов. тома, М., 1900, 2-я полов. тома, М., 1911.

[А. В. Горский и К. И. Невоструев] Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 1. Священное писание, М., 1855; отд. 2, ч. 1. Толкование священного писания. М., 1857; ч. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859; ч. 3. Разные богословские сочинения. Прибавление. М., 1862. Отд. 3, ч. 1. Книги богослужебные. М., 1869; ч. 2. Продолжение (ред. Н. Попов). М., 1917.

А. Д. Григорьев. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Томск, 1921 (Изв. Института исследования Сибири, № 6. Труды Истор.-Этнограф. Отд., № 1).

Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Berlin—Leipzig, с 1925.

«Древности». Труды Славянской Комиссии имп. Московского Археологического Общества, т. 1. М., 1895; т. 2. М., 1898; т. 3. М., 1902; т. 4. М., 1906; т. 5. М., 1911.

Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1. Южновеликорусское наречие, вып. 1, М., 1917 (Труды МДК, вып. 6), вып. 2 [б. м.] тип. Шамординской женской пустыни, Калужской губ. 1917 (обл. 1918) (Труды МДК, вып. 7).

Он же. Материалы и исследования по старинной русской литературе. 2. Житие свв. Конона Исаврийского и Марины Писидийской. — Записки имп. Харьковского ун-та, 1914, № 3—4, 1915, № 3—4 <не окончено>.

Он же. Очерк истории русского языка. М., 1924.

Он же. Русские рукописи XI—XII в. как памятники старославянского языка. — JФ, IX (1924) и X (1925—1926)

Он же. Хрестоматия по истории русского языка. Памятники XI—XV вв. М., 1914.

Он же. Хрестоматия по малорусской диалектологии. М., 1913.
ЕК — Ефремовская Кормчая XII в., см. § 31, № 63.
ЕПс — Евгениевская Псалтырь XI в., см. § 31, № 20.
ЖК — Житие Кондрата XI в. см., § 31, № 18.
ЖМНПр — Журнал Министерства Народного Просвещения. Выходил ежемесячно до конца 1917 г. Петроград.
ЖСт — Живая Старина. Периодическое издание Отделения Этнографии имп. Русского Географического Общества. Петроград. 1890—1916.
ЖФ — Житие Феклы, XI в., см. § 31, № 19.
Зап. — записки.
Зап. Акад. Наук — Записки Российской Академии Наук. Петроград.
Зап. Історично-Філологічного Відділу Української Академії Наук. Київ, с 1919 г., непериодическое издание.
Зап. Укр. Акад. Наук — Записки Історично-Філологічного Відділу и пр., см. выше.
Зап. И. Харьк. Ун-та — Записки имп. Харьковского Университета (выходили ежемесячно).
Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных. В связи с течением позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.
Он же. Описание рукописей ученого архива имп. Русского Географического Общества, вып. 1. СПб., 1914, вып. 2, Пг., 1915, вып. 3, Пг., 1916 (не окончено).
И 73 — Изборник 1073 г., см. § 31, № 2.
И 76 — Изборник 1076 г., см. § 31, № 3.
Изв. — Известия Отделения русского языка и словесности Российской до 22 т. — императорской) Академии Наук (с 30 т. — Академии Наук СССР), с 1896.
Известия и. Академии Наук по Отделению русского языка и словесности, 1852—1863 гг., 10 томов.
Исследования по русскому языку, изд. Отделением русского языка и словесности Академии Наук, т. 1—3. СПб., 1895—1914.
Ипат. — Ипатьевская летопись, см. § 31, № 221.
В. М. Истрин. (Рец.). Критический отзыв о сочинениях Григорьева и Вилинского. — ЖМНПр, 1914, июль.
Он же. Замечания о начале русского летописания. — Изв., т. 26 (1921), 1923; т. 27 (1922), 1924.
IF — Indogermanische Forschung. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. Bd. I (1892) — XLI (1923) — Strassburg, Bd. XLII (1924) — Berlin—Leipzig.
ЈФ — Јужнословенски филолог. Повремени спис за словенску филологију и лингвистику, уређује А. Белић. Београд, с 1913 г.
Н. Н. Каринский. Очерки из истории псковской письменности и языка. 2. Мусин-Пушкинская рукопись Слова о полку Игореве как памятник псковской письменности и языка. — ЖМНПр, 1916, декабрь.
Он же. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925.
Он же. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языку. Изд. 2. СПб., 1911.
Он же, Шестоднев. — Н. Н. Каринский. Очерки по истории псковской письменности и языка. 1. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г. — ЖМНПр, 1916, август.
Он же. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
Е. Ф. Карский. Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903; Т. II. Язык белорусского племени. Ч. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908; Ч. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911; Ч. 3. Очерки синтаксиса белорусского

наречия. Добавления и поправки. Варшава, 1912; Т. III. Очерк словесности белорусского племени. Ч. 1. Народная поэзия. М., 1916; Ч. 2. Старая западнорусская письменность. Пг., 1921; Ч. 3. Художественная литература на народном языке. Пг., 1922 [1а].
Он же. Очерк[1] — Е. Ф. Карский. Очерк славянской кирилловской палеографии (из лекций, читанных в Варшавском университете). Варшава, 1901.
Он же. Очерк[2] — То же, изд. 4. Варшава, 1913.
КИ — Слова Кирилла Иерусалимского XI в., см. § 31, № 14.
КЛ — Куприяновские, или Новгородские, листки XI в. (Петр. Пб. Б-ка, F, п. I, № 58), изд. Каминский, Изв. т. 28, (1923), 1924.
Козма Индикоплов — Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886 (ОЛДрП, вып. 127).
Кормчая 1282 г., см. § 31, № 94.
Н. Костомаров. Памятники., см. Памятники старинной русской литературы.
А. Крымский. Украинская грамматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья, т. 2, вып. 1. М., 1907, т. 1, вып. 2, 6, М., 1908.
Лавр. — Лаврентьевская летопись, см. § 31, № 137.
Лебедев, см. § 35.
Лет. Зан. — Летопись занятий имп. Археографической Комиссии.
Н. Лисицын. Первоначальный славянорусский Типикон. Историко-археологическое исследование. СПб., 1911.
Лихачев. Сб., см. § 35.
Х. М. Лопарев. Слово о св. патриархе Феостирикте. К вопросу о 29-м февраля в древней литературе. СПб., 1893 (ПДрП, 94).
М 95 — Служебная Минея за сентябрь, 1095 или 1096 г., см. § 31, № 5.
М 96 — то же за октябрь, 1096 г., см. § 31, № 6.
М 97 — то же за ноябрь, 1097 г., см. § 31, № 7.
МЕ — Мстиславово Евангелие, до 1117 г., см. § 31, № 26.
Мейчик, см.. § 35.
Миросл. Ев. — Мирославово Евангелие, сербское, конца XII в.
Мст. гр. — Мстиславова грамота, дарственная в. кн. Мстислава Володимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю, около 1130 г.
К. Э. Напьерский. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв., найденные в Рижском Архиве. СПб., 1857.
Он же. Русско-Ливонские акты. СПб., 1868.
Нач. Летоп. — Начальная летопись.
Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное изд. СПб., 1906.
С. П. Обнорский. К истории словообразования в русском литературном языке. — Сб. «Русская речь», I. Новая серия. Л., 1927.
ОЕ — Остромирово Евангелие, 1056 г., см. § 31, № 1.
(Описание) АМЮ — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции. Кн. 1—21. СПб., 1869—1916.
Опыт МДК — Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением Очерка русской диалектологии. Сост. Н. Н. Дурново, М. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. М., 1915 (Труды МДК, вып. 5)
А. С. Орлов. Библиотека., см. Библиотека Московской Синодальной Типографии.
Он же. Лекции по истории древнерусской литературы. М., 1916.
ПА — Пандекты Антиоха, XI в., см. § 31, № 16.
Памятники древнерусской литературы (изд. Отделения русского языка и словесности Академии Наук), 1. Жития преп. Аврамия Смоленского и службы ему. К изд. приготовил С. П. Розанов. СПб., 1912;

2. Жития свв. Бориса и Глеба и службы им. К изд. приготовил Д. М. Абрамович. Пг., 1916.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Под ред. Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи, вып. 1—2. СПб., 1860; вып. 3—4, СПб., 1862.

ПДрП — Памятники древней письменности и искусства, издаваемые Обществом Любителей Древней Письменности.

В. Н. Перетц. К изучению Слова о полку Игореве. — Изв. т. 28 (1923), 1924, т. 29 (1924), 1925.

Е. В. Петухов. Русская литература, изд. 3-е. Пг. 1916.

ПМ — Путятина Минея, XI в., см. § 31, № 21.

Пов. врем. лет — Повесть временных лет.

Погорелов. Псалтыри, см. Библиотека Синодальной Типографии.

Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. I. Южновеликорусские говоры. — Труды МДК, вып. 2, 1910; II. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры. — Труды МДК, вып. 3, 1914.

ПСРЛ — Полное Собрание русских летописей. Изд. имп. Археографической Комиссии, с 1918 г. Российской Академии Наук.

РЕ — Кирилловская часть Реймского Евангелия.

RÉSl — Revue des études slaves. Paris, с 1921 г.

РИБ — Русская Историческая Библиотека, издававшаяся и. Археографической Комиссией.

‹РЛА — К. Э. Напьерский. Русско-Ливонские Акты, СПб., 1868.›

Розанов. Памятники.., см. Памятники древнерусской литературы.

Rsl—Rocznik slavistyczny. Kraków, позднее: Kraków—Warzawa—Wrocłav.

«Русская речь». Сб. статей под ред. проф. Л. В. Щербы. I. Изд. Фонетического Института практического изучения языков. Пг., 1923. То же. Новая серия. I. «Academia». Л., 1927.

РФВ — Русский Филологический Вестник. Научно-педагогический журнал, т. 1—78, 1879—1918 гг. (т. 1—73 — Варшава, т. 74—76 — Москва, т. 77 — Петроград, т. 78 — Казань).

Сав. — Савина книга, X—XI в., старославянская рукопись с русскими дополнениями конца XI в., см. § 31, № 23.

Сахаров. Образцы — [И. П. Сахаров.] Образцы древней письменности. Снимки судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XII—XVII вв.). [СПб., 1849].

Сб. — Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. С 1867 по 1926 г. вышел 101 том.

Сб. Ламанск. — Сборник статей по славяноведению, посвященных . . . проф. В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности, ч. 1. СПб., 1907; ч. 2, СПб., 1908.

Сборник XIII в. попа Драголя — сербский рукописный сборник, писанный попом Драголем, принадлежавший проф. Срећковићу; описан М. И. Соколовым. Материалы и заметки по старинной славянской литературе, 1—5, 1888.

Сборник Муханова. М., 1836; изд. 2-е. — Каталог актов XIV, XV, XVI и XVII вв., принесенных в дар Московскому Публичному Музею П. А. Мухановым. СПб., 1865.

<А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск., 1921.›

Slavia, časopis pro slavanskou filologii v Praze, с 1922 г.

А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е М., 1907.

Он же. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — Сб., т. 88, № 3, СПб., 1910.

Он же. Особенности русских переводов домонгольского периода. В кн.: Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии (см. выше).

Он же. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
Он же. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е. СПб., 1908.
А. Соболевский и С. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. Изд. С.-Петербургского археологического института. СПб., 1903.
СГГрД — Собрание Государственных Грамот и Договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел, ч. 1—5. М., 1813—1894.
М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. Пособие к лекциям в университете. Ч. 1. Введение. Киевский период. Изд. 3-е. М., 1920; Ч. 2. Московский период. Изд. 3-е, М., 1921.
Он же. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. (Русские памятники на юге славянства). — Изв., т. 26 (1921), 1923. <Переиздано В. Д. Кузьминой в сб.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 7—54.>
СПт.—Синайский Патерик, XI в., см. § 31, № 15.
И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрение. СПб., 1863, изд. 2-е. СПб., 1882.
Он же. Древние памятники, 2. — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). Приложение. Снимки с памятников. СПб., 1866. Изд. 2-е В. И. Срезневского, дополненное. СПб., 1898.
Он же. Сведения и Заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № 1—40. — Сб., т. 1, № 6—9, СПб., 1867; № 41—65. — Сб. т. 12, № 1, СПб., 1874; № 66—80. — Сб., т. 15, № 2, СПб., 1876; № 81—90. — Сб. т. 20, № 4, СПб., 1879; № 91 — Сб. т. 22, № 5, СПб., 1881.
ТЕ 1 — Типографское Евангелие, № 1, XII в., см. § 31, № 33.
Тихонравов. Летописи — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Н. Тихонравовым, т. 1—5. М., 1863.
Он же. Памятники отреченной русской литературы, т. 1. СПб., 1863; т. 2. М., 1863.
ТЛ — Туровские евангельские листки, см. § 31, № 12.
W. Thomsen. Ursprung des russischen Staates. Gotha, 1879.
Н. С. Трубецкой. Einiges über die russische Lautentwiklung und die Auflösing der gemeinrussischen Spracheinheit. — ZslPh, I, 3—4.
Он же. О-сл. элемент в р. культуре — Н. С. Трубецкой. Общеславянский элемент в русской культуре.— В кн.: Н. С. Трубецкой. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927, с. 54—94.
Труды МДК — Труды Московской Диалектологической Комиссии, вып. 1. Варшава, 1908; вып. 2. Варшава, 1910; вып. 3. Варшава, 1914; вып. 4. Памяти . . . О. Е. Корша. Варшава, 1915; вып. 5. Опыт диалектологической карты. . . Варшава, 1915; вып. 6. Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания. . . М., 1917; вып. 7. То же. Шамордина пустынь, 1918; вып. 8. М., 1919; вып. 9. Л., 1927.
У 142 — Отрывок церковного устава и Кондакарь, XI в., см. § 31, № 24.
У 330 — Церковный Устав Патриаршей библиотеки, XII в., см. § 31 № 62.
Уложение, по которому суд и расправа во всяких дѣлах в Российском Государстве производятся, сочиненное и написанное повелением царя и великого князя Алексея Михайловича. М., 1649.
Унив. Изв. — Университетские известия — ежемесячный журнал, издававшийся Киевским университетом до 1918 г.
УС — Успенский Сборник, XII в., см. § 31, № 66.
Филологические записки. Журнал, основанный Хованским. Воронеж.
Христианская топография, см. Козма Индикоплов.
Хут. гр. — Хутынская грамота, вкладная Варлаама Хутынского Новгородскому Хутынскому монастырю, около 1192 г., см. § 36.
ZslPh — Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, с 1924.
ЧПс — Чудовская Псалтырь, XI в., см. § 31, № 17.

Чт. в ОИДрР — Чтения в имп. Московском Обществе Истории и Древностей Российских.
А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.
Он же. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
Он же. Корсунская легенда о крещении Владимира.— В кн.: Сб. Ламанск., ч. 2, ‹см. выше›.
Он же. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. — В кн.: Украинский народ в его прошлом и настоящем, ч. 2. Пг., 1916.
Он же. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925.
Он же. Очерк древнейшего периода истории звуков русского языка. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 11. Пг., 1915.
Он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
Он же. Русский язык. Его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития русского языка. — В кн.: История русской литературы до XIX в. Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1916.
О. О. Шахматов, А. Кримський. Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської староукраїнщини XI—XVIII вв. Київ, 1922; 2-е изд., Київ, 1924.
В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918 (на обложке — 1920). ‹Переизд.: М., 1967.›
ЭО=Этнографическое Обозрение, журнал, издававшийся Этнографическим Отделом Московского Общества Антропологии, Естествознания и Этнографии.
ЮЕ=Юрьевское Евангелие, около 1120 г., см. § 31, № 27.
В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889 (Сб. т. 46).
Он же. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. 1. СПб., 1885—1895.
Он же. Служебные минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь по рукописям Московской синодальной типографии, 1095—1097 гг. СПб., 1886 («Памятники древнерусского языка»).

ОБЪЯСНЕНИЕ ТРАНСКРИПЦИИ

Слова русских и других языков приводятся в обычном правописании, с отступлениями в пользу фонетической передачи лишь там, где это требуется, но звуки, их сочетания и формальные части слов даны в фонетической латинской транскрипции (поэтому, например, *c*, *p*, *y*=русским *ц*, *п*, *ы*).

Значения букв и знаков транскрипции: *c*=*р*. «ц», *ł*=р. «л» твердому, *x*=р. «х», *y*=р. «ы», *z*=р. «з», *č*, *š*, *ž*=р. «ч», «ш», «ж»; *w* — звонкий билабиальный фрикативный звук; *ə* — средний неокругленный гласный звук среднего подъема (в московском произношении — вместо *a*, *o* за слог до ударения и после ударения, в петроградском — вместо *a*, *o* безударных вообще); *ï* в м.-р. примерах в латинской транскрипции = «и» укр. азбуки; *ę*, *ǫ*—*e* и *o* носовые; *ě* — гласные старшего периода (о.-сл. и древне-р.), соответствовавшие ст.-сл. *ѣ*; γ — фрикативная звонкая задненебная согласная (в московском — в слове *господи*); кружок под буквой — слоговой характер звука, дуга — неслоговой; дуга над двумя буквами — их слитное произношение; *ᵘo*, *ⁱe* — так наз. «дифтонги», точнее гласные звуки неоднородной артикуляции, начинающейся с *u*, *i* и переходящей в *o*, *e*.

В литовских примерах «~» — восходящее ударение на долгом слоге, «ˋ» — ударение на кратком слоге.

В финском письме удвоение букв обозначает долготу звука.

В мадьярском письме «sz» читается как *s*.

В транскрипции арабских слов «â», «û», «î» — долгие гласные, «q» — так наз. эмфатическое *к* (более сильное и более заднее), «'» — слабый гортанный приступ, «ʿ» — сильный гортанный приступ.

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКИЕ ЯЗЫКИ

§ 1. В этой книге я пользуюсь термином «русский язык» в разных значениях: 1) в самом широком смысле для обозначения совокупности всех живых языков вост.-слав. ветви с момента их выделения из о.-сл. до настоящего времени, 2) в смысле «один из русских языков», т. е. один (любой) из языков вост.-слав. ветви, 3) в узком смысле, как название того литературного языка, за которым утвердилось название русского [1]. Употребление этого термина в ед. ч. в первом значении было бы неудобно по отношению ко всей совокупности нынешних р. языков, ибо в настоящее время они не представляют единства, равно как нет и общего для всех говорящих на них единого литературного языка. Но мы вправе пользоваться этим термином, говоря об истории р. языка: в прошлом они составляли один язык, и начальный период их истории принадлежит истории единого р. языка. Термин «русский» как в первом, так и во втором значении я предпочитаю употребляемому некоторыми термину «восточнославянский», несмотря на некоторые неудобства, вызываемые употреблением первого в других более узких значениях: все восточные славяне в историческую эпоху всегда и везде называли и продолжают называть себя и свой язык русскими и ни одна из р. народностей не вправе присваивать это имя исключительно себе, равно как ни одной из них нет оснований отказываться от этого исторического имени, и менее всего таких оснований имеется для народности м.-р., непосредственного потомка той части р. народа, которая в домонгольскую эпоху по преимуществу именовалась Русью.

§ 2. Русский язык выделился из о.-сл. Народ, говоривший на о.-сл., в последний период жизни этого языка, продолжавшийся несколько веков, был расселен на обширном пространстве; связь между его частями была слабая и, повидимому, непостоянная.

---

[1] В украинской, а отчасти и русской печати русский язык часто отождествляется с великорусским.

Поэтому диалекты о.-сл. в этом периоде обнаруживали тенденцию к обособлению, и значительная часть особенностей, характеризующих отдельные группы слав. языков (ю.-сл., зап.-сл., вост.-сл.) и отдельные языки, возникла именно тогда. Тем не менее, известная, хотя и слабая связь между всеми диалектами о.-сл. продолжалась, и возникали явления, общие всем диалектам, довольно долго. Те слав. языки, которые выделились из о.-сл. при его распадении, большею частью, определились, как особые диалекты еще в о.-сл. эпоху; поэтому определение момента окончательного распадения о.-сл. затруднительно. Я, лично, принимая во внимание изложенное, склонен относить его окончательное распадение к сравнительно поздней эпохе, более поздней, чем возникновение значительной части индивидуальных особенностей отдельных слав. языков [2]. В истории р. языка можно различать три эпохи: 1. эпоху прарусскую, до его окончательного выделения из о.-сл.; к этой эпохе относится большая часть явлений, общих всем р. языкам, и некоторые явления не о.-р.; 2. эпоху общерусскую, после окончательного выделения р. языка из о.-сл., до окончательной утраты связи между отдельными р. языками; к этой эпохе относится завершение некоторых процессов, начавшихся еще в предыдущую эпоху, и немногие новые о.-р. явления; 3. эпоху самостоятельного развития отдельных р. языков.

Литература. 1. Шахматов. Очерк (введение); 2. Он же. Введение, с. 10—17; 3. Он же. До питання про початок української мови. «Україна», 1914, № 6; 4. Он же. Краткий очерк истории м.-р. (укр.) языка; то же в укр. переводе: Шахматов и Кримський. Нариси, с. 7—36; 5. Lehr-Spławiński. Stosunki pokrewieństwa jezyków ruskich. — RSl, IX, 1; 6. Трубецкой. Einiges; 7. Smalstockyj und Gartner. Grammatik der ruthenischien (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913, стр. 455—498 (ср.: Lehr-Spławiński [рец.]. — RSl, VII; Голанов. Изв., т. 19, кн. 3. Hujer — LF, XLIV, 444, и статью Шахматова в журнале «Україна», 1914, № 6.

[2] Подробнее об этом — в следующем выпуске. ‹Выпуск II в свет не вышел›.

РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ

§ 3. В настоящее время существует три русских литературных языка: 1. собственно русский, 2. украинский и 3. белорусский; сюда можно присоединить и попытки создания четвертого р. литературного языка — карпаторусского.

§ 4. Собственно русский литературный язык образовался путем долгой эволюции из цсл. р. редакции, употреблявшегося в качестве литературного в древней Руси и являвшегося р. видоизменением языка ст.-сл. Элементы живого р. языка проникали в него с самого начала р. письменности, в первые века (XI—XIII) из ю.-р. (именно — из Киевского κοινή), позднее, с XIV в., в Московской Руси — из московского говора, в Южной и Западной Руси из м.-р. и б.-р. Русский литературный язык получился из той редакции цсл. языка, которая была в употреблении в Московской Руси. Хотя в него во 2-й половине XVII в. влилось много элементов из цсл. языка ю.-зап. редакции, ю.-р. элементов в нынешнем литературном языке сохранилось немного. Часть их является продолжением традиции XI—XIII в., часть проникла в него из цсл. языка ю.-зап. редакции в XVII в. За вычетом этих немногочисленных ю.-р. элементов, нынешний р. литературный язык обнаруживает в своем составе двоякие элементы: произношение и формы словоизменения в общем совпадают с произношением и формами словоизменения московского говора, словарный же состав и словообразование, равно как и правописание, наполовину цсл. Несмотря на то, что элементов б.-р и м.-р. в р. литературном языке немного, он с полным правом может называться русским в смысле общерусского литературного языка, так как все время оставался и остается даже теперь, после революции, литературным языком всего р. народа. До революции он был языком государственных и земских учреждений, низших, средних и высших учебных заведений во всей России. Русские писатели и ученые не только из в.-р. губерний, но и из Украины и Белой Руси,

кроме немногих, писали свои работы на этом языке, и среди них мы находим имена горячих украинских и белорусских патриотов. Не только в России, но и в Галичине и в Закарпатской Руси многие местные писатели до последнего времени пользовались тем же языком.

Литература. Шахматов. Очерк, стр. 6—52; Он же. Русский язык; Соболевский. Русский литературный язык. — В кн.: Труды I съезда преподавателей русского языка военно-учебных заведений. СПб., 1904; Виноградов. Исследования, 281, сл; Он же. К истории лексики; Трубецкой. О.-сл. элемент в р. культуре; Обнорский. К истории словообразования.

§ 5. Развитие украинского литературного языка шло совершенно иначе. Он возник только в конце XVIII в. и не стоит в генетической связи ни с цсл. литературным языком ю.-р. писателей предшествующей эпохи, ни с собственно русским литературным языком, ни с предшествующими попытками писать на м.-р. (XV—XVIII вв.). В основу его легло вост.-укр. наречие м.-р.; элементов, не свойственных живой вост.-укр. народной речи, первые украинские писатели старались, по возможности, избегать, что им удавалось, пока литература на укр. ограничивалась стихами и повестями из украинского быта. Успешное развитие его задерживалось тем обстоятельством, что он не был принят ни в одном государственном или местном учреждении в России и оставался долгое время только языком немногих любителей народной речи. С 1876 г. в России начинаются преследования укр. языка. В этом году издан циркуляр, запрещающий печатание украинских книг правописанием, изобретенным Кулишем. В противовес русской внутренней политике австрийское правительство стало в Галичине поддерживать украинский язык, чтобы создать в России на Украине недовольство русским правительством. Деятельность австрийского правительства в связи с запретительной внутренней политикой России вызвала рост литературы и науки на укр. языке в Галичине; главный город Галичины Львов стал центром украинской культуры, к которому тянула и значительная часть украинской интеллигенции в России. Во Львове создалось «Наукове Товариство имени Шевченка», сыгравшее огромную роль в истории украинской культуры. Но быстрое развитие литературы и науки на украинском языке в Галичине привело к ненормальному развитию самого литературного украинского языка, в который вошло много чужих элементов, несвойственных живой народной речи, большею частью польских, частью немецких, благодаря чему он удалился от своей народной основы и утратил свое главное преимущество — близость к живой народной речи. Это обстоятельство вызвало среди украинской интеллигенции и укр. писателей в России, в особенности после того, как стеснительные меры против укр. языка были отменены, т. е. с 1906 г., движение, направленное против галицких писателей, к очищению укр. языка

от чуждых живой речи элементов. Со времени революции и с признанием укр. языка государственным на Украине это движение получило и официальную поддержку. Борьба с чуждыми элементами в укр. литературном языке, которая ведется сейчас на Украине с большой энергией, имеет и свои теневые стороны: несмотря на существование богатой литературы, и художественной, и научной, и популярной на укр. языке, он до сих пор остается неустановившимся; кроме того, стремление пуристов устранить из него не только польские элементы, внесенные галицкими писателями в недавнее время, но и старые цсл., в.-р. и даже о.-р. элементы, даже там, где живая народная речь не располагает иными средствами для выражения соответствующих понятий, приводит к созданию новых слов, часто ка́лек с иностранных, не менее чуждых живой народной речи, и удалению от исторических традиций и от родной основы.

Литература. 1. Крымский. Украина. Украинский яз. в последнем (не конченном) изд. Энциклопед. Словаря Т-ва «Гранат»[a]; та же статья, несколько расширенная, перепечатана по-украински в кн.: Шахматов — Кримский. Нариси. . . Ср. стр. 117: «У галицько-малоруськiй лiтературнiй мовi самiсiнька етимологiя. . дiйсно малоруська; синтаксис i фразеологiя — тi самi, що й у польськiй лiтературнiй мовi цеб-то не раз дуже антималоруськi; словарний матерiял мови галицького iнтелiгента так само захаращений полонiзмами, а поруч с тим має чимало незграбних церковнослов'янiзмiв, почасти й росiянiзмiв; не перебувається вона и без саморoдних, на-ново кованих слiв». Идеал, к которому украинский язык должен стремиться, по Крымскому: «отак, як говорить простий нарiд на Українi — так треба точка-в-точку й писати, не поступившись будь-якими особливостями його мови» (с. 115) 2. Он же. Украинская грамматика, т. 1. вып. 1. 2. 6. т. 2, вып. 1. М., 1907—1908; 3. Житецкий. Очерк литературной истории м.-р. наречия в XVII и XVIII в., ч. 1. Киев, 1889; 4. О. Курило. Уваги до сучасної української литературної мови. Вид. 2. Київ, 1923; 5. Она же. Паралельнi форми в українськiй мовi їх значiння для стилю. Київ, 1923; 6. I. I. Огiенко. Чистота й правильнiсть української мови. Львiв, 1925; 7. В. Симович. Грамматика української мови, 2 изд. Лейпциг, 1921 (много места уделено возражениям против позиции, занятой Укр. Академией Наук в Киеве по отношению к галицкой разновидности укр. литер. яз.); 8. Об отмене стеснений малорусского печатного слова. Записка акад. Шахматова, Корша, Фортунатова и др. И. Академия Наук. СПб., 1905 [2]; 9. Шахматов. Краткий очерк; то же на укр. языке — в назв. выше кн.: Шахматов—Кримський. Нариси; 10. Кульбакин, Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии. Харьков, 1919; [Трубецкой. О.-сл. элемент в р. культуре.]

§ 6. Нынешний белорусский литературный язык возник только в XIX в.; в основе его лежит один из центрально-б.-р. говоров. Вследствие стремления части б.-р. писателей последнего времени порвать со всеми традициями и сделать свой литературный язык отличным и от р., и от укр. в б.-р. литер. язык, особенно в язык научной прозы вошло много чужих элементов, не свойствен-

---

[a] Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат», изд. 11, стереотипическое, т. 42, стб. 96—119.

ных ни р. литер. языку, ни живым б.-р. говорам. Ни в какой связи со старым зап.-р. литер. языком XV—XVIII вв. он не стоит.

Литература. См.: Карский. Белорусы, т. 3, вып. 3; Он же. Geschichte der Weissrussischen Volksdichtung und Literatur. Berlin und Leipzig, 1926. (Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte).

§ 7. О карпаторусском литературном языке предпочитаю здесь не говорить, надеясь сказать о нем в другом месте.

Литература. Авг. Волошин. О письменном языцѣ подкарпатских русинов. Вид. Т-ва «Просвѣта». Ужгород, 1921; Он же. Методическа грамматика русского языка для народных школ. Унгвар, 1899; изд. 2, Унгвар, 1907; Он же. Методическа грамматика карпато-русского языка для народных школ, в двух частях. Ужгород, 1919; Он же. Методична граматика карпато-руського языка для низших клас народных шкôл. Вид. 4. Ужгород, 1924 (обратить внимание на разницу между изданиями 1907, 1919 и 1924 гг.!); И. В. Гусьнай. Языковый вопрос в подкарпатской Руси. Пряшев, 1921; Евм. Сабов. Грамматика русского языка. Изд. 1, 1890 (были и позднейшие); Он же. Literární jazyk Podkarpatské Rusi в кн.: Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodařskych, politických, církevních, jazykových a osvětových. Red. Jos. Chmelař, St. Klima, Jar. Néčas. Прага, 1923; Он же (редактор). Грамматика р. яз. и пр. Ужгород, 1924; Панькевич. Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi, в назв. выше книге Podkarpatská Rus, 130—150; Он же. Грамматика руського языка для молодших кляс шкôл середних и горожанських. Мукачево, 1922 (ср.: Геровский. [Рец.]. Slavia, VI; Húsek, Národopisná hranice mezi Slováky a Karpatorusy. Bratislava, 1925.

ИСТОЧНИКИ

§ 8. Источниками истории р. языка являются: 1) вся письменность на р. языках с ее возникновения до последнего времени, а также памятники на других языках, писанные русскими и отражающие в той или другой мере особенности р. языка их авторов или писцов; 2) современные живые русские языки во всех их наречиях; 3) слова, формы и обороты, а частью и фонетические особенности, заимствованные другими языками из р.; 4) исторические свидетельства иностранцев о р. языках.

Глава I

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОПИСАНИЯ И ЯЗЫКА Р. ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ В X—XX в.

§ 9. Письменность на Руси возникла в конце X в. [3], но старшие сохранившиеся рукописи, писанные р. писцами, известны только со 2-й полов. XI в.: старшая датированная рукопись — ОЕ 1056. Надписи на монетах Володи̂мира Св. (980—1015) — болгарские [3], а на монетах Ярослава Мудрого (1019—1054) [4] не дают ничего для суждения о тогдашнем р. языке. Остальные письменные памятники (рукописи, грамоты, надписи) позднее ОЕ. Книгопечатание на Руси возникло только в XVI в.; впрочем, русская типография в Кракове появилась еще в конце XV в. Но до конца XVII в. русских и цсл. русской редакции книг печаталось

[3] Имя в кн. читается в них: *Владимиръ*; далее везде — *сребро*, и только на одной монете . . . *мире сере*. . ., т. е. '*Владимире серебро*'. Возможно, что чеканились они в Болгарии или Царьграде.

[4] Надпись: *ꙗрославле съребро*.

мало, и русская письменность с XVI до конца XVII в. была по преимуществу рукописной.

§ 10. Начиная со 2-й полов. XI в. имеется непрерывный ряд памятников, писанных представителями разных русских наречий. Их гораздо больше, чем памятников любого другого сл. языка того же времени. Однако ценность их показаний для истории р. языка сильно уменьшается от того, что обычно они представляют лишь русские списки памятников ю.-сл., а особенности р. языка проскальзывают в них лишь в виде ошибок писцов. Даже оригинальные произведения р. писателей и р. переводы древнейшей эпохи, особенно црк. характера, как напр., жития святых (хотя бы и р.), црк. службы, уставы, поучения и т. п., писаны на том же цсл. языке, и лишь немногие памятники писаны на р. языке, более или менее свободном от цсл. элементов. При всем том даже памятники црк. характера благодаря своей многочисленности и благодаря тому, что помимо ненамеренных отступлений от орфографии ю.-сл. образцов и оригиналов уже в XI в. обнаруживается стремление приспособить правописание к р. произношению, позволяют составить более или менее определенное представление о фонетических и морфологических особенностях некоторых р. наречий, современных этим памятникам.

§ 11. Вместе с тем господство цсл. в р. письменности не было всеобщим и безусловным. Уже древнейшие грамоты почти свободны от элементов цсл. Правда, они или очень невелики по объему или чрезвычайно однообразны по содержанию и потому даже при большом объеме дают мало материала для суждения о языке их составителей и писцов, но есть и грамоты, которые с большими размерами соединяют и богатое содержание: такова, напр., грамота рижан в Витебск около 1300 г., содержащая протест рижан против действий витебского князя и его наместника в Риге. Кроме грамот, имеются и другие памятники подобного рода, писанные русским, а не цсл. языком. Такова, напр., так наз. Русская Правда— сборник уголовных и гражданских законов, составленный в XI в. и сохранившийся в списках, начиная с конца XIII в., и др. Многочисленные русские летописи, старшие части которых восходят к середине XI в., но сохранились в позднейших списках — XIV в. и позднее, — по языку заметно отступают от норм современного им цсл. языка других р. литературных памятников и содержат частью такие эпизоды, язык которых почти чисто русский. Без сомнения, язык летописей с самого начала, т. е. уже в XI в. отличался от цсл. других памятников и уже тогда в известных эпизодах носил скорее русский, чем цсл. характер. Большое число старых русизмов, необычных для других р. рукописей XVI в., в списке Слова о полку Игореве в Мусин-Пушкинском сборнике XVI в. позволяет думать, что они принадлежат первоначальному тексту Слова, и что там русизмов было больше, чем в этом списке, т. е., что его язык отличался от литературного языка переводных

памятников и произведений црк. характера и приближался к живой речи тогдашнего придворного класса Южной Руси. Что касается р. оригинальных произведений црк. характера и р. переводов, поскольку в составлении их не принимали участия вместе с русскими и южные славяне, то их язык хотя и цсл., все же отличался уже в XI в. от языка р. списков с памятников ю.-сл. происхождения бо́льшим количеством русизмов и бо́льшим приближением к р. живой речи, как об этом можно судить по житиям Бориса и Глеба и Феодосия Печерского в УС XII в., где эти жития, будучи писаны теми же писцами, которые переписывали и остальные части УС, содержат русизмов значительно больше, чем прочие статьи, несмотря на очевидную грамотность писцов и их стремление избегать русизмов [5]. Заметно отличается от языка р. списков ю.-сл. памятников и язык р. переводов црк. Устава, сохранившегося в отрывке конца XI в. и в полных списках XII в. и позднее. Тем не менее мы до сих пор не располагаем надежными способами отличать по языку тексты р. происхождения как оригинальные, так и переводные, писанные на цсл., от текстов ю.-сл. происхождения и определять, какие русизмы надо относить на долю р. автора или переводчика и какие — на долю позднейших переписчиков.

§ 12. До XV в. мы не имеем вполне определенных указаний на существование в пределах русской языковой области других литературных языков, кроме цсл. Различия между языком памятников сев.-р., зап.-р. и ю.-р. областей, памятников киевских и галицких сводились больше к правописанию и стилю; определенные указания имеются только на то, что еще в XII в., если не раньше, проведено было повсюду разграничение между языком литературным цсл. и деловым р., который допускался и в летописном рассказе там, где не преследовались цели литературные. Редкими исключениями являются такие литературные памятники, как Слово о полку Игореве, в котором рядом с элементами цсл. видим намеренное пользование элементами живой речи (может быть, устной поэзии) в широких рамках.

§ 13. В XV в. в Юго-Западной Руси, входившей в то время в состав Литовского в. княжества, деловой язык местных государственных учреждений, в основе которого лежало одно из живых наречий б.-р., становится в то же время и литературным, на котором уже в том же столетии возникает богатая письменность, как переводная, так и оригинальная; на этот язык переводится и Св. Писание, не говоря уже о произведениях не црк. характера. Впрочем этот литературный язык, первоначально почти чисто русский, лишь с незначительным количеством нерусских элементов, с одной стороны цсл., с другой, — польских, довольно рано (с XVI в.) подвергся сильному влиянию польского и к XVII в. до того про-

[5] Не считая собств. имен (личных и географич.), как *Володимиръ*, *Вьсеволодъ*, *Вышегородъ*, *Переяславль*, *Берестово* и др., употребляющихся в обоих житиях исключительно в русском звуковом виде.

нікся польскими элементами, что литературные произведения на этом языке, возникшие в XVII в., часто трудно отличить от польских, переписанных белорусом.

§ 14. В XV же столетии, но несколько позже возникает письменность неделового характера и на м.-р. (грамоты на этом языке писались и раньше). В основе его лежат живые м.-р. говоры. Но обще-м.-р. литературного языка до XIX в. не выработалось. Литературный язык ю.-р. письменности XV и XVI вв. частью представляет лишь незначительные уклонения от зап.-р. литературного языка, частью изобилует элементами цсл., частью более или менее свободен и от того и от другого, а кроме того, представляет и такие видоизменения, которые вызваны диалектическими различиями м.-р. говоров. И этот язык подвергся сильной полонизации подобно зап.-р.

§ 15. В Московской Руси в течение XV и XVI вв. на основе местного московского говора (см. ниже) развился собственный деловой язык, принятый затем во всех государственных учреждениях («приказах») и господствовавший там до XVIII в. Этот «приказный язык», почти свободный от элементов цсл., к середине XVII в. достиг большого развития и имел все данные стать литературным. На нем писались не только государственные и юридические акты, договоры и пр., но и почти вся корреспонденция московских в. князей, царей и московской интеллигенции, хотя находились книжные люди, пользовавшиеся и в этом случае цсл., а также статьи и книги самого разнообразного содержания: своды законов, мемуары, хозяйственные, политические, географические и исторические сочинения, лечебники, поваренные книги и т. д. К памятникам, писанным этим языком, относятся, между прочим, хозяйственные главы Домостроя XVI в., «Уложение» 1649 г., сочинения царя Алексея Михайловича, как, напр., его «Урядник сокольничья пути» и др. Сюда же можно присоединить и «Ведомости» начала XVIII в. При всем его высоком развитии он оставался все время только языком деловой письменности. Литература художественная и церковная в широком смысле до XVIII в. пользовалась только цсл. языком. Все же элементы этого языка проникали и в традиционный литературный цсл. язык и в конце концов содействовали развитию нынешнего р. литературного языка. [Как письменный язык грамотных людей, приказный язык не был только письменной передачей разговорной речи и в свою очередь представлял ряд частью намеренных уклонений от строя живой речи, иногда довольно значительных].

Кроме приказного, в Московской Руси (как, впрочем, и в Южной Руси) вырабатывается постепенно, начиная с XV в., особый вульгарно-литературный язык, которым писались популярные литературные произведения, распространенные среди низов читающей публики, и к которому приспособлялись даже записи произведений устной словесности — сказок, песен и т. п. (ср., напр.,

былины старой записи, напечатанные Тихонравовым в сб.: Н. С. Тихонравов, В. Ф. Миллер, Русские былины старой и новой записи. М., 1894; Повесть о Горе и Злочастии и др.). В этом вульгарно-литературном языке из цсл. остались только известные штампы в виде отдельных наиболее употребительных в цсл. книгах слов в роде: *бысть*, *рече*, *аще* и т. п., цсл. дублетов с *ра*, *ре*, *ла*, *ле* и с *щ* к русским словам с полногласием и *ч*, некоторых излюбленных форм в роде аористов и имперфектов (особенно часты формы на *-ше* и *-ша* в значении всех лиц и чисел) и причастий на *-щий* и *-ший* (часты бесчисленные формы на *-ще*, *-ше* в значении деепричастий) и некоторых синтаксических оборотов; эти штампы накладывались на чисто русский язык произведения для придачи ему литературности; часть их уцелела до сих пор в языке устной словесности, не только в духовных стихах и легендах, но и в былинах и сказках. Начиная с XVI в., имеются записи народных песен, пословиц и др. образцов устной словесности ю.-р., зап.-р. и в.-р., язык которых отличается как от литературных, так и от деловых (канцелярских) ⟨памятников⟩ того же времени.

§ 16. Таким образом, общее число дошедших до нас письменных памятников не только цсл. русской редакции, но и собственно русских языков, живых или литературных, развившихся на основе живых р. языков, почти с самого начала р. письменности до последнего времени значительно. К сожалению, только немногие из таких памятников изданы с точностью, дозволяющей их изучение со стороны языка; бо́льшая часть их или до сих пор не издана или издана неточно, часто с исправлением правописания.

§ 17. При всем том главная масса памятников, дошедших до нас за период с XI до нач. XVIII в., писана на цсл. Этот язык продолжал оставаться литературным языком не только в Московской Руси, но и в Западной, где политические условия помешали успешному развитию литературного языка зап.-р., вызвав, с одной стороны, его полонизацию, с другой, — возвращение к цсл. литературному языку со стороны зап.-р. писателей, отстаивавших свою национальность и православие.

Цсл. язык русской письменности развился из так наз. ст.-сл. Когда русские впервые с ним познакомились, т. е. в конце X в., он не был вполне единым всюду, где им пользовались: в ст.-сл. языке этого времени можно различать по крайней мере два литературных диалекта, именно: а) македонский, сохранявший до известной степени первоначальный кирилло-мефодиевский облик и в) вост.-болг., представлявший известные изменения первоначального состояния, восходящие ко времени царя Симеона болгарского. Русские получили письменность и знание ст.-сл. от восточных болгар. Но позднее, при Ярославе и его преемниках, русские, по-видимому, были в более близких сношениях не с восточными болгарами, как при Володимире Св., а с западными или,

скорее, с македонцами и сербами. Из Западной Болгарии, Македонии и Сербии приходили на Русь во второй полов. XI в. и позднее образованные люди, приносившие с собой книги, писанные на македонском диалекте ст.-сл. От них усвоили русские иное провописание и иное литературное произношение, чем то произношение и правописание, какие были усвоены раньше от восточных болгар [6]. Из соединения элементов вост.-болг. и македонских с русскими, вызванными необходимостью приспособить этот язык к р. произношению, получился цсл. язык древнерусских памятников.

§ 18. Таким образом, цсл. язык р. памятников русского происхождения (т. е. р. списков ю.-сл. текстов) уже с самого начала не был тожественным с языком памятников ю.-сл. Уже р. списки ст.-сл. текстов, писанные в XI в., содержат, кроме случайных ошибок, выдающих русское произношение писцов, некоторые отступления от ст.-сл. орфографических систем, проведенные последовательно, напр. ж вм. ст.-сл. жд из о-сл. dj в АЕ, М 95—97 и позднее, ър, ьр, ъл вм. ст.-сл. ръ, рь, лъ, ль и др. из о-сл. ъr̥, ьr̥, ъl̥, ьl̥ в ОЕ[1] и позднее, ꙗ вм. всякого ѩ в начале слога и вм. ѧ после мягких л и н в АЕ[2] и др., тв. ед. на -ъмь, -ьмь вм. обычного в ю.-сл. текстах XI в. -омь, -емь в ОЕ и др., окончание -ть в 3 л. глаголов во всех р. памятниках, начиная с ОЕ и др. Некоторые особенности правописания, свойственные русским памятникам XI в. и позднее и не противоречащие особенностям р. языка, могли быть и ю.-сл. происхождения, например, последовательное употребление оу, ю вм. ѫ, ѭ в АЕ[2] и др.; другие, неизвестные ю.-сл. памятникам, могут передавать не столько р. живое произношение, сколько специально церковное произношение, представлявшее подражание произношению тех южных славян, от которых русские усваивали ст.-сл. язык. Такое црк. произношение не всегда совпадало с р. живым произношением. Так, написания с шч в таких случаях как отъвѣшча в ю.-р. памятниках XI и XII в., неизвестные ю.-сл. памятникам того же времени, но, очевидно, точно передающие русское црк. произношение, не соответствуют р. живому произношению, где в подобных случаях являлось одно č [7]. Сев.-р. правописание жг

---

[6] Обращу внимание на знакомство р. писцов XI и XII вв. с глаголицей, которая, по-видимому, в Восточной Болгарии не употреблялась вовсе, а была в употреблении только в Македонии, Сербии и Моравии. В р. рукописях XI в. это знакомство обнаруживается в виде глаголических приписок (напр., в КИ, У 142 и др.) и сохранении глаголических букв оригиналов (напр. в ГБ, ЕПс и др.). Среди р. надписей graffiti на стенах Новгородского Софийского собора есть и глаголические. [Говоря о том, что глаголица в Восточной Болгарии не употреблялась, имею в виду время, когда на Русь стала проникать болгарская письменность, т. е. конец X в. В начале X в. глаголица, может быть, употреблялась и там.]

[7] шч вм. ст.-сл. шт или щ встречается только в ю.-р. памятниках; в сев.-р. в подобных случаях только щ или шт. Но это обстоятельство отнюдь не говорит за то, что с.-р. произношение щ отличалось от ю.-р. Надо думать, что

вм. ст.-сл. жд не только в таких словах как *дъжгъ*, *пригвожгенъ*, но и *прѣжге*, могло передавать сев.-р. искусственное церковное произношение с žg', вызванное тем, что русские воспринимали ю.-сл. краспалатальное d' в сочетании žd', как g'. Впрочем, на севере были и попытки передать это d' иначе: в МЕ буква д в сочетании жд два раза написана с крючком вправо, употребляющимся в том же памятнике при буквах л и н для обозначения их мягкости. Произношение, передававшееся в сев.-р. памятниках на письме сочетанием жг, живой речи могло быть неизвестно. Думаю, что и правописание с ър, ьр, ъл между согласными вызвано тем, что ю.-сл. произношение сочетаний ръ, рь, лъ, ль в случаях типа *тръгъ*, *прьвыи*, *млъчати* и т. п. русские воспринимали иначе, чем те же сочетания в случаях типа *кръвь*, *крьстити*, *сльза* и т. п. и потому считали нужным сохранить это различие и на письме.

§ 19. С течением времени число русизмов, проведенных в р. правописании систематически, мало-помалу, возрастает. Написания, как оу и ю вм. ѫ и ѭ, ꙗ вм. ѩ, ж вм. жд из *dj, ър и

р. црк. произношение щ было всюду одинаково, т. е. что щ везде читалось как šč. Поводом к возникновению шч могло быть обстоятельство, что писцы в своих оригиналах встречали написание шт, противоречившее их традиционному произношению. Ср. такое шт в целом ряде русских рукописей XI в. Произношение ст.-сл. щ как šč находило себе поддержку в р. живом произношении šč в соответствии со ст.-сл. щ из *stj и *skj, но нет достаточных оснований полагать, что оно возникло на Руси под влиянием р. живого произношения. По-видимому, произношение šč в подобных случаях было известно и некоторым македонским диалектам X и XI вв., и к этим диалектам восходят и те нынешние македонские диалекты, в которых такое произношение сохранилось (см.: V. Oblak. Macedonische Studien. Wien, 1896; А. М. Селищев. Очерки по Македонской диалектологии. Казань, 1918, с. 128 слл.) Можно думать, что и буква щ, имеющаяся и в глаголическом, и в кирилловском алфавите, была создана не для передачи сочетания št, а для передачи šč: кирилловское начертание этой буквы легко выводится не только из лигатуры ш+т, но и из ш+ч с прямоугольной чашечкой, глаголическое — только из лигатуры ш+ч [Предположение, что щ произносилось как šč и теми южными славянами, у которых русские учились цсл. языку и что написание жг могло передавать žd' с d' краспалатальным, высказано было в устной беседе со мной проф. Селищевым. Что касается жг, то толкование, предложенное Селищевым, мне представляется более вероятным, чем предполагаемое Шахматовым чтение этого сочетания как žj. Но для меня неясно, насколько в русском церковном произношении XI в. могло отразиться архаичное ю.-сл. произношение с žd', так как памятники как ю.-сл., так и русского письма, в том числе и те, которые имеют это жг, указывают на то, что в XI в. d' в сочетании žd' в ю.-сл., по крайней мере в большинстве говоров, отвердело. Поэтому возможно и то, что написанием жг сев.-р. писцы передавали произношение, существовавшее в их живом говоре. Происхождение буквы щ в обоих славянских алфавитах для меня также не совсем ясно; сходство ее как с щ, так и с ч не подлежит сомнению; не думаю, чтобы она получилась из лигатуры ш+т, если даже и была придумана для передачи сочетания št', но и высказанное мною предположение о происхождении ее из лигатуры ш+ч встречает затруднения. Вернее, что она была изобретена составителем славянского алфавита, как самостоятельная буква. Обычные в ст.-сл. памятниках написания с щт вм. щ я склонен считать вторичными.]

пр. вм. ръ и пр., проведенные систематически в XI в. только в некоторых рукописях, в XII в. становятся всеобщими. Возникают новые орфографические особенности. Так, в ГЕ и некоторых других галицких памятниках XII в. вм. всякого ст.-сл. жд из *zdj, *zgj последовательно пишется жѹ. Со 2-й полов. XII в. в Галичине и на Волыни возникает новое правописание, последовательно заменяющее буквою ѣ всякое є перед мягкими в новых закрытых слогах. Это правописание точно передает одну из особенностей тогдашнего ю.-р. живого произношения, явившуюся лишь незадолго перед этим после так наз. падения глухих, т. е. после утраты ъ и ь в слабом положении и распространившуюся, надо думать, тогда же на все ю.-р. говоры, а именно, на совпадение *е* перед мягкими в новых закрытых слогах с гласной, обозначавшейся буквою ѣ. Но в Киеве, старом культурном центре с установившимися традициями, равно как и в других ю.-р. городах, находившихся в культурной зависимости от Киева, это новое фонетическое явление не повлекло за собою реформы правописания и отражается на письме лишь в виде случайных ошибок писцов и то не во всех рукописях, что, конечно, отнюдь не говорит за то, что киевскому говору эта фонетическая черта не была свойственна, а свидетельствует лишь об установившейся орфографической традиции. Наоборот, возникновение нового правописания в Галиче, не давая никаких указаний на отличие галицкого говора от других ю.-р., свидетельствует о том, что Галич стремился стать независимым от Киева даже в таких вещах, как правописание.

§ 20. Так наз. падение глухих, т. е. утрата ъ и ь слабых и переход ъ и ь сильных в гласные полного образования, совпавшие со старыми *о* и *е* там, где эти последние не подверглись удлинению, вызвало большие изменения в р. правописании. Мало-помалу буквы ъ и ь, которые перестали означать особые гласные звуки, отличные от гласных звуков, обозначавшихся буквами о и є, исчезли из правописания в значении букв для гласных звуков и сохранились только как знаки конца слова или как диакритические знаки, указывающие на звуковое значение соседних букв (согласных и так наз. «мягких гласных»), в значении же гласных заменены буквами о и є всюду, где гласные из старых ъ и ь совпали с гласными из старых *о* и *е*; наконец, в ряде случаев, где раньше писались ъ и ь для обозначения ъ и ь слабых, эти буквы после утраты слабых ъ и ь перестали писаться без замены их другими буквами. Эти изменения в правописании произошли не сразу. Сравнительно быстро произошло вытеснение букв ъ и ь буквами о и є там, где в произношении звуки, обозначаемые этими буквами, совпали, т. е. в тех положениях, где ъ и ь были сильными, а также в сочетаниях *ъr*, *ьr*, *ъl* между согласными. Уже в XIII в. ряд памятников употребляет последовательно о и є во всех случаях, где старые ъ и ь совпали со

звуками, обозначавшимися этими буквами, сохраняя ъ и ь исключительно для обозначения конца слова и слогораздела (первые указания на совпадение *ъ* и *ь* с *о* и *е* не старше середины XII в.). Но господствующим всюду такое правописание становится только во второй половине XIV в.; единичные следы старого правописания на Севере встречаются еще в начале XV в. Гораздо дольше сохранялись в правописании буквы ъ и ь на месте *ъ* и *ь* слабых, т. е. там, где звуки, обозначавшиеся этими буквами, исчезли из произношения. [Понятно, что употребление ъ и ь, как знаков, не обозначавших никакого гласного звука, скоро перестало соответствовать их употреблению в памятниках более ранних, писанных до падения глухих.] В конце слова *ъ* и *ь* в р. письме уцелели до самого последнего времени даже в тех случаях, где с ними не связывается никакого звукового значения, напр., после шипящих и *ц*. Новое правописание, введенное в 1917 г., устранив из правописания букву *ъ* в конце слова, сохранило букву *ь* после шипящих. В середине слова *ъ* и *ь* еще в XVIII в. писались и там, где с ними не связывалось никакого звукового значения. Раньше, чем установилось правописание, заменившее буквы *ъ* и *ь* в значении гласных звуков буквами *о* и *е* и оставившее буквы ъ и ь только на месте *ъ* и *ь* слабых, совпадение *ъ* и *ь* сильных с *о* и *е* вызывало у писцов смешение букв ъ и ь с буквами о и є, а также и с буквой ѣ там, где буквы є и ѣ смешивались между собою. В памятниках, где наблюдается такое смешение, буквы о и є нередко пишутся не только на месте *ъ* и *ь* сильных, но и на месте *ъ* и *ь* слабых, что, вероятно, объясняется тем, что буквы ъ и ь в азбуке, а также и при диктовке читались, как *о* и *е*. К таким памятникам принадлежит между прочим Смоленская грамота 1229 г. в списке А. Единичные памятники с тем же смешением всяких ъ и ь с о и є попадаются еще в XV в.; такова, напр., изд. Сибирцевым и Шахматовым Двинская грамота № 129. Вообще же памятники с подобным разрушенным правописанием редки уже в XIII в. Новое правописание, заменившее ъ и ь в значительной части случаев, где эти буквы писались раньше, буквами о и є, не только существенно отличается от правописания предыдущей эпохи, но значительно удалило и самый цсл. язык русской редакции от ст-сл.

§ 21. Новые изменения в р. цсл. правописания и отчасти в церковном и литературном произношении произвела реформа митроп. Киприана (1390—1406) в конце XIV в. Главными особенностями нового правописания, введенного Киприаном и его сотрудниками, большею частью сербами, были употребление буквы ж рядом с оу и ȣ в том же значении[8], а вм. ꙗ после

[8] В тогдашнем болгарском правописании ж и оȣ, конечно, различались согласно произношению, но не только р. писцы XIV и нач. XV в. употребляли

гласных (*добраа*, *всеа*), *ръ*, *рь*, *лъ*, *ль* между согласными вм. р. *ор*, *ер*, *ол*, *жд* вм. р. *ж* в соответствии со ст.-сл. *жд*. Из названных орфографических особенностей только с написанием *жд* связывалось и известное изменение в литературном (црк.) произношении, так как до Киприановской реформы в подобных случаях читалось ž; остальные особенности были чисто орфографическими и позднее, как не соответствующие ни живому, ни литературно-церковному произношению, были из р. правописания устранены уже в XVI в. и в Московской, и в Литовской Руси. Что же касается употребления *жд* в соответствии с р. ž, болг. žd, то это правописание и соответствующее ему церковное произношение žd сохранились в цсл. р. редакции до настоящего времени, совершенно вытеснив старое правописание с *ж* и соответствующее произношение, согласные с р. живым произношением и господствовавшие в р. црк.-литературном языке до реформы. Это žd сохранилось и в нынешнем литературном русском в очень многих словах и грамматических образованиях (ср. *вождь*, *заблуждаться*, *побеждать*, *насаждать*, *рождение*, *суждение*, *надежда*, *одежда*, *чуждый*, *прежде*, *между* и т. п.).

§ 22. Хотя Русская земля рано распалась на несколько более или менее самостоятельных областей, литературный цсл. язык р. письменности оставался до XVIII в. единым на всей территории р. языков, различаясь по областям лишь незначительными местными особенностями в правописании и в произношении. Так, совпадение о.-сл. *c* и *č* в одном звуке в сев.-р. наречии вызвало подобное же совпадение и в црк.-литературном произношении в Северной Руси, на что указывают уже новгородские памятники конца XI в. (М 95—97) с безразличным употреблением букв ц и ч в значении как *c*, так и *č*. Возможно, что такое произношение в XI и нач. XII в. в Новгороде считалось нелитературным и избегалось, по крайней мере при чтении Евангелия в главных новгородских храмах; так объяснялось бы отсутствие смешения ц и ч в ОЕ, КЛ, МЕ и ЮЕ; почти нет примеров смешения этих букв и в сев.-р. отрывке црк. устава и кондакаре У 142. [На основании того, что в сев.-р. служебных минеях конца XI в., писанных очень небрежно, не для главных новгородских храмов и не для торжественных случаев, а также в новгородских рукописях второй половины XII в. смешение ц и ч часто, некоторые ученые думают, что хорошо грамотных писцов между новгородцами в XI и в начале XII в. не было, и что все новгородские грамотно написанные рукописи писаны киевлянами, хотя правописание их отличается от правописания ю.-р. рукописей того времени между прочим отсутствием македонизмов, характерных для ю.-р. рукописей и присутствием некоторых характерных особенностей вост.-болг. орфо-

---

только «красоты ради, а не истины», но и сами сотрудники Киприана, родом сербы, вряд ли различали ж и оу этимологически.

графии, несвойственной рукописям ю.-р.] Частые, иногда систематически проведенные написания *жг* в памятниках сев.-р., начиная с конца XI в., и *жч* в том же значении в памятниках галицких также свидетельствует о различии между црк.-литературным произношением новгородским и галицким [9]. Вообще в правописании галицко-волынских црк. книг XII и XIII вв. определенно сказывается тенденция приблизить его к живому местному произношению, наперекор старым традициям, что указывает на сильное влияние живой речи на црк.-литературное произношение в Галиче и на Волыни. В Киеве и в Новгороде в ту же эпоху влияние живой речи на литературный цсл. язык было слабее. В Киеве это объясняется более тесными связями с Балканским полуостровом. Надо думать, что в Киеве до разорения его Батыем всегда проживало много южных славян; Галич, наоборот, поддерживал связи больше со своими западными соседями. Разрыв между Северной и Южной Русью в XIII в. и образование на территории Руси двух держав — Московской и Литовской — в XIV в. отражается и на судьбе цсл. литературного языка; создается ряд различий между цсл. языком Московской Руси, с одной стороны, и Литовской — с другой. К XVII в. различия между тем и другим становятся довольно значительными, хотя в существенных чертах цсл. язык и Московской, и Литовской Руси остается единым. Различия касаются места ударения (ср. сев. *нá землю*, *вó вѣки*, *вó имя*, *нá небеси*; ю.-зап. *на землю́*, *во вѣки́*, *во имя́*, *на небеси́* и т. п.), немногих особенностей морфологических и таких особенностей в произношении, которые не отражались на правописании; таковы, напр., различия в произношении *ѣ*, в произношении шипящих и *ц*, согласных перед *е* и т. п. Об этих различиях можно составить себе представление путем сравнения ю.-р. (в Евю, 1619 г.) и московского (1648 г.) изданий цсл. грамматики Мелетия Смотрицкого и црк. книг, изданных в Москве до 1654 г., а также единоверческой печати, воспроизводящих текст московских дониконовских изданий, с одной стороны, и изданий в Литовской Руси (во Львове, Остроге, Киеве, Евю и др.), — с другой стороны. О различиях в цсл. произношении в XVII в. можно судить по нынешнему церковному произношению сев.-р. старообрядцев поморского согласия, с одной стороны, и галичан и карпаторусов восточного обряда — с другой: и те и другие сохранили до сих пор старое црк. произношение без изменений с XVII в. Црк.-литературное произношение в Литовской Руси XVII в. не было везде одинаковым: в согласии с живой речью в м.-р. частях Литовской Руси *ѣ* в црк. чтении произносилось как *і*, а согласные перед є и и произносились твердо, как и в нынешнем црк. чтении галичан и карпаторусов, в б.-р. же частях ъ читалось, по-видимому, как *е*, а согласные перед є и и чи-

[9] В живом языке такого различия могло и не быть, т. е. возможно, что и в Новгородском говоре о.-р. ždž из zdj и zgj сохранялось как ždž.

тались мягко. В московском црк. произношении различались *е* и *ѣ*, по крайней мере под ударением, между прочим тем, что перед *е*, в отличие от живого произношения, согласные выговаривались твердо, а перед *ѣ* мягко. Указания на эту особенность старого московского црк. произношения можно извлечь не только из произношения поморских старообрядцев, но до некоторой степени и из самих московских рукописей и печатных книг дониконовского периода [10]. Возможно, впрочем, что эта особенность црк. произношения не была в Московской Руси всеобщей: она не сохранилась у старообрядцев, не принадлежащих к поморскому согласию. Во 2-й полов. XVII в. цсл. язык Московской Руси подвергся сильному влиянию цсл. языка Западной Руси. Исправление богослужебных книг, проведенное патриархом Никоном в 50—60-х годах XVII в., касалось в значительной степени их языка, внося в него изменения согласно нормам цсл. языка Западной Руси. Московские писатели второй полов. XVII и нач. XVIII в. были или выходцами с Западной Руси, как Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, Димитрий Ростовский, Феофан Прокопович, Стефан Яворский и др., или их учениками и подражателями. Поэтому цсл. язык как црк.-богослужебных книг, так и литературы Московской Руси позднее серед. XVII в. не сохранил многих особенностей цсл. языка Московской Руси предшествующей эпохи, какие отличали его от цсл. языка Западной Руси. Эти особенности сохранились лишь у старообрядцев, оставшихся верными старым дониконовским московским традициям.

§ 23. Несмотря на многочисленные отступления от норм ст.-сл. языка, какие допускались в русских литературных произведениях и переводах за все время существования р. письменности, литературным языком на всей территории р. языка продолжал оставаться цсл., хотя и усвоивший ряд особенностей, больше фонетических, живого р. языка, но в общем коренным образом от него отличавшийся. Зап.-р. литературный язык, возникший в XV в., даже в период своего расцвета не мог вытеснить цсл. не только из богослужения, но и из литературы; попытки писать на м.-р. до конца XVIII в. не привели к созданию обще-м.-р. литературного языка; деловой язык московских приказов никогда не был языком ни художественной, ни философской и научной литературы. Только с нач. XVIII в. на в.-р. почве эволюция литературного языка решительно вступает на путь сближения с живой разговорной речью образованных классов московского общества, и р. литературный язык постепенно удаляется от цсл. языка богослужения, сохраняя при этом генетическую связь с цсл. письменной традицией, идущей со времен славянских Апостолов.

---

[10] Ср.: Васильев. Изв. т. 10, кн. 2 и т. 15, кн. 3.

Литература. 1. О литературных диалектах ст.-сл. языка: V. J a g i c. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913; К у л ь б а к и н. Du classement des textes vieux slaves. RÉSl, II (1922), 3—4, стр. 175—200; также — работы Евсеева, Михайлова, Погорелова и др.

2. О культурных связях русских с южными славянами в X—XII вв.: С п е р а н с к и й. К истории взаимоотношений, стр. 143—206.

3. О глаголическом письме на Руси — см. в общих курсах палеографии Соболевского, Карского, Щепкина и у Сперанского, История древнерусской литературы, т. 1, стр. 147.

4. О цсл. языке русских памятников: Ш а х м а т о в. Очерк, § 265—266; О н ж е. Очерк, стр. 6—10, 19—45; О н ж е. Неск. зам.; Д у р н о в о. Очерк, § 28, 29, 31, 32, 109—120; О н ж е. Русские ркпси; С о б о л е в с к и й. Особенности русских переводов; Т р у б е ц к о й. О.-сл. элемент в р. культуре; О б н о р с к и й. К истории словообразования в р. литер. языке; В и н о г р а д о в. К истории лексики.

5. Об изменениях в р. правописании, вызванных так наз. «падением глухих»: Ш а х м а т о в. Очерк, § 340—346, 378—384, 411—445; Д у р н о в о. Очерк, § 180—190.

6. О галицко-волынском правописании: С о б о л е в с к и й. Очерки; Ш а х м а т о в. Очерк, § 454—459; Я г и ч. Критические заметки.

7. О Киприановской реформе: С о б о л е в с к и й. Южнославянское влияние; Щ е п к и н. Учебник, стр. 117—121; Ш а х м а т о в. Очерк, стр. 11—12, 19—21, 25—27.

8. О зап.-р. литературном языке: К а р с к и й, Белорусы, т. 1, 2, вып. 3, т. 3; О н ж е. Geschichte der weissrussischen Volksdichtung und Literatur. Berlin und Leipzig, 1926.

9. О ю.-р. литер. языке до XVIII в.: П. И. Ж и т е ц к и й. Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876 (ср.: П о т е б н я. [рец.] В кн.: «Отчет о 20-м присуждении наград графа Уварова». СПб., 1877); О н ж е. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII—XVIII вв., ч. 1, Киев, 1889 (Ср.: К о ч у б и н с к и й. [рец.]. В кн.: «Отчет о 32-м присуждении наград графа Уварова». СПб., 1890); А. К р ы м с к и й. Украинская грамматика. Т. 1, вып. 1, 2 и 6, т. 2, вып. 1. М., 1907—1908 (ср. Ш а х м а т о в [рец.]—RSl, II); А. Б о г у м и л и П. Ж и т е ц к и й. Начерк історії літературної української мови до Котляревського. Україна, 1914; М. Ф. С у м ц о в. Начерк розвитку української літературної мови. Харків, 1918; І. С в е н ц і ц к и й. Нариси з історії української мови. Львів, 1920 (работа в лингвистическом отношении неудовлетворительная).

ОБЗОР
РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

§ 24. К письменным памятникам р. языка относятся: a) надписи всякого рода: на монетах, медалях, амулетах, печатях, крестах, образах, стенах, надгробных и иных памятниках и т. д., b) рукописи в тесном смысле, c) печатные книги, d) грамоты, т. е. всякого рода правительственные и юридические акты: договоры, духовные завещания, купчие, дарственные, судебные решения, циркуляры, воззвания и пр.

Деление это условно: к надписям относятся все письменные памятники не на бумаге (на камне, металле, дереве и пр.); по содержанию и языку некоторые виды надписей однородны с так наз. вкладными записями в рукописях и вкладными грамотами; часть надписей на стенах храмов и на богослужебных предметах содержит отрывки молитв; впрочем, для историка языка важен

тот факт, что надписи делались не теми лицами, которые занимались изготовлением рукописей и грамот, и потому обычно менее знакомыми с традиционной орфографией, вследствие чего особенности живого языка их изготовителей (резчиков, живописцев и т. п.) проявляются в них иногда сильнее, чем там. Нельзя провести резкой грани между рукописями и грамотами. Так, вкладные записи в рукописях вообще мало чем отличаются от вкладных грамот и по содержанию, и по языку. Отдельные юридические акты относятся к грамотам, а сборники таких актов и своды юридических правил — к рукописям: разница в данном случае сводится к размерам. Различие между печатными книгами и рукописями, которое приходится учитывать историку языка, сводится к тому, что почти каждая рукопись отражает в той или другой мере индивидуальные черты говора писца, в печатных же книгах эти черты в значительной мере стерты, и что в них к тем двум видам отступлений от норм или оригинала, какие известны из рукописей — ошибкам и опискам, прибавляется третий — опечатки, т. е. ошибки наборщиков, в основе которых лежат ассоциации, отличные от ассоциаций, вызывающих появление ошибок и описок.

Надписи

§ 25. Монеты р. государей и должностных лиц сохранились, начиная с конца X в.; именно к этому времени относятся монеты в. кн. Володимира Св. (980—1015); к 1-й половине XI в. относятся монеты Святополка (1015—1019) и Ярослава (1019—1054), но как сказано выше, для истории р. языка надписи на этих монетах ценности не представляют, как составленные на болг. языке (надписи на монетах Володимира) или не содержащие таких данных, которыми историк р. языка мог бы воспользоваться. Надписи на монетах более поздних не вносят никаких дополнений в наши знания о др.-р. языке по сравнению с другими современными им письменными памятниками.

Надписей на камнях, стенах, надгробных памятниках и т. п. с XI до XIII в. сохранилось немного; все они невелики по объему и потому мало дают материала для истории языка, но это не мешает им быть очень ценными, потому что почти все они написаны на чисто русском языке, свободном как от элементов цсл., так и от условностей канцелярского языка грамот. Надписи 2-й полов. XIII в. и позднейшие уже такого интереса, как надписи до XIII в., не представляют.

Ценным памятником р. языка является также подпись королевы Анны, дочери в. кн. Ярослава Володимировича, матери французского короля Филиппа I, на грамоте 1063 г., выданной ею от имени несовершеннолетнего короля. Подпись сделана по-французски, но русскими буквами: ана ръина и свидетельствует

о том, что Анна отожествляла французский звук ə, произносившийся в 1-м слоге слова reina 'королева' (ныне reine), с русским звуком, обозначавшимся буквою «ъ».

Литература. I. Издания снимков с древнейших русских монет и их описания: И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты в. княжества Киевского. СПб., 1882; Он же. Древнейшие русские монеты X—XI в. СПб., 1893; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891; вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897; Н. Н. Батюшков. Волынь. СПб., 1888 (снимки с монет Володимира и Ярослава взяты из книги И. И. Толстого); Зубов. Материалы по русской нумизматике. — «Археолог. Изв.» 1897, № 11[а]; Н. И. Петров. Монеты в. кн. Изяслава Ярославича. — Труды 9 Археологич. Съезда в Вильне, 1895, т. 1.

II. Перечень надписей, их описание и издание некоторых из них: Срезневский. Древние памятники [4]; перечень с указанием изданий: Соболевский. Лекции; Карский. Очерк [1].

III. О подписи королевы Анны [5]: K. Nyrop. Grammaire historique de la langue française, I, Paris, 1904, стр. 178; Шахматов. Очерк, § 340.

IV. Издания отдельных надписей:

1. Надпись на Тьмутороканском камне 1068 г. Камень хранится в Гос. Эрмитаже в Петрограде. Издавалась несколько раз, между прочим в моей Хрестоматии. Последнее издание в превосходных снимках с эстампажей — в приложении к дилетантской статье Спицына. Тьмутороканский камень. — Записки Отделения Русской и Славянской Археологии И. Русск. Археолог. О-ва, 1915, Петрогр. т. 11.

2. Надписи, выцарапанные на стене Новгородского храма св. Софии, конца XI или нач. XII в. Изд. в снимках: В. Н. Щепкин. Новгородские надписи graffiti. М., 1902 (Древности Моск. Археолог. О-ва, т. 19, вып. 3).

3. Надпись на Вилейском камне в Вилейском у. б. Виленской губ., конца XI или нач. XII в. Изд. Е. Р. Романов. К археологии Северо-Западного Края России. Вильна, 1916. (Записки Сев-Зап. Отдела И. Русск. Географич. О-ва, кн. 2.)

4. Надписи на стене Киевского Златоверхого храма св. архангела Михаила, после 1108 г. Изд. в снимке: Срезневский. Древние памятники.

5. Надписи, выцарапанные на стене Спасо-Нередицкого храма около Новгорода, XII в. Изд. в снимке: Срезневский. Древние памятники.

6. Надписи на Борисовых камнях до 1128 г. в Могилевской губ. Одну из них, находящуюся в Высоком Городце Сенненского уезда, изд. Е. Р. Романов. Борисов камень в с. Высоком Городце Сенненского у‹езда› Мог‹илевской› г‹убернии›. Вильна, 1912. Другие также изданы, но не представляют интереса для истории языка.

7. Надпись на Стерженском кресте 1133 г. Крест хранился в Тверском Музее. Изд. А. К. Жизневский. Описание Тверского Музея. Тверь, 1880 [б].

8. Надпись на Новгородском антиминсе 1149 г. До революции антиминс хранился в Александро-Невской лавре в Петрограде. Снимок у Срезневского. Древние памятники.

9. Надпись на чаре Черниговского кн. Володимира Давыдовича до 1151 г. Чара хранится в Гос. Эрмитаже в Петрограде. Снимок изд. Бычков. О серебряной чаре XII в., принадлежавшей черниговскому князю Вла-

---

[а] См.: В. П. Зубов. Материалы по русской нумизматике. С 10 таблицами монет. М., 1897; «Археологические известия и заметки, изд. Моск. арх. о-вом», 1897, № 11, стр. 361—362 — краткая аннотация издания.

[б] Описание издавалось: «Древности», т. 7, вып. 1. М., 1877; вып. 3. М., 1878.

димиру Давыдовичу. — Зап. И. Русск. Археолог. О-ва, т. 3, СПб., 1851; текст имеется у Срезневского. Древние памятники.

10. Надпись на кресте кн. Ефросинии Полоцкой 1161 г. Изд.: Исторические сведения о жизни преп. Ефросинии Полоцкой. Полоцк, 1841; П. Н. Батюшков. Белорусия и Литва. СПб., 1890 [6].

11. Надпись на Рогволодовом камне, в 24 км. от г. Орши Могилевской губ. на Днепре, 1171 г. Изд.: П. Н. Батюшков. Белорусия и Литва. СПб., 1890; Е. Р. Романов. Борисов камень в с. Высоком Городце Сенненского у‹езда› Мог‹илевской› г‹убернии›. Вильна, 1912.

12. Надпись на кресте 1211 г. Снимок у Срезневского. Древние памятники.

13. Надпись на каменном кресте кн. Святослава Всеволодовича, 1224 г. в Юрьеве Польском (Костромской губ. на Волге). Изд. со снимками: Шляпкин. Каменный крест 1224 г. кн. Святослава Всеволодовича в городе Юрьеве Польском. СПб., 1904 (Зап. Отд. русск. и слав. археологии И. Русск. Археолог. О-ва, т. 5, вып. 2).

14. Надпись на камне 1234 г. Снимок у Срезневского. Древние памятники [7].

Рукописи

§ 26. Число старинных р. рукописей до нач. XVIII в., хранящихся в общественных библиотеках и ркп. хранилищах, достигает нескольких десятков тысяч экземпляров. Бо́льшая часть их относится к последним трем векам, т. е. XV—XVII, причем число сохранившихся рукописей XVI в. в несколько раз превышает число рукописей XV в., а число рукописей XVII в. в несколько раз больше числа рукописей XVI в. Рукописей XI—XIV в. сохранилось всего не более 1000, причем не менее половины их приходится на долю XIV в. [8]. Приблизительное представление о том, как они распределяются по векам, дает подсчет, произведенный Волковым в 1897 г. По этому подсчету всех р. рукописей до XV в. сохранилось 694, из них к XI в. он относит 22, к XII — 52, к концу XII или нач. XIII — 27, к XIII — 110, к концу XIII или нач. XIV — 32, к XIV — 359 и к концу XIV или нач. XV — 82. Подсчет этот далеко не полный; многих рукописей, имеющихся в наличности, в нем нет; кроме того, он не отличается и точностью: датировки у Волкова часто произвольны и нуждаются в значительных исправлениях, но определение соотношения между количеством рукописей отдельных веков вряд ли далеко от истины [11]. Сохранившиеся рукописи XI—XIV в. писаны в разных частях территории, занятой русскими языками: в Новгороде, Пскове, Киеве, Смоленске, Галиче и др.; впрочем

[11] По подсчету Н. К. Никольского (Материалы) также не точному, к XI в. относится 22 рукописи (считая здесь же и отрывки), к тому же столетию или нач. XII в. — 17 рукописей и отрывков. Но с датировкой Никольского также не всегда можно согласиться; между прочим, в этот перечень не попали некоторые рукописи, несомненно относящиеся к XI в. Каринский в Образцах относит к XI в. только 20 рукописей, в числе них и такие, которые у Волкова и Никольского отнесены к XII и даже XIII вв.

в большей части случаев точно определить место написания рукописи не представляется возможным.

§ 27. Бо́льшая часть древнейших рукописей представляет списки с текстов ю.-сл. происхождения, главным образом богослужебных и вообще церковных: на первом месте — евангелия, затем псалтыри, а за ними — другие богослужебные книги, как минеи, кондакари, октоихи и пр., а также црк. поучения и жития святых. Рукописей, содержащих русские переводы и оригинальные сочинения русских авторов от старшего периода, особенно от XI—XIII вв., сохранилось очень мало. Бо́льшая часть р. переводов и оригинальных произведений этого времени дошла до нас лишь в позднейших списках и переработках. Так, напр., летописное дело возникло на Руси не позже середины XI в., почти одновременно и на юге (в Киеве), и на севере (в Новгороде). Но самые старые летописные своды, дошедшие до нас, сохранились в списках не старше конца XIII в., причем к этому времени можно относить только первую часть Патр. (Синод.) списка 1-й Новгородской летописи; следующий по времени летописный кодекс, содержащий так наз. Повесть временных лет, Лаврентьевский, относится к последней четверти XIV в. (1377); остальные еще позднее. Но оба названных кодекса в частях, касающихся событий XI в., не являются простыми копиями летописей того времени, а представляют известную их переработку, и первоначальный текст XI в. восстанавливается лишь приблизительно путем сравнения этих списков с более поздними, восходящими к тем же прототипам. Сочинения выдающегося црк. оратора и писателя середины XI в., киевского митрополита Илариона и так наз. Хождение в Св. Землю киевского игумена Даниила нач. XII в. известны нам только по спискам XV и XVI вв., Слово о полку Игореве сохранилось только в Мусин-Пушкинском сборнике XVI в., сгоревшем в 1812 г., и т. д. Только немногие р. сочинения и переводы XI в. сохранились в списках более ранних. Сюда относятся Сказания о Борисе и Глебе (относимые, впрочем, некоторыми учеными не к XI, а к нач. XII в.) и Несторово Житие Феодосия Печерского в УС 2-й полов. XII в., р. перевод црк. устава середины XI в., сохранившийся в отрывке в У 142 конца XI в. и полностью в У 330 2-й полов. XII в. (существуют и более поздние списки) и др. Так как р. писатели и переводчики XI и XII вв. старались писать свои работы на цсл., а их переписчики при переписке старались стирать и те русизмы оригиналов, какие допущены были их авторами, поскольку эти русизмы не согласовались с принятыми нормами цсл. литературного языка и правописания, то поздние списки р. сочинений и переводов XI и XII в. дают обычно для суждения о р. языке этого времени, в особенности о его звуковых и отчасти морфологических чертах, значительно меньше, чем р. списки XI и XII вв. памятников ю.-сл. происхождения; но иногда анализ правописания таких поздних списков в срав-

нении с правописанием современных им списков произведений более позднего или ю.-сл. происхождения позволяет составить известное представление о правописании их прототипов и в связи с этим о фонетических и морфологических особенностях языка их авторов и внести некоторые поправки в то представление, какое получается от изучения списков XI и XII вв. памятников ю.-сл. происхождения. Некоторые указания такого рода можно, напр., извлечь из сохранившегося текста Слова о полку Игореве. Особенно ценны в этом отношении показания летописей, где мы имеем возможность сравнивать между собою части разновременного происхождения, начиная с XI вплоть до XIV в., переписанные одним писцом. Безусловно, важны поздние списки р. сочинений и переводов древнейшего периода для изучения словообразования, синтаксиса и словаря этого периода, хотя, конечно, и в этом случае следует учитывать изменения, какие вносились в первоначальный текст позднейшими писцами и редакторами.

§ 28. Бо́льшая часть р. рукописей сосредоточена в московских и петроградских библиотеках, архивах и музеях. Самым обширным и ценным из московских хранилищ рукописей является рукописный отдел Исторического Музея [9], где сосредоточен ряд рукописных собраний, в том числе старшее ркп. собрание Патриаршей Б-ки. По количеству пергаменных рукописей XI—XIV вв. собрание Моск. Истор. Музея занимает 1-е место среди всех собраний цсл. и р. рукописей. Число славянских рукописей, хранящихся в Истор. Музее, около 20 000. Второе место по числу рукописей в Москве занимает собрание Моск. Публичного и Румянцевского Музея [10], также составившееся из ряда отдельных рукописных собраний. Число рукописей этого музея превышает 10 000, но рукописей до XIV в. в нем сравнительно немного; старшая р. рукопись этого собрания — АЕ, около 1092 г. К Румянц. Музею причислены находящиеся в Сергиевом Посаде, в 70 км от Москвы, собрания Троице-Сергиевой Лавры [11] и б. Моск. Духовной Академии [12], имеющие более 2000 рукописей. Значительно меньше, чем собрания Истор. и Румянц. Музеев, но очень ценно собрание б. Моск. Патриаршей, или Синодальной, Типографии, имеющее всего около 2000 рукописей [13]; среди них имеется более 100 пергаменных XI—XV вв., в том числе около 10 рукописей XI в.; из более поздних рукописей этого собрания заслуживают внимания собственноручные рукописи р. писателей XVII и нач. XVIII в. В настоящее время эта библиотека причислена к Моск. Главному Архиву, но остается в собственном помещении. Кроме этих собраний, много старых рукописей в Моск. Главном Архиве (б. Архиве Министерства Иностранных Дел). Старшие рукописи этого собрания относятся к XII—XIII в.

В Петрограде самым богатым собранием рукописей обладает Петрогр. Публичная Библиотека [14]. По числу рукописей еще

до присоединения к нему собраний б. Петрогр. Духовной Академии оно было первым в России. Общее число хранящихся здесь р. и цсл. рукописей не менее 30 000, в том числе много пергаменных, начиная с XI в. Из р. рукописей XI в. здесь находятся ОЕ. И 76, ГБ и ряд отрывков. После ликвидации духовных академий сюда присоединены и богатые собрания Петрогр. Духовной Академии [15], содержащие около 4000 рукописей почти исключительно сев.-р. Значительно меньше — два других петрогр. собрания — Академии Наук [16] и б. О-ва Любителей Древней Письменности [17]. В обоих есть и пергаменные рукописи XI—XV вв.

Из ркп. собраний, находящихся в других городах, кроме уже упомянутых собраний Сергиева Посада, назову: a) обширное собрание б. Казанской Духовной Академии, позднее Казанского Университета, составившееся из рукописей Соловецкого монастыря, почти исключительно сев.-р.[12], b) ркп. собрания Киевских библиотек (сосредоточены большей частью в Црк.-Археолог. Музее при б. Киевской Дух. Академии) [19], c) собрание Тверского Музея в Твери (около 2000 рукописей) [20]; менее обширные ркп. собрания имеются, между прочим, в Харькове (Университет) [21], Саратове (Университет) [22], Одессе (Университет) [23] и др. городах.

Вне пределов СССР самыми обширными собраниями русских почти исключительно зап.-р. ркпсей являются собрания Виленской Публ. Библиотеки]24[и Виленского Музея. Значительное число ркпсей сосредоточено во Львове (в Национальном Музее, Народном Доме, Б-ке Наукового Товариства имени Шевченка, монастыре св. Онуфрия и др.) [25]; небольшое собрание ю.-р. ркпсей имеется и в Ужгороде [26]; кроме того, р. рукописи, частью очень ценные для историков р. языка, имеются в Лондоне, Оксфорде, Стокгольме, Вене, Берлине, Праге и в других местах.

§ 29. Ввиду того, что многис учреждения, обладающие ркп. собраниями, в последнее время были уничтожены, а хранившиеся в них ркп. собрания были переведены в другие учреждения, укажу состав ркп. собраний главнейших учреждений.

I. Собрания Моск. Истор. Музея составляют две группы: А. собрание Патриаршей Б-ки и Б. собственное собрание Истор. Музея; каждая состоит из нескольких собраний: А. 1. основное собрание Патриаршей, или Синодальной, Б-ки (около 1500 ркп.), 2. собрания Московских Кремлевских соборов (Успенского и Архангельского), 3. Чудова монастыря в Кремле, 4. Новоиерусалимского монаст., 5. Симонова монаст., 6. Новоспасского монаст., 7. Никольского единоверческого монаст. (ркп. этого монастыря, около 400 экземпляров принадлежали раньше А. И. Хлудову; в собрание Хлудова вошло и более старое собрание А. И. Лоб-

---

[12] Зимой 1926—1927 гг. собрание перевезено в Москву [18].

кова), 8. Моск. Епархиальной Б-ки, 9. б-ки Училища Синодальных певчих; Б. 1. основное собрание Моск. Истор. Музея, 2. собрание А. Д. Черткова, находившееся в Истор. Музее на хранении, 3. Е. В. Барсова (около 3000 ркп.), 4. М. И. Соколова (около 100 ркп.), 5. П. И. Щукина, 6. графов Уваровых, находившееся до революции в Поречье Моск. губ. (около 3000 ркп., в собрание гр. Уваровых вошло и собрание Н. И. Царского), 7. И. А. Вахрамеева, раньше находившееся в Ярославле (около 2000 ркп.), 8. И. Е. Забелина (около 1500 ркп.) и др. [27].

II. Собрания Моск. Публичного и Румянц. Музея состоит между прочим из следующих собраний: 1. гр. Н. П. Румянцева (500 ркп.), 2. И. Д. Беляева, 3. Т. Ф. Большакова, 4. А. Е. Викторова, 5. В. И. Григоровича, 6. П. А. Муханова, 7. Д. В. Пискарева, 8. Андрея Попова, 9. Н. С. Тихонравова (около 700 ркп.), 10. В. М. Ундольского (более 1500 рукп.) и др. В приписанном к Румянц. Музею собрании рукописей Б-ки б. Моск. Духовной Академии бо́льшая часть рукописей поступила туда из Иосифова Волоколамского монастыря.

III. В собрание Моск. Главного Архива вошли: 1. основное собрание Архива, 2. собрание кн. М. А. Оболенского и 3. собрание Ф. Ф. Мазурина [28].

IV. Из многочисленных собраний, вошедших в состав Петроградской Публичной Б-ки, назову: 1. П. Д. Богданова, 2. Ф. И. Буслаева, 3. А. Ф. Бычкова, 4. Н. М. Михайловского, 5. М. П. Погодина, 6. П. И. Савваитова, 7. Ф. А. Толстого, 8. Хлебникова. Присоединенное к ней собрание б. Петрогр. Духовной Академии составилось главным образом из двух собраний: 1. Новгородского Софийского собора и 2. Кирилло-Белозерского монастыря.

V. Ркп. собрание Академии Наук состоит: 1. из основного собрания, куда вошли между прочим рукописи, принадлежавшие некоторым академикам, 2. рукописей, вывезенных с севера из Олонецкой, Архангельской, Вологодской и др. губ. Вс. И. Срезневским, 3. собрания А. И. Яцимирского, 4. ркп., большею частью отрывков, поступивших из финляндских библиотек. В последнее время сюда же поступило и собрание б. И. Археографической Комиссии.

VI. Собрание б. Общества Любителей Древней Письменности составилось главным образом из двух собраний: 1. кн. П. П. Вяземского и 2. гр. С. Дм. Шереметьева.

Литература. Сведения о ркп. собраниях: Карский. Очерк [1] и Очерк [2] (Очерк [1] — подробнее, но в Очерке [2] есть некоторые дополнения, отсутствующие в первом); Соболевский. Лекции; Он же. Сл.-р. палеография; Сперанский. История древней р. литературы, т. 1.

Многие ркп. собрания имеют печатные каталоги и описания рукописей. Перечни таких описаний (неполные) имеются в назв. выше Лекциях Соболевского, Очерке Карского, Истории древней р. литер. Сперанского. Ср. также: Смирнов. Указатель описаний славянских и русских рукописей отечественных и заграничных. Сергиев Посад, 1916. О позднейших описаниях

см.: рецензии в Изв. и в РФВ Н а з а р е в с к о г о, П е р е т ц а, М и х а й л о в а и др. Важнейшие из существующих описаний: 1. А. Х. В о с т о к о в. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842; 2. [Г о р с к и й и Н е в о с т р у е в]. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки; вышло 7 книг. М., 1855—1917; Библиотека Моск. Синодальной Типографии. Ч. 1. Рукописи, вып. 1—6 (вып. 1 составл. А. О р л о в ы м, 2—4 — В. П о г о р е л о в ы м и 5 и 6 — А. А. П о к р о в с к и м) [29]. Кроме того:

список сохранившихся рукописей с XI до нач. XV в. (неполный): Н. В о л к о в. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. СПб., 1897;

список р. рукописей XI в. и позднейших рукописей, содержащих р. сочинения XI в.: Н. Н и к о л ь с к и й. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906;

список рукописей, содержащих жития р. святых: Н. Б а р с у к о в. Источники русской агиографии. СПб., 1882 (ПДрП, вып. 51).

О происхождении старших р. рукописных собраний и находящихся в них рукописей:

А. П о к р о в с к и й. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916 (Труды 15 Археолог. Съезда в Новгороде, т. 2).

Издания

§ 30. Из сохранившегося ркп. богатства издана до сих пор лишь незначительная часть; остаются неизданными даже некоторые из древнейших памятников русского письма. Кроме того, и изданные памятники далеко не всегда изданы с такою точностью, которая устраняет необходимость обращаться к рукописи при изучении изданного текста со стороны языка. Все же безотносительно число изданных старинных текстов довольно велико. Печатались они главным образом в следующих изданиях: 1. в различных публикациях Академии Наук (в Сборнике и Известиях Отделения р. языка и словесности, Памятниках ст.-сл. языка, Исследованиях по р. языку и др.); 2. в изданиях И. Археографической Комиссии, в настоящее время слитой с Академией Наук (Арх. Ком. издавала главным образом летописи и др. исторические памятники; бо́льшая часть ее изданий до 1900-х годов выполнена неудовлетворительно: редакторы не только не заботились о точной передаче правописания, но и исправляли правописание, а иногда и текст, руководствуясь совершенно произвольными соображениями; от этих недостатков свободны издания, вышедшие после 1900 г. и выполненные с большой тщательностью); 3. в изданиях Общества Любителей Древней Письменности (последние распадаются на две серии: a) Памятники древней письменности и искусства (ниже: ПДрП) и b) Издания ОЛДрП; и той и другой серии вышло до сих пор приблизительно по 200 выпусков); 4. в Чтениях в И. Обществе Истории и Древностей Российских (ниже: ОИДрР), содержащих ряд точных изданий многих

древнейших памятников р. письма и языка; 5. в Древностях Моск. Археолог. О-ва и состоявшей при нем Славянской Комиссии (в Древностях самого Общества издавались большие работы по материальной и доисторической археологии, но встречаются и тексты литературные; так, например, там издана так наз. Екатерининская копия Слова о полку Игореве; в Древностях Слав. Комиссии печатались главным образом литературные тексты в приложениях к исследованиям историко-литературного характера); 6. в Чтениях в Историческом О-ве Нестора Летописца в Киеве; 7. в Летописи Византийско-Слав. Отделения Историко-Филологического О-ва при Новороссийском Унив.; 8. в Известиях и Записках разных университетов (Киевского, Одесского, Харьковского, Казанского и др.); 9. в Изданиях Наукового Товариства имени Шевченка во Львове (главным образом в Пам'ятках україньско-руськоï мови і літератури, изд. Франком и, частью, в Записках).

§ 31. Список древнерусских рукописей, преимущественно XI—XIV вв., их изданий и исследований об их правописании и языке [13].

1. Остромирово Ев. а. 1056 г. /ОЕ/ (Петр. Пб. Б-ка F.I.5) [a], писано для Новгородского посадника Остромира. Бо́льшая часть /ОЕ [2]/, кроме л. 1-24/ОЕ [1]/ и части заголовков /ОЕ [3]/ писана дьяконом Григорием. Изд.: 1) А. Востоков. ОЕ 1056—1057 гг. с приложением греч. текста евангелий и с грамматическими объяснениями. СПб., 1843; поправки — в статье Козловского; 2) И. Савинков. ОЕ 1056—1057 гг., хранящееся в Имп. Публ. Б-ке. СПб., 1883; 3) Он же. То же СПб., 1889 (оба раза в снимке). Более точные снимки с нескольких страниц ОЕ: a) Срезневский. Древние памятники. 2. Изд. 2; b) Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских ркпсей И. Публ. Б-ки. СПб., 1914; c) Каринский. Образцы. Иссл.: 1) М. М. Козловский. Исследования о языке ОЕ. — Иссл. по р. яз., т. 1. СПб., 1885—1895; 2) Шахматов и Щепкин. Особенности языка Остромирова евангелия в приложении к кн. А. Лескин. Грамматика старославянского языка. Русский перевод. М., 1890; 3) Волков. О неновгородском происхождении диакона Григория, писца ОЕ.— ЖМНПр, 1897, декабрь; 4) Каринский. ОЕ как памятник древнерусского яз. — То же, 1903, май; 5) Фортунатов.

[13] В список вошла бо́льшая часть рукописей XI—XIV вв., изданных полностью или в части, а также тех, о языке которых есть печатные работы. Из остальных рукописей этого времени упоминаются лишь немногие, по большей части знакомые мне непосредственно. Из позднейших столетий называются рукописи, описанные со стороны языка или изданные, но только некоторые. Перечисление всех изданных или описанных со стороны языка текстов XV—XVIII вв. потребовало бы большой работы и при отсутствии многих русских книг в заграничных библиотеках было бы не выполнимо.

[a] Рук. ГПБ, F, п. I, 5; копия XIX в. — там же, F, I, 55.

Состав ОЕ. — Сб. Ламанского, т. 2, 1908; 6) Каринский. Письмо ОЕ. Палеографический очерк. — Сб. Российской Публичной Б-ки, т. 1, вып. 1. Пг., 1920; 7) Он же. Образцы (Введение), ср., Дурново. [Рец.] — ZslPh, III; 8) Дурново. Русские ркпси [30].

2. Изборник Святославов 1073 г. (Моск. Ист. М., Патр. 31) [а] /И 73/, списанный для в. кн. Святослава Ярославича со сборника переведенного с греч. для болг. царя Симеона. И 73 писан двумя писцами: 1) л. 1—86, и 264—266 об. /И 73^{1}/ и 2) л. 86—264 /И 73 ^{2}/. Изд.: 1) Изборник в. кн. Святослава Ярославича 1073 г. иждивением С. Т. Морозова. Изд. ОЛДрП, 1880 (снимок); поправки: Шахматов. Zur Textkritik der Codex Sviatoslava vom J. 1073 nach der photolitografischen Ausgabe. — AslPh, VI, 6, 590—597; 2) Бодянский только первая половина en regard с греч. текстом. Изборник в. кн. Святослава Ярославича 1073 г. с греч. и лат. текстами. С предисловием Е. В. Барсова и запискою А. А. Дювернуа. — Чт. в ОИДрР, 1882, кн. 4. М., 1883. Иссл.: 1) Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 2, № 161, стр. 365—405; 2) Дурново. Русские ркпси [31].

3. Изборник Святославов 1076 /И 76/ (Петр. Пб. Б-ка, Эрмитажное собр. 20) [б] пис. для того же в. кн. Изд.: В. Шимановский в приложении к дилетантской кн.: К истории древнерусских говоров. Исследование с приложением полного текста Сборника Святослава 1076 г. Варшава, 1887, и вторично отдельно <Изборник Святослава 1076 г.> в 1894 г. Издание совершенно неудовлетворительно, но с некоторой осторожностью пользоваться им можно, если принять во внимание замечания Кульбакина. Святославов Сборник 1076 г. в последнем издании, в ЖМНПр, 1898, февраль и поправки Боброва, К исправлению печатного текста Сборника 1076 г. в РФВ, т. 47 и 48, кн. 1—4. Отрывки имеются в Истор. Хрестоматии Буслаева (1861 г.) и в Хрестоматии Каринского. Снимки: 1) Срезневский. Древние памятники, 2, изд. 2; 2) Палеографические снимки (см. выше, № 1); 3) Каринский. Образцы [32].

4. Архангельское Ев. а. конца XI в. /АЕ/ (Моск. Рум. М. 1666) [в]; писано несколькими писцами: 1. л. 1—76 об. /АЕ^{1}/ 2. л. 77—175 писцом Мичкою /АЕ^{2}/, обе части раньше, чем /АЕ^{3}/, т. е. не позже 1092 г.; 3. л. 175—177 каким-то попом в 1092 г. /АЕ ^{3}/ и 4. л. 178-178 об. /АЕ ^{4}/; л. 177 об. заполнен кем-то позднее. Изд. в снимке с помощью трехцветной фотоцинкографии: АЕ 1092 г. Издание Моск. Публ. и Рум. Музеев. М., 1912 [14]. —

[а] Рук. ГИМ, Син., № 31-д.

[б] Рук. ГПБ, Эрмитажн., № 20.

[в] Рук. ГБЛ, ф. 178, № 1666.

[14] Издание до такой степени точно воспроизводит оригинал, что проф. Траутман принял его за подлинную рукопись АЕ (см.: Trautmann. Staroruské Evangelie Archangelské. — LF, XLVIII, 1921).

Иссл.: 1) Карский. АЕ 1092 г. — РФВ, т. 69, 1912; 2) Дурново. Ст.-сл. смягченные согласные в АЕ. — Slavia, II, 4; Он же. Русские ркпси [15] [33].

5—7. Минеи служебные за сентябрь, 1095 или 1096 г. /М 95/, октябрь 1096 г. /М 96/ и ноябрь 1097 /М 97/ (Моск. Син. Тип 84, 89, 91 по другой нумерации 294, 200, 202) [а]. Изд.: Ягич. Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь по рукописям Моск. Синод. Типографии 1095—1097 гг. СПб., 1866. (Памятники др.-р. яз.) — Иссл.: 1) М 95 — М. Карнеева, Язык Служебной Минеи 1095 г., РФВ, т. 75, 76, 78; 2) М 96 — Комарович. Язык Служебной октябрьской Минеи 1096 г. — Изв. т. 30; 3) М 97 — Обнорский. Исследование о яз. Минеи за ноябрь 1097 г. — Изв. т. 29.

8—11. То же за январь, апрель, июль и август, конца XI или нач. XII в. (там же 99, 110, 121, 125, по другой нумерации 210, 221, 234, 238) [б], принадлежит тому же комплекту, как и предыдущие. Июльская М 121 (234) содержит службу св. Борису и Глебу, составленную митроп. киевским Иоанном I греком (ум. в 1038 г.) [34].

12. Туровские листки евангельских чтений, XI в. /ТЛ/ (Вильно Пб. Б-ка) [в]. Изд.: 1) Туровское Евангелие одиннадцатого века. Издание Виленского Учебного Округа. СПб., 1868 (снимок). 2) П. А. Гильдебранд. Туровское Евангелие одиннадцатого века. 1. Краткое известие о Туровском Евангелии. 2. Древний текст, с современным насупротив и с отменами по Остромирову Евангелию. Вильна, 1869; 3) Каринский. Хрестоматия (по изд. Вил. Уч. Окр.) — Иссл.: Дурново. Русские ркпси.

13. XIII слов Григория Богослова, XI в. /ГБ/ (Петр. Пб. Б-ка Q.I.16) [г], списаны с глаголического оригинала. Изд.: А. Будилович, XIII слов Гр. Бог. в древнеславянском переводе по рукописи Имп. Публ. Б-ки, XI в. СПб. 1875. — Снимки: 1) Соболевский. Слав.-р. палеография; 2) Каринский. Образцы. Иссл.: 1) А. С. Будилович. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи имп. Публ. Б-ки, XI в. СПб., 1871 (очень слабая работа); 2) Дурново. Русские рукописи (по изд. Будиловича); 3) Васильев. С каким звуком; 4) Он же. Об одном случае.

14. Огласительные слова Кирилла Иерусалимского, XI в. (Моск. Ист. М., Патр. 478) [д] /КИ/. Описание и мелкие выдержки: Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 2, № 114,

---

[15] Старшую литературу см.: Воскресенский. Ев. от Марка.
[а] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 84, 89, 91.
[б] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 99, 110, 121, 125.
[в] Рук. ЦГАН ЛитССР, ф. 19, № 1.
[г] Рук. ГПБ, Q, п. I, 16.
[д] Рук. ГИМ, Син., № 478.

стр. 44—62. — Снимки: Каринский. Образцы. — Иссл.: 1) Дурново, Русские рукописи; Он же. Рец. на книгу Кульбакина о Миросл. Ев. — Slavia, V, 3, 1927.

15. Патерик Синайский, или Луг Духовный (Λειμὼν Πνευματικός) Иоанна Мосхова (Ἰωάννης τοῦ Μόσχου), XI в. (Моск. Ист. М., Патр. 551) [а] /СПт/. Изд. небольшую часть Срезневский, Свед. и Зам., 83. Снимки у Каринского. Образцы. — Иссл.: 1) Срезневский. То же; 2) Дурново. Русские ркпси [35].

16. Пандекты Антиоха, XI в. /ПА/ (Моск. Ист. М., Н.-Иерус. 30) [б] Изд.: 1) две первых тетради рукописи: О. М. Бодянский. Пандект монаха Антиоха. По ркпси XI в., принадлежащей Воскресенскому монастырю. М. 1913; 2) небольшие выдержки: Срезневский. Древние памятники; Он же. Выписки из списка Пандект Антиоховых XI в. СПб., 1858 — Изв. Второго отделения Акад. Наук, т. 7; 3) со словарем: Амфилохий. Исследование о Пандектах Антиоха XI в., находящихся в Воскресенской Новоиерусалимской б-ке. М., 1880 (небольшие выдержки и словарь). Снимки: 1) Амфилохий. То же; Он же. Снимки с ркпсей Воскресенской Новоиерусалимской Б-ки. М., 1858—1873 [в]; Срезневский. То же, 2; Каринский. Образцы. — Иссл.: Копко. Исследование о языке Пандектов Антиоха XI в. — Изв. т. 20, кн. 3 и 4; 2) Дурново. Русские ркпси.

17. Чудовская Псалтырь, XI в. /ЧПс/ (Моск. Ист. М., Чуд. 7) [г]. Изд.: В. Погорелов. Чудовская Псалтырь XI в. Отрывок толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболг. переводе. СПб., 1910 (Памятники ст.-сл. яз., т. 3, вып. 1). Словарь к ЧПс.: В. Погорелов. Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболг. переводе. Варшава, 1910. Иссл.: 1) Он же. Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболг. переводе. Рассмотрение списков и исследование особенностей псалтырного текста. Варшава, 1910; 2) Обнорский. К истории глухих в Чудовской Псалтыри. — РФВ, т. 68, № 3 и 4.

18. Отрывок жития Кондрата, XI в., 2 листа (Петр. Пб. Б-ка Погод. 64) [д] /ЖК/. Изд.: Ягич. Zur Berichting der altrussi-

---

[а] Рук. ГИМ, Син., № 551.

[б] Рук. ГИМ, Воскр., № 30.

[в] Работа имеет иное название: Амфилохий, архим. Описание рукописей Воскресенского ставропигиального первоклассного, именуемого Новый Иерусалим, монастыря, писанных на пергамине и бумаге. — Изв. Второго отделения Академии Наук, т. 7, 1858, т. 8, 1859, вып. 2, вып. 3; То же в отдельном издании: Он же. Описание Воскресенской Новоиерусалимской Библиотеки. М., 1875. О названной рукописи см. стр. 45—53.

[г] Рук. ГИМ, Чуд., № 7.

[д] Рук. ГПБ, Погод., № 64.

schen Texte. 1.-AslPh, VI, 228—231. Там же и описание языка, стр. 225—228.

19. Отрывок Феклы, XI в., 2 листа (Петр. Пб. Б-ка, Погод. 63) [а] /ЖФ/. Изд.: Ягич. То же (см. № 18), 236—238. Там же и описание языка, 232—235.

20. Евгениевская Псалтырь — отрывок Псалтыри с толкованиями Афонасия, XI в. 20 листов, /ЕПс/ (л. 1—9 и 12—20 — Петр. Пб. Б-ка, Погод. 9; л. 10—11 — Акад. Наук 4. 5. 7.) [б]. Изд.: Срезневский. Древние памятники. Поправки к изд. Срезневского и характеристика правописания ркпси — в статье Гринковой, Евгениевская Псалтырь как памятник русской письменности XI в. — Изв., т. 29.

20. Путятина Минея за май, XI в. /ПМ/ (Петр. Пб. Б-ка, б. Петр. Дух. Акад., Соф.) [в]. Изд. выдержки: 1) Срезневский. Древние памятники; 2) Ягич. Служебные Минеи (Введение), стр. LXIV—LXV и LXXV—LXXVI [36].

21. Бычковская Псалтырь, отрывок Псалтыри, XI в. /БПс/ (Петр. Пб. Б-ка, Бычк. 2) [г]. Изд.: Срезневский. Свед. и зам., 42.

23. Русские дополнения к Савиной книге, XI в., р. (Моск. Син. Тип. 14) [д]. Снимки у Каринского, Образцы.

24. Отрывок црк. устава и кондакарь, конца XI в. (Моск. Син. Тип. 142) [е] /У 142/. Ркпсь с.-р. список с ю.-р. оригинала. Перевод црк. устава — русский (ю.-р.) середины XI в. Ср. ниже списки того же перевода № 62, 139, 147 и др. Изд. небольшие отрывки: Амфилохий. Кондакарий в греч. подлиннике XII—XIII в. по рукописи Моск. Синод. Б-ки № 437 с древнейшим славянским переводом кондаков и икосов, ч. 1-2, М., 1876—1879. Снимок и несколько небольших отрывков: Лисицин. Первоначальный славянорусский Типикон. — Иссл.: Дурново. Русские ркпси.

25. Кирилловская часть Реймского Ев., конца XI или нач. XII в. списана, по-видимому, с срб. оригинала /РЕ/ [ж]. Изд. Louis Léger. L'évangeliaire slavon Cyrillique Glagolitique dit. Texte du Sacra. Édition facsimile en héliogravure, publiée sous les auspices de l'Academie Nationale du Reims précédés d'une introduction historique par Louis Léger. Reims—Prague, 1899. Иссл.: Соболевский. Кирилловская часть Реймского Евангелия. — РФВ, т. 18; Дурново. Русские ркпси; Он же, Рец. на кн. Кульбакина о Миросл. Ев. — Slavia, V, 3.

[а] Рук. ГПБ, Погод., 63.
[б] Рук. ГПБ, Погод., № 9; БАН, 4. 5. 7.
[в] Рук. ГПБ, Соф., № 202.
[г] Рук. ГПБ, Q, п. I, 73.
[д] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 14.
[е] Рук. ГТГ, Отд. 8, 779-17, К-5349.
[ж] Литографированная копия 1841 г. в ГПБ, F. I, 56.

26. Мстиславово Ев. а., до 1117 г. (Моск. Ист. М., Арх. собр.) [а] /МЕ/, писано для новгородского кн. Мстислава Володимировича. Изд. часть, содержащую чтения из еванг. от Марка; Воскресенский. Ев. от Марка; записи МЕ изд.: П. К. Симони. МЕ XII в. в археологическом и палеографическом отношениях. СПб., 1904 и 1910 (Изд. ОЛДрП, т. 123 и 129). Снимки там же. Описание правописания: Карский. Особенности письма и языка МЕ. — РФВ, т. 34, № 4; Библиография указана у Симони.

27. Юрьевское Ев. а., около 1120 г. (Моск. Ист. М., Новоиерус. 1003) [б] писано для Новгородского Юрьевского монаст. при игумене Кириаке (1118—1128). Изд. небольшие выдержки: 1) Амфилохий. Описание Юрьевского евангелия 1118—1128 г. Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1877; 2) Срезневский. Древние памятники. Снимки: 1) Срезневский. То же; 2) Амфилохий. Снимки с рукописей Воскресенской Новоиерусалимской б-ки. М., 1858—1873.[в] [37].

28. Галицкое Ев. тетр 1144 г. /ГЕ/ (Моск. Ист. М., Патр. 404) [г], ю-р.; лист 1—228 писаны в Галиче в 1144 г., остальные (л. 229—260) там же приблизительно в XII—XIII в. До 2-й полов. XVII в. принадлежало Галицкому Крылосскому монастырю. Изд.: 1) полностью, кроме части, писанной позднее: Амфилохий. Четвероевангелие Галичское 1144 г., исправленное по древним славянским памятникам, согласно греческому подлиннику с четырьмя изображениями евангелистов и двумя изображениями спасителя, т. 1. М., 1882; т. 2. М., 1883 (3-й том содержит статьи, не имеющие непосредственного отношения к тексту ГЕ). Поправки к тексту ев. от Матфея в этом издании — в диссертации Le Juge (см. ниже); 2) только ев. от Марка: Воскресенский. Ев. от Марка. Издание Воскресенского точнее, чем Амфилохия, но и оно не удовлетворяет всем требованиям, какие могут быть предъявлены к научному изданию. Небольшие выдержки есть: 1) у Горск. и Невостр. Описание, т. 1, отд. 1, № 20, стр. 208—215; 2) в Исторической Хрестоматии Буслаева, 1861 г.; 3) в моей Хрестоматии. Снимки: 1) П. М. Погодин. Образцы славянского древлеписания. Тетрадь 1. М., 1840; 2) Савва. Палеограф. снимки с греч. и слав. ркпсей Моск. Син. Б-ки VI—XV вв. М., 1863; [Буслаев] Материалы для истории письмен. Изготовлены к столетнему юбилею Моск. Университета трудами профессоров и преподавателей Петрова, Клина, Менщикова и Буслаева. М., 1855. Опис.: 1) Буслаев. То же: 2) Горск. и Невостр. То же; 3) Ягич. Четыре критико-палеографические статьи. Приложение к отчету о присуждении

[а] Рук. ГИМ, Син., № 1203.
[б] Рук. ГИМ, Син., № 1003.
[в] См. сноску к № 16.
[г] Рук. ГИМ, Син., № 404.

18-й Ломоносовской премии за 1883 г. СПб., 1884, стр. 74—102 (Сборн., т. 33); 4) Он же. Критические заметки; 5) Le Juge. Das Galizische Tetroevangelium von J. 1144 (Inaugural-Dissertation); 6) О позднейшей части ГЕ: Соболевский. Очерки; 7) Дурново. К истории звуков русского языка. 1. *кы* и *ки* в ГЕ. — Slavia, I, 1; Он же. Русские ркпси.

29. Стихирарь, 1157 г., новгородский (Моск. Ист. М. Патр. 589) [а]. Снимки: 1) М. П. Погодин. Образцы славянского древлеписания. Тетрадь 1. М., 1840; 2) Материалы для истории письмен (см. № 28); 3) Срезневский. Древние памятники, 2.

30. Стихирарь 1156—1163 г. новгородский (Петр. Пб. Б-ка, б. Петр. Дух. Акад., Соф. 384) [б]. Отсюда стихиры Борису и Глебу изд.: 1) Абрамович. Памятники др.-р. литературы; 2) Небольшие выдержки: Срезневский. Древние памятники.

31. Добрилово Ев., 1164 г., ю.-р. (Моск. Рум. М., 103) [в], писано дьяконом Добрилом. Образцы текста изд.: Соболевский в приложении к Очеркам в Унив. Изв. 1883, № 10 и 12. Иссл.: 1) Соболевский. Очерки [38].

32. Погодинское Ев. а. № 11, нач. XII в. (Петр. Пб. Б-ка, Погод. 11) [г].

33. Типографское Ев. т., № 1, первой половины XII в. /ТЕ 1/ (Моск. Син. Тип. 1) [д]. Небольшие отрывки изд.: Амфилохий. Палеогр. описание греч. ркпсей XI и XII века определенных лет. Т. 2. М., 1882, с. 45—46, 71—74. Сведения о правописании и языке: Дурново, Русские ркпси.

34. Пантелеймоново Ев. а., XII в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф. 1) [е], ю.-р.

35. Евангельские отрывки Одесского Университета, XII в.[ж] Описал Б. М. Ляпунов. Несколько слов о рукописи евангельских чтений, хранящихся в б-ке имп. Одесского О-ва Истории и Древностей. — Зап. имп. Одесского О-ва Истории и Древностей, т. 27. Одесса. 1907 («Протоколы заседаний»), стр. 76—95.

36. Типографское Ев. а., № 7, второй полов. XII в. (Моск. Син. Тип. 7) [з], ю.-р. Образцы текста изд.: Соболевский в Унив. Изв. 1883, № 10, 12, 1884, № 6, как приложение к Очеркам. Иссл.: Соболевский. Очерки.

37. Христинопольский Апостол, второй полов. XII в. (кроме 1-й тетради, до войны хранился в Ставропигийском Институте во Львове, во время войны был вывезен; где хранится теперь, не-

[а] Рук. ГИМ, Син., № 589.
[б] Рук. ГПБ, Соф., № 384.
[в] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 103.
[г] Рук. ГПБ, Погод., № 11.
[д] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 1.
[е] Рук. ГПБ, Соф., № 1.
[ж] Рук. Одесского археологического музея, № 59625.
[з] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 7.

известно; 1-я тетрадь — 8 листов хранится в Киеве и принадлежит б-ке Киевского Университета) [а], ю.-р. Изд.: 1) Львовскую часть ркпси (кроме 1-й тетради). Калужняцкий. Actus epistolaeque apostolorum palaeslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani, saeculo XII scripti, edidit Aemilius Kałużniacki. Sumptibus literarum Academiae. Vindobonae, 1896; первую (Киевскую) тетрадь С. Маслов. Отрывок Христинопольского Апостола, принадлежащий б-ке Университета св. Владимира. — Изв. т. 15, кн. 4 (со снимками). Иссл.: 1) Калужняцкий. То же; 2) Маслов. То же; 3) Колесса. Південно-Волинське Городище і городиські рукописні памятники XII—XVI в. I—III. — Науковий Збірник Українського Университету в Празі, т. 1. Прага, 1923, стр. 35—47.

38. Толстовская Псалтырь, XII в. (Петр. Пб. Б-ка, F, I. 23) [б] с толкованиями Афонасия. Изд. варианты ТПс к Болонской Пс.: Ягич. Словѣнскаꙗ Псалътырь. Psalterium Bononenѕe. Wien, 1907, стр. 742—780. Опис.: Он же. То же, стр. 851—856.

39. Учительное Ев. Константина Болгарского XII в. (Моск. Ист. М., Патр. 262) [в]. Небольшие выдержки: Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 2, № 163, стр. 409—434 [39].

40. Беседы на Ев. папы Григория Великого, XII в. (Петр. Пб. Б-ка, Погод. 70) [г], по-видимому, с.-р. (Соболевский и Копко ошибочно считают ркпсь галицко-волынской). Из этой ркпси изд.: Соболевский. Слово о болящих ради и врачевальную молитву — Матер. и исслед. IV. К хронологии цсл. памятников, стр. 100-104. — Иссл.: 1) Соболевский. Цсл. тексты Моравского происхождения. — РФВ, т. 43, № 1; 2); Он же. Словарный материал двух древних памятников чешского происхождения, в Матер. и исслед.; 3) П. М. Копко, Исследование о языке Бесед на Евангелие (св. Григория папы Римского), памятника XII в. Львов, 1900 (Научно-литературный сборник Галицко-Русской Матицы).

41—50. Служебные Минеи Патр. Б-ки, XII в. № 159—168 (Моск. Ист. М.) [д], за целый год, кроме марта и июля, 10 книг, новгородские. Службы св. Вячеславу Чешскому в Минее за сент. и Димитрию Солунскому в Минее 160 за окт. и ряд небольших выдержек изд. в Описании Горск. и Невостр., отд. 3, ч. 2. (здесь эти Минеи описаны под № 432—442). Отрывок из Минеи 161 за ноябрь изд.: Ягич. Служ. Минеи, стр. 241—264, отрывки из Минеи 162—164 и 166—168 за месяцы дек., янв., февр., май, июнь и авг.: Он же. То же стр. LIII—LXIV и CV—CXXX.

[а] Рук. ЦБАН УССР, М. 3/22; ЛИМ рук. — 39.
[б] Рук. ГПБ, F, п. I, 23.
[в] Рук. ГИМ, Син., № 262.
[г] Рук. ГПБ, Погод., № 70.
[д] Рук. ГИМ, Син., № 159—168.

51. Типографская Служебная Минея № 122, XII в. за июль (Моск. Син. Тип.) [а]; отсюда службу св. Борису и Глебу митроп. Иоанна I изд.: А б р а м о в и ч. Памятники др.-р. литературы, 2.

52. Софийская Служебная Минея за сент. и окт., XII в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф. 188) [б]. Отрывки изд. Я г и ч. Служ. Минеи, стр. 13—37, 70—71, 97—101, 107—111, 143, 172—173, 218—223, 226, 227—235. Описал: О н ж е. То же стр. XXXIV—XXXIX.

53. Типографская Служебная Минея за ноябрь, первой полов. XII в. (Моск. Син. Тип.) [в]. Большой отрывок и варианты к М 97 изд. Я г и ч. Служ. Минеи, стр. 267-274 и др. Описал: О н ж е. То же стр. XLV—XLVII.

54. Трефолой (избранные службы Минеи) за сент., окт. и ноябрь, XII в. (Петр. Пб. Б-ка Q, I, 12) [г]. Отрывки изд.: Я г и ч. Служ. Минеи, стр. 238—241 и 509—512.

55. Триодь Постная, Патр. № 319, XII в. (Моск. Ист. М.) [д]. Отсюда изд. службу на 5-ю неделю (воскресенье) Великого Поста (так наз. неделю о богатом и Лазаре) полностью (стр. 507—510) и небольшие выдержки из других служб: Г о р с к. и Н е в о с т р. Описание, отд. 3, ч. 1.

56. Канонник (сборник богослужебных канонов). Типографский № 80, XII в. (Моск. Син. Тип.) [е].

57. Погодинский Кондакарь № 43, XII в. (Петр. Пб. Б-ка, Погод.) [ж].

58. Нижегородский Нотный кондакарь, XII в. (Петр. Пб. Б-ка Q, I, 32) [з]. Отрывок изд.: К а р и н с к и й. Хрестоматия [40].

59—60. Стихирари Патр. Б-ки № 279 и 572, XII в. (Моск. Ист. М.)[и]. Содержат между прочим стихиры прп. Феодосию Печерскому [41].

61. Софийский Стихирарь 387, XII в. (Петр. Пб. Б-ка б. Дух. Акад., Соф.). то же[к].

62. Церковный Устав (Τυπικόν) Студийский, XII в.[15] (Моск. Ист. М., Патр. 330)[л]. /У 330/, славянский перевод црк. устава

[а] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 122.
[б] Рук. ГПБ, Соф., № 188.
[в] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 92.
[г] Рук. ГПБ, Q, п. I, 12.
[д] Рук. ГИМ, Син., № 319.
[е] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 80.
[ж] Рук. ГПБ, Погод., № 43.
[з] Рук. ГПБ, Q, п. I, 32.
[и] Рук. ГИМ, Син., № 279 и 572.
[к] Ошибочно повторена рукопись, приведенная выше, под № 30 (см.); рук. ГПБ, Соф., № 387 — минея праздничная, XV в.
[л] Рук. ГИМ, Син., № 330.

[15] В конце рукописи имеются приписки, в которых говорится о построении храма архиеп. Илиею в 1170 г. и о смерти архиеп. Илии в 1186 г. и его приемника в 1193 г. Приписки писаны другой рукой и, по-видимому, позднее, чем сама рукопись. Если приписки современны тем событиям, о которых

монаст. Феодора Студита в Царьграде, в редакции патриарха Алексия. Перевод русский, серед. XI в., сделан по заказу Феодосия Печерского (ср. отрывок того же перевода выше, № 24). Многочисленные отрывки частью довольно обширные, изд.: 1) Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 380, стр. 230—270; 2) М. Лисицын. Первоначальный славяно-русский Типикон. Историко-археологическое исследование. СПб., 1911. Замечания о языке: 1) Соболевский. Особенности русских переводов; 2) Дурново. Русские рукописи [42].

63. Ефремовская Кормчая, XII в. (Моск. Ист. М., Патр. 375)[а], или номоканон 14 титулов без толкований. Изд.: В. Н. Бенешевич. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906 (параллельно с греч. текстом). — Иссл.: С. П. Обнорский. О языке Ефремовской Кормчей XII в. СПб., 1912 (Иссл. по р. яз., т. 3, вып. 1).

64. Румянцевская Лествица, XII в. т. е. Лествица (Κλίμαξ) Иоанна Лествичника (Моск. Рум. М. 198)[б]. Опис.: Владимиров. Пятидесятилетие «Мыслей об истории русского языка». — Унив. Изв., 1899, № 12, стр. 97—109.

65. Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Ексарха Болгарского, XII в. (Моск. Ист., М. Патр. 108)[в]. Изд.: 1) полностью Бодянский в Чт. в ОИДрР, 1877, кн. 4[г]; 2) только предисловие Иоанна Ексарха Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — Иссл. по р. яз., т. 1, СПб., 1885—1895, стр. 32—36; 3) отрывки Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 1, № 155.

66. Успенский Сборник, XII в. (Моск. Ист. М. Патр., Успенск. собр. 175, 18)[д], содержит: 1) жития св. за май, в том числе русские: Сказание о Борисе и Глебе, приписываемое мниху Иакову, и Несторово Житие Феодосия Печерского; 2) слова Иоанна Златоуста и др. Изд.: 1) первую половину (л. 1—112) Шахматов и Лавров. Сборник XII в. Московского Успенского Собора, вып. 1. М., 1899 (Чт. в ОИДрР, кн. 2); 2) житие св. Вита Соболевский. Жития святых в древнем переводе на церковнославянский с латинского яз. — Изв. т. 18, кн. 1; 3) выдержки, частью из 2-й половины не вошедшей в изд. Шахматова и Лаврова, А. Попов. Библиографические материалы, 1, 1879 (Чт. в ОИДрР, кн. 1). Иссл.: 1) Попов. То же; 2) Лукьяненко.

в них говорится, то рукопись написана до 1170 г. Срезневский («Древние памятники»), наоборот, на основании этих приписок ошибочно относит рукопись ко времени после 1193 г.

[а] Рук. ГИМ, Син., № 227.

[б] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 198.

[в] Рук. ГИМ, Син., № 108.

[г] Издание подготовлено: А. Попов. Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна екзарха Болгарского. Изд. А. Попов. — Чт. в ОИДрР (1877), кн. 4. М., 1878.

[д] Рук. ГИМ, Усп., 4-п.

О языке Несторова Жития прп. Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков. — РФВ, т. 58, № 1; 3) Попова. Паннонское Житие св. Мефодия по древнейшему из дошедших списков со стороны своего языка. — РФВ, т. 69, т. 70, т. 71; 4) Дурново. Русские ркпси [43].

67. Житие св. Епифания Кипрского, XII в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад.)[а].

68. Так наз. Златоструй XII в. (Петр. Пб. Б-ка, F, I, 46)[б], сборник, содержащий слова Иоанна Златоуста, жития св. и др. статьи, среди них ряд статей русского происхождения: отрывок Сказания (приписываемого мниху Иакову) о Борисе и Глебе, сказание о чудесах Николая Чудотворца и мн. др. Значительная часть статей этого сборника изд.: 1) Срезневский. Свед. и зам., 22 (описание ркпси и мелкие выдержки), 23 (слово о богатом и Лазаре), 24 (слово о ведре и казнях Божиих), 33 (два русских чуда св. Николая), 38 (апокрифическое Слово апост. Иоанна Богослова о Успении Богоматери); 2) В. Малинин. Исследование Златоструя по рукописи XII в. Имп. Публ. Б-ки. С приложением 3-х палеографических снимков. Киев, 1878; 3) Он же. Десять слов Златоструя по ркпси XII в. СПб., 1910; 4) В. Изергин. Материалы для литературной истории древнерусских сборников 1-2. СПб., 1906, стр. 8—15 (Сборн. т. 81, № 1; здесь издана одна глава из Пандектов Антиоха параллельно с греч. текстом); 5) Соболевский. Из области древней церковнославянской проповеди. — Изв. т. 11, кн. 1 (Поучение на Пасху); 6) Абрамович. Памятники др.-р. литературы, II (отрывок Сказания о Борисе и Глебе, приписываемое мниху Иакову); 7) В. П. Адрианова. Житие Алексия—человека Божия. Пг., 1917.

69. Троицкий Сборник, XII в. (Серг. Посад, б-ка б. Троицкой Лавры, 12)[в], по содержанию близок к предыдущему, заключая ряд тех же статей. Ряд статей сборника изд.: 1) Срезневский. Древние памятники, стр. 200—217 (небольшие выдержки); 2) Он же. Свед. и зам., 6 (отрывки из слов Ефрема Сирина), 23 (дополнения и варианты к тексту Слова о богатом и Лазаре, ср. предыдущую ркпсь), 52 (Описание и небольшие выдержки); 3) Бодянский и Лавров. Климент еп. Словенский. Труд В. М. Ундольского с предисловием П. А. Лаврова. — Чт. в ОИДрР, 1895, кн. 1 (Слова Климента Словенского); 4) Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. 2, стр. 23—29. (Хождение Богородицы по мукам); 5) Петухов. Материалы и заметки из истории древней русской письменности, 4—9. — Изв. т. 9, кн. 4 (слово Петра Недостойного о посте и молитве, по мне-

---

[а] Рук. ГПБ, Соф., № 1326.
[б] Рук. ГПБ, F, п. I, 46.
[в] Рук. ГБЛ, ф. 304 I, № 12.

нию издателя, русское XI в.); 6) Соболевский. Из истории церковнославянской учительной литературы, I. — Изв. т. 13, кн. 4 (то же слово); 7) Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности, 1—23. СПб., 1907 (Сборн. т. 82, № 4) (Написание о вере). Описание Сборника со стороны языка: Срезневский. Свед. и зам., 52. О некоторых особенностях правописания: Васильев. С каким звуком.

70. Выголексинский Сборник, XII в. (Моск. Рум. М., 1832) [а] ю.-р., содержит жития Нифонта и Феодора Студита. По мнению Соболевского (Особенности русских переводов), перевод обоих житий русский. Иссл.: 1) Соболевский. Два древних памятника галицко-волынского наречия. — РФВ, т. 12 № 3; 2) Он же. Особенности русских переводов [44].

71. Бучацкое Ев. а., XII—XIII в. (Львов, монастырь св. Онуфрия) [б], ю.-р. Изд. образчики текста и несколько снимков: Ол. Колесса. Південно-Волинське Городище і городиські рукописні памятники XII—XVI в., IV. Городиське євангеліє X—XIII в. Прага, 1925 (Науковий юбилейний Збірник Українського Університету в Празі, присвячений. . . Т. Г. Масарикові для вшанування 75-тих роковин його народження, ч. 1). Иссл.: 1) Свєнціцький. Бучацьке євангеліє. Палеографічний опис. — Зап. НТШ, т. 105, 1911; 2) Ол. Колесса. То же.

72. Городищенские евангельские отрывки, XII—XIII в. (Христинопольский монаст, чина св. Василия в Галичине), 2 листа [в]. Изд. и описал: Ол. Колесса. Південно-Волинське Городище і городиські рукописні памятники XII—XVI в., III. Городиські пергамінові листки євангелія з XII—XIII в. — Науковий Збірник Укр. Унів. в Празі. . ., т. 1. Прага, 1923, с 2 снимками.

73. Типографский Паримейник, XII—XIII в. (Моск. б. Син. Тип. 156) [г], содержит рядом с чтениями из Ветхого Завета также и чтения о Борисе и Глебе.

74. Ирмолой Григоровича XII—XIII в. (Моск. Рум. М.) [д], ю.-р. Небольшие отрывки изд.: Соболевский в Унив. Изв., 1884, № 6 в качестве приложения к Очеркам. Иссл.: Он же. Очерки [45].

75. Триодь (постная) Моисея Киянина, XII-XIII в. (Моск. Син. Тип. 137) [е].

76. Венский Октоих, XII—XIII в. (Вена, Национальная Б-ка), ю.-р. Иссл.: Соболевский. Очерки.

[а] Рук. ГБЛ, ф. 178, № 1832.
[б] Рук. ЛГМУИ, № 38912.
[в] Рук. ЛГМУИ, № 22959.
[г] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 49.
[д] Рук. ГБЛ, ф. 87, № 37.
[е] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 137.

77. Ярославский список Пандект Никона Черногорца, XII—XIII в. (до революции хранился в б-ке Спасопреображенского монастыря, или архиерейского дома, в Ярославле) [а]. Небольшие выдержки изд.: Срезневский. Свед. и зам., 55. Описал со стороны языка: Тихвинский. Ярославский сп. Пандект Никона Черногорца XII—XIII в. — РФВ, т. 32, № 3, 4, т. 33, № 1—4 [46].

78. Слово св. Ипполита об антихристе, до 1212 г. (Моск. Ист. М., Чуд. 12) [б] Изд.: 1) вторую половину ркпси К. Невоструев. Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в. М., 1868, параллельно с греч. текстом и с переводом на нынешний русский язык; 2) полностью — И. И. Срезневский. Сказание об антихристе в славянских переводах творений св. Ипполита. Разбор кн. о них К. И. Невоструева. СПб., 1874 [в] [47].

79. Софийский Пролог, XII—XIII в. (Петр. Пб. Б-ка б. Дух. Акад., Соф. 1324) [г], нестишной 1-й редакции[16], сентябрьская

[а] Рук. Яросл. музея, № 15583.

[б] Рук. ГИМ, Чуд., № 12.

[в] Невоструев издал первую половину рукописи, Срезневский — вторую. Полностью рукопись не издавалась.

[г] Рук. ГПБ, Соф., № 1324.

[16] Пролог — сборник коротких, так наз. проложных или синаксарных житий св., расположенных в календарном порядке. В русской письменности было два вида прологов — нестишные и стишные. Стишной Пролог, известный по спискам не старше XIV в. (старший список, известный мне, — Чудовской № 17 Моск. Ист. М. — XIV в.) и мало распространенный, представлял перевод греч. стишного синаксаря. Нестишной Пролог, старшим списком которого является Софийский № 1324, в основной, т. е. житийной части, также является переводом греч. синаксаря и именно синаксаря нестишного. Но он рано, может быть уже при своем появлении, был дополнен другими статьями, именно, извлечениями из обширных житий, как житие Андрея Юродивого и Николая Чудотворца, разбитыми на небольшие статьи, помещаемые под разными числами месяца, повестями из патериков, поучениями и словами на праздники. Во всех русских списках нестишного Пролога имеется ряд частью, несомненно, русских статей, как жития русских святых, сказания о русских событиях и пр., частью предположительно русских; к последним принадлежит ряд поучений и слов на праздники. Из житий русских святых во всех русских списках нестишного Пролога за соответствующую половину года (так как каждый список нестишного Пролога обнимает только одну половину года) имеются жития первых русских мучеников Варяга и его сына Иоанна, Бориса и Глеба, Володимира, Ольги, Феодосия Печерского; далее, всюду имеются сказания об освящении Киевских церквей, построенных в X и XI в., легенда об апост. Андрее. Из древнерусских поучений в Прологах находим (не во всех) поучение Луки Жидяты, слово, приписываемое Киевскому митр. Илариону, о пользе души и т. п. Самый перевод нестишного синаксаря, составивший основную часть нестишного Пролога, по-видимому, принадлежит русскому переводчику или делался при участии русских. Нестишной Пролог сохранился в двух редакциях: 1-я известна только по спискам XIII—XV в.; уже в XV в. она вытесняется 2-й редакцией, появившейся не раньше XIV в. (старшие списки 2-й ред., Патр. 246 и 247, относятся к XIV в.). Списков нестишного Пролога 1-й ред. сохранилось немного более 50. Не менее половины их хранится в б. Моск. Синод. Типогр. Бóльшая часть

половина года, с.-р. Несколько поучений из этого Пролога, по мнению издателя, русских изд.: Петухов. Материалы и заметки из истории древней русской письменности. I—III. К истории древнего русского Пролога. — Изв. Ист.-филол. Института кн. Безбородко в Нежине, т. 12, 1893; извлечения из жития Андрея Юродивого: Срезневский. Свед. и зам., 87.

80. Финляндский отрывок № 37, XII—XIII в. (Петр. Акад. Наук) [а] содержит отрывок из Слова Илариона митроп. Киевского о законе и благодати. Изд.: Ф. Покровский. Отрывок Слова митрополита Илариона «О законе и благодати» в сп. XII—XIII в. — Изв., т. 11, кн. 4. Опис.: Срезневский. Свед. и зам., 65 [48].

81. Кондакарь 1207 г. (Моск. Ист. М., Успенск. собр. 9) [б] [49].

82. Милятино Ев. а. 1215 (Петр. Пб. Б-ка F, I, 7) [в] с.-р.

83. Житие Нифонта 1219 г., пис. в Ростове (Сергиев Посад, б. Тр. Л. 35) [г] приготовил к изд. и напечатал: Рыстенко (издание в свет не выходило). Опис.: Б. М. Ляпунов. Профессор А. В. Рыстенко и напечатанные им тексты жития Нифонта. — Изв. Одесского Библиогр. О-ва, т. 5, вып. 6. Одесса, 1916 [50].

84. Ростовский Апостол 1220 г. (Моск. Ист. М., Патр. 7) [д] богослужебные чтения из Деяний [51] и Посланий апостольских с толкованиями. Изд.: 1) небольшие выдержки с описанием — Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 1, № 95, стр. 141—154; 2) текст посланий ап. Павла к римлянам, коринфеянам, галатам и ефесянам без толкований — Воскресенский. Древнеславянский Апостол. Послания св. Апостола Павла и пр. Вып. 1. Послание к Римлянам. Сергиев Посад, 1892; Вып. 2. Первое послание к Коринфеянам, 1906; Вып. 3. Второе послание к Коринфеянам, послания к Коринфеянам, послания к Галатам и Ефесянам, 1908.

85. Савина Триодь до 1226 г. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф. 85) [е].

86. Толковый Апокалипсис, с толкованиями Андрея Кесарийского, XII—XIII в. (ркпсь принадлежит акад. Н. К. Никольскому) [ж], с.-р. Приготовил к изданию Абрамович. Опис.: Перетц, Древнейший список славянского толкового апокалипсиса. — Slavia, II, стр. 641—644.

этих прологов — новгородские или псковские. Литературу о Прологах см.: Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1914; ср. также: Сперанский. К истории взаимоотношений русской и ю.-сл. литератур. — Изв., т. 26, стр. 182—190.

[а] Рук. БАН, 4. 9. 37.
[б] Рук. ГИМ, Усп., № 9-п.
[в] Рук. ГПБ, F, п. I, 7.
[г] Рук. ГБЛ, ф. 304, I, № 35.
[д] Рук. ГИМ, Син., № 7.
[е] Рук. ГПБ, Соф., № 85.
[ж] Рук. БАН собр. Никольского, № 1.

87. Трефолой 1252 г. (Моск. Ист. М., Патр. 895) [а] с.-р.

88. Трефолой 1260 г. (Петр. Пб. Б-ка) [б] с.-р.

89. Хлудовский (или Лобковский) Пролог 1262 г. (Моск. Ист. М., Никол. Единов. монаст., или Хлуд. 187) [в], нестишной, новгородский. Отсюда изд. проложное житие Бориса и Глеба: Абрамович. Памятники др.-р. литературы, II.

90. Евангелие 1270 г. (Моск. Рум. М. 105) [г] новгородское.

91. Симоновская Псалтырь ок. 1270—1280 гг. новгородская[д]. Изд.: Амфилохий. Древнеславянская Псалтырь, Симоновская до 1280 г., сличенная по церковнославянским и русским переводам, ч. 1 и ч. 2. М., 1880—1881. Замечания о языке: Ягич. Четыре критико-палеографич. статьи (см. № 28), стр. 31—73.

92. Галицкое Ев. между 1266—1301 гг. (Петр. Пб. Б-ка F, I, 64) [е], ю.-р. Изд. выдержки: Соболевский в Унив. Изв., 1884, № 2 и № 12, в качестве приложения к Очеркам. Иссл.: Он же. Очерки.

93. Паримейник 1271 г. (Петр. Пб. Б-ка Q, I, 13) [ж], новгородский. Отсюда паримейные чтения о Борисе и Глебе изд.: Срезневский. Древние памятники; Абрамович. Памятники др.-р. литературы, II.

94. Новгородская Кормчая 1282 г. (Моск. Ист. М., Патр. 132) [з]. Кроме слав. перевода номоканона, отличного и от перевода в Ефремовской Кормчей (см. выше, № 63), и от перевода в Рязанской и Устюжской Кормчей (см. ниже, № 96 и № 108) ркпсь содержит и иные статьи, по бо́льшей части, церк.-юридич. содержания, в том числе ряд статей русских. Сюда, между прочим, входят: 1) Летописец вскоре (χρονογραφικὸν σύντομον) патриарха Никифора в переводе, по-видимому, русском, отличном от ст.-болг. перевода в И 73; 2) русское продолжение Летописца Никифора; 3) Русская Правда, составленная, как думают, в середине XI в.; 4) Церковное правило Киевского митрополита Иоанна II (ум. до 1089); правило было написано Иоанном по-гречески и уже с греческого переведено на славянский; 5) Вопросы Кирика (1130—1156) с ответами Нифонта, Саввы Новгородского и др.; 6) Церковное правило епископа Илии Новгородского (около 1166); 7) Правило митрополита Кирилла 1274 г.; 8) отрывок слова Кирилла Туровского о черноризецком чину; 9) Речь жидовьскаго языка прѣложена на русьскую (короткий словарь иностранных слов); 10) и 11) уставы в. кн. Володимира Свято-

---

[а] Рук. ГИМ, Син., № 895. В одном переплете две рукописи: трефолой 1260 г. и трефолой 1352 г. (см. ниже, № 88).

[б] Рук. ГИМ, Син., № 895, см. выше, № 87 и сноску а.

[в] Рук. ГИМ, Хлуд., № 187.

[г] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 105.

[д] Рук. ГИМ, Хлуд., № 3.

[е] Рук. ГПБ, F, п. I, 64.

[ж] Рук. ГПБ, Q, п. I, 13.

[з] Рук. ГИМ, Син., № 132.

славича и Ярослава, по-видимому, составленные только в XII в. Бо́льшая часть названных статей находится и в других списках Кормчей. Из этой рукописи изд.: 1) Летописец вскоре патриарха Никифора и его русское продолжение — Степанов. «Летописец вскоре» патриарха Никифора в Новгородской Кормчей. — Изв. т. XVII, кн. 2, кн. 3 (en regard с греч. текстом); 2) Русскую Правду — Срезневский. Палеографический снимок текста Р. Пр. по Новгородской Кормчей книге XIII в., скопированный под наблюдением И. И. Срезневского. СПб., 1888—1889; есть и другие, менее точные издания; отрывки из Р. Пр. есть в Хрестоматиях Буслаева и моей; 3) Статьи под № 4—7— А. Павлов. Памятники канонического права. — Русская Историч. Б-ка, т. 6; 4) Отрывок слова Кирилла Туровского — Буслаев. Историч. Хрестоматия. М., 1861. Иссл.: Соболевский. Язык Русской Правды. — ЖМНПр, 1886, апр. [52].

95. Евангелие 1283 г. а. (Моск. Рум. М. 3168) [а] ю.-р., писано поповичем Евсевием. Иссл.: Г. К. Голоскевич. Евсевиево ев. 1283 г. — Иссл. по р. яз., т. 3, вып. 2. СПб, 1914.

96. Рязанская Кормчая 1284 г. (Петр. Пб. Б-ка F, II, 1)[б] содержит перевод, по-видимому, русский, номоканона Фотия с толкованиями Аристина и восходит к болгарскому списку этого перевода, присланному из Болгарии князем болгарским Киевскому митроп. Кириллу II в 1262 г. По мнению Соболевского (Особенности русских переводов), переводчиком был русский монах на Афоне в XII в. См.: Соболевский. То же; Сперанский. К истории взаимоотношений русской и ю.-сл. литератур. — Изв. т. 26. Изд. длинную запись писца, излагающую историю появления Кормчей этой редакции на Руси: Срезневский. Древние памятники, стр. 70—71; Он же. Обозрение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897 (Сб., т. 65). Краткое описание языка Ряз. Кормч.: Ягич. Четыре критико-палеографич. статьи (см. выше, № 28), стр. 100—102.

97. Погодинский список поучений Ефрема Сирина (Петр. Пб. Б-ка, Погод. 71) [в], ю.-р. (волынский); по мнению Срезневского (Древние памятники, Свед. и зам.), Карского (Очерк) и Шахматова (Очерк), — около 1288 г., по мнению Соболевского (Очерки), — список 1492 г. с оригинала конца XIII в. Из этой ркпси изд.: Срезневский. Поучение Георгия Зарубского (русское) в Свед. и зам. № 7 и отрывки из поучений Ефрема Сирина, № 6 и № 9; Соболевский. Очерки (запись писца). — Иссл.: Соболевский. Очерки.

98. Псалтырь 1296 г. (Моск. Ист. М., Патр. 235) [г], по-видимому, зап.-р. Писец этой Пс. Захария раньше работал на Волоке

[а] Рук. ГБЛ, ф. 178, № 3168.
[б] Рук. ГПБ, F, п. I, 11.
[в] Рук. ГПБ, Погод., № 71.
[г] Рук. ГИМ, Син., № 235.

(т. е. в Волоколамске). Из этой Пс. изд.: 1) небольшие выдержки Горск. и Невостр. Описание, отд. 1, ч. 1, № 13; 2) молитва Феодосия Печерского: Буслаев. Материалы для истории письмен (см. № 28). Описание и библиография: Карский. Белорусы, т. 2, вып. 1.

99. Пандекты Никона Черногорца 1296 г. (Моск. Ист. М., Патр. 836)[а], писаны в Суздале. Небольшие выдержки изд.: Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 3, № 217.

100. Типографское Ев. а. № 5 (Моск. Син. Тип.; по другой нумерации — 6)[б], XIII в., ю.-р. Изд. небольшие выдержки: 1) Соболевский в Унив. Изв., 1884, № 6 в качестве приложения к Очеркам; 2) Дурново. Хрестоматия. — Иссл.: Он же. Очерки.

101. Холмское Ев. а. XIII в. (Моск. Рум. М. 106)[в], ю.-р., с дарственной припиской 1376 г. Небольшие выдержки изд.: Соболевский в Унив. Изв., 1884, № 12 как приложение к Очеркам. — Иссл.: Он же. Очерки.

102. Путенское Ев. а. XIII в. (Монастырь Пунта в Буковине[г]), ю.-р. Изд. с предисловием Калужняцкий: Ae. Kałužniacki. Monumenta linguae paleoslovenicae. Collecta et in licem edita. T. 1. Evangelium Putnanum. Vindobonae—Teschenae, 1888.

103. Софийские отрывки Апостола XIII в. (Петр. Пб. Б-ка, Дух. Акад., Соф. 32)[д] всего 24 л. Опис.: Волков, Отрывок Апостола XIII в. — РФВ, т. 24.

104. Типографская Псалтырь № 27, XIII в. (Моск. б. Син. Тип.[е]). Опис.: Погорелов. Б-ка Син. Типографии. Ч. 1. Рукописи, вып. 3. Псалтыри, № 45.

105. Паримейник Троицкой Лавры, № 4, XIII в. (Сергиев Посад.)[ж]. Содержит, между прочим, паримейные чтения о Борисе и Глебе.

106. Соловецкий Служебник XIII в. (Казань, б. Каз. Дух. Акад. 1017)[з]. Описал с приложением снимка с одной страницы: Никифоров. Соловецкий Служебник XIII в. — Казанский библиофил, 1921, № 2.

107. Ярославский Молитвенник XIII в. (до революции хранился в Спасо-Преображенском монастыре, или архиерейском доме, в Ярославле под № 5-5)[и]. Содержит, между прочим, две молитвы Феодосия Печерского и др. Изд.: 1) молитвы Феодосия Печерского — В. А. Чаговец. Жизнь и сочинения препо-

---

[а] Рук. ГИМ, Син., № 836.
[б] Рук. ГТГ, Отд. 8 — 779-17, № К-5345.
[в] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 106.
[г] На территории Румынской Социалистической Республики.
[д] Рук. ГПБ, Соф., № 32.
[е] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 27.
[ж] Рук. ГБЛ, ф. 304 I, № 4.
[з] Рук. ГПБ, Солов., № 1126/1017.
[и] Рук. Ярославск. музея, № 15481; л. 200 — ГИМ, Барс., № 347.

добного Феодосия. Киев, 1901 (из Унив. Изв., 1901, № 12); 2) молитвы на дьявола и стихотворную молитву с акростихом — Соболевский. Матер. и Исслед.; 3) девять молитв, переведенных с латинского. — Он же. Несколько редких молитв из русского сборника XIII в., 1—8. — Изв. т. 10, кн. 4, стр. 66—78.

108. Устюжская Кормчая XIII в. (Моск. Рум. М. 230) [а], перевод византийского номоканона Иоанна Схоластика 50 титулов; рукопись писана в Устюге. Изд. и описана в кн.: И. И. Срезневский. Обозрение древних русских списков Кормчей Книги. СПб., 1897 (Сборн. т. 65). Иссл.: Schmid. Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Leipzig, 1922 [53].

109. Житие Савы Освященного, XIII в. (Петр., ОЛДрП, б. Вяземского 2004) [б], ю.-р. Изд. параллельно с греч. текстом: И. Помяловский. Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе. СПб., 1890 (Изд. ОЛДрП, т. 96). Иссл.: 1) Ягич. Критические заметки; 2) A. Kolessa. Dialektologische Merkmale des südrussischen Denkmals Žitije sv. Sawy. — AslPh, XVIII, 1896 [54].

110. Архивская Лествица, XIII в. (Моск. Гл. Арх. 452) [в], ю.-р. Описание и выдержки: Соболевский. Два древних памятника галицко-волынского наречия. — РФВ, 1884, т. 12, № 3.

111. Троицкий сп. Хроники Георгия Амартола, XII в. (Сергиев Посад, б. Моск. Дух. Акад. 100) [г]. Изд.: В. М. Истрин, Книгы временьныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь, т. 1. Пг. 1920. Иссл.: 1) Он же, то же, т. 2. Пг. 1922, стр. 269—309 [д]; 2) Weingart. Byzantské Kroniky, II, 1, 2. 3) Дурново. К вопросу национальности славянского переводчика хроники Георгия Амартола.— Slavia, IV, 3; 4) Лавров, Георгий Амартол в издании Истрина, — Там же, IV, 3, 4 [55].

112. Синодальный список 1-й Новгородской летописи, XIII и XIV вв. (Моск. Ист. М., Патр. 786) [е]. Писан несколькими писцами в разное время; первая часть писана, по мнению некоторых, в XIII в. (другие относят и ее к XIV в.), остальные позднее. Изд. в снимке: Новгородская 1-я летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1875. Выдержки имеются в хрестоматиях Буслаева и моей. Иссл.: 1) Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1900. (Исслед. по р. яз., т. 1, № 2); 2) Истрина. Синтакси-

---

[а] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 230.
[б] Рук. ГПБ, ОЛДП, Q, № 106.
[в] Рук. ЦГАДА, ф. 181, № 452/920.
[г] Рук. ГБЛ, ф. 173, № 100.
[д] Т. 3. Греческо-славянский и славяно-греческий словари. Л., 1930.
[е] Рук. ГИМ, Син., № 786.

ческие явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг. 1923 (Изв., т. 24, кн. 2 и т. 26); 3) Она же. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи. — Изв., т. 23, кн. 1; 4) Laronde. Les formations verbales de la première Chronique de Novgorod. — Mélanges linguistiques offerts a m. Antoine Meillet par ses élèves. Paris, 1902 [56].

113. Толстовский Сборник, XIII в. (Петр. Пб. Б-ка, F, I, 39, Толст. I, 8) [а]. Содержит ряд русских статей. Из этого сборника изд.: 1) апокриф об Афродитиане — Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. 2; 2) девять слов Кирилла Туровского — И. Ф. Калайдович. Памятники Российской словесности XII в. М., 1821; 3) небольшие выдержки у Истрина — Изв., т. 2, кн. 4.

114. Псалтырь Петр. Публ. Б-ки, F, п. I, XIII—XIV в.[б], псковская. Опис.: Сорочан. Псалтырь Имп. Публичной Б-ки, F, п. I, 1, как памятник древнерусского языка. — РФВ, т. 65 и т. 66.

115. Хутынский Служебник XIII—XIV вв. (Моск. Ист. М., Патр. 604) [в]. Небольшие выдержки изд.: 1) Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 343; 2) Соболевский в Унив. Изв., 1884, № 12 как приложение к Очеркам. Иссл.: Он же. Очерки.

116. Типографский Пролог № 168, сентябрьская половина года, XIII—XIV в. (Моск. Син. Тип.) [г]. Отсюда изд.: Соболевский, Из области древней цсл. проповеди. — Изв., т. 11, кн. 4 — поучение на день Иоанна Крестителя.

117. Поликарпово Ев. а. 1307 г. (Моск. Ист. М., Патр. 740) [д], ю.-р. Небольшие выдержки изд.: 1) Горск. и Невостр. Описание, отд. 1, № 21; 2) Соболевский в Унив. Изв., 1884, № 12, 1885, № 1, как приложение к Очеркам. Иссл.: Он же. Очерки.

118. Псковский Апостол 1307 г. (Моск. Ист. М., Патр. 722) [е]. Запись писца и небольшие выдержки изд.: 1) Горск. и Невостр. Описание, отд. 1, № 45; 2) Соболевский. Очерки.

119. Пандекты Антиоха 1307 (Львов. Укр. Национальн. Музей, собр. Шептицкого) [ж], ю.-р. Опис.: Панькевич. Пандекти Антіоха 1307 року. Філологічна студія Івана Панькевича.— Зап. НТШ, т. 123—124. Львів, 1917.

[а] Рук. ГПБ, F, п. I, 39.
[б] Рук. ГПБ, F, п. I, 1.
[в] Рук. ГИМ, Син., № 604.
[г] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 158.
[д] Рук. ГИМ, Син., № 740.
[е] Рук. ГИМ, № 722.
[ж] Рук. ЛГМУИ, № 275.

120. Псковский Апостол 1309—1312 гг. (Моск. Ист. М., Патр. 15) [а]. Небольшие выдержки изд.: Горск. и Невостр. Описание, отд. 1, № 46; Соболевский. Очерки. Иссл.: Он же, То же.

121. Цветная Триодь 1311 г. (Моск. Ист. М., 896) [б], писана в Ладоге, с.-р. Опис. и небольшие выдержки: Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 428.

122. Псковский Паримейник 1313 г. (Моск. Ист. М., Патр.) [в]. Иссл.: Каринский. Язык Пскова; Он же. Шестоднев.

123. Пантелеймоново Ев. а. 1317 г. (Петр. Ак. Наук, 2) [г].

124. Пролог Успенского собора № 3, 1322 г. за сентябрьскую половину года (Моск. Ист. М.) [д].

125. Хлудовское Ев. 1323 г. (Моск. Ист. М., Хлудов. 29) [е], с.-р.

126. Сийское Ев. 1339 г. (Моск. Ист. М., Антониева Сийск. монастыря) [ж] [57].

127. Ирмолой, 1344 г. (Моск. Ист. М., Патр. 932) [з], псковский. Опис.: Каринский. Язык Пскова.

128. Евангелие 1354 г. (Моск. Ист. М., Патр. 67) [и], писано в пределах Московской и Переяславской епархий при еп. Авраамии Переяславском, управлявшем тогда временно и Московской епархией. Описание и небольшие выдержки Горск. и Невостр. Описание, отд. 1, № 22 [58].

129. Евангелие 1355 г. (Моск. Ист. М., Патр. 70) [к], новгородское. Описание и небольшие выдержки, там же, № 23.

130. Пролог нестишной 1-й редакции 1356 г. (Моск. Син. Тип. 155) [л], новгородский. Отрывок из этого пролога — в моей Хрестоматии.

131. Евангелие 1357 г. а. (Моск. Ист. М., Патр. 68) [м], писано в Галиче северном (Костромской губ.). Опис.: Горск. и Невостр. Описание, отд. 1, № 24 [59].

132. Евангелие 1358 г. (Моск. Ист. М., Патр. 69) [н], московское. Опис.: Там же, № 25 [60].

[а] Рук. ГИМ, Син., № 15.
[б] Рук. ГИМ, Син., № 896.
[в] Рук. ГИМ, Син., № 172; дата указана ошибочно — 1413 г.
[г] Рук. БАН 34, 5, 22.
[д] Рукопись указана ошибочно: ГИМ, Усп., № 3 — евангелие-тетр XVI в.; ГИМ, Усп., № 3-п. — пролог 1406 г. на март—август. См. ниже, № 196.
[е] Рук. ГИМ, Хлуд., № 29.
[ж] Рук. БАН, собр. Археографич. комиссии, № 189. В ГИМ рукописи Антониева Сийского монастыря не поступали, но в Отделе рукописей имеется фотокопия Сийского евангелия.
[з] Рук. ГИМ, Син., № 932.
[и] Рук. ГИМ, Син., № 67.
[к] Рук. ГИМ, Син., № 70.
[л] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 163.
[м] Рук. ГИМ, Син., № 68.
[н] Рук. ГИМ, Син., № 69.

133. Служебник 1359 г. (Моск. Рум. М. 399) [а]; по мнению Соболевского, писан несколько позже, именно между 1362 и 1389 гг.

134. Псковский Параклитик 1369 г. (Моск. Ист. М., Патр. 837) [б]. Выдержки и описание: 1) Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 419; 2) Соболевский. Очерки; 3) Каринский. Шестоднев.

135. Паримейник 1370 г. (Моск. Рум. М. 302) [в].

136. Псковский Шестоднев 1374 г. (Моск. Син. Тип. 67) [г]. Иссл. с приложением образчиков текста Каринский. Шестоднев.

137. Лаврентьевский список летописи 1377 г. (Петр. Пб. Б-ка, F. IV. 2) [д], писан в Суздале мнихом Лаврентием; содержит Повесть временных лет и Суздальскую летопись. Изд.: 1) в снимке: Несторова летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. имп. Археографической Комиссии. СПб., 1872; 2) обычным типографским способом: ПСРЛ, т. 1, вып. 1. Повесть временных лет. Изд. 2, Л. 1926 (предыдущие издания не удовлетворительны). — Иссл.: 1) Некрасов. Заметки о языке Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи. — Изв. т. 1, т. 2, кн. 1 [е], дополнения и поправки к статье Некрасова — Петровский. По поводу труда Н. П. Некрасова.— РФВ, т. 33; 2) Кудрявский. К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи. — Изв., т. 14, кн. 2 [61].

138. Переяславский список слов Ефрема Сирина 1377 г. (Петр. Акад. Наук) [ж]. Запись писца изд.: Срезневский. Свед. и зам., 8.

139. Церковный Устав Патриаршей Б-ки № 329 (Моск. Ист. М.) [з], XIV в. (между 1327 и 1378 гг.) Выдержки и описание: Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 384 (выдержки из той же ркпси приводятся и далее под № 385).

140. Стихирарь Троицкой Лавры 1380 г. (Сергиев Посад, б. Тр. — Л. 22) [и] написан, по мнению Соболевского, учеником прп. Сергия Епифанием Премудрым.

141. Пандекты Никона Черногорца, 1381 г. (Моск. Ист. М., Патр. 193) [к], писаны в Серпухове. Краткое описание: Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 3, № 218. Ср.: Соболевский, Особенности русских переводов.

[а] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 399.
[б] Рук. ГИМ, Син., № 837.
[в] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 302.
[г] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 67.
[д] Рук. ГПБ, F, п. IV, 2.
[е] То же издано полностью: СПб., 1897 (Сборн. т. 65, № 4).
[ж] Рук. БАН 31. 7. 2.
[з] Рук. ГИМ, Син., № 329.
[и] Рук. ГБЛ, ф. 304 I, № 22.
[к] Рук. ГИМ, Син., № 193.

142. Евангелие 1383 г., писанное в Царьграде (Моск. Ист. М., Патр. 742)[а]. Опис.: Горск. и Невостр. Описание, отд. 1, № 26.

143. Псковский Пролог 1383 г., нестишной 1-й ред., за мартовскую половину года (Моск. Син. Тип. 172)[б]. Отсюда изд.: 1) запись писца — Соболевский. Очерки; 2) житие Конона Исаврийского — Дурново в «Древностях», Трудах Славянской Комиссии Моск. Археолог. О-ва, т. 4, вып. 1. М., 1906 и Записках Харьк. Унив., 1914, кн. 3, 4, 1915, кн. 1, 2, 3, 4[в]; 3) повесть о сапожнике — Дурново, Хрестоматия. — Иссл.: Соболевский. Очерки [62].

144. Псковский Параклитик 1386 г. (Моск. Ист. М., Патр. 838)[г]. Иссл.: 1) Соболевский. Очерки; 2) Каринский. Шестоднев; 3) Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 420.

145. Московское Евангелие 1393 г. (Петр. Пб. Б-ка)[д].

146. Тактикон Никона Черногорца 1397 г. (Петр. Пб. Б-ка, F, I, 41)[е], новгородский.

147. Церковный Устав Патриаршей Б-ки № 333, 1398 г. (Моск. Ист. М.)[ж]. Опис.: Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 381, выдержки, всего 2,5 страницы.

148. Московское Евангелие 1399 г. (Моск. Син. Тип. 15)[з].

149. Хутынский Служебник 1400 г. (Моск. Ист. М., Патр. 600)[и], с.-р. Опис. и небольшие выдержки: Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 348.

150. Пролог 1400 г., нестишной (Моск. Ист. М., Патр. № 240)[к].

151. Чудовской Новый Завет (евангелие тетр и апостол) [63], писанный, по преданию, митрополитом Алексием (ум. в 1378 г.), до революции хранился в ризнице Чудова монастыря в Кремле; во время революции куда-то исчез. Изд.: 1) полностью в снимке (фототипия) — митроп. Московский Леонтий. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд св. Алексия митроп. Московского и всея Руси. М., 1892; 2) только ев. от Марка и послания ап. Павла к римлянам, 1-е и 2-е коринфеянам, к галатам и ефесянам — Воскресенский. Ев. от Марка; Он же. Древнеславянский Апостол (см. выше № 26, 28 и 84).

152. Лаврашевское Ев. нач. XIV в. (Краков, Б-ка Чарторыйских, 2097), ю.-р. Палеогр. черты и правописание подробно

[а] Рук. ГИМ, Син., № 742.
[б] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 172.
[в] Публикация не завершена.
[г] Рук. ГИМ, Син., № 838.
[д] Рук. ГПБ, F, п. I, 18.
[е] Рук. ГПБ, F, п. I, 41.
[ж] Рук. ГИМ, Син., № 333.
[з] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 15.
[и] Рук. ГИМ, Син., № 600.
[к] Рук. ГИМ, Син., № 240.

описаны Свенцицким, Лаврашевское Евангелие начала XIV в. (Палеогр.-грамматич. описание.) в Изв., т. 18, кн. 1 с приложением более 20 снимков.

153. Евангелие Петрогр. Публичной Б-ки, F, I, 15, XIV в. [а], новгородское. Опис.: Виноградов. Исследования.

154. Луцкое Ев. XIV в. (Моск. Рум. М. 112) [б] ю.-р. с ю.-р. приписками XV в. Образцы текста изд.: Соболевский, в Унив. Изв., 1885, № 1, как приложение к Очеркам. Иссл.: Он же. Очерки [64].

155. Ев. Верковича, XIV в. (Петр. Пб. Б-ка, Q, I, 43) [в]. Опис.: Никольский. Описание русского евангелия XIV в. из собрания Верковича. — РФВ, т. 32, № 2.

156. Ев. Петрогр. Публичной Б-ки F, п. I, 9 [г], XIV в., псковское. Опис.: Бандуров. Евангелие-апракос XIV в. имп. Публичной Библиотеки (F. п. I. 9) как памятник древнерусского языка. — РФВ, т. 53, № 2.

157. Ев. а. Петрогр. Публичной Б-ки F, п. I, 16 [д], XIV в. псковское: Опис.: Сорочан. Евангелие апракос имп. Публичной Библиотеки F, п. I, 16 с точки зрения языка. — РФВ, т. 70, № 1, 4.

158. Толстовский Апостол, XIV в. (Петр. Пб. Б-ка, Толст., по старой нумерации — 5) [е]. Изд. текст посланий ап. Павла к римлянам, 1-е и 2-е к коринфянам, к ефесянам и галатам: Воскресенский. Древнеславянский Апостол, вып. 1—3 (см. выше, № 26, 28, 84, 151).

159. Быбельский Апостол, XIV в. (с. Быбель Перемышльского уезда в Галичине) [ж], отрывки. Изд. и опис.: П. Копко. Apostolus Bybliensis. — Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaft, LI, 1. Wien, 1912.

160. Типографская Псалтырь № 28, XIV в. (Моск. Син. Тип., по другой нумерации — 34.81.1286) [з]. Иссл.: 1. Соболевский. Очерки; 2. А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1894, стр. 230—237; 3. Погорелов. Псалтыри, № 46, здесь же — большие выдержки, стр. 65—68.

161. Типографская Псалтырь № 29, XIV в. (Моск. Син. Тип., по другой нумерации — 35. 103. 1308. 13) [и], псковская. Иссл.: 1) Соболевский. Очерки; 2) Погорелов. Псалтыри, № 47.

[а] Рук. ГПБ, F, п. I, 15.
[б] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 112.
[в] Рук. ГПБ, Q, п. I, 43.
[г] Рук. ГПБ, Q, п. I, 9.
[д] Рук. ГПБ, F, п. I, 16.
[е] Рук. ГПБ, Q, п. I, 5.
[ж] Рук. ЛГНБ НТШ — 801, 4°.
[з] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 28.
[и] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 29.

162. Румянцевский Толковый Апокалипсис № 8 с дополнительными статьями (Моск. Рум. М.) [а]. Отсюда изд.: Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. 1—4. — Изв., т. 17, кн. 3, с. 83—92, толкования Символа веры, молитвы Господней и Херувимской песни, написанной Григорием, которого Соболевский склонен отожествить с Григорием, упоминаемым в послании Климента Смолятича XII в. [65].

163. Устав церковный Патриаршей Б-ки № 328, XIV в. (Моск. Ист. М.) [б]. Описание с большими выдержками у Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 383 (выдержки отсюда приведены также под № 385).

164. Служебник митроп. Киприана, конца XIV в. (Моск. Ист. М. 601) [в]. Вопреки записи, где сказано, что служебник списан митроп. Киприаном, правописание рукописи показывает, что писцом ее был не он, а русский, писавший по докиприановской орфографии. Изд. запись писца и др. выдержки: Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 344. Опис. там же.

165. Канонник Троицкой Лавры № 254 (по другой нумерации 190) [г], XIV в., содержит между прочим старший известный список молитвы Илариона, митроп. Киевского.

166. Часослов, XIV в. [д] Опис. с приложением образцов текста: Соболевский. Очерки. Отрывки текста изд. Соболевским в Унив. Изв., 1885, № 1 как приложение к Очеркам.

167. Шереметьевский Требник, XIV в. (Петр. ОЛДрП, собр. гр. Шереметьева, 24) [е]. Изд. в снимке: Чин пострижения. Факсимиле пергаменной рукописи XIII в. СПб., 1878 (Изд. ОЛДрП, вып. 24) [ж].

168. Слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в. (Моск. Ист. М., Патр. 954) [з]. Опис. с образцами текста: Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 2, № 117. По мнению Соболевского, Особенности русских переводов, перевод памятника русской домонгольной эпохи.

169. То же, другой список, XIV в. (там же, 43) [и] с.-р. Опис. Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 2, № 118.

170. Пандекты Антиоха, Патерик скитский и др. статьи Патр. (Моск. Ист. М.) № 3 [к], XIV в., с.-р. Содержит, между про-

---

[а] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 8.

[б] Рук. ГИМ, Син., № 328.

[в] Рук. ГИМ, Син., № 601.

[г] Рук. ГБЛ, ф. 304, I, № 254.

[д] Рук. ГПБ, Q, п. I, 2.

[е] Рук. ГПБ, Соф., 122.

[ж] Продолжение публикации, см.: Чин погребения иноков. Факсимиле пергаменной рукописи XIII в. СПб., 1880 (Изд. ОЛДрП, вып. 63).

[з] Рук. ГИМ, Син., № 954.

[и] Рук. ГИМ, Син. № 43.

[к] Рук. ГИМ, Син., № 3.

чим, русские статьи — вопросы Кирика с ответами Савы и др., о посте в среду и пяток, вопросы Феогноста еп. Сарайского Цареградскому собору и др. Опис. с приложением многочисленных выдержек текста: Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 2, № 153.

171. Мерило Праведное, XIV в. (Сергиев Посад. Тр. Л. 15) [а], сборник церковно-юридических и др. статей, в том числе русских, как выдержки из Русской Правды и т. п. По этой ркпси изд.: 1) извлечения из книги Еноха — Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. 1, стр. 20—23; 2) выборки из Шестоднева Иоанна Ексарха (отъ Шестоденьца избрано о животѣхъ) — Дурново. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. — «Древности». Труды Слав. Комиссии И. Моск. Археолог. О-ва, т. 3, 1901; 3) выборки из Пчелы — М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений. М., 1904 (Чт. в ОИДрР, 1901, кн. 4 и 1902, кн. 1, 2) и др. [66].

172. Румянцевский Измарагд, XIV в. (Моск. Рум. М. 186) [б], содержит, между прочим, ряд русских статей, в том числе несколько слов Кирилла Туровского.

173. Типографский Пролог № 153[в], XIV в., нестишной 1-й ред. за сентябрьскую половину года. Отсюда изд.: Соболевский (Из области древней цсл. проповеди.— Изв., т. 11, кн. 4) — слово «Похвала святых отец».

174. Типографский Пролог № 168[г], XIV в., нестишной 1-й ред. Отсюда Соболевский издал «Поучение на день рождества Иоанна Крестителя», там же.

175. Толковая Палея Александро-Невской Лавры, конца XIV в.[17] (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад.) [д]. Отсюда изд.: Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. 1, стр. 96—145 апокрифич. Заветы 12 патриархов.

176. Златая Чепь Троицкой Лавры № 11, XIV в. (Сергиев Посад) [е], сборник поучительных статей, среди которых много русских или предположительно русских, как житие Феодосия Печерского, слова Кирилла Туровского и Серапиона Владимирского, слова, приписываемые Кириллу II еп. Ростовскому и Матфею Зарайскому и др. Изд. отсюда: 1) отрывки — Буслаев. Истор. Хрестоматия; 2) Слово некоего христолюбца (русское) — Тихонравов. Летописи; 3) четыре поучения Серапиона Владимирского — Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888 (Зап. Истор.-Филол. ф-та

[а] Рук. ГБЛ, ф. 304, I, № 15.
[б] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 186.
[в] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 153.
[г] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 168.
[17] По мнению Шахматова — 1350 г.
[д] Рук. ГПБ, СПб ДА А 1/119.
[е] Рук. ГБЛ, ф. 304 I, № 11.

С.-Петерб. Университета, ч. 17.); 4) Несколько анонимных поучений, по мнению издателя, русских — Е. В. Петухов. Древние поучения на воскресные дни Великого поста. (Сб., т. 40, № 3).

177. Сильвестровский Сборник серед. XIV в. (Моск. Син. Тип. 53) [а], с.-р., содержит оба жития Бориса и Глеба (Сказание, приписываемое мниху Иакову, и Чтение Нестора), несколько апокрифов и др. статьи. Бо́льшая часть сборника издана: 1) оба жития Бориса и Глеба изд. — Срезневский. Сказание о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860 (в снимке); 2) Несторово Чтение о Б. и Гл. — Абрамович. Памятники др.-р. литературы, т. 2; 3) Откровение Авраама — Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. 1, стр. 32—53; 4) апокрифическое Хождение Зосимы к Рахманам. — Он же, там же, т. 2, стр. 78—90; 5) Послание Пилата (ев. Никодимово) — Сперанский. Славянские апокрифические евангелия. — Труды 8-го Археолог. съезда, т. 2. М., 1895. Опис.: 1) Бодянский. Чтение о жизни и о погублении и о чудесах святую и блаженную страстотерпицу Бориса и Глеба, творение преподобного Нестора, по харатейному списку Московской Синодальной библиотеки с разнословием по другим и с предисловием О. Бодянского, в Чт. ОИДрР, 1859, кн. 1; 2) Орлов. Б-ка Моск. Син. Тип., т. 1. Рукописи, вып. 1. Сборники, № 1.

178. Чудовской Сборник № 20, XIV в. (Моск. Ист. М.) [б]; представляет соединение Златоуста с Торжественником и содержит избранные жития святых, апокрифические сказания о Христе, божьей матери и ап. Фоме, похвальные и торжественные слова на праздники, поучения и пр., в том числе ряд статей русских, как Сказание о Борисе и Глебе, десять слов Кирилла Туровского и несколько анонимных слов, по-видимому, русских. Изд.: 1) около 0,2 всей рукописи с короткой характеристикой правописания — Щепкин. Библиографические материалы А. Н. Попова, 20. Напечатал В. Н. Щепкин. — Чт в ОИДрР, 1889, кн. 3 (Первоевангелие Иакова, Деяния ап. Фомы, одно слово Кирилла Туровского и отрывок другого слова, мучение Димитрия Солунского, Слово на Покров и в неделю перед Богоявлением, по мнению издателя, русские и др.); 2) сказание о Борисе и Глебе — Бодянский. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. I. По харатейному списку XII в. с двумя литографированными снимками и с предисловием О. М. Бодянского. II. По харатейному списку XIV в. С литографированным снимком. — Чт. в ОИДрР. 1870, кн. 1; 3) отрывок из слова Кирилла Туровского и несколько анонимных слов — Невоструев. Древнерусские поучения и послания об иноческой жизни [в]. — «Духовный Вестник», Харь-

[а] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 53.
[б] Рук. ГИМ, Чуд., № 20.
[в] Статья называется «Древнерусские поучения и послания к инокам о монашеской жизни». То же слово в переводе на современный русский язык

ков, 1862, № 6; 4) Похвалу святому кресту — Соболевский. Из области древней цсл. проповеди. 1—2. — Изв., т. 8, кн. 4.

179. Хлудовский Сборник, № 30, XIV в. (Моск. Ист. М.) [а]. Два поучения с именем Моисея, по мнению издателя, может быть, тожественного с игуменом новгородским Моисеем (ум. в 1187) из этого сборника изд.: Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. — Изв., т. 17, кн. 3.

180. Сборник Моск. Публичного Музея, № 1548, XIV в. (Моск. Рум. М.) [б], содержит, между прочим, старший русский список послания Илариона брату столпнику [18].

181. Сборник Троицкой Лавры, № 9. XIV в. (Серг. Посад) [в]. Содержит, между прочим, так называемое Иное житие Николая Чудотворца (перевод русский!), сказание о посмертных чудесах Николая Чудотворца и слово Ефрема еп. Переяславского XI в. на перенесение мощей Николая Чудотворца. Сказание о чудесах св. Николая по этой рукописи изд.: Леонид. Посмертные чудеса святителя Николая архиеп. Мюр-Ликийского Чудотворца. СПб., 1888 (ПДрП, т. 72). Из этих чудес четыре принадлежат русскому автору, остальные, по мнению Соболевского, относятся к числу русских переводов домонгольского периода («Особенности русских переводов»).

182. Уваровский Сборник № 1045, XIV в. (Моск. Ист. М.) [г]. Содержит, между прочим, слово Ефрема Переяславского на перенесение мощей св. Николая.

183. Сборник Петр. Публичной Б-ки, Q, I, 12[д], XIV в. Отсюда Послание Феодосия Печерского келарю, изд.: Чаговец. (см. № 107).

184. Сборник Царского, № 361, XIV в. (Моск. Ист. М., Увар.) [е] по этой рукописи семь слов Кирилла Туровского, изд.: М. Сухомлинов. Рукописи гр. А. С. Уварова, т. 2. СПб., 1858.

185. Типографская Псалтырь, № 34, XIV—XV в. (Моск. Син. Тип.; по другой нумерации 40. 1284)[ж]. Подробно опис. со многими выдержками: Погорелов. Псалтыри, № 52.

см.: К. Невоструев. Некоторые поучения о иноческой жизни. М., 1866, стр. 5—13.

[а] Рук. ГИМ, Хлуд., № 30-д.

[б] Рук. ГБЛ, ф. 29, № 1548.

[18] В принадлежности этого слова митроп. Илариону и в его русском происхождении высказывались сомнения. См.: Сперанский. К истории. — Изв., т. 26, стр. 157—159.

[в] Рук. ГБЛ, ф. 304 I, № 9.

[г] Рук. ГИМ, Ув. 1°, № 613; по водяным знакам бумаги — рукопись XV в.

[д] Рук. ГПБ, О, п. I, 12.

[е] Рук. ГИМ, Ув. 4°, № 589.

[ж] Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 34.

186. Церковный устав Патриаршей Б-ки, № 332 [а], XIV—XV в. Много выписок и подробное опис.: Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 385.

187. Прилуцкий Пролог, XIV—XV в., нестишной, за мартовскую половину года (Петр. Пб. Б-ка, Дух. Акад., собр. Спасо-Прилуцкого монастыря, А 1/264) [б]. В числе русских статей имеется поучение Луки Жидяты. Изд.: 1) житие Бориса и Глеба — Абрамович. Памятники др.-р. литературы, т. 2; 2) житие Кирилла Туровского — Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности, 1—23. СПб., 1907 (Сб. т. 82, № 4).

188. Патерик Печерский, Софийский список, № 1365, XIV—XV в. (Петр., Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф) [в], так наз. Феодосиевской редакции.

189. Пчела Петр. Публичной Б-ки, F, п. I, 44 [г], XIV—XV в. Изд.: В. Семенов. Древнерусская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893 (Сб. т. 54, № 4), параллельно с греч. текстом; в предисловии дана характеристика правописания. Перевод Пчелы относят к числу русских переводов домонгольского периода.

190. Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись, XIV—XV в. (Петр. Акад. Наук; старая сигнатура — 5) [д]. Изд. в снимке: Шахматов. Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись. Ч. 1. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. Ч. 2. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб., 1902 (ОЛДрП, вып. 118) [67].

191. Софийский Сборник, № 1262, XIV—XV в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад. Соф.) [е], псковский; содержит, между прочим, послание Феодосия Печерского келарю, слова Кирилла Туровского, поучение Луки Жидяты и др. Иссл.: 1) Каринский. Язык Пскова; 2) Он же. Шестоднев; 3) Шахматов. Неск. зам.; 4) Ляпунов. Отзыв о сочинении Каринского. — Сб. отчетов о премиях и наградах за 1909 г., присуждаемых Акад. Наук. СПб., 1912.

192. Паисиевский Сборник XIV—XV в. (до 1412 г.) (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Кир.-Бел. 297—1081) [ж]. Содержит, между прочим, ряд сочинений русских авторов. Отсюда изд.: 1) небольшие выдержки с описанием всего сборника — Срезневский. Свед. и зам., 56, и Древние памятники; 2) анонимное наставление иереям о покаянии (русское) — он же. Свед.

[а] Рук. ГИМ, Син., № 332.
[б] Рук. ГПБ, СПб ДА, А 1/264.
[в] Рук. ГПБ, Соф., № 1365.
[г] Рук. ГПБ, F, п. I, 44.
[д] Рук. БАН, 34. 5. 30.
[е] Рук. ГПБ, Соф., № 1262.
[ж] Рук. ГПБ, Кир.-Белоз., № 297/1081.

и зам., 59; 3) слово Моисея о ротах и клятвах (русское) — Он же. Древние памятники; 4) Въпрашание Изяслава князя игумена Феодосия — Буслаев, Истор. Хрестоматия; 5) Слово Феодосия о вере крестьяньстей и латиньстей — Чаговец. (см. № 107, 182); 6) Одно из слов Серапиона Владимирского — Петухов. Серапион Владимирский (см. № 176); 7) два апокрифа — Варфоломеевы вопросы Богородице и о Макарии Римском — Тихонравов. Памятники отреченной литерутуры, т. 2, стр. 18—22 и 59—65. Иссл. языка сборника: Матвеева. Паисиевский сборник XIV—XV в. — РФВ, т. 73, № 1.

193. Евангелие 1401 г. (Моск. Рум. М. 118) [а], писано, по-видимому, в Зарайске (Рязанской губ.).

194. Коломенская Палея, Толковая Палея, писанная в Коломне в 1406 г. [б] Изд.: Толковая Палея по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. 2 части. М., 1892 и 1896.

195. Патерик Печерский в списке 1406 г., так наз. Арсениевской редакции (Петр. Пб. Б-ка, Q, I, 31) [в]. Изд.: Д. И. Абрамович. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911 (Памятники славянской письменности, изд. имп. Археогр. Комиссией, т. 2) (основной текст в этом издании напечатан по другому списку, так наз. Кассиановской редакции).

196. Успенский Пролог 1406 г. (Моск. Ист. М., Успенск. собр., 3) [г], нестишной.

197. Лукино Ев. 1409 г. (Моск. Ист. М., Патр. 71) [д], псковское, названо так по имени писца. Иссл.: Каринский. Язык Пскова. Ср.: Шахматов. Несколько заметок о языке псковских памятников XIV—XV вв. — ЖМНПр., 1909, июль; Ляпунов. Отзыв о сочинении Каринского. — Сб. отчетов о присуждении премий и наград за 1909. СПб., 1910.

198. Вологодская Триодь 1410 г. (Моск. Гл. Арх. 760. 1292) [е], писанная в Вологде.

199. Мусин-Пушкинский сборник 1414 г., с.-р. Оригинал сгорел в 1812 г., но сохранилась довольно точная копия нач. XIX в. [ж] Содержал ряд русских статей: Память и похвалу Владимиру и Ольге, Слово Илариона митроп., Службу Владимиру и др. См.: В. И. Срезневский. Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX в. С двумя таблицами и фототипич. снимками. СПб., 1893. — Зап. имп. Акад. Наук, т. 72, кн. 1, Приложение № 5; Срезневский. Свед. и зам., № 18;

[а] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 118.
[б] Рук. ГБЛ, ф. 304 I, № 38.
[в] Рук. ГПБ, Q, п. I, 31.
[г] Рук. ГИМ, Усп., № 3-п.
[д] Рук. ГИМ, Син., № 71.
[е] Рук. ЦГАДА, ф. 181, № 760/1292.
[ж] Рук. ГПБ, F, I, 295.

Бугославский. К литературной истории «Памяти и похвалы князю Владимиру». — Изв. т. 29.

200. Сборник Петр. Публичной Б-ки, Q, п. I, 312 [а], нач. XV в. (до 1422 г.) Из этого сборника Соболевский изд. два поучения, по его мнению, русских, домонгольского периода: 1) Поучение философа еп. Белгородского (в другом списке того же поучения автор назван Григорием, но оба без упоминания о его сане) — Два русских поучения с именем Григория.— Изв., т. 12, кн. 1, стр. 250—262; 2) поучение еп. Андрея, которого Соболевский склонен отожествить с еп. Андреем Тверским, упоминаемым в Лавр. под 1295 г. — Материалы и заметки по древнерусской литературе. — Изв., т. 17, кн. 3, стр. 80—81.

201. Псковский Пролог, 1425 г. (Моск. Ист. М., Патр. 839) [б], Иссл.: Каринский. Язык Пскова.

202. Церковный устав Савина Сторожевского монастыря, 1428 г. (Моск. Рум. М. 445) [в]. Савин Сторожевский монастырь на р. Москве в Звенигородском у., 60 км от Москвы.

203. Пролог Троицкой Лавры № 717, 1429 г.[г], нестишной, за сентябрьскую половину года.

204. Пролог Петр. Публичной Б-ки, F, I, 48 [д], 1432 г. за сентябрьскую половину года.

205. Церковный Устав Патриаршей Б-ки № 331[е] 1438 г., тверской (Моск. Ист. М.). Изд. длинную запись писца и большие выдержки из текста: Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 387.

206. Псковский Трефолой, 1446 г.[ж] Опис.: Соболевский. Псковский Трефолой 1446 г. — РФВ, т. 19.

207. Толковая Палея Патриаршей Б-ки, 1477 г. (Моск. Ист. М., Патр. 210) [з], псковская. Изд. в снимке: Толковая палея 1477 г. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210, 1892 (Изд. ОЛДрП, вып. 93). Иссл.: Каринский. Язык Пскова.

208. Сборник Патриаршей Б-ки, № 154 [и], после 1486 г., содержащий Новгородскую и Псковскую летописи (Моск. Ист. М.) Иссл.: Каринский. Язык Пскова [68].

209. Октоих 1488 г. (Моск. Гл. Арх. 442) [к], писанный уроженцем Турова, со следами аканья.

210. Минея 1489 (до революции хранилась в Киеве, в Црк.-Археолог. Музее при Киевской Дух. Акад.; в 1923 г. ее на месте

[а] Рук. ГПБ, Q, I, 312.
[б] Рук. ГИМ, Син., № 839.
[в] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 445.
[г] Рук. ГБЛ, ф. 304 I, № 717.
[д] Рук. ГПБ, F, п. I, 48.
[е] Рук. ГИМ, Син., № 331.
[ж] Рук. ГИМ, Син., № 872.
[з] Рук. ГИМ, Син., № 210.
[и] Рук. ГИМ, Син., № 154. Ср. ниже, № 229.
[к] Рук. ЦГАДА, ф. 181, № 442/910.

не оказалось)[19]. Опис.: Карпинский. Западнорусская Четья 1489 г. с приложением жития Бориса и Глеба. — РФВ, т. 21 и др. См. также: Карский. Белорусы, т. 1 и т. 2, вып. 1.

211. Минея новым чудотворцам, 1494 г. б. Каз. Дух. Акад. № 616 (518) [а], писана в Вологде. Содержит службы и жития русских святых, между прочим, оба древние жития Бориса и Глеба, память и похвалу Владимиру и Ольге, службы им же, а также Поучение и Наказание к попом Леонтия Ростовского (ум. ок. 1077 г.), слово Илариона и др. Память и похвалу Владимиру и Ольге и древнее житие Владимира по этой Минее изд.: В. И. Срезневский. Память и похвала кн. Владимиру и его житие по списку 1494 г. в Зап. Акад. Наук, 1897, т. 1, № 6, перепечатал Бугославский (Изв., т. 29.)

212. Палея Толковая, 1494 г. (Моск. Рум. М., 453) [б], псковская. Иссл.: Каринский. Язык Пскова.

213. Патерик Печерский Арсеньевской редакции, список 1497 г. (Сергиев Посад, Тр. Л. 712) [в].

214. Геннадиевская Библия, 1499 г. (Моск. Ист. М., Патр. 915) [г]. Подробное опис. с многочисленными выписками: Горск. и Невостр. Описание, отд. 1, № 1, стр. 1—164.

215. Церковный Устав Моск. Главного Архива, № 560 [д], после 1472 г., по-видимому, ю.-в.-р.

216. Октоих и Трефолой Моск. Главного Архива № 626 [е], второй полов. XV в., по-видимому, ю.-в.-р. или вост.-б.-р.

217. Архивский Требник № 599 [ж], конца XV в. (Моск. Гл. Арх.) с.-в.-р., с обилием диалектических черт.

218. Лествица Киево-Печерской Лавры XV [з] в., псковская. Опис.: Требин. Еще один памятник псковского говора XV в. — РФВ, т. 64.

219. Патерик Печерский 2-й Кассиановской редакции Румянц. Музея № 305 [и], XV в., после 1462 г. См. выше, 195. Опис.: Востоков. Описание, № 305.

220. Лицевое житие Бориса и Глеба, собрания Лихачова [к], конца XV в. Изд. в снимке: Н. П. Лихачов. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба. По рукописи к. XV столетия, 1907. (ОЛДрП, т. 124).

---

[19] Перетц. Изв., т. 26, стр. 253, примечание.
[а] Рук. ГПБ, Солов., № 616/518.
[б] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 453.
[в] Рук. ГБЛ, ф. 304 I, № 712.
[г] Рук. ГИМ, Син., № 915.
[д] Рук. ЦГАДА, ф. 181, № 560/1061.
[е] Рук. ЦГАДА, ф. 181, № 626/1137.
[ж] Рук. ЦГАДА, ф. 181, № 599/1107.
[з] Рук. ЦБАН УССР, $\frac{235\text{-п}}{51}$.
[и] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 305.
[к] Рук. ЛОИИ, коллекция 238, оп. I, № 71.

221. Ипатьевский список летописи около 1425 г.[а]; содержит Повесть временных лет и летописи Киевскую и Волынскую. Изд.: 1) в снимке: Летопись по Ипатьевскому списку. Изд. Археогр. Комиссии. СПб., 1872; 2) типографским способом — ПСРЛ, т. 2, изд. 2-е. Под ред. А. А. Шахматова. СПб., 1908; 3-е изд., вып. 1, Пг., 1923 (Изд. 1-е неудовлетворительно). Иссл.: 1) Никольский. О языке Ипатской летописи. — РФВ, т. 41, № 1-4; 2) Шахматов. Неск. зам., стр. 117; 3) Виноградов. Исследования, стр. 256—263 [69].

222. Архивский Хронограф, № 279 (658), XV в. (Моск. Гл. Арх.) [б]. Содержит, между прочим, Александрию, изданную по этому списку Истриным. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1883, первую книгу Иудейских Древностей Иосифа Флавия, переведенных, по-видимому, в Южной Руси, и др. статьи.

223. Виленский Хронограф, XVI в. (Weingart. Byzantské Kroniky, I, стр. 26, 46, 238 — см. ниже, § 41, № 21, не видавши рукописи, ошибочно относит ее к XIII в.), № 147 (Вил. Пб. Б-ка) [в]. По содержанию почти совпадает с предыдущим. Общий оригинал обоих хронографов был составлен или написан в 1262 г. См.: Истрин. То же [70].

224. Хронограф Чудова монастыря 51, 353 [г], XV в. Содержит Еллинский летописец 2-й редакции и Александрию русских хронографов 2-й редакции; последняя изд. Истриным (см. 222). Описание рукописи и извлечение из нее у Попова. Библиографические материалы А. Н. Попова, 15—19. Напечатал М. Н. Сперанский. — Чт. в ОИДрР, 1889, кн. 3.

225. Рогожский летописец 1-й половины XV в.[д] — Изд. в ПСРЛ, т. 15, вып. 1, изд. 2. Пг., 1922 [71].

226. Румянцевский Сборник, № 406 [е], XV в. (Моск. Рум. М.) содержит ряд поучений Феодосия Печерского, слова Кирилла Туровского, некоторые анонимные поучения русского происхождения, как, напр., слово в субботу сыропустную с упоминанием русских св. и др. статьи. Из этого сб. изд.: ряд мелких выдержек — Востоков. Описание, № 406; пять слов Феодосия Печерского — Чаговец (см. № 107). О более ранних изданиях см.: Он же. Там же.

227. Сборник Общества Истории и Древностей Российских, № 189 [ж], конца XV в. (Моск. Рум. М.), с.-р. (псковский?). Содержит, между прочим, отрывок Псковской летописи и повесть

[а] Рук. БАН, 16. 4. 4.
[б] Рук. ЦГАДА, ф. 181, № 279/658.
[в] Рук. ЦБАН ЛитССР, бывш. собр. Виленской публ. б-ки № 109 (147).
[г] Рук. ГИМ, Чуд., № 353.
[д] Рук. ГБЛ, ф. 247, № 253.
[е] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 406.
[ж] Рук. ГБЛ, ф. 205, № 189.

об Акире. Последнюю по этому списку изд.: А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты, 1—2. М., 1913 (из Чт. в ОИДрР). Поправки к изд. Григорьева: Дурново. К истории повести об Акире (см. ниже, № 251), стр. 93. Характеристика правописания части ркпси, содержащей повесть об Акире: Григорьев. То же, стр. 508—522; Дурново. То же, стр. 91—92.

228. Книги пророков, XV—XVI в. (Сергиев Посад, Тр. Л. 89) [а]. В записи писца говорится, что он списывал с оригинала, писанного попом Упирем Лихим в 1047 г. По этому списку книги прор. Осии, Иоиля, Амоса, Авдия и Ионы изд.: Н. Л. Туницкий. Книги 12 малых пророков с толкованиями в др.-сл. переводе. Вып. 1. Сергиев Посад, 1918.

229. Сборник Патриаршей Б-ки, № 154 [б], XV—XVI в., псковский (Моск. Ист. М.); содержит Новгородскую и Псковскую летописи. Иссл.: Каринский. Язык Пскова.

230. Сборник Патриаршей Б-ки, № 277 [в], XV—XVI в. (там же) ю.-в.-р. с многочисленными диалектизмами.

231. Сборник Патриаршей Б-ки, № 562 [г], XV—XVI в. (там же); содержит копии с митрополичьих и архиерейских грамот XV и XVI в.

232. Памянник Киево-Печерской Лавры, XV—XVI в. м.-р. Изд.: Голубов. Древний памятник Киево-Печерской Лавры (конца XV и нач. XVI в.). — Чт. в Историч. О-ве Нестора Летописца, 1892, кн. 6. Приложение.

233. Патерик Печерский Публичной Б-ки, Q, I, 322, 1529 г. (Петр.) [д]. По классификации Абрамовича (Исследование о Патерике Печерском. — Изв., т. 6, кн. 4, стр. 62), первоначальной редакции.

234. Церковный Устав Патриаршей Б-ки, XVI в., до 1548 г., писанный в Коломне (Моск. Ист. М., Патр. 336) [е], с позднейшими записями 1548 и 1608 гг. Опис.: Горск. и Невостр. Описание, отд. 3, ч. 1, № 308.

235. Судебник 1550 г. [ж] Изд.: Калачов и Строев. СПб., 1819 [з].

236. Пересопницкое Ев. 1556 г. [и], ев. т. в м.-р. переводе, пис.

[а] Рук. ГБЛ, ф. 304 I, № 89.
[б] Рук. ГИМ, Син., № 154. Ср. выше, № 208.
[в] Рук. ГИМ, Син., № 277 — Степенная книга XVII в.
[г] Рук. ГИМ, Син., № 562.
[д] Рук. ГПБ, Q, I, 322.
[е] Рук. ГИМ, Син., № 336.
[ж] Рук. ЦГАДА, Отд. 5, рубр. I, № 4.
[з] По-видимому, имеется в виду издание: Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные К. Калайдовичем и П. Строевым. М., 1819.
[и] Рук. ЦБАН УССР, I, 15512.

Михаилом из Сянока. Опис. и изд. ев. от Луки по этой рукописи: Житецкий. О Пересопницкой рукописи. — Труды 3-го Археолог. съезда в России, т. 2, стр. 221—230 и Приложение, стр. 43—111. Киев, 1878 [72].

237. Волынское Ев. 1571 г., ю.-р. Опис.: Трипольский. Волынское рукописное евангелие XVI в. — Волынский Истор.-Археолог. Сборник, вып. 2. Житомир, 1900, стр. 1—114.

238. Малорусская песня про Стефана Воеводу в чешской грамматике Благослава 1571 г., чешскими буквами (Вена, ркп. б. Терезианской Б-ки). Изд.: Ignác Hradil a Josef Jiraček. Jana Blahoslava Grammatika česká dokonana l. 1571. We Widni, 1857. Переизд.: 1) в украинской транскрипции, с реставрацией текста — Потебня. Малорусская песня по списку XVI в. — Филол. Зап., вып. 2; статья Потебни с текстом песни в чешской транскрипции Благослава и в реставрированном виде переиздана в кн.: Ал. Аф. Потебня. I. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. 2-е изд. с дополнением из черновых рукописей «О Задонщине»; II. Объяснение малорусской песни XVI в. 2-е изд. Харьков, 1914; 2) I. Франко. Студії над народними піснями. Зап. НТШ, т. 75, кн. 1, 1907. ⟨То же, Львів, 1908.⟩; 3) Кримський в кн.: Шахматов, Кримський. Нариси.

239. Ев. в м.-р. переводе Негалевского 1581 г. (Киево-Михайл. монаст.) [а]. Опис.: Назаревский. Язык Евангелия 1581 г. в переводе Негалевского. — Унив. Изв., 1911, авг., ноябрь, дек.

240. Вологодское Ев., XVI в. (Петр. Пб. Б-ка) [б]. Иссл.: Васильев. Вологодское Евангелие XVI в. — РФВ, т. 57.

241. Богдановский Златоуст XVI в. (Петр. Пб. Б-ка, собр. Богданова) [в]. Иссл.: Васильев. Богдановский Златоуст XVI в. — Изв., т. 10, кн. 3.

242. Псалтырь Публичной Б-ки, F, I, 7, XVI в. (Петр.) [г]. Иссл.: Васильев. О значении каморы.

243. Сборник Софийской Б-ки № 1460, XVI в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад.) [д], с.-в.-р. Иссл.: Васильев. То же.

244. Часослов Бодлеянской Б-ки, XVI в. (Оксфорд, Bodleian-Library, 946 slav.). См.: П. А. Сырку. Заметки о слав. и русских рукописях в Bodleian-Library в Оксфорде. СПб., 1908.

245. Архивский Церковный Устав № 728 [е], серед. XVI в. (Моск. Гл. Арх.), по-видимому, ю.-в.-р. с признаками аканья.

246. Стоглав, списки XVI в. (Моск. Дух. Акад. 194 [ж], 3-й

[а] Рук. ЦБАН УССР $\frac{421\ \text{п}}{163\ \text{в}}$.

[б] Рук. ЦГИА, ф. 834, оп. I, д. 58.

[в] Рук. ГПБ, О, I, 972.

[г] Рук. ГПБ, F, I, 7.

[д] Рук. ГПБ, Соф., 1460.

[е] Рук. ЦГАДА, ф. 181, № 728/1244.

[ж] Рук. ГБЛ, ф. 173 I, № 194.

четверти XVI в., Моск. Дух. Акад. 191 [а] Тр. Л. 215 [б], Увар. 508, 1801 [в], Рум. 425, 427 [г]). По списку Моск. Дух. Акад. № 194 изд.: Субботин. Царские вопросы и соборные ответы. М., 1890 [73].

247. Погодинский список Псковской летописи, № 1413 [д] (Петр. Пб. Б-ка), 2-й полов. XVI в. псковский. Иссл.: Каринский, Язык Пскова [74].

248. Домострой Общества Истории и Древностей Российских, отд. I, № 340 [е], XVI в. (60-х годов), с дополнениями конца XVI в. Рукопись содержит, кроме Домостроя: 1) указы о кушаниях, 2) чины свадебные; в дополнении — продолжение свадебных чинов. Изд. полностью, со всеми добавлениями: Забелин. Домострой по списку имп. Общества Истории и Древностей Российских, в Чт. ОИДрР, 1881, кн. 2; опечатки и добавления.— То же, 1882, кн. 1. Поправки к изд. Забелина: Орлов. Домострой. Исследование. — РФВ, т. 75, № 1-2, стр. 41-47.

249. Коншинский список Домостроя (Петр. Пб. Б-ка, Q, XVII, 149) [ж] конца XVI в., ю.-в.-р. Изд.: Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. Кн. 1. — Чт. в ОИДрР, 1908, кн. 2; Кн. 2. — Чт. в ОИДрР, 1911, кн. 1. Там же и описание списка со стороны языка [75].

250. Сборник Мусина-Пушкина, XVI в., заключавший Слово о полку Игореве, изданное по этой рукописи Мусиным-Пушкиным в 1800 г.: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М. 1800. Рукопись сгорела в 1812 г., но текст Слова сохранился не только в издании 1800 г., но и в другой копии, так наз. Екатерининской, сделанной в 1795 г. Эта копия некоторые места передавала, по-видимому, точнее, чем издание Мусина-Пушкина, но в общем является менее удовлетворительной. По Екатерининской копии Слово издано было Пекарским в 1864 г.: Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. — Зап. имп. Акад. Наук, т. 5. Приложение 2; и вторично с приложением снимка со всей копии Симони: Текст Слова о полку Игореве по списку, хранящемуся в бумагах императрицы Екатерины II. — в 13 т. «Древностей» Моск. Археолог. О-ва. М., 1890. Изд. 1800 г. перепечатано точно П. В. Владимировым в Приложении к книге Древняя русская литература Киевского периода (Киев, 1900); затем переиздавалось в снимке

[а] Рук. ГБЛ, ф. 173 I, № 191.
[б] Рук. ГБЛ, ф. 304 I, № 215.
[в] Рук. ГИМ, Ув. 4°, № 786. (Ув. 4°, № 508 — Риторика Сафония Лихуды, нач. XVIII в.; Ув. 1°, № 508 — Беседы Иоанна Златоустого, XVII в.).
[г] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 425 и № 427.
[д] Рук. ГПБ, Погод., № 1413.
[е] Рук. ГБЛ, ф. 205 (ОИДР), № 340.
[ж] Рук. ГПБ, Q, XVII, 149.

Суворины м в 1904 г. (СПб.) и братьями М. и С. Сабашниковыми в 1920 г. (Москва), с предисловием Сперанского, Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина под редакцией А. Ф. Малиновского. С приложением статьи проф. М. Н. Сперанского и факсимиле рукописи А. Ф. Малиновского. Языка Слова касались многочисленные его исследователи (ср. библиографию у Барсова до 1885 г.[а], Владимирова до 1894 г.[б], Гудзия с 1894 по 1913 г., Литература Слова о полку Игореве за последнее двадцатипятилетие (1894—1913 гг.) в ЖМНПр, 1914, февр. и Перетца с 1914 до 1923 г., К изучению слова о полку Игореве. I. Новейшая литература о Слове (1911—1923 гг.) в Изв., т. 28, но лингвистического значения бо́льшая часть подобных работ не имеет; специально языку сгоревшего списка Слова посвящена статья Каринского. Очерки из истории Псковской письменности и языка, вып. 2. Мусин-Пушкинская рукопись Сл. о п. Иг. как памятник Псковской письменности XV—XVI в. Пг., 1917 (ЖМНПр, 1916, дек.) Ср. Перетц. Изв., т. 28, стр. 153—155. О взаимоотношении между изд. 1800 г. и Екатерининской копией см.: Перетц. Слово о полку Ігоревім. Киев, 1926 (Зап. Україньскої Акад. Наук) [76].

251. Соловецкий Сборник, № 46[в], XVI в. (до 1898 г. хранился в Соловецком монаст. позднее?), с.-р., содержит, между прочим, Хождение игум. Даниила, Сказание об Индийском царстве и повесть об Акире; последнюю изд.: Н. Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе. 1. К истории повести об Акире. М., 1915, стр. 20—36; описание языка, то же, стр. 93—94.

252. Сборник Патриаршей Б-ки, № 935[г], XVI в.; содержит слова Кирилла Туровского, правило церковное митроп. Иоанна II и др. русские статьи, в.-р. с чертами аканья. Опис.: Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 3, № 321.

253. Сборник Софийской Б-ки, № 1474, нач. XVI в. (Петр. Пб. Б-ка, Дух. Акад., Соф.)[д], содержащий, между прочим, Речь тонкословия греческого (собрание греч. разговоров и слов с русским переводом). Последняя изд.: 1) Никольский. Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV—XVI вв. СПб., 1896 (ПДрП, вып. 114); 2) Фасмер. Ein russisch-byzantinisches Gesprachbuch. Leipzig, 1922. Опис. у Фасмера, стр. 6 и 134—136 [77].

[а] См.: А. Ф. Бычков. Дополнения к библиографии Слова. — В кн.: Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, ч. 2. М., 1885.

[б] См.: П. В. Владимиров. Древняя русская литература Киевского периода. Киев, 1900.

[в] Рук. ГПБ, Солов., № 46 — апостол XV в.

[г] Рук. ГИМ, Син., № 935.

[д] Рук. ГПБ, Солов., № 1474.

254. Сборник Археографич. Комиссии, № 454, серед. XVI в. (Петр. Акад. Наук) [а] содержит, между прочим, Родословие князей Рязанских, Тверских и др., сочинения Кирилла Белозерского и Максима Грека, Летописец русский и Речь тонкословия греческого. Об этом сборнике: Фасмер. То же, стр. 6; Никольский, Сказание об обретении честных мощей святителя Никиты Новгородского чудотворца. — Изв., т. 10, кн. 2, стр. 11; Симони. Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV-XVII столетий. — Изв., т. 13, кн. 1, стр. 194.

255. Сборник Казанской Дух. Акад., № 970 (Сол. 860 [б]), XVI в. Отсюда Речь тонкословия греч. изд.: Симони. — То же стр. 195—212 [78].

256. Сборник копий с митрополичьих и других архиерейских грамот XV и XVI вв. (последняя грамота 1543 г.) (Моск. Ист. М., Патр. 791) [в].

257. Разрядные книги Московского государства XVI и XVII вв., содержащие разряды XV (начиная с 1476 г.), XVI и XVII вв. (имеются в разных собраниях, напр., в Моск. Рум. М. № 337—341, Моск. Гл. Арх., Патр. Пб. Б-ке и др.). По языку Разрядные книги являются типичными представителями Московского приказного языка. Изд.: 1) Дворцовые разряды, т. 1—4. СПб., 1850—1855, 2) Книги разрядные по официальным оных спискам, т. 1—2. СПб., 1853 и 1855; 3) Милюков. Древняя разрядная книга официальной редакции (по 1565). — Чт. в ОИДрР, 1902, кн. 1, кн. 2 по ркп. XVI в. с вариантами и дополнениями по ркп. XVI и XVII вв.; 4) Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121) — Чт. в ОИДрР, 1907, кн. 2, кн. 3 (по ркп. Моск. Гл. Арх. 98/129 [г] и Пб. Б-ки, IV. F. 166 [д]). Некоторые разрядные книги изд. еще Н. И. Новиков в Древней Российской Вифлиофике (т. 13) [79].

258. Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. (Оксфорд, Bodleian Library, slav.). Изд. со снимками со всего текста: П. К. Симони. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 г. для Ричарда Джемса на крайнем Севере Московского царства 1) с полным снимком и текстами всех шести песен по подлинной рукописи, хранящейся в Оксфорде и 2) с приложением чтения всех песен и с отметками указаний касательно различных их особенностей акад. Корша. СПб., 1907 (Сб. т. 82, № 7) [80].

259. Пчела, 1623 г. (Моск. Ист. М., Патр. 854) [е], писана в Серпухове, с чертами акающего говора. Описание и небольшие

[а] Рук. БАН, Археогр. ком., 454.
[б] Рук. ГПБ, Солов., № 970/860.
[в] Рук. ГИМ, Син., № 791.
[г] Рук. ЦГАДА, ф. 181, № 98/129.
[д] Рук. ГПБ, IV. F. 166.
[е] Рук. ГИМ, Син., № 854.

выдержки: Горск. и Невостр. Описание, отд. 2, ч. 3, № 314 [81].

260. Церковнославянская грамматика Гербовицкого монастыря в Бессарабии, до 1648 г. Опис.: Курдиновский. Рукописная церковнославянская грамматика Гербовицкого монастыря Бессарабской губернии. — РФВ, т. 57 и т. 58 [а].

261. Грамматика Ивана Ужевича 1643 г. (Париж. Bibl. Nationale, 7568). Опис.: Соболевский. Грамматика И. Ужевича. — Чт. в О-ве Нестора Летописца, т. 19. Киев, 1906.

262. Грамматика Ивана Ужевича 1645 г. (Аррас). Опис.: Ягич. — AslPh, XXVII.

263. Дума козацкая о войне с козаками, малорусское стихотворение о поражении Хмельницкого под Берестечком в 1651 г.; вписано на чистых страницах книги Militia Equestris, ок. 1630 (изд. в Бельгии), в польской транскрипции. Изд.: A. Petrów. — AslPh, II, 298—301. Там же напечатана м.-р. транскрипция с реставрацией Житецкого. Перепечатана Крымским. Укр. грамматика, т. 1, вып. 1, стр. 258 и т. 2, вып. 1, стр. 63—64. Ср. другой список того же стихотворения в ркп. Публ. Б-ки, разноязычное О. XVII, 11 [б], XVII в. Изд.: Перетц. Малорусские вирши и песни в записях XVI—XVII вв. — Изв., т. 4, кн. 3. [82].

264. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, до 1662 г., автограф (Петр. собр. Дружинина) [в]. Изд. Археограф. Комиссией. Пг., 1916[г]. Иссл.: 1) Виноградов. О задачах стилистики; 2) Черных. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия. Вып. 1 и 2. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, как памятник северновеликорусской речи XVII столетия. Иркутск, 1927 (Вып. 1-й содержит фонетику и формы словоизменения; вып. 2-й — формы словообразования и синтаксис — вышел отдельно как издание Иркутской секции научных работников) [83].

265. Сочинение Котошихина о России, писанное в 1665—1667 гг. (Упсала, Ун-т). Изд. Археограф. Ком.: О России в царствование Алексея (изд. 1 и 2 Алексия — изд. 3) Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. 1-е изд. СПб., 1840, 2-е изд. СПб., 1859, 3-е изд. СПб., 1884 [д] [84].

266. Книга государя царя и в. кн. Алексия Михайловича всея Руси выходом, каково на государе бывает платье, 1664. Изд.: Т. Н. Строев. Выход государей, царей и в. князей. М., 1844.

[а] То же в кн.: Труды Бессарабского церковного историко-археологич. о-ва, вып. 4, Кишинев, 1910, стр. 1—32.

[б] Рук. ГПБ, О, XVII, 11.

[в] Рук. БАН, собр. Дружинина, № 746.

[г] По-видимому, имеется в виду изд.: Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.

[д] Изд. 4. СПб., 1906.

267. Ладомировское Учительное Ев., XVII в. Опис.: Панькевич. Ладомирівське учительне євангеліе. — Науковый Збірник Товариства «Просвіта», річ. 2. Ужгород, 1923.

268. Отрывок из Псалтыри и слов Ефрема Сирина, ю.-р. Опис.: Гординський. Уривок Псалтири XIII—XIV в. — Зап. НТШ, т. 106 (1911) и 126—129 (1918) [а] и Панькевич. — AslPh, XXXIV, 1914.

269. Малорусский (карп.-р.) сборник Ю. Яворского, XVII в., содержащий, между прочим, апокрифическое житие ап. Петра на м.-р. языке. Изд.: Яворский. Карпато-русское чтение апостола Петра. — Изв., т. 19, кн. 4.

270. Наука христианская з Евангелия в коротце зложона барзо простою мовою (Киев, Б-ка Софийск. собора, 180) [б]. Изд.: Маслов. — Зап. НТШ, т. 79.

271. Лечебник, или Прохладный Вертоград, собр. Румянцева, № 262, XVII в. (Моск. Рум. М.) [в], принадлежавший ранее Хованским. Опис.: Востоков. Описание.

272. Лечебник собрания Ундольского, № 696 (Моск. Рум. М.) [г], XVII в. Небольшие отрывки изд.: М. И. Соколов, Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. — «Древности». Труды Слав. Комис. имп. Моск. Археолог. О-ва, т. 1. М., 1895, стр. 134—137.

273. Сборник Барсова, № 1463, XVII в. (Моск. Ист. М., Барс.)[д], содержит: a) Хождение Трифона Коробейникова, b) Сказание о киевских богатырях, c) Повесть о Димитрии Басарге, d) географическую заметку о пути до Камы реки и др. Отсюда статьи b), d) изд.: Симони. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. 1. Пг., 1922 (Сб., т. 100, № 1 и 2, стр. 1—46 и 58—59)[е] [статья b) была раньше изд., но без палеографической точности: Барсов. Богатырское слово в списке нач. XVII в. СПб., 1881 (Сборн., т. 28, № 3) и Сперанский. Былины, т. 2 (изд. бр. Сабашниковых). М., 1919, стр. 506—515].

274. Сборник Пазухина, XVII в.[ж], содержащий былину о Ставре Годиновиче и др. статьи; писан где-нибудь недалеко от Симбирска.

[а] В т. 126—129, стр. 171—209, — статья: Я. Гординський. Слова Ефрема Сирина в перемиських пергамінових листках поч. XIV в.

[б] Рук. ЦБАН УССР $\frac{180}{297\ с}$.

[в] Рук. ГБЛ, ф. 256, № 262.

[г] Рук. ГБЛ, ф. 310, № 696.

[д] Рук. ГИМ, Барс., № 1463.

[е] Изд. по списку ГПБ, О, XVII, 57, см. ниже.

[ж] Местонахождение столбца с текстом в настоящее время неизвестно. Фотокопия хранится в БАН 45. 2. 5. (См.: А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.—Л., 1960, стр. 200—204 и 297 («Памятники русск. фольклора»).

Былину о Ставре по этой рукописи изд.: Соболевский. Былина о Ставре Годиновиче по списку половины XVII в. — Изв. т. 16, кн. 1.

275. Сборник Академии Наук, № 33. 4. 32[а], XVII и XVIII в., с.-р. (олон.). Часть, писанная в XVII в., содержит, между прочим, повести о Динаре, Басарге, о старом муже и о молодце и девице; последнюю изд.: Вс. И. Срезневский. Сказание о молодце и девице по списку XVII в. Б-ки Акад. Наук. — Изв., т. 11, кн. 4, с добавлением по спискам XVIII в.

276. Погодинский Сборник, № 1773, XVII и XVIII вв. (Петр. Пб. Б-ка)[б], содержит Хождение Трифона Коробейникова, повести о царе Агее, о 7 мудрецах, о Еруслане Лазаревиче, об осадном сидении, о Девгениевом деяпии и о Горе и Злочастии. Девгениево деяние по этому списку изд.; М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. Пг., 1922 (Сб., т. 99, № 7). Повесть о Горе и Злочастии издавалась несколько раз; последний раз с приложением снимков со всего текста: П. К. Симони. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин по единственной сохранившейся рукописи XVIII в. СПб., 1907 (Сб., т. 83, № 1). Существует популярное изд.: Б. И. Дунаев. Библиотека старорусских повестей, вып. 2. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин. М., 1914 (с соблюдением правописания).

277. Житие Конона на м.-р. языке, ркпсь собрания М. И. Соколова, № 190, XVIII в. (Моск. Ист. М.)[в]. Изд.: Дурново. Материалы и исслед. по старинной литературе. 2. Жития св. Конона и Марины.

278. Сборник Петр. Публичной Б-ки, О. XVIII, 57[г], из собрания Буслаева, XVIII в. Содержит три былины, изд. Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером по этому списку в Былинах старой и новой записи (М., 1894); Повесть града Иерусалима и Слово о споре скомороха с жидовином изд. Буслаевым в Истор. очерках русской народной словесности и искусства (т. 1, СПб., 1861, изд. 2, СПб., 1909). Былину о киевских богатырях по этому списку изд. вторично Симони в Сб., т. 100 № 1 и 2, 1922.

279. Сборник Петр. Публичной Б-ки, Q, XIV, 19[д], XVIII в. (Петр.) Из этого сборника 7 интерлюдий изд.: Тихонравов. Русские интерлюдии первой полов. XVIII в. — В «Летописях», т. 2, кн. 3, 1859.

[а] Рук. БАН 33. 4. 32.
[б] Рук. ГПБ, Погод., № 1773.
[в] Рук. ГИМ, Сокол., № 190.
[г] Рук. ГПБ, О, XVII, 57.
[д] Рук. ГПБ, Q, XIV, 19.

280. Вологодский сборник интерлюдий 2-й полов. XVIII в.[a] Отсюда 2 интерлюдии: «Шапошник и мужик» и «Могильщик и кобыльник» изд.: Миллер. Новый интерлюдии XVIII в. — Изв., т. 5, кн. 3.

О зап.-р. рукописях, их изданиях и работах, посвященных изучению их языка, см.: Карский. Белорусы, т. 1, 2, вып. 1, 3, т. 3, вып. 2. По в.-р. и м.-р. памятникам подобных обзоров не имеется. [Список ю.-р. и м.-р. письменных памятников XI—XVIII вв. с указанием литературы дан Крымским, Украинская грамматика, т. 1, вып. 1, глава 2, стр. 43—82; в дальнейших главах — много мелких выдержек из названных памятников. Следует иметь в виду, что Крымский исключает из числа ю.-р. ряд памятников, признаваемых за ю.-р. почти всеми другими учеными, и часто дает написаниям старых рукописей вряд ли правильные толкования. Менее подробный, не свободный от неточностей, список ю.-р. и м.-р. памятников XI—XIX вв., с указанием некоторых исследований и изданий см.: Бузук. Нарис історії української мови. Київ, 1927, стр. 17—23.]. Библиографические указания у Пыпина (История р. литературы, т. 2), Сперанского (История др.-р. литературы, т. 2), в Истории р. литературы до XIX в. под ред. А. Е. Грузинского, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовского и проф. П. Н. Сакулина (т. 1. М., 1916) и у Возняка (Історія української літератури, т. 1—3 и Старе українське письменство) совершенно не касаются работ по изучению языка старинных памятников и не упоминают об изданиях памятников, не нашедших себе места в их схемах истории литературы. Надо заметить, что текстов XV—XVIII вв. и в.-р. и б.-р. и м.-р. издано очень много, но работ по изучению языка памятников этого времени очень мало.

Печатные книги

§ 32. Первыми печатными русскими книгами можно считать напечатанные в Кракове в типографии Феоля в 1491 г. богослужебные книги на цсл. языке тогдашней русской редакции с чертами б.-р. говора. Затем русское печатное дело замирает, и только в 1517 г. появляются в Праге первые выпуски Библии на б.-р. языке д-ра Франциска Скорины из Полоцка. В 1519 г. вышел последний, 22-й выпуск этой Библии, а с 1525 г. та же Библия выходит другим изданием уже в русском (б.-р.) городе Вильне. Во второй половине XVI в. возникает типография в Москве, скоро, впрочем, принужденная закрыться, а затем в ряде городов ю.-зап. Руси — в Несвиже, Львове, Остроге, Евю и др. В Москве печатное дело возобновилось лишь в XVII в. В том же XV в. появляется

[a] Рук. ГБЛ, ф. 178, № 3314.

типография и в Подкарпатской Руси, где ок. 1770 г. была напечатана 1-я книга на карп.-р. наречии — Урбар.

В Московской Руси все книгопечатание в XVI и XVII вв. было сосредоточено в Москве [20], где печатались почти исключительно книги на цсл. языке, главным образом богослужебные, и лишь в единичных случаях на русском, но в Литовской Руси рядом с книгами на цсл. издавались и книги на литературном зап.-р. языке; таковы издания Скорины, Тяпинского и др. В этих изданиях мы находим более чистый б.-р. язык, чем во всех зап.-р. рукописях того времени, хотя, конечно, известным образом нормированный по сравнению с тогдашней живой б.-р. речью. Вообще же печатные издания для суждения о живом языке дают меньше, чем рукописи, потому что в них правописание нормировано более последовательно, чем в рукописях, где каждый писец мог вносить индивидуальные черты, отражающие его живой говор. Типографии обыкновенно имелись в культурных центрах и были в руках образованных людей, не допускавших в издаваемых ими книгах проявления диалектических особенностей говора писцов или наборщиков. Исключение представляют так наз. лубочные издания XVIII и XIX вв., печатавшиеся не с набора, а с лубочных досок, на которых текст вырезывался мастерами часто малограмотными. Изготовлением лубочных изданий занимались главным образом в Москве, и московские лубочные издания дают богатый материал для изучения московского и подмосковного говоров XVIII и XIX вв. Но давая меньше материала, чем рукописи, для изучения истории живого народного языка, печатные издания не менее их важны для изучения литературного языка; издания, печатавшиеся под наблюдением авторов издаваемых сочинений или по их подлинным рукописям, при утрате авторского оригинала, что бывает обычно, конечно, лучше позволяют судить о языке авторов, чем списки их сочинений, сделанные другими лицами и заключающие искажения первоначального текста.

Литература. Карский. Очерк; Он же. Белорусы, т. 1 и 3, вып. 2 (только о зап.-р. изданиях); В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на словенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года, ч. 1—5. СПб., 1813—1821, новое издание В. Н. Рогожина. СПб., 1904—1906; Очерк славяно-русской библиографии В. М. Ундольского с дополнениями А. Ф. Бычкова и А. Викторова (Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491 по 1864 г., вып. 1) Изд. Моск. Публ. и Рум. Музеев. М., 1871; И. Каратаев. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами, 1491—1730. СПб., 1861; Он же. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами, 1491—1730. Вып. 1, с 1491 по 1600 г. СПб., 1878; второе изд.: с 1491 по 1652 гг. СПб., 1883 (Сб., т. 34, № 2). [Список русских изданий XVIII в.: Г. Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых с 1725 по 1825 г. Т. 1. А—Е. Берлин, 1876. Т. 2. Ж—М,

[20] Первая печатная книга, вышедшая в Москве, — Апостол, напечатанный Иваном Федоровым в 1564 г. [85].

с дополнениями Н. Собко, 1880, т. 3. Н—Р, 1908; Н. В. Губерти. Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом, 1725—1800, вып. 1. М., 1878; вып. 2, 1881; вып. 3, 1891. Список русских оригинальных и переводных романов, напечатанных в XVIII в.: В. В. Сиповский. Из истории русского романа и повести. Материалы по библиографии, истории и теории. СПб., 1903]. Отдельных изданий не называю, упомяну лишь следующие:

1. Мелетий Смотрицкий. Грамматики Словенския правильное Сvнтагма. В Евю, 1619. Переизд. несколько раз. В сильно переработанном виде изд. в Москве в 1648 г. См.: Н. А. Засадкевич. М. См. как филолог. Одесса, 1883; С. К. Булич. Очерк языкознания в России, т. 1. СПб., 1904, стр. 174—178; Карский. Белорусы, т. 1 и 3, вып. 2.

2. Книга о ратном строении. М., 1647.

3. Уложение (царя Алексея Михайловича). М., 1649 [86].

4. Ведомости времени Петра Великого. М. и СПб., 1703—1725. Переизд. в 2-х томах: т. 1. М., 1903, под ред. В. А. Погорелова; т. 2. М., 1905 под ред. А. Покровского [87].

5. Урбар на карп.-р. наречии, около 1770 г. Переизд. и опис. со стороны правописания и языка: А. Л. Петров. Материалы для истории Угорской Руси. 5. Первый печатный памятник угро-русского наречия. Урбар и иные связанные с крестьянской Марии Терезы реформой документы. СПб., 1908 (Сб., т. 84, № 2) [88].

[6. Так наз. лубочные издания XVII—нач. XIX в. по бóльшей части переизданы в труде Д. А. Ровинского. Русские народные картинки. Кн. 1—5. Сб., т. 23—27, СПб., 1881. (отд. оттиск СПб., 1881). То же. Атлас, т. 1—3, СПб., 1881—1893; переиздано полностью: Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. Посмертный труд напечатан под наблюдением Н. П. Собко (т. 1—2, СПб., 1900, исследование и уменьшенные снимки с картинок, с текстом)] [89].

Грамоты и письма

§ 33. Этот род письменных памятников имеет особенно большую цену для истории языка, потому что отражает черты живой речи в большей чистоте, чем бóльшая часть собственно рукописей. Бóльшая часть дошедших до нас старых грамот и писем сохранилась в оригиналах и списках, близких по времени и месту к оригиналам, тогда как собств. рукописи почти всегда являются списками с оригиналов, притом не непосредственными, отделенными от них рядом промежуточных списков, удаленными от своих протографов часто на целые столетия и написанными нередко в областях, далеких от места возникновения протографа, однако при изучении языка по грамотам надо иметь в виду, что в канцеляриях, где писались грамоты, вырабатывался свой канцелярский язык, отличавшийся нередко большой консервативностью и условностью и потому постепенно удалявшийся от того живого языка, на почве которого он возник; что в нем с течением времени вырабатывались свои застывшие формулы, несвойственные живому языку; что в него проникали заимствования и из других, нерусских канцелярских языков. Для русских княжеских канцелярий домонгольской эпохи образцом мог быть язык болгарских царских канцелярий, и они переняли оттуда формулу начала княжеских грамот «Се азъ»

с болгарским личным местоим. 1 sg (ср. Мст. гр. 1130); зап.-р. и ю.-р. грамоты XV—XVII вв. изобилуют полонизмами, свойственными современным им польским грамотам, вероятно, в значительно большей степени, чем живой б.-р. и м.-р. языки того времени. Кроме того, содержание многих грамот сводится в значительной части к повторению общих формул: так, договоры новгородцев со своими князьями XIV и XV вв. повторяли те же условия, какие заключались еще в подобных же договорах XIII в., несколько их дополняя и детализируя; те старые условия, которые переходили в этих грамотах из предыдущих, часто переписывались без изменения в той формулировке, какая дана была однажды; то же мы видим и в договорах р. князей и городов с немцами и Литвой, в духовных завещаниях, купчих, вкладных, раздельных и др. актах: для всего вырабатывались определенные формулы, которые рано застывали и переходили из грамоты в грамоту в неизменном виде, хотя бы уже давно не соответствовали современному состоянию живого языка. Ср. в московских грамотах еще в XVII в. такие формулы, как «а на то послуси» (хотя бы и об одном свидетеле) и др. Это придает языку грамот характер искусственности и архаичности и создает известную бедность языка, что, впрочем, не мешает проявлению в нем нередко ярких особенностей живой речи. Встречаются и грамоты менее шаблонного содержания, дающие благодаря этому ценный материал для истории языка. К таким, напр., относится обширная грамота рижан в Витебск ок. 1300 г., изд. Срезневским (Древние памятники), и Напьерским (Русско-Ливонские акты), содержащая протест, поданный рижанами Витебскому князю Михаилу Константиновичу против действий его и его наместника.

Более свободным, хотя и не вполне, от условностей и потому близким к живому языку является язык писем, сохранившихся от XV—XVII вв. Впрочем, и на нем сказывается иногда книжное влияние, и в нем в то же время вырабатываются известные условные формулы, сковывающие его и удаляющие от живой речи. Но расцвет этой шаблонизации эпистолярного языка, вызвавший появление руководств к составлению писем вроде знаменитого «Письмовника» Курганова начала XIX в., относится уже к XVIII в.

Грамоты

§ 34. Старшие сохранившиеся русские грамоты относятся к XII в.[21]; это — дарственная грамота кн. Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю около 1130 г. и духовная Варлаама Хутынского около 1192 г. От XIII в. сохранился ряд грамот из Смоленска и других городов Сев.-Зап. Руси и из Новгорода;

[21] О французской грамоте 1063 г. с подписью Анны Ярославны см. выше, в главе о надписях.

старшая из Смоленских грамот — 1229 г., а из Новгородских — ок. 1263 г. Старшие сохранившиеся грамоты Московские, Тверские, Рязанские и ю.-р. — XIV в. От позднейшего времени имеется уже огромное количество грамот самого разнообразного содержания государственных и частных из всевозможных городов и местечек в.-р., зап.-р. и ю.-р.

§ 35. Бóльшая часть государственных грамот и договоров старшего периода сосредоточена в Москве, Риге и Вильнюсе. В Московском Главном Архиве (Моск. Гл. Арх.) хранятся договоры Новгорода со своими князьями XIII—XV в., духовные завещания и др. Рижскому Городскому Архиву (Рижск. Г. Арх.) принадлежит ценное собрание новгородских, смоленских, полоцких, витебских и рижских грамот, главным образом договоров Новгорода и зап.-р. городов с Ригою и Готским Берегом и их дипломатической переписки [90]. В Вильне сосредоточены, в Виленской Публичной Библиотеке (Вил. Пб. Б-ка) [91] и Виленском Городском Архиве (Вил. Г. Арх.) главным образом грамоты великих князей литовских и др. грамоты Литовского великого княжества с XIV в. Кроме того, богатые собрания грамот, главным образом более поздних, имеются в Моск. Архиве Комиссариата (раньше — Министерства) Юстиции (АМЮ), в ркп. собрании Моск. Румянцевского и Публичного Музеев (собрания Беляева, Муханова, Румянцева и др.), в отделе архивов Моск. Истор. Музея (главное содержание этого архива составляет частная переписка русских дворян XVIII, XIX и нач. XX в. и их родовые архивы) [92], в Петроградском Государственном Архиве [93], в б. Русской Археографической Комиссии (теперь — отдел Академии Наук) (Арх. Ком.) [94], в архивах Варшавы, Кракова, Львова, в некоторых польских частных архивах — Сангушков, Оссолинских, Чарторыйских и др. и во многих других городских, церковных, монастырских и частных архивах.

Литература. Указатели существующих собраний грамот см.: Карский. Очерк[1] и Очерк[2]; Он же. Белорусы. т. 1 и 2, вып. 1; Соболевский. Лекции; Он же. Слав.-р. палеография. Список грамот и их изданий: Карский. Там же; Он же. Варш. Унив. Изв., 1903, № 4.

Издания и описания грамот: 1) Собрание Государственных Грамот и Договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел [изд. Комиссией печатания государственных бумаг и договоров, состоящей при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел.] Вышло 5 томов, первые 4 (грамоты с 1265 по 1696 г.) — М., 1813—1828, 5-й — М. и СПб., 1841—1894 (грамоты с 1326 по 1531 г.) /СГГрД/; 2) Акты Юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Арх. Ком. СПб., 1838 /АЮ/; 3) Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою Экспедициею имп. Акад. Наук, т. 1—4. СПб., 1836; [4) Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Арх. Ком. под. ред. Н. Калачова, т. 1—3, СПб., 1857-1884; 5) Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 1—5, СПб., 1841—1842 и Дополнения к «Актам историческим», собранные и изданные Археографическою Комиссиею, т. 1—12. СПб., 1846—1872, содержащие главным образом грамоты; 6) Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, (более 250

грамот XV—XVII вв.)]; 7) К. Э. Напьерский. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв., найденные в Рижском архиве. Изд. Арх. Ком. СПб., 1857, со снимками /Гр. Кас./; 8) Он же. Русско-Ливонские Акты. СПб., 1868 /РЛА/ (грамоты Новгородские, Смоленские, Полоцкие, Рижские и др. XIII—XIV вв.); 9) Н. П. Лихачов. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. 1. Духовные и сговорные грамоты. Вып. 2. Грамоты правые. СПб., 1895; 10) Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции, кн. 1—21. СПб. 1869—1919; здесь ряд грамот издан полностью, напр., в т. 4 /Описание АМЮ/; 11) Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV в. Моск. Архива Министерства Юстиции. Их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883; 12) Каталог актов XIV, XV, XVI и XVII вв., принесенных в дар Моск. Публичному Музею П. А. Мухановым. СПб., 1865[a]; 13) Д. П. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Ю. Беляева. М., 1881 /Лебедев/ (здесь напечатаны полностью некоторые из старших грамот этого собрания) и мн. др. Большое количество грамот издано во многих томах Русской Исторической Библиотеки, изд. Арх. Ком. РИБ, Летописи Занятий Арх. Ком. Лет. Зан. и в Чтениях в ОИДрР. К сожалению, почти во всех изданиях текст напечатан без соблюдения палеографической точности. Из изданий снимков с грамот назову: 1) А. Ф. Маркс. Две старейших русских грамоты в дошедших до нас подлинниках. — Древности И. Моск. Археолог. О-ва, т. 24. М., 1914 (Мстиславова 1130 г. и Хутынская 1192 г.); 2) Соболевский и Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. Изд. Петербургск. Археолог. Института. СПб., 1903 /Соб. и Пташ./; 3) старое изд.: Сахаров. Образцы. Ср. также: Напьерский. Грам. кас. — Об изданиях грамот новгородских, двинских, зап.-русских и ю.-русских и об изданиях отдельных грамот см. § 36.

§ 36. Отдельные грамоты и группы грамот и их издания. 1. Мстиславова ок. 1130 г. /Мст. гр./ (до революции — Юрьев монаст. ок. Новгорода). Правописание грамоты выдержанное цсл.; диалектических черт в языке не заметно. Изд. много раз, между прочим, в Хрестоматиях Буслаева и моей. Снимок у Маркса (см. § 35) и др. [95].

2. Варлаама Хутынского после 1192 г. /Хут. гр./, вкладная Хутынскому монастырю (до революции — Хутынский монаст. близ Новгорода). Изд. несколько раз, между прочим, в моей Хрестоматии. Снимок — у Маркса (см. § 35). В правописании грамоты есть „о“ вм. „ъ“ в сочетании *ол* и др.; написание „ц“ вм. „ч“ только один раз в слове *цьто*; впрочем, это слово, прочитанное Срезневским, в настоящее время разобрать нельзя, и трудно сказать, насколько чтение Срезневского верно.

3. Смоленские, Полоцкие и Рижские XIII и XIV вв. (Рижск. Г. Арх., кроме трех; из них одна, смоленская 1359 г. — в Моск. Гл. Арх. и одна, смоленская 1386 г., — в архиве Чарторыйских в Варшаве). По языку все принадлежат к одной группе: во всех имеется смешение „ц“ и „ч“, указывающее на то, что смоленскому и полоцкому говорам XIII—XIV вв. было свойственно с.-р. совпадение *c* и *č*, неизвестное теперь ни в Смоленске, ни в Полоцке, но сохранившееся к северу от этих городов в пределах старых Смолен-

---

[a] В первом издании (М., 1836) носит название «Сборник Муханова».

ского и Полоцкого княжеств. Во всех них имеется смешение "оу" и „въ" перед согласными и употребление „е" вм. „ѣ" во всех положениях; все имеют „о" и „е" вм. „ъ" и „ь", в том числе и в сочетания *ол*, *ор*, *ер*. Старшая, смоленская 1229 г., сохранилась в пяти списках — А, В, С, D, Е; из них А и В современны договору, С и D приблизительно середины XIII в., а Е, с припиской 80-х годов XIII в., писана тем же лицом, что и приписка. Почти все изд. Напьерский, РЛА, но только одну — 1229 г., по спискам А, В, С, D — с палеографической точностью. Те же грамоты имеются в его же Грам. кас. Смоленская грам. 1230, одна из смоленских грамот 1284 и грамота рижан в Витебск ок. 1300 г. изд. у Срезневского (Древние памятники). В моей Хрестоматии грамота 1229 г. по списку А перепечатана из РЛА Напьерского. — Снимки с некоторых смоленских грамот: Сахаров. Образцы; Напьерский. Грам. кас.; Соб. и Пташ. Перечень у Карского. Очерк [1] и Белорусы т. 1, стр. 357. Иссл.: Соболевский. Смоленско-Полоцкий говор в XIII и XIV стол. — РФВ, т. 15; Карский. Белорусы, т. 2, вып. 1, 2, 3; Виноградов. Исследования, стр. 270—281; Тимчинова. К хронологии явлений, предшествующих аканью (о смешении *о* и *е* с *ъ* и *ь* в грамоте 1229 г.) — Уч. Зап. Высшей Школы г. Одессы. Отд. гуманитарно-обществ. наук, т. 2, Посвящ. проф. Б. М. Ляпунову. Одесса, 1922 [96].

4. Новгородские эпохи независимости, XIII-XV в. a) договоры и дипломатическая переписка с немцами и датчанами (бóльшая часть — в Риж. Г. Арх., один из списков договора 1301 г. и договор около 1375 г. — в Моск. Рум. М.); старший — договор Александра Невского с немцами 1262—1263 гг.; изданы Напьерским, РЛА; b) договоры новгородцев со своими князьями (Моск. Гл. Арх.); старший — с кн. Ярославом Ярославичем 1264—1265 гг.; изданы и исследованы со стороны языка Шахматовым. Исследование о языке новгородских грамот. СПб., 1885—1895 (Иссл. по р. яз. т. 1); c) остальные грамоты, частные, хранятся в разных местах; старшая — духовная новгородца Климента, изд. Срезневским, Свед. и зам., 35. — Иссл. (кроме назв. Шахматова): Виноградов. Исследования, стр. 171—245, 390—403. В правописании новгородских грамот имеется ряд общих черт, в роде смешения *ц* и *ч*, отражающих диалектические особенности новгородского говора, но есть и различия (напр., в употреблении *ѣ* и *е*), указывающие на различные говоры или разные стадии в развитии одного говора [97].

5. Московские XIV—XVII вв. К XIV в. относятся: a) договоры моск. в. князей с удельными и с Литвой (Моск. Гл. Арх.), старшая — договор Симеона Гордого с братьями 1340 г.; b) духовные моск. в. князей, старшая — 1-я духовная в. кн. Ивана Калиты ок. 1328 г.; c) жалованные и дарственные моск. великих и удельных князей (Моск. Оруж. Палата, АМЮ и др.); d) духовная митро-

полита Алексия до 1378 г. (до революции — Чудов монастырь) Моск. грамот после XIV в. очень много, бо́льшая часть — в Московских архивах (Моск. Гл. Арх., АМЮ, собр. Муханова, Беляева, и Румянцева в Рум. Музее и др.); значительная часть их еще не разобрана. В Патр. Б-ке (Моск. Ист. М.) есть два обширных сборника XV и XVI вв., № 562 и 791 (см. § 31, № 231 и 256), содержащие копии с грамот московских митрополитов и других архиереев XV и XVI в. Изд. — СГГрД, Описание АМЮ, Мейчик, Лебедев, Лихачов, РИБ, Лет. Зан., Чт. в ОИДрР, Акты Моск. Государства, изд. И. Акад. Наук под ред. Н. А. Попова, т. 1. СПб., 1890, и др. — Снимки: Соб. и Пташ., Сахаров. Образцы; снимок с огромной грамоты 1613 г. об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова, изд. ОИДрР. М., 1903. Текст — Чт. в ОИДрР, 1906, кн. 3. Иссл. о языке: 1) Васильев. К истории звука, стр. 177-227; 2) Он же. Несколько данных, стр. 188—219; 3) Виноградов. Исследования; 4) Стрелков. О языке семи древнейших завещаний Московских великих князей XIV в. Сб. О-ва филос. ист. и соц. наук при Пермском Гос. Ун-те, вып. 2, 1927 [98].

6. Рязанские эпохи независимости, XIV в. — a) Жалованная Олега Ив. Рязанского, 1356 (АМЮ). Изд. в моей Хрестоматии. снимок изд. АМЮ. В правописании грамоты можно отметить название села «Арестовское», указывающее своим начальным *а* на аканье (не писцов грамоты, а того района, где лежало село), и прош. на *-въ*: *сгадавъ*, *возрѣвъ*, напоминающие нынешнее м.-р., б.-р. и вологодское произношение этих форм с конечным *и* неслоговым, но неизвестное нынешним ни ю.-в.-р., ни большей части с.-в.-р. говоров; диалектизмов, которые указывали бы на говор, однородный по происхождению с нынешними говорами на территории старой Муромо-Рязанской земли, в грамоте не заметно. b) Его же поручная запись королю Володиславу, 1393 г., писанная белорусом. Изд. в снимке: Соб. и Пташ.

7. Псковские эпохи независимости. В подлиннике сохранилась только одна — кн. Ивана Александровича 1463—1465 гг. (Риж. Г. Арх.), отражающая в своем правописании те же характерные черты псковского говора, что и другие псковские памятники XIV и XV вв. Изд. и опис.: Шахматов. Грамота псковского князя Ивана Александровича. — Изв., т. 17, 1912, кн. 3, стр. 346—350. Правая грамота кн. Ярослава Ярославича 1483 г. сохранилась в списке XVI—XVII вв. в сборнике Погодина № 1912 (Петр. Пб. Б-ка); изд. в АЮ, № 2. Псковская Судная грамота сохранилась в списке нач. XVII в. в собрании кн. Воронцова в Одессе; изд. в снимке: Мурзакевич. Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году. Одесса, 1847. Издана также Археогр. Ком. под ред. Чечулина с приложением снимка со всей грамоты в 1914 г. Обе грамоты иссл.: Каринский. Язык Пскова. Особенности правописания их те же, что и в других псковских памятниках [99].

8. Тверские эпохи независимости. Может быть, к тверским следует относить некоторые договоры новгородцев с тверскими князьями (Моск. Гл. Арх.), изд. Шахматовым, Иссл. о языке Новгор. гр., см. № 4. Безусловно, тверская — жалованная князей из рода Михаила Ярославича Тверскому Отрочу монастырю до 1365 г. (до революции — Отроч. монаст.).

9. Ярославская эпохи независимости — жалованная кн. Василия Давидовича Спасскому Ярославскому монаст. до 1345 г. (Ярославль, Спасский монаст.).

10. Двинские XV в., из разных мест Двинской области (по течению р. Сев. Двины) хранятся в разных местах. Изд. вместе с иссл.: 1) Шахматов. Исследование о Двинских грамотах XV в. СПб., 1903 (Иссл. по р. яз., т. 2, вып. 3); 2) Сибирцев и Шахматов. Еще несколько Двинских грамот. СПб., 1909 (Иссл. по р. яз., т. 2, вып. 5). Язык двинских грамот обнаруживает сходство, не столько с нынешними говорами нижнего течения Двины, сколько с говорами в верхнем течении Сев. Двины и по течению р. Сухоны [100].

11. Грамоты из разных мест Московского государства XV—XVIII вв. Таких грамот сохранилось огромное количество. Многие из них еще не разобраны. Часть их издана там же, где и московские грамоты. Будучи писаны в разных частях в.-р. области, они дают ценный материал для истории в.-р. говоров, к сожалению, до сих пор почти не использованный с этой целью. Показания в.-р. грамот XVI—XVII вв. привлекаются только в немногих работах и то в очень ограниченном количестве. Таковы, например, работы: Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных. СПб., 1913; Виноградов. Исследования; А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921 (ср. Пруссак. [Рец.]. Изв., т. 26 и ответ Селищева, Изв., т. 28); Григорьев. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири [101].

12. Западнорусские XIV—XVII вв. (между прочим, в Моск. Гл. Арх. и АМЮ, так наз. акты Литовской Метрики), в Вил. Арх. и Пб. Б-ке, в архиве Чарторыйских в Кракове, Сангушков в Словуте, в Институте Оссолинских во Львове и др. Сведения о них и их изданиях: Карский. Белорусы, т. 1 и 2, вып. 1; характеристика их языка также в т. 2, вып. 2, 3. Наиболее удовлетворительно изд. акты Литовской Метрики: Довнар-Запольский. Документы Моск. АМЮ, т. 1. Акты Литовской Метрики 1441 г. — конца XVI в. М. 1897 [a], а также старшие грамоты Литовского в. княжества: Он же. Акты Литовско-Русского Государства, вып. 1 (1390—1529). М., 1899. Снимки: 1) Соб.

---

[a] Ср. Акты Литовской Метрики. Собраны засл. проф. Ф. И. Леонтовичем. Варшава, т. 1, вып. 1 (1413—1498), 1896; вып. 2 (1499—1507), 1897.

и П т а ш.; 2) Сборник палеографических снимков с древних грамот и актов, хранящихся в Вил. Центр. Арх. и Вил. Публ. Б-ке, вып. 1 (1432—1548). Вильно, 1884 и др. [102].

13. Южнорусские XIV—XVII вв. (большей частью там же, где и предыдущие). Некоторые издания: 1) Р о з о в. Южнорусские грамоты, т. 1, Киев, 1917 [22]; 2) Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Арх. Ком. т. 1 (1361—1598). СПб., 1863, т. 2 (1599—1637). СПб., 1865. 3) Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною Комиссиею для разбора древних актов, выс. утвержденною при Киевском военном, Подольском и Волынском ген. губернаторе (под ред. В. Б. Антоновича), ч. 1—8. Киев, 1859—1893; 4) Памятники, изданные Временною Комиссиею для разбора древних актов, выс. учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе, т. 1—4. Киев, 1845—1859; 5) Я. Ф. Г о л о в а ц к и й. Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем Галицко-Волынском княжестве и в смежных русских областях со второй половины XIV в. Львов, 1867 (Науковый Сборник Галицко-Русской Матицы, 1865—1867); 6) В. А. У л я н и ц к и й. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. — Чт. в ОИДрР, 1887, кн. 3; 7) Б. Л. М о д з а л е в с к и й. Актовые книги Полтавского городового уряда XVII в., вып. 1. Справы поточные, 1664—1671. Чернигов, 1912; 8) К р ы м с к и й. Украинская грамматика, т. 1, вып. 2. М., 1908; 9) О н ж е. В кн.: Ш а х м а т о в и К р ы м с ь к и й. Нариси; 10) І. С в є н ц і ц к и й. Нариси з історії української мови. Львів, 1920. Снимки с некоторых старших грамот, XIV и XV вв.: С о б. и П т а ш. Иссл.: Р о з о в. Значение грамот XIV и первой половины XV в. для истории малорусского языка. — Унив. Изв., 1907, № 5; О н ж е. Исследование языка южнорусских грамот XIV и первой половины XV в. — Унив. Изв., 1913, № 10 и 12; О н же. До староруської діялектольогії (іще до питання про галицко-волинське наріче.). Зап. НТШ, т. 77, 1907 [103].

Частная переписка

§ 37. Сохранившиеся памятники этого рода относятся главным образом к позднейшим столетиям, начиная с XV в., что не мешает им быть особенно ценными для историков языка, ввиду тех достоинств, о которых уже сказано выше. Хранятся они

[22] Издание не выпущено в свет и хранится на складе у издателя; только немногие экземпляры оказались на руках у некоторых киевских ученых. ‹См.: В. Р о з о в. Українські грамоти, т. 1 (XIV в. перша половина XV в.). Київ, 1928 (Іст.-Філол. від. Укр. Акад. Н. Збірник, № 63. Пам'ятки і студії з историї укр. мови, вип. 1)›.

в разных местах; в последнее время, благодаря революции, много ценных помещичьих и вообще дворянских архивов, содержащих частную переписку дворян, нередко начиная с XVII в., сосредоточено в немногих центральных учреждениях; самым обширным из них является, кажется, отдел архивов Моск. Истор. Музея. В Моск. Главном Архиве и в Румянцевском Музее, в собраниях Румянцева и Муханова имеются, между прочим, письма московских в. князей, царей и бояр, начиная с конца XV в. Много подобного материала и в Петроградских архивах и в родовых архивах польской шляхты. Издавалась частная переписка чаще в следующих изданиях: 1) Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографическою Комиссиею, т. 1 (1526—1658). М., 1848; То же, изд. Комиссией печатания государственных грамот и договоров (см. выше), вып. 1—4. М., 1861—1862 (переписка нач. XVIII в.), вып. 5. М., 1896 (переписка царя Алексея Михайловича): в последнем издании соблюдено до известной степени правописание подлинников. В Актах Археогр. Экспедиции изданы, между прочим, письма к родным королевы Елены, дочери Ивана III; 2) Акты Исторические (здесь, между прочим, письма московских в. князей, царей и бояр XV—XVII в.); 3) Лет. Зан. (между прочим: Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, вып. 24, (1911), 1912, содержащие среди других документов переписку дворян Леонтьевых, письма боярыни Морозовой и др.); 4) РИБ; 5) Чт. в ОИДрР (кроме более или менее обширных собраний, как, напр., приложения к работе: Ю. В. Арсеньева. Ближний Боярин кн. Н. И. Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной (1650—1684). — Чт. в ОИДрР, 1903, кн. 2, отдельные письма и записки печатались также в отделе Смесь); 6) Старина и Новизна, непериодические сборники О-ва Ревнителей Историч. Просвещения в память имп. Александра III (здесь, напр., переписка Хованских 1645—1682 гг. в книге 10 и архив рода Михалковых за 1613—1632 г. в книге 17, 1914 г.); 7) Сборник Муханова (содержит письма царя Алексея Михайловича к стольнику Матюшину); 8) Русский Архив; 9) Русская Старина (в обоих журналах — документы, главным обр. XVIII и XIX в., обыкновенно изданные без соблюдения правописания) [104].

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ И ОРИГИНАЛЬНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

§ 38. Как указано выше, несмотря на старание русских переводчиков и писателей подражать языку ю.-сл. переводов и писать на цсл. языке, все же язык русских переводов и оригинальных сочинений древнего периода отличался в той или другой мере от языка памятников ю.-сл. происхождения; эти отличия

дают себя чувствовать даже в поздних списках. Поэтому для историка языка важно выделить из общей массы памятников русские переводы и оригинальные сочинения и определить время их возникновения. Это выделение представляет ряд трудностей, особенно для памятников древнейшего периода, потому что до сих пор не установлены признаки, позволяющие решительно отнести памятник или перевод к числу либо русских, либо ю.-сл.

Русские переводы XI и XIII вв.

§ 39. В летописи есть указания на организацию на Руси переводного дела в. кн. Ярославом Мудрым в 1037 г. На основании этого указания летописи можно думать, что самые древние р. переводы не старше этого года. До XIV в. переводы на Руси делались почти исключительно с греч., хотя, по-видимому, были переводы и с других языков, по крайней мере с евр. [23] и с лат.[24] Бо́льшая часть переводов этой эпохи не имеет указаний на национальность переводчика, время и место перевода; все это приходится определять по внутренним признакам, руководствуясь главным образом показаниями языка переводного памятника, причем приходится считаться с тем, что русские переводчики переводили не на р., а на цсл. язык, что, с другой стороны, р. писцы вносили русизмы и в списки ю.-сл. переводов и, наоборот, писцы, начитанные в ю.-сл. переводной литературе, могли устранять при переписке и те русизмы, которые находились в переписываемых ими русских переводах. Значительная часть переводных памятников, переведенных, по мнению ученых, в домонгольскую эпоху, сохранилась лишь в поздних списках: так, Повесть об Акире, История Иудейской войны Иосифа Флавия, Сказание о построении Софии Царьградской сохранились в списках не старше XV в., Девгениево Деяние — только в списках XVIII в. Говоря о р. переводах, по-видимому, следует различать два случая: a) переводы, сделанные нерусскими славянами при участии русских, и b) переводы, сделанные русскими переводчиками

---

[23] Сюда относится старый перевод книги Есфирь (см. § 41, 25).

[24] По-видимому, сюда относится сказание об Индейском царстве (см. § 41, 24). К домонгольским переводам: Соболевский. Особенности русских переводов, относит повести о Шахайше и Динаре (см. § 41, 35, 36). Обе во всяком случае не переведены ни с греч., ни с лат., ни с евр. Повесть о Шахайше, по-видимому, проникла на Русь непосредственно из Персии, а повесть о Динаре представляет самостоятельную и вряд ли старую обработку грузинского сюжета; А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913, считает повесть об Акире ю.-р. переводом непосредственно с сирийского, но это предположение основано на незнакомстве с сирийским языком и техникой русских и ю.-сл. переводов с греч. Ряд особенностей слав. текста решительно указывает на греч. оригинал. Греч. же перевод, действительно, был сделан с сир., как указал акад. П. К. Коковцев, на моем диспуте в 1916 г.

более или менее самостоятельно. Если организация переводного дела при Ярославе была поставлена так широко, как это представляет себе акад. Истрин [25], то вряд ли это дело могло быть выполнено сколько-нибудь удовлетворительно одними русскими силами, и необходимо было обратиться за помощью к южным славянам. Думаю, что к таким переводам, сделанным южными славянами при участии русских, относятся, между прочим, переводы греч. нестишного синаксаря, составляющего основную часть слав. Пролога, Хроники Георгия Амартола, Александрии русских хронографов, Повести об Акире и др. Самостоятельно русскими переводчиками, по-видимому, сделаны переводы Церковного Устава и Истории Иосифа Флавия. Бо́льшая часть р. переводов, относимых учеными к домонгольской эпохе, носит следы ю.-р. происхождения, заставляющие предполагать, что они возникли скорее всего или в Киеве, или в Галиче (менее данных в пользу третьего культурного центра Южной Руси — Чернигова, как места, где также могли возникать подобные переводы). Указаний на то, что подобные переводы делались и в сев.-р. или зап.-р. культурных центрах, мы не находим.

§ 40. При отнесении того или другого переводного памятника к числу переводов русских ученые обыкновенно исходят из употребления в русских списках подобных памятников ряда слов, предположительно русских, неизвестных памятникам ю.-сл. происхождения (Среневский [26], Соболевский [27], Сперанский [28], Григорьев [29]). Попытка Истрина [30], не ограничиваясь этим, привлечь для доказательства р. перевода также и правописание старших русских списков памятника, должна быть признана неудачной. Но и метод, базирующийся только на словарных особенностях русских списков переводного памятника, не может считаться достаточно надежным, пока не приведен в известность словарный материал цсл. переводов и сочинений древнейшего периода нерусского происхождения, и пока не исключена возможность того, что русские слова, приводимые в доказательство русского происхождения перевода, внесены русскими писцами или редакторами в текст ю.-сл. перевода. Кроме того, нередко исследователи, обращая внимание на встречающиеся в переводном памятнике слова, по их мнению, русские, не принимают во внимание их остального словарного состава, иногда резко отличного от словарного состава памятников, несомненно русских. При всем том русское происхождение значительной части переводов, приз-

---

[25] Хроника Георгия Амартола, т. 2.
[26] Свед. и зам., во многих местах.
[27] Особенности русских переводов.
[28] Девгениево Деяние. Переводные сборники изречений.
[29] Повесть об Акире Премудром. М., 1913.
[30] Хроника Георгия Амартола, т. 2, Пг., 1922.

наваемых обычно русскими, можно считать весьма вероятным, и в некоторых случаях несомненным [31].

§ 41. Наиболее полный список предположительно русских переводов домонгольского периода дал Соболевский (Особенности русских переводов). Небольшие дополнения к нему находим в работах Истрина. Перечислю русские и предположительно русские переводы, руководствуясь главным образом списком Соболевского; в скобках сокращенно называю ученых, относящих назв. памятник к числу р. переводов: С. — Соболевский. Особенности русских переводов; Сп. — Сперанский. История др. р. литературы. Ч. 1. Киевский период. М., 1920, и др.; Ср. — Срезневский. Древние памятники, Свед. и зам.; И. — Истрин. Очерк истории др.-р. литературы домонгольского периода. Пг., 1922, и др.

1. Церковный Устав Студийский в редакции патр. Алексия; переведен Ефремом Печерским по поручению Феодосия Печерского между 1062—1074 гг.[32] (С., Сп.) [33]. Старшие списки — а) отрывок в У 142 XI в. (Р. 24) [34] и b) полный в У 330 XII в. (Р. 62). Все списки содержат много русизмов не только в словоупотреблении, но и в фонетике, морфологии и синтаксисе.

2. Огласительные поучения Феодора Студита (С., Владимиров). Переведены, вероятно, при Феодосии Печерском (ум. в 1074 г.). Старший список — Моск. Дух. Акад. № 4 — 52 [a], XIV в.

3. Житие Феодора Студита (С.). Переведено, по мнению ученых, относящих перевод к числу русских, вероятно, при Феодосии Печерском. Старший список в Выголексинском сб. XII в. (Р. 70).

4. Житие Андрея Юродивого. Переведено, по мнению ученых, относящих перевод к числу русских, по-видимому, в XI в. (Ср., С., И., Сп.). Старшие списки: а) извлечения — в Прологах XIII—XIV вв. под первыми числами окт. (Р. 79), b) полный список — Тип. 378, XIV—XV вв. (см.: Срезневский. Свед. и зам., 87).

5. Житие Василия Нового (И.). Переведено не позже серед. XI в., потому что извлечения из него есть уже в Начальной Летописи под 941 г. Старший текст изд.: С. Г. Вилинский.

---

[31] Несомненно, русскими или сделанными при участии русских не позже XIII в. мне представляются переводы № 1, 4, 6, 8—10, 14—19, 24, 25, 31, 32, 35. Русское происхождение большей части остальных мне кажется весьма вероятным. По-видимому, к числу р. переводов этого времени надо отнести и некоторые другие цсл. переводные памятники, известные по р. спискам.

[32] См. Житие Феодосия Печерского в УС, л. 37 б, изд. Шахматова и Лаврова. См. § 31, 66.

[33] Перевод сделан в Царьграде. Соболевский ошибочно относит У 142 и У 330 к разным переводам.

[34] В скобках с буквою Р — номер, под которым указываемая рукопись названа выше, в § 31.

[a] Рук. ГБЛ, ф. 173, № 52.

Житие Василия Нового в русской литературе. Ч. 1. Исследование. Ч. 2. Текст Жития. Одесса, 1911—1913. См.: Истрин. [рец.]. — ЖМНПр, 1914, июль; Он же. Летописные повествования о походе Игоря на Царьград. — Изв., т. 21, кн. 2; Он же Где было переведено Житие Василия Нового. — Там же, т. 22, кн. 2; Он же. Замечания. — Изв., т. 26, стр. 70—75, т. 27, стр. 249.

6. Житие Стефана Сурожского. Переведено, по мнению ученых, относящих перевод к числу русских, в XI в. (С.); сохранилось лишь в поздних списках. Изд.: В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. Вып. 2. Житие Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1889.

7. Житие Нифонта. Старший список — в Выголексинском сборн. XII в. (Р. 70); старший датированный — 1219 г. (Р. 83).

8. Чудеса Николая Чудотворца (кроме пяти чудес, сказания о которых являются оригинальными русскими). Предполагают, что перевод стоит в связи с установлением на Руси празднования дня перенесения мощей Николая Чудотворца в Бари (9 мая) в конце XI в., после 1087 г. (С., Сп.). Старший список восьми чудес — в так наз. Златоструе XII в. (Р. 68), полный — в сб. Тр. Л. 9, XIV в. (Р. 181). См.: Сперанский. Международный странствующий сюжет в сказании о чуде святителя Николая. — Изв., т. 26.

9. Слово о перенесении мощей Николая Чудотворца. По мнению Соболевского, переведено с греч. в конце XI в.; по мнению других — оригинальное произведение еп. Ефрема Переяславского. Старшие списки — в сб. Тр. Л. 9 (Р. 181) и Увар. 1045 (Р. 182), оба XIV в.

10. Житийная часть нестишного Пролога, т. е. перевод греч. нестишного синаксаря (Ср., С., Сп. и др.), не позже XII в. точнее, между 1132—1200 гг.; по мнению Сперанского (К истории взаимоотношений, стр. 188), перевод представляет «совместную работу нескольких переводчиков славян, в числе коих был русский» и сделан, вероятно, в Царьграде. Старший р. список — Соф. № 1324, XII-XIII в. (Р 79), старший р. датированный — Хлуд. 1262 г. (Р 89). Изд. часть по болг. списку 1339 г., Погод. 58, Шеффером, Абрамовичем и Майковым в ПДрП, вып. 135, 1916 [a]. Литературу о Прологе см. у Серебрянского (назв. выше, Р 79, примеч.).

11. Сказание о создании храма Софии в Царьграде. Перевод не позже XII в. (С.). Старший список — Увар. XV в., изд.: Леонид. Сказание о св. Софии Царьградской. Памятники древней русской письменности XII века. — В ПДрП, 1889, вып. 79. Ср. также: Вилинский. Сказание о Софии Царьградской в Еллинском летописце и в Хронографе. — Изв., т. 8,

[a] Указание на издание ошибочно.

кн. 3 и Византийско-славянские сказания о создании храма св. Софии Цареградской. — Летоп. Ист.-Филол. О-ва при И. Новороссийском Унив. Т. 8. Византийско-славянское отделение (бывш. византийское), 5. Одесса, 1900.

12. Пандекты Никона Черногорца (Ср., С., Сп.), старший список — Ярославский XII—XIII в. (Р 77), старший датированный — Патр. 1296 г. (Р 98).

13. Толкования Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова (С.). Старшие списки: а) отрывок в Толст. сборн. XIII в. (Р 113), b) полный — в Патр. 954, XIV в. (Р 168).

14. Пчела. Перевод относят ко 2-й полов. XII в. (С., Сп.), Старшие р. списки — XIV в., в том числе — выборка из Пчелы в Троицком Мериле Праведном № 15, XIV в. (Р 171). К XIV в. относятся и сербские выборки из того же перевода Пчелы. По р. списку XIV—XV в. изд. Семенов (см. Р 189). О переводе см.: Сперанский. Переводные сборники изречений. М., 1904, стр. 329; Он же. К истории взаимоотношений, стр. 190—192.

15. Разуми краткосрочнии Менандра Мудрого. Переведены, по-видимому, одновременно с Пчелой (С. Сп.). Старшие р. списки — XV в., но обширные извлечения из того же перевода имеются в срб. сборнике XIII в. попа Драголя. Русские тексты изд.: Jagić, Menandersetzen... Sitzungsber. Wien Akad., phil-hist. B. 127, и В. А. Семенов. Мудрость Менандра по русским спискам. СПб., 1892 (ПДрП, вып. 89). См.: Сперанский. Там же.

16. История Иудейской войны Иосифа Флавия (Ср., С., И., Сп., Перетц). Перевод не позже конца XII в., ю.-р. (галицкий?); отмечают стилистические совпадения между этим переводом, с одной стороны, и Словом о полку Игореве (1185 г.) и Волынской летописью (XIII в.), с другой (Барсов [35], Орлов [36], Перетц [37] и др.). Старшие списки: а) 1-я книга в Арх. Хронографе XV в. (Р. 222), b) полный текст — Барс. 633, XV в., Волокол. 227 (651) XVI в., Кир.-Бел. 64. 1303 XVI в. Отрывки изд.: 1) Срезневский. Свед. и зам., 84, 85; 2) Истрин. Иудейская война Иосифа Флавия в древнем славяно-русском переводе. — Уч. Зап. Высшей Школы г. Одессы. Отд. гуманит.-обществ. наук, т. 2. Одесса, 1922. О месте и времени перевода: Они же. Там же.

17. Девгениево Деяние, перевод греч. поэмы X в. о Василии Дигенисе Акрите (С., Сп.); сделан не позже конца XII в. в Южной Руси (в Галиче?); стиль перевода обнаруживает большое сходство со стилем Волынской летописи и отчасти Слова о полку Игореве. Список Девгениева Деяния был в сгоревшем Мусин-Пушкинском сборнике XVI в., заключавшем Слово о полку Игореве.

---

[35] Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, ч. 1—3. М., 1885—1889.

[36] К вопросу об Ипатьевской летописи. — Изв., т. 31, стр. 117—124.

[37] К изучению Слова о полку Игореве. — Изв., т. 28, стр. 145—199.

Повести об Акире и Шахайше и Сказание об Индейском царстве. Сохранившиеся доныне два списка оба поздние и неполные, XVIII в.; первоначальный вид текста сохранился более или менее лишь в одном Тихонр.[а]; другой — Погод. 1773[б], обнаруживает следы позднейшей переработки, см.: Сперанский. Девгениево Деяние. Пг., 1922 (Сб., т. 99), где изданы оба списка.

18. Повесть об Акире (С., Сп., И., Григорьев, Дурново); перевод ю.-р., не позже нач. XIII в., так как заимствования из повести есть в Молении Даниила (ок. 1230 г.). Так как русизмов в переводе сравнительно немного, то возможно, что р. переводчик переводил не один, а вместе с нерусским славянином. Старший р. список — ОИДрР 189 (Р 227), конца XV в., часть повести, именно — поучение Акира Анадану, но без этих имен, сохранилась в двух русских сборниках XV в. Старший срб. список, переработанной редакции, восходящий к тому же переводу — 1468 г. Кроме литературы, указ. выше (Р 227), см.: Дурново. Разбор книги Григорьева. — Изв., т. 20, кн. 4; Сперанский. К истории, стр. 195—196.

19. Александрия русских хронографов[38], наз. также Псевдокалисфеновой (С., И.). Старшие списки в Архивском Хронографе XV в. (Р 222) и Виленском Хронографе XV—XVI в. (Р 223).

20. Хроника Георгия Амартола; переведена не позже середины XI в., так как заимствования из этого перевода имеются уже в древнейшей редакции Начальной летописи; сделан в Южной Руси нерусским славянином при самом незначительном участии русского переводчика. Не исключена возможность и того, что русские в середине XI в. получили из-за границы уже готовый перевод и что русизмы старшей известной нам редакции этого перевода принадлежат не участнику перевода, а р. редактору. Старший список — так наз. Троицкий XIII в. (Р 111). Русским считает перевод Хроники Истрин; Соболевский и Вейнгарт считают его болгарским, что мало вероятно, Лавров — моравским. К указанной выше литературе добавить: Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах, СПб., 1908; Истрин. Замечания о начале русского летописания. Изв., т. 26, стр. 67—77 (о летописных заимствованиях из Хроники Г. Амартола).

21. Хроника Георгия Синкелла, перев. не позже серед. XI в.; заимствования из нее есть в Начальной Летописи (И.) Единственный полный список — Унд. 1289, XV в., отрывок — в сборн. Патр. 154, XIV в. См: Истрин. Из области др.-р. литературы. — ЖМНПр, авг., стр. 382—411.

22. Летописец вскоре патр. Никифора, особый перевод, отличный от болг. перевода Симеоновской эпохи, выдержка из которого

[а] Рук. ГБЛ, ф. 299, № 399.

[б] Рук. ГПБ, Погод., № 1773.

[38] Т. е. той редакции, которая находится в р. хронографах.

сохранилась в И 73. Старший список этого особого перевода в Кормчей 1282 г. (Р 94) — не столько перевод, сколько его сокращенная переделка; может быть, следы самого перевода представляют выдержки из «Летописца» Никифора в Начальной летописи (Степанов). Редакция «Летописца» в Кормчей 1282 г. — работа р. редактора, по-видимому, середины XII в.; самый перевод — не позже серед. XI в. и не мог быть также русским. См.: Степанов. Летописец вскоре патр. Никифора в Новгородской Кормчей. — Изв., т. 17, кн. 2 и 3; Белокуров. Русские летописи. 1. Летописец патр. Никифора; 2. Летописец Переяславля-Суздальского; 3. Хроника русская (Летописец вкратце) проф. И. Даниловича. По рукописи, принадлежащей Н. П. Никифорову. — Чт. в ОИДрР, 1898, кн. 4; Weingart. Byzantské Kroniky, I, 58—60.

23. Откровение Мефодия Патарского, особый перевод, не сохранившийся полностью, но использованный Начальной летописью в XI в. (И.); к нему, по мнению Истрина, кроме выдержек в Повести временных лет, относится и начало р. списка Патр. № 591 [a], продолжение которого представляет текст 1-й редакции болг. перевода. См.: Истрин. Откровение Мефодия Патарского и летопись. — Изв., т. 29, стр. 380—382.

24. Сказание об Индейском царстве, переведено во 2-й полов. XII в., по мнению Соболевского, с латинского (С.); по мнению Истрина, к которому примыкает и Сперанский, перевод не русский, а зап.-сербский. Старшие списки — XVI в. Изд.: Истрин. Сказание об И. ц.— «Древности», Труды Слав. Комиссии И. Моск. Археолог. О-ва, т. 1. М., 1896. О происхождении перевода см.: Истрин. То же; Он же. К истории заимствованных слов и переводных повестей.

По поводу статьи Соболевского. — Летоп. Ист.-Филол. О-ва при Новороссийском Унив., т. 13. Одесса, 1905; Соболевский. К истории заимствованных слов и переводных повестей. — Изв., т. 10, кн. 2.

25. Книга Есфирь в переводе с еврейского (С.[39]), перевод не позже нач. XII в., сохранился в списках XIV в.; позднее вошел в состав Геннадиевской Библии 1499 г. См. Евсеев. Заметки по древнеслав. переводу св. писания. 1—2. — Известия (Bullétins) Акад. Наук, 1898, т. 8, № 5, заметка 2-я; Он же. Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI в. — Чт. в ОИДрР, 1902, кн. 3 (и отдельно: О ереси жидовствующих. М., 1902); Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. СПб., 1903 (Сборн., т. 74, № 1), переводам книги Есфири здесь посвящена особая глава.

---

[a] Рук. ГИМ, Син., № 591.

[39] Соболевский, относя этот перевод к домонгольскому периоду, ошибочно считает его сделанным не с еврейского, а с греч. языка.

26. Христианская Топография Козмы Индикоплова (С., И., Сп.). Перевод относят к XII—нач. XIII в. Старшие списки: а) отрывок в Кормчей 1282 г. (Р 94), b) полный текст с иллюстрациями, XVI в. изд. в снимке: Книга глаголемая Козмы Индикоплова. — СПб., 1886 (ОЛДрП, вып. 127).

27. Физиолог 2-й ред. (С.). Старший список — Увар. XVI в. Изд. А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории физиолога. СПб., 1890 (ПДрП, вып. 92).

28. Апокрифический Исход Моисеев (С.). Сохранились лишь в поздних списках. Изд.: Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. 1. М., 1863.

29. Апокрифические сказания о Соломоне (С.) вошли в состав Толковой Палеи со 2-й половины XV в.; в старших списках Толк. Палеи отсутствуют. Поздние списки и переработки сказаний о Соломоне очень часты. Изд.: Тихонравов. То же и др.

30. Апокрифическое сказание о Макарии Римском (С.). Старший список — в Паисиевском сборн. XIV—XV в. (Р. 192). Изд.: Тихонравов. То же, т. 2.

31. Кормчая 14 титулов без толкований. Переведена, по-видимому, в серед. XI в. (Павлов, Сп.). Старший список —ЕК XII в. (Р. 63). См.: Срезневский. Обозрение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897 (Сборн., т. 65); Сперанский. К истории взаимоотношений, стр. 173; Schmid. Nomokanonübersetzung des Methodius. Leipzig, 1922.

32. Кормчая с толкованиями Аристина в 50 титулов, переведена, как думают, русскими монахами на Афоне по поручению Савы Сербского в нач. XIII в. (С., Сп.). Старший р. текст.— Кормчей 1284 г. (Р. 96) — списан с болгарского оригинала, восходившего к р. протографу; на такой протограф указывают русизмы старших срб. списков. См.: Сперанский. К истории взаимоотношений, стр. 173—182.

33. Книги законные. Старший список — Увар. 264 (Царск. 48) [a], XV в. Изд.: А. С. Павлов. Книги законные, содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885. По мнению Павлова и Сперанского, перевод русский. Соболевский считает перевод сделанным на Афоне, и, по-видимому, думает, что в изготовлении его принимали участие и русские, и южные славяне, но главная роль принадлежала русскому.

34. Типик Хиландарский. Перевод сохранился только в срб. списках. По мнению Соболевского, переводчиком был р. монах на Афоне (Материалы и Исслед., стр. 184—185); по мнению Ягича, перевод сделан македонским славянином и редак-

---

[a] Рук. ГИМ, Увар., 1°, № 264.

тирован Савой Сербским. См.: Сперанский. К истории взаимоотношений, стр. 179—182.

35. Повесть о 12 снах Шахайши (или Мамера царя) (С.). См.: А. Н. Веселовский. Слово о 12 снах Шахайши по списку XV в. СПб., 1879 (Сб. т. 20, № 2), Рыстенко. Сказание о 12 снах царя Мамера в славяно-русской литературе. — Летоп. Ист.-Филол. О-ва при И. Новороссийском Унив., вып. 13, Византийско-славянское отделение (бывшее византийское), 8. Одесса, 1905. Русским переводом домонгольского периода считает эту повесть только Соболевский.

36. Повесть о царице Динаре Грузинской (С.). По-видимому, это не перевод, а оригинальная повесть, в основу которой легли грузинские сказания о царице Тамаре. Сохранилась в списках не старше XVI в. К домонгольскому периоду относит появление повести о Динаре на Руси только Соболевский, но и он в докладе, читанном в 1897 г., относил ее к XVI в.; Сперанский. (Повесть о Динаре в русской письменности. — Изв., т. 31), с бо́льшим основанием считает ее возникшей в Московской Руси в конце XV или нач. XVI в.

37. Повесть о царе Адарьяне (С.). Старший список — XV в. Изд.: Н. Костомаров. Памятники старинной р. литературы, вып. 2. СПб., 1860.

Кроме назв., Соболевский относит к числу р. переводов домонгольского периода ряд небольших статей канонического и легендарного содержания, как: a) Послание Петра Антиохийского об опресноках (изд. А. Поповым по списку XIV в. в кн.: Полемические сочинения против латинян[a]), b) Толкования на литургию Василия Великого в Кормчей 1282 г. (Р 94), c) проложные (в нестишных прологах 1-й и 2-й редакции) чудеса Георгия Победоносца, d) проложное (там же) чудо Димитрия Солунского с двумя девицами, e) проложное (там же) чудо Иоанна Богослова с мальчиком гусарем (статьи c, d, e не входят в состав греческого нестишного синаксаря), f) сказание об Авгаре.

О русских переводах после XIII в., кроме общих пособий Пыпина, Сперанского, Возняка и др., см.: Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. Пг., 1903 (Сб., т. 74, № 1); Он же. Из переводной литературы Петровской эпохи. СПб., 1908 (Сб., т. 84, № 3); Карский. Белорусы, т. 1 и т. 3, вып. 2; Перетц. Исследования и материалы по истории украинской литературы XVI—XVIII вв. т. 1. Л. 1926 (Сб., т. 101, № 2) т. 2. Л., 1928 (Сб., по р. яз. АН СССР, т. 1, вып. 1), т. 3. Л. 1929 (Там же, т. 1, вып. 3) и др.

---

[a] См.: А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян. М., 1875.

Оригинальные сочинения русских писателей

§ 42. *Произведения XI—XIII в.*[40]

Летопись

Древнейшие части старших летописных сводов восходят к 1-й полов. или серед. XI в. С тех пор летописное дело на Руси не прерывалось: в летописных сводах XIV в. и позднее можно выделить последовательные наслоения второй полов. XI в., нач. XII в. и т. д., вплоть до времени составления этих сводов, потому что редакторы летописных сводов обычно переписывали содержимое предыдущих сводов хотя и с сокращениями или дополнениями, но почти без стилистических поправок. Летописи велись в разных культурных центрах: в Киеве и Новгороде они возникли не позже середины XI в.; в XII в. возникают летописи, между прочим, в Суздальской и, по-видимому, в Галицкой земле: Галицкого происхождения — рассказ Василия об ослеплении Василька и некоторые другие эпизоды Киевской летописи XII в.; от XIII в. дошла до нас так наз. Волынская летопись, составленная или на Волыни или в Галичине; в Суздальской земле в XIII в. летописи велись уже в нескольких городах — во Владимире, Ростове и Переяславле Залесском. В XIII же веке возникает Тверская летопись. В Смоленске, Пскове, Москве, Рязани летописи возникают позднее. Старшие списки летописи: 1) Синод. список 1-й Новгородской летописи XIII и XIV вв. (Р 112), 2) Лаврентьевский список 1377 г. (Р 137), 3) Радзивиловский XIV—XV в. (Р 190), 4) Ипатьевский 1-й полов. XV в. (Р 221). Остальные — XV—XVIII вв. Изд. главным образом в ПСРЛ, немногие — в изданиях ОЛДрП и ОИДрР (в Чтениях). Несмотря на то, что летописи XI—XIII вв. сохранились в поздних списках, они дают ценный материал для истории р. языка за весь этот период. Летописцы в рассказах о р. событиях менее придерживались норм цсл. литературного языка, чем авторы житий святых, церковных поучений и речей и богослужебных песнопений, и некоторые эпизоды излагали даже почти чистым русским языком. Позднейшие переписчики, хотя и вносили в текст изменения согласно современным им орфографическим и грамматическим

---

[40] Кроме названных ниже монографий, назову общие пособия: Срезневский. Древние памятники; П. В. Владимиров. Древняя русская литература Киевского периода. XI—XII вв. Киев, 1900; А. Н. Пыпин. История р. литературы, т. 1 и 2. СПб., 1898; изд. 2. СПб., 1902; Е. Петухов. Русская литература. Пг., 1914; А. С. Орлов. Лекции по истории др.-р. литературы, читанные на высших женских курсах. М., 1916; Сперанский. История др.-р. литературы, ч. 1 и 2. М., 1920 и 1921; Е. Е. Голубинский. История р. церкви, т. 1, ч. 2; Истрин. Очерк истории др.-р. литературы домосковского периода (XI—XIII вв.), Пг., 1922; Никольский. Материалы.

нормам, не могли стереть всех следов своих протографов. Данные для истории р. языка за XI—XIII вв., извлекаемые из летописных сводов XIV в. и позднее, касаются главным образом синтаксиса, в меньшей степени морфологии и в еще меньшей — фонетики.

Литература. Истрин. Замечания о начале русского летописания. — Изв. т. 26 и 27 и назв. там работы Шахматова, Бугославского и др.; В. С. Иконников. Опыт р. историографии, т. 2, кн. 1 и 2. Киев, 1908.

Другие исторические сочинения

1. Слово о том, како крестися Володимир возмя Корсунь (так наз. Корсунская легенда). По мнению Шахматова, составлено в конце XI в., но есть основания думать, что оно было известно еще в серед. XI в. «Слово» целиком вошло в летописи; существуют и отдельные списки; старшие XV в.: Соф. № 1365, Кир.-Бел. 53/1130, ок. 1463 г., Погод. 946. См.: Никольский. Материалы, стр. 8—21; Шахматов. Корсунская легенда (Сб. Ламанск., т. 2); Он же. Разыскания; Истрин. Замечания, стр. 95—96.

2. Сказание, чего ради прозвася Печерский монастырь, 2-й полов. или конца XI в., целиком вошло в Повесть временных лет и в Патерик Печерский. См.: Шахматов. Разыскания; Истрин и Никольский. То же.

3. Сказание о первых черноризцах печерских, конца XI в. вошла в Повесть временных лет и Патерик Печерский. См. там же, где и о предыдущей статье.

4. Проложные сказания об освящении киевских церквей, построенных в X—XI в.; имеются уже в старинных списках нестишного Пролога.

| 5. Так наз. Хронологическая статья Кирика («учение имже ведати человеку числа всех лет»), составлена в 1136 г.: сохранилась в поздних списках. Изд. по списку Соф. 475: П. Хавский. Примечания на русские хронологические вычисления XII в. — Чт. в ОИДрР, 1847, № 6, см: Степанов. Заметки о хронологической статье Кирика XII в. — Изв., т. 15, кн. 3.

6. Русское продолжение (о русских событиях) Летописца вскоре патр. Никифора (см. § 41, 22), около середины XII в. По мнению Степанова (Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей. — Изв., т. 17, кн. 2), написано Кириком, автором хронологической статьи и вопросов о посте (см. ниже, стр. 119 п. 7). Старший список в Кормчей 1282 (Р 94); изд. Степановым, там же.

7. Рассказ об ослеплении Василька (1097 г)., написанный попом Василием (галичанином или волынцем) между 1112 и 1116 гг.; вошел в Повесть временных лет. См.: Шахматов и Истрин. То же (см. выше п. 2).

8. Повесть об Евпатии Коловрате. Вошла в Лавр. летопись. Изд. отдельно: Срезневский. Свед. и зам., 39.

9. Повесть об убиении Батыя, в летописи под 1247 г. Изд.: Розанов. Повесть об убиенни Батыя. — Изв., т. 21, кн. 1.

[10. Сказание о Калкском побоище и 70 храбрых, в летописи под 1224 г.

11. Повесть о взятии Владимира, в летописи под 1237 г.

12. Повесть о разорении Киева Батыем под 1240 г. Все эти повести, как и назв. под № 8 и 9, имеются в Лавр. летописи, но ученые склонны считать их самостоятельными произведениями, вошедшими в летопись позднее их составления.]

Жития святых и похвальные слова святым

1. Память и похвала в. кн. Володимиру, мниха Иакова, XI в.

2. Похвала княгине Ольге, по-видимому, XII в.; во всех списках имеет добавление, относящееся, по-видимому, к XIII в.

3. Так наз. Древнее Житие Володимира, XI в.

Статьи 1—3 обычно встречаются в этом порядке соединенными вместе под одним общим заглавием с именем мниха Иакова. Соединение произошло не позже XIII в. По мнению Шахматова, статьи и 1-я, и 3-я составляли одно целое уже в XI в., а 2-я была вставлена позднее. Список этой компиляции был в сгоревшем Мусин-Пушкинском сб. 1414 г. (Р 199). Старший сохранившийся список — Каз. Дух. Акад. № 616 (518), 1494 г. (Р 211). Отдельные списки Древнего Жития Володимира — XVI и XVII в. См.: Бугославский. Изв., т. 29. Там же указана и литература.

4. Житие муч. Варяга и сына его Иоанна, XI в. Вошло в Повесть временных лет и в Пролог.

5. Иное Житие в. кн. Володимира, после 1110 г. Ст. сп. — XV в.

6. Сказание о Борисе и Глебе, приписываемое некоторыми без достаточных оснований, мниху Иакову, по мнению одних, написано раньше, чем Чтение о Борисе и Глебе Нестора, а именно, приблизительно в 1072 г., по мнению других (Соболевского, Шахматова) — после 1115 г. Старший полный список — в УС (Р 66), отрывок — в так наз. Златоструе XII в. Изд. (кроме изд. Ус): Абрамович. Памятники др.-р. литературы, т. 2; Бугославский. Свв. князья Борис и Глеб в др.-р. литературе. — Унив. Изв., 1917, № 1—2, стр. 145—168.

7. Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба, написанное Нестором, монахом Киево-Печерского монаст., между 1074—1091, скорее всего в 70-х годах. Старший список — в Сильвестр. сб., XIV в. (Р. 177), старший датир. — в Усп. Прологе 1406 г. (Р 196). Изд.: Срезневский, Бодянский, Абрамович.

8. Сказание о чудесах Бориса и Глеба, обретении и перенесении их мощей и построении церкви в честь их, XII в. Помещается в минеях и сборниках непосредственно за Сказанием

о Борисе и Глебе (см. выше, п. 6). Старший список — в УС XII в. Издано там же, где и 6.

9. Паримийные чтения о Борисе и Глебе, вероятно, XII в. Старший список — в Типогр. Паримейнике № 156, XII—XIII вв. (Р 73), старший датированный — в Паримейнике 1271 г. (Р 93).

10. Житие Феодосия Печерского, написанное Нестером после его же Чтения о Борисе и Глебе, но до 1091 г. (по мнению Абрамовича, — до 1088 г.). Старший список — в УС XII в. (Р 66). См.: Абрамович. Исследование. — Изв. т. 6, кн. 3; Бугославский. К вопросу. — Изв. т. 19, кн. 3.

11. Слово об обретении и перенесении мощей Феодосия Печерского. Вошло в летопись и Патерик Печерский. См.: Абрамович и Бугославский. См. п. 10.

12. Житие Леонтия Ростовского (ум. в 1073 г.), конца XII в. Списки поздние.

13. Слово похвальное на перенесение мощей Бориса и Глеба, 2-й полов. XII в.

14. Проложные жития р. святых: Володимира, Ольги, Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, кн. Мстислава, Игоря, Варлаама Хутынского, Леонтия Ростовского, Кирилла Туровского и др. XII—XIII вв. Из них первые пять вошли в Пролог, по-видимому, уже при его составлении; следовательно, возникли не позже 1-й половины XII в.

15. Проложные жития Авраамия Смоленского, Михаила Черниговского и др. XIII в.

16. Житие (не проложное) Авраамия Смоленского (ум. в 1219 г.), написанное его учеником Ефремом в 1-й полов. XIII в. Списки — с XVI в. Изд.: Розанов. Памятники др.-р. литературы, вып. 1.

17. Послание Симеона еп. Володимирского (ум. в 1226 г.) к Поликарпу о черноризцах печерских. Вошло в состав Патерика Печерского.

18. Послание Поликарпа к Акиндину о черноризцах печерских, ок. 1226 г. Вошло в состав Печерского Патерика. Старшие списки — Петр. Пб. Б-ки, Q, I, 31, 1406 г. (Р 195), Рум., № 305, 1462 г. (Р 233) и Тр. Л., № 712, 1497 г. (Р 213). См. иссл.: Абрамович. Исследование. — Изв. т. 6, кн. 3, 4, т. 7, вып. 1—4.

19. Житие Михаила Черниговского, XIII в., после 1245 г. Списки поздние.

20. Житие Александра Невского (ум. в 1263 г.), составленное в XIII в., скоро после его смерти. Старшие списки: а) отрывок в Лавр. летоп. 1377 г. (Р 137), b) полные — в Псковской летописи и отдельно, в сборниках XV и XVI вв. Изд., но с исправлением правописания: Мансикка. Житие св. Александра Невского. СПб., 1913 (ПДрП, вып. 180); см. также: Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1914.

Благочестивые сказания и легенды

1. Сказание о двух чудесах Николая Чудотворца, совершившихся в Царьграде между 1042 и 1053 гг. в бытность там автора сказания (о ковре и о человеке, избавленном св. Николаем от темницы), и о двух киевских чудесах (о детище и о половчине); составлены не позже конца XI в. Изд. вместе с другими, переводными чудесами: Л е о н и д. Житие и чудеса св. Николая и похвала ему, в 1882 г. (ПДрП, вып. 34) оба цареградских и одно киевское по списку Тр. Л. № 788, XVI в. и в 1888 г. все четыре по рукописи Тр. Л., № 9, XIV в. (Р 181). Пятое русское чудо святителя Николая, о Феостирикте, с упоминанием Акира и Синагрипа, изд.: Л о п а р е в. Слово о святом патриархе Феостирикте. К вопросу о 29-м февраля в древней литературе. 1893 (ПДрП, вып. 94), встречающееся отдельно и совершенно непохожее на остальные по своему характеру, вероятно, более позднего происхождения.

2. Легенда об ап. Андрее (о посещении им Русской земли), как думают, 2-й полов. XII в. Старшие списки — в Прологах XIII и XIV вв. См.: С е д е л ь н и к о в, Slavia, III, 2—3, где указаны и издания.

Службы святым

1. Службы Борису и Глебу, составленные митроп. Иоанном I Греком, между 1015—1020 гг.; возможно, что Иоанн I написал службу по-греч. и что она тогда же была переведена русским переводчиком на цсл. Старшие списки — XII в. (Р 30, 51 и др.). Изд.: А б р а м о в и ч. Памятники др.-р. литературы, 2.

2. Служба прп. Феодосию Печерскому, составленная монахом Григорием в конце XI или нач. XII в. Старшие списки — XII в. (Р 59—60 и др.).

3. Служба Николаю Чудотворцу на перенесение его мощей 9 мая, составленная тем же Григорием, по-видимому, в конце XI в. Старшие списки — в Служебных Минеях XII в.

4. Служба кн. Ольге. Составлена не раньше XII в.

5. Служба в кн. Володимиру. Составлена не раньше XII в.

6. Служба Леонтию Ростовскому, составлена еп. Иоанном Ростовским (1190—1219), вероятно, около 1194 г.

Кроме этих, к XII или XIII вв. относятся, вероятно, и другие службы р. святым, канонизованным в промежуток времени XI—XII вв.

Паломники

1. Даниил игумен черниговский. Ходил во Святую Землю в 1106 г. и оставил описание своего путешествия — Хождение Даниила игумена Русской Земли во Святую Землю. Старшие спи-

ски — XV в.: a) распространенной редакции — Кир.-Бел. № 9/1086, 1475 г. и b) краткой редакции — Петр. Пб. Б-ки Q. XVII. 88, 1496 г. Изд. с исправлением правописания на современное: М. А. Веневитинов. Житье и хожение Даниила Русьскыя Земли игумена. 1106—1107 гг. — Православный палестинский сборник, вып. 3 и 9. СПб., 1885.

2. Антоний (Добрыня Ядрейкович) Новгородский, описал свое путешествие в Царьград около 1200 г. Старшие списки — XVI в. Изд. по одному списку XVI в. с соблюдением правописания: П. И. Савваитов. Путешествие Новогородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб. 1872 (изд. Арх. Ком.), и по другому (Яцимирского): Х. Лопарев. Книга Паломник. Сказание святых мест в Царьграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 г. — Правосл. Палестинский Сб., т. 17, вып. 3 (51). СПб., 1899.

Юридические и церковно-юридические памятники

1. Русская Правда. Составлена при Ярославе (1019—1054). Старший список — в Кормчей 1282 г. (Р 94).

2. Устав в. кн. Володимира Св. (980—1015). Составлен, вероятно, значительно позже, может быть, в XII в. Старший список — в Кормчей 1282 г. (Р 94), в части, писанной позднее.

3. Устав в. кн. Ярослава Мудрого (1019—1054). Составлен, вероятно, позже, может быть, в XII в. Старший список там же.

4. Мерило Праведное, юридический компилятивный сборник, куда вошли сокращенные выборки из ряда юридических памятников и нравственных руководств; составлен, по-видимому, в XII в. Старший список — Троицкое Мерило Праведное № 15, XIV в. (Р 171).

О других статьях канонического содержания см. ниже.

Проповедники, церковные ораторы и авторы поучений

1. Лука Жидята, еп. Новгородский (1036—1059), автор небольшого поучения к народу. Старшие списки — в сб. Соф. № 1262, XIV—XV в. (Р 191) и Прилуцком Прологе XIV—XV вв. (Р 187). Новейший издатель поучения: Бугославский. Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV—XVII в., Изв., т. 18, кн. 2 — считает более первоначальной не редакцию старших списков, а редакцию, включенную в Новгородские летописные своды XV и XVI вв. под 1058 г. Текст поучения издан им там же без соблюдения правописания.

2. Иларион, митроп. Киевский (1051—1054, до этого — священник в придворной церкви в Берестове). Ему принадлежат:

a) Слово о законе и благодати и похвала в. кн. Володимиру, произнесенные между 1037—1051 гг.,

b) молитва от новопросвещенных христиан,

c) исповедание веры,

d) послание к брату столпнику.

Первые три произведения сохранились в сборнике Патр. № 591, XVI в. (Моск. Ист. М.); изданы по этому списку Горским в Прибавлениях к Творениям Свв. отец, т. 2. М., 1844, под заглавием: «Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава», без точного соблюдения правописания. Отрывок Слова о законе и благодати есть в Финляндском отрывке Акад. Наук, № 37, XII—XIII в., изд. Ф. И. Покровским в Изв., т. 11, кн. 3; сокращенная редакция того же Слова сохранилась в нескольких списках; старший — Увар. 1772, XIV—XV в. (Царск. 362)[а]; изд. по этому списку Бодянский в Чт. в ОИДрР, 1848; та же редакция с толкованиями имеется в сб. Моск. Гл. Арх. 478/958, нач. XVI в.; изд.: Н. К. Никольский. Материалы для истории др.-р. письменности, 1—23. СПб., 1907 (Сб., т. 82, № 4). Молитва Илариона имеется в нескольких рукописях; старший список — в Канонnике Тр. Л., № 254 (190), XIV в. (Р 105). Послание к брату столпнику сохранилось во многих р. списках XIV—XV вв. (более 100) и в двух сербских XIV—XV вв.; кроме того, большая выдержка из того же послания включена в Слово в субботу сыропустную, составленное в серед. XII в., старший список — XV в. (см. ниже, 25). Авторство митрополита Илариона устанавливается обоими срб. списками, так как в русских автор назван только по имени. Старший р. список — Моск. Публ. Музея, № 1548, XIV в. (Р 180), старшие датированные — сб. Патр. 1418[б] г. и Диоптра Патр. 1418 г. По срб. спискам Послание изд.: М. Петровский. Поучение, приписываемое Илариону митрополиту киевскому. — Изв. и Зап. Казанского ун-та, 1865, вып. 1, стр. 47—84, и Н. Туницкий. В Юбилейном Сб. Моск. Дух. Акад. Сергиев Посад, 1905, стр. 6—8; см.: Сперанский. К истории, стр. 155—159.

Митрополиту Илариону некоторые ученые приписывают, без достаточных оснований, также Поучение Илариона о пользе души, старший список Софийский № 1324, XII—XIII вв. (Р 79) и другие слова с именем Илариона.

3. Феодосий Печерский (ум. в 1074 г.). Ему принадлежит несколько поучений к народу и инокам, два послания к кн. Изяславу и несколько молитв. Пять поучений Ф. П. содержатся в Рум. сб. № 406, XV в. (Р 226); отсутствующее в этом сб. слово Ф. П. к келарю имеется в сб. Петр. Пб. Б-ки, О, п. I, 12, XIV в. (Р. 183) и Соф., № 1262, XIV—XV вв. (Р 191). В Паис. Сб., XIV—XV вв.

[а] Рук. ГИМ, Увар., 4°, № 509.

[б] Рук. ГИМ, Син., № 213.

(Р 192) имеется одно послание Ф. П. кн. Изяславу и приписываемое ему Слово Феодосия о вере варяжской и латинской, принадлежащее, по мнению некоторых ученых, не ему, а Феодосию Греку, писателю XIII в. Молитвы Ф. П. сохранились во многих списках. Старший список двух молитв, не вошедших в Житие Ф. П., — в Ярославском Молитвеннике XIII в. (Р 107) и в Псалтыри 1296 г. (Р 98). Сочинения Ф. П. последний раз изд.: Чаговец. Жизнь и сочинения Феодосия Печерского. Киев, 1901. См.: Сперанский. К истории, стр. 159—161.

4. Митрополит Иоанн II, грек (1080—1089), составил Правило церковное Иакову черноризцу (или Канонические ответы) и Послание папе Римскому об опресноках. Старший р. список Канонических ответов — в Кормчей 1282 г. (Р 94). Впрочем, р. списки представляют только р. перевод с греч. оригинала митроп. Иоанна, сделанный, очевидно, немедленно по составлении их, может быть, под редакцией автора. Сохранились и отрывки греч. текста Ответов, изд. Павловым[a]. Ср.: Сперанский. К истории, стр. 161—164.

5. Володимир Мономах (ум. в 1125 г.). От него сохранилось Поучение детям и письмо к Олегу в единственном списке в Лавр. летописи (Р 137) под 1096 г. Время написания поучения ученые определяют различно — 1106, 1117 и 1125 г.

6. Митроп. Никифор, грек (1104—1121). Ему принадлежат три послания против латинян, одно послание о посте и поучение иереям и народу о посте, написанные, вероятно, по-гречески и только переведенные русским. Изд. А. Попов. Историко-литературный обзор др.-р. сочинений против латинян. М., 1875.

7. Кирик, иеродьякон, доместик Новгородского Антониева монаст. (род. в 1110 г.). Кроме упомянутой выше Хронологической статьи, нескольких летописных статей в Новгор. летописи и, может быть, переделки и продолжения Летописца Никифора (см. стр. 113, п. 6), ему принадлежат так наз. Вопрошания Кирика, содержащие собрание вопросов, частью его собственных, частью других (Илии, Саввы и пр.) с ответами еп. Нифонта, Аркадия, Илии и Савы Новгородских, Климента Смолятича и др., составлено между 1130—1156 гг. Старший список — в Кормчей 1282 г. (Р 94), Вопрошания изд.: 1) А. Павлов. Памятники канонического права, в РИБ, т. 6; 2) Калайдович. Памятники Российской словесности XII в. СПб., 1821; 3) Смирнов в Чт. в ОИДрР, 1912 (особая редакция).[б]

8. Климент Смолятич, митрополит киевский (поставлен митрополитом ок. 1145 г.), по словам летописи «многа писания оставив

[a] См. РИБ, т. 6.

[б] В изданиях ОИДрР опубликованы следующие статьи, связанные с именем Кирика: П. Хавский (см. стр. 113, п. 5) и [Евгений]. Сведения о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту, епископу новгородскому. «Труды и летописи ОИДрР», ч. 4, кн. 1. М., 1828, стр. 122—129.

предаде». Но из них сохранилось только Послание к смоленскому пресвитеру Фоме в сравнительно позднем списке, дополненное толкованиями какого-то Афонасия. Изд.: Н. К. Никольский. О литературных трудах Климента Смолятича писателя XII в. СПб., 1892, и Хр. М. Лопарев. Послание митрополита Климента к Смоленскому пресвитеру Фоме, неизданный памятник литературы XII в., 1892, (ПДрП, вып. 91). Ему же приписывают и некоторые поучения с именем Климента (Слово о любви и Слово в неделю всех святых).

9. Илья (Иоанн II) Новгородский (1164—1186), автор Церковного Правила, старший список которого — в Кормчей 1282 г. (Р 94). Изд. Павлов. Неизданный памятник р. церковного права XII в. — ЖМНПр, 1890, дек.

10. Кирилл еп. Туровский (ум. ок. 1182 г.). Ему приписывают до 14 проповедей и поучений, надписанных в рукописях именем Кирилла, из которых, несомненно, принадлежащими ему можно считать 10 [41], несколько молитв и канон покаянный. Десять поучений К. Т. имеются в Чуд. сб. № 20, XIV в. (Р 178), старший список семь поучений — в Толст. сб. XIII в. (Р 113); старший список поучения о черноризческом чине, отсутствующего в Толст. сб., — в Кормчей 1282 г. (Р 94). Ему же, по-видимому, принадлежит и Притча о белоризце или Повесть к Василию игум. Печерскому; старший р. список — в Златой Чепи XIV в. (Р 176), где имеется и другое слово К. Т.; та же притча есть и в сербском списке в сб. XIII в. попа Драголя. Изд.: 1) И. Ф. Калайдович. Памятники Российской словесности XII в. СПб., 1821; 2) М. И. Сухомлинов. Рукописи гр. Уварова, т. 2. СПб., 1858, по списку Царского № 361, XIV в. (Р 184); 3) А. И. Пономарев. Памятники др.-р. церковно-учительной литературы, вып. 1. СПб., 1894 (популярное изд.); 4) Щепкин. Библиографические материалы, собр. А. Н. Поповым, 20. По Чуд. сб. № 20, XIV в. (Р 178), только те слова, которые не вошли в издание Сухомлинова; 5) сербский список — М. И. Соколов. «Древности». — Труды Слав. Комиссии, т. 3. 1902, стр. 223 и след.

11. Феодосий Грек, XII в., переводчик послания папы Льва I патр. Флавиану. Ему приписывают некоторые слова с именем Феодосия, как Слово о вере варяжской и латинской, автором которого другие считают или Феодосия Печерского XI в., или Феодосия II игумена Печерского (ум. в 1156 г.) Старший список — в Паис. сб. (Р 192). Ср.: Сперанский. К истории, стр. 159—161.

12. Авраамий Смоленский (1146—1219). В житии А. и в летописи говорится о его сочинениях и о его известности в XII—XIII вв.,

[41] Принадлежность К. Т. одного из них, подвергавшегося сомнениям, именно, «Притчи о человеческой души и телеси», для которого автор воспользовался апологом о хромце и слепце, доказана, на мой взгляд, убедительно, Ереминым в статье «Притча о слепце и хромце» (Изв., т. 30, стр. 323—352).

но никаких сочинений, надписанных его именем, не сохранилось. С некоторой долей вероятности приписывают ему Слово о небесных силах в Волокол. сб. № 576.

13. Симон еп. Владимирский (ум. в 1226 г.), автор Послания к Поликарпу о черноризцах печерских (см. стр. 115, п. 17). Соболевский. Из истории церковнославянской учительной литературы, 1—3. — Изв., т. 15, кн. 2, приписывает ему, но, как мне кажется, без достаточных оснований. Послание Изосимы к дщери своей Анастасии (старший список в сб. Патр. 935, второй полов. XV в.[а], изд. им там же), предполагая, что Анастасия Послания не кто иная, как княжна Анастасия, о переписке с которой упоминает Симон в послании к Поликарпу.

14. Серапион еп. Владимирский (еп. 1274—1275, но проповеди его могут относиться и ко времени до его епископства). Сохранилось пять проповедей Серапиона. Старшие списки — в Златой Чепи XIV в. (Р 176) и в Паис. сб. XIV—XV вв. (Р 192).

15. Иаков мних, автор послания к кн. Димитрию Борисовичу (1253—1294), известного под заглавием «Послание некоего отца духовному сыну». Старший список — Петр. Пб. Б-ка, Q, I, 1130, XV в. См.: Соболевский. ЖМНПр, 1906, окт., стр. 392; Бугославский. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. Изв. т. 29, стр. 107 и 119—120.

16. Кирилл II, митроп. Киевский (1243—1280). Ему принадлежит Поучение к попам, входящее в состав Кормчей в списках XV в. Старший список Поучения — в Златой Чепи XIV в. (Р 176). Об авторах некоторых сохранившихся проповедей, поучений и посланий ничего не известно, кроме имен.

17. Георгий Зарубский (Заруб — на Днепре против Переяславля Южного). С его именем сохранилось поучение, изд. Срезневским в Свед. и зам., 7, по списку поучений Ефрема Сирина ок. 1288 г. (Р 97).

18. Петр, называющий себя в заглавии своего поучения «недостойным», автор поучения о посте и молитве в сб. Тр. Л. № 12, XII в. (Р 69). Поучение считают русским оба его издателя.

19. Афанасий мних, автор толкований на Послание Климента Смолятича, по-видимому, не позже XIII в.; толкования изданы Никольским и Лопаревым вместе с Посланием Климента, из которого их трудно выделить. ⟨См. стр. 119—120, п. 8⟩.

20. Моисей, по мнению Соболевского, может быть — игумен новгородский (ум. в 1187 г.). С его именем известно два поучения, соединенные вместе под одним заглавием «О безвременнем пьянстве», относящимся собственно только к первому из них, в сб. Хлуд., прибавл. № 30[б], XIV в., по которому и изданы Собо-

---

[а] Рук. ГИМ, Син., № 935.
[б] См. сноску [а] на стр. 78.

левским (Материалы и заметки по древнерусской литературе. — Изв., т. 17, кн. 3). Второе из этих поучений имеется также в Паис. сб. (Р 192), по которому издано Срезневским в Древних памятниках.

21. Григорий еп. Белгородский (до 1231 г., так как скоро после этого года Белгородская епархия была упразднена). Старший список поучения, принадлежащего ему, — в сб. Петр. Пб. Б-ки, Q, I, 312 (Р 200).

22. Григорий, автор поучения, наз. «Заповеди свв. отец». Изд.: Бенешевич. Заповеди святых отец домонгольского периода.— Изв., т. 22, кн. 1. Этого Григория отожествляют с Григорием еп. новгор. 1186—1193 гг., но без достаточных оснований.

23. Григорий, автор толкований на молитву Господню, Херувимскую песнь и Символ веры в Толковом Апокалипсисе Рум., № 8, XIV в. (Р 162). Соболевский отожествляет его с Григорием, упоминаемым у Климента Смолятича. Действительно ли все три Григория — разные лица?

24. Еп. Андрей, автор поучения, изд. Соболевским по рукописи Пб. Б-ки, Q, I, 312 (Р 200). Издатель отожествляет его с Андреем Тверским, упоминаемым под 1295 г.

Анонимных поучений и слов, которые по разным признакам считаются русскими, возникшими не позже XIII в., более двух десятков; к числу их принадлежат слова на воскресные дни Великого поста и подготовительных недель перед постом, на некоторые праздники (напр., в неделю перед Богоявлением, на Покров, на день перенесения мощей Николая Чудотворца и др.), поучения против пороков, распространенных в тогдашнем обществе: против лихоимства, пьянства, языческих обычаев и верований и т. п. Списки таких поучений имеются уже в рукописях XII в. и входят чаще всего в сборники, представляющие соединение Златоуста с Торжественником, как напр., так наз. Златоструй XII в. (Р 68), Сб. Тр. Л., № 12, XII в. (Р 69), Чуд. сб. № 20, XIV в. (Р 178), Паис. сб. (Р 192) и другие сборники определенного состава — Пролог (Р 79, 116 и др.), Измарагд (Р 172), Златая Чепь (Р 176); ряд таких поучений имеется, между прочим, в Рум. Златоусте, № 181 и Рум. сб. № 406, XV в. (Р 226). Назову наиболее известные слова:

25. Слово в субботу сыропустную, скоро после 1147 г., с упоминанием русских святых; конец Слова взят из Послания митроп. Илариона к брату столпнику. Имеется в Рум. сб., № 406 (Р 226). Большие выдержки из него приведены Востоковым (Описание).

26. Слово некоего христолюбца и ревнителя о правей вере. Старшие списки — в Златой Чепи XIV в. (Р 176) и Паис. сб. (Р 192).

27. Поучение ереям о покаянии, с упоминанием об изгойстве. Старший список — в Паис. сб. (Р 192).

1. Слово о полку Игореве, 1185 [42] г. (см. Р 250). Автор Слова, вероятно, принадлежал к дружине Святослава или Игоря; думают, что он был родом черниговец или киевлянин, но очень вероятно также, как думает Орлов [43], на основании сходства стилистических приемов Слова с приемами Волынской летописи и присутствия зап.-сл. элементов в словаре, что он был родом галичанин, прибывший в Новгород Северский со свитой жены Игоря, княгини Ефросинии Ярославны, дочери галицкого князя Ярослава Осмомысла. Обилие русских архаизмов, уцелевших в изданном тексте слова от его протографа XII в., делает его ценным источником для изучения р. языка того времени.

2. Слово о погибели Русской земли, рассматриваемое некоторыми учеными как начало недошедшей поэмы XIII в. о татарском нашествии. Вернее, вслед за Н. Серебрянским (Древнерусские княжеские жития. М., 1914) считать его введением в житие Александра Невского не дошедшей до нас редакции, несколько отличной от той, к которой оно присоединено в ркпси XV в., содержащей единственный дошедший до нас список этого Слова. Изд. Слово: Хр. М. Лопарев. Слово о погибели Русския земли. Вновь найденный памятник литературы XIII в. 1892 (ПДрП, вып. 84).

[3. Моление Даниила, написанное в Сев. Руси (в пределах Владимиро-Суздальской области) около 1230 г.[44]; некоторые ученые, впрочем, относят его, на основании поздних списков, к XII [45] в. Старший список — Унд. 195, XV—XVI в.; по этому списку параллельно с текстом других списков, XVII вв., издал Моление Даниила И. А. Шляпкин. Слово Даниила Заточника. СПб., 1889 (ПДрП, вып. 81) не вполне исправно. По одному списку XVII в. с вариантами из остальных издал тот же памятник П. П. Миндалев. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914. Там же указана и литература.]

---

[42] См.: Лященко Этюды о Слове о полку Игореве. — Изв., т. 31, стр. 136—146. Другие относят Слово о полку Игореве к 1187 г.

[43] Слово о полку Игореве. М., 1923.

[44] См.: Истрин. Очерк; Сперанский. История древней р. литературы, т. 2.

[45] См.: Миндалев. Моление Даниила Заточника; Орлов. Лекции.

Глава II

НЫНЕШНИЕ РУССКИЕ НАРЕЧИЯ И ГОВОРЫ [105]

§ 43. Русские языки, т. е. языки великорусский, белорусский и малорусский, или украинский, кроме общего имени, сохранили в своей фонетике, грамматическом строе и словаре ряд общих черт, свидетельствующих о том, что они некогда, уже по распадении о.-сл. языка, составляли один язык, хотя некоторые крупные различия между ними возникли еще в о.-сл. эпоху. Каждый из них в свою очередь распадается на наречия, различия между которыми лишь частью развились после образования этих языков, частью же коренятся в различиях между говорами о.-р. и даже о.-сл. эпохи. Именно, в.-р. язык издавна распадается на наречия с.-в.-р. и ю.-в.-р., б.-р. на наречия с.-б.-р. (или сев.-вост.-б.-р.) и ю.-б.-р. (или ю.-зап.-б.-р.): и то и другое деления, несомненно, восходят к диалектическим группировкам о.-р. эпохи, т. е. различия между с.-в.-р. и ю.-в.-р. говорами, так же как различия между с.-б.-р. и ю.-б.-р., частью старше образования в.-р. и б.-р. языков. М.-р. язык в своем составе также обнаруживает следы своей первоначальной неоднородности. Сравнивая архаичные с.-м.-р. говоры с архаичными карп.-р., мы найдем между ними различия, восходящие к эпохе до образования м.-р. языка как целого. Остальные м.-р. говоры утратили ряд архаичных черт, сохранившихся в с.-м.-р. и карп.-р., и потому первоначальная основа в них не так ясна; тем не менее и в них можно выделить группу, первоначально составлявшую одно целое с говорами с.-м.-р., и группу, по происхождению более родственную с говорами карп.-р., т. е. можно думать, что и м.-р. язык восходит к двум диалектическим группам доисторической эпохи. С течением времени бо́льшая часть говоров обеих групп подверглась ряду общих изменений, не затронувших крайние говоры сев. группы, так наз. с.-м.-р., и говоры карпатские; последние в силу политических условий, так как носители их были единственной частью м.-р. народа, не вошедшей в состав Польско-Литовско-

Русского государства, образовали особую карпаторусскую диалектическую группу.

§ 44. Между наречиями в пределах каждого из трех русских языков, т. е. между наречиями с.-в.-р. и ю.-в.-р., с.-б.-р. и ю.-б.-р., с.-м.-р. и ю.-м.-р., ю.-м.-р. и карп.-р. в наст. вр. резких границ нет, а есть переходные говоры, образующие постепенный переход от одного наречия к другому. Изучая их, можно заметить, что обычно в таких говорах черты одного наречия — основные, первоначальные, а черты другого — вторичные, проникшие в них позднее, под влиянием этого другого наречия, т. е. что эти говоры возникли вследствие объединения наречий, граница между которыми до этого объединения была более резкой. К переходным по происхождению принадлежит и московский говор, в основе с.-в.-р., испытавший ю.-в.-р. влияние и усвоивший под этим влиянием аканье и другие ю.-в-р. черты; но благодаря своему господствующему положению, как говор всероссийского политического и культурного центра, он утратил характер переходного говора, т. е. находящегося в стадии перехода от одного наречия к другому, и получил значение κοινή, притом не только в области в.-р. языка, но и в области б.-р. и м.-р. языков. Переходные говоры между с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречиями по своей основе — с.-в.-р., а черты, сближающие их с ю.-в.-р.,— вторичные. В переходных говорах между с.-м.-р. и ю.-м.-р. и между карп.-р. и ю.-м.-р. основа с.-м.-р. в первом случае и карп.-р. во втором, а ю.-м.-р. черты — вторичные.

Переходные говоры позднейшего происхождения существуют и между отдельными русскими языками. Между ю.-в.-р. наречием в.-р. языка и с.-б.-р. наречием б.-р. языка находится широкая полоса переходных говоров, с.-б.-р. в основе, с ю.-в.-р. наслоением, а между ю.-б.-р. и с.-м.-р. — полоса говоров переходных с с.-м.-р. основой. Переходными по происхождению являются и говоры между с.-в.-р. и с.-б.-р. наречиями. Более резкая граница — между ю.-в.-р. и ю.-м.-р.: на протяжении большей части этой границы переходные говоры не засвидетельствованы; засвидетельствованы они, именно говоры ю.-м.-р. по своей основе с ю.-в.-р. или московским наслоением, главным образом в больших городах.

Названные переходные говоры, очевидно, возникли вследствие объединения диалектических единиц, до того времени разобщенных между собою. Поэтому можно думать, что старые диалектические границы между с.-в.-р. и ю.-в.-р., с.-б.-р. и ю.-б.-р., ю.-в.-р. и с.-б.-р. и т. д. соответствуют каким-нибудь старым политическим или племенным границам.

§ 45. Отдельные наречия разных русских языков имеют некоторые черты, общие им не с другими наречиями того же русского языка, а с наречиями других русских языков. Частью эти совпадения очень старые, указывающие на то, что нынешней груп-

пировке русских языков и наречий предшествовали другие. Так, аканье в ю.-в.-р. сближает его с б.-р. языком, отличая от с.-в.-р.; точно так же фрикативное произношение согласной из о.-сл. *g в том же наречии отличает его от с.-в.-р., сближая с б.-р. и м.-р. Ю.-б.-р. наречие имеет ряд совпадений с м.-р., отсутствующих в с.-б.-р. говорах, тогда как с.-б.-р. наречие имеет некоторые совпадения с в.-р., отсутствующие в ю.-б.-р. Наконец, с.-м.-р. говоры сближаются с ю.-в.-р. и б.-р. некоторыми особенностями в произношении безударных гласных, свидетельствующими о том, что эти говоры пережили вместе с ю.-в.-р. и б.-р. отдельно от ю.-м.-р. и с.-в.-р. эпоху сокращения или редукции безударных гласных.

§ 46. Черты, объединяющие все русские языки, следующие:

А. Ф о н е т и ч е с к и е[1]:

1) полногласие, т. е. сочетания *oro*, *ere*, *oło*[2] из о.-сл. **or*, **er*, **ol*, **el* между согласными: *мороз*, *берег*, *жолоб*;

2) начальные *ro*, *ło* из о.-сл. **or*, **ol* не под ударением с интонацией акута: *рост*, *лóдка*, с.-в.-р. *лонúсь* и пр.;

3) *or*, *er*, *oł* между согласными из о.-сл. **ъr*, **ьr*, **ъl*, **ьl* (или *ṛ*, *ḷ*); *корм*, *верх*, *полный*, *жолтый* и пр.;

4) *o* из о.-сл. ъ сильного: *сон*, *песок* и пр.;

5) совпадение ь сильного по своей судьбе с *e* старым всюду, где *e* не подверглось диалектическому удлинению (ср. ниже 10);

6) *u* из о.-сл. *ǫ*: *гусь*, *рука*, *иду* и пр.;

7) *a* после мягких и шипящих из о.-сл. *ę*: *мята*, *жал* [По крайней мере под ударением, а без ударения — в с.-в.-р., укр. и карп.-р.; в ю.-в.-р. и б.-р. без ударения после мягких и шипящих на месте старых *a*, *ę*, *e*, *ě*, ь одинаково являются в одних случаях *a* (*жарý*, *прядý*, *нясý*, *бягý*), в других — *e* или *i* (*такáя-секáя*, *гредá*, *веснá*, *стенá*); в полес. безударные *ę*, *e*, *ě*, ь также совпали в одном звуке. Надо думать, впрочем, что это совпадение — вторичное, возникшее не ранее времени падения глухих и замены так наз. музыкального ударения динамическим];

---

[1] Ввиду того, что существуют ученые (Смаль-Стоцкий, Бузук и др.), строящие на основании арифметического подсчета отдельных черт в родственных языках заключения о степени родства между ними, считаю нужным предостеречь читателей от подобных ненаучных заключений; в моей работе факты р. языков и наречий разбиты на отдельные черты и перенумерованы исключительно для удобства изложения; вообще же явления языка тесно связаны между собою, и всякое распределение их по отдельным чертам непременно является искусственным: к разным чертам могут быть отнесены явления, представляющие результат одного процесса, и в одной черте могут быть соединены явления, органически неоднородные. Поэтому на основании одного подсчета черт никаких заключений делать нельзя.

[2] Здесь и ниже для экономии изложения не приняты во внимание поздние фонетические изменения гласных и отчасти согласных; так, обозначение „oro“ соответствует не только произношению *oro*, но и *əra*, *ərə*, *aró*, *əró*, *órə*, смотря по говорам и месту ударения, обозначение „ere“ произношению *er'ó*, *ir'ó*, *er'é*, *'ar'é*, *'ar'o*, *ér'i*, *ér'ə* и т. п.

8) *а* после мягких перед носовыми согласными в соответствии со ст.-сл. *ѣ* в таких случаях, как *румяный*, *помянет*, *грянул гром*, *голямо*, *прямо*[3] и др. [Такое *а* получилось в соответствии со ст.-сл. *ѣ* из о.-сл. сочетаний „*е* или *ē* + носовая перед носовой“ [4] (примеры, кроме названных: укр. *кам'яний*, *полом'яний*, *сім'яний*, в.-р. *безымя́нный*, *бессемя́нка*, *племя́нник*, *стремя́нный*, диалект. *письмя́нный*, *слухмя́ный*, село *Ремянники*, может быть, также *встряну*, *застряну*, ср. praet. *встрял*, *застря́л*, inf. *встрять*, *застрять*, укр. *застря́ну*, *застря́ти*, *застря́нути*, *застрява́ти*[5]), а также в суффиксе прилагательных со значением 'сделанный из такого-то матерьяла', может быть, извлеченном из таких образований, как „камяный“ (ср. вышеприведенные примеры)[6]: *деревя́нный*, *ледяно́й* и мн. др. во всех р. языках. Из о.-сл. *ē* перед краткими носовыми р. язык получил, по-видимому, *ĕ*, но случаи с *ĕ* такого происхождения в русском языке крайне немногочисленны. Кроме слова *семя* (о.-сл. *sēmę*), такое *ĕ* должно было получиться в суффиксе *-ĕn/-in* со значением: 'житель такого-то обитаемого пункта или страны' и в part. praet. pass. на *ĕnъ* от глаголов с основой на *-ĕ*. Но суффикс *-ĕn/-in* в русском языке засвидетельствован только в слове *словѣне*, которое, действительно, в летописях и других памятниках русского письма вплоть до XVI в. пишется с «ѣ»; тот же суффикс можно предполагать и в собственном имени *Городѣнъ* в М 96, если это — образование с суффиксом *-ĕn* от *город*, параллельное образованию с суффиксом *jan* — *горожанин*; в остальных подобных случаях русскому языку издавна были известны только образования с суффиксом *jan* (с согласными *j*, *l'*, *n'*, *r'* и шипящими перед *а*): *киевляне*, *горожане*, *полочане* и пр.; образования с *an* не после *j*, *l'*, *n'*, *r'* и шипящих — или цсл., как *египтяне* и т. п., или поздние новообразования по ана-

---

[3] [Слово *прямо*, может быть, сюда не относится, потому что цсл. памятники русского письма XI и XII вв., а также старые сербохорв. памятники и нынешние говоры сербохорв. языка дают иные соответствия для этого слова, чем для глагола *помянуть* и прилагательных типа *румян*.]

[4] [Там, где в ст.-сл. имеется ѧ перед носовой, между этим ѧ и носовой согласной выпала неносовая: *вѧнѫти*, *глѧнѫти* (*d*), *крѧнѫти* (*t*) и др.]

[5] [Неясно отношение этих форм к ю.-в.-р. диалект. *застря́гнуть*, *застря́гла*, б.-р. *застра́гну* (при inf. *застра́ць*, где *ць* из *t'*!), укр. диалект. *застря́гнути*. Связывать их с поль. *zastrząc*, *zastrzągł* (ср. B ū g a. Kalbà ir senóvė. Kaunas, 1922, I, 287; R. T r a u t m a n n. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, 290) мешает общераспространенность inf. *застря́ть* и praet. *застря́л*. В с.-в.-р. диалект. *застрѣ́ну*, *застрѣ́л* и пр. можно видеть влияние со стороны *встрѣ́ну*, *сустрѣ́ну*. Этимологию глагола *застря́л*, предлагаемую Соболевским (РФВ, LXVI — 349), считаю неудачной.]

[6] [В древнерусских памятниках, даже самых грамотных в смысле сохранения ю.-сл. правописания, в этом суффиксе последовательно пишется ѧ или ꙗ, начиная с ОЕ: *камѧнъ* и др. ОЕ, *просѧно* и др. И 73[1], *водѧни*, *дрѣвѧнь*, *мѣдѧноу* и др. КИ, *деревѧною* и др. СПт, *деревꙗною*, *камꙗною* и др. Сказание о Борисе и Глебе в УС и пр. Ср. ст.-сл. *помѣнѫти*, *власѣнъ*, *дрѣвѣнъ*, *мѣдѣнъ* и др.]

логии с цсл., как *москвитянин* и т. п.; правда, написания с ѧ в подобных случаях встречаются уже в памятниках XI в., рядом с правильными написаниями с ѣ: *егупьтѣне* и *егупьтѧне* и т. п., но они не указывают на судьбу гласной из о.-сл. *ē* перед носовыми в русском языке, а только на то, что подобные образования с *ě* русскому языку уже в XI в. не были свойственны (в *словѣне* и *Городѣнъ* сохранялось *ě* лишь благодаря отсутствию ассоциации этих слов с названиями мест, и лишь позднее и *словѣне* подчинилось аналогии имен на *-ане*). Причастия на *-ěnъ* от глаголов на *-ějǫ* в русском языке были вытеснены причастиями на *-ětъ*: *согрѣт*, а причастия от глаголов 2-го спряжения на *-ěnъ* заменены образованиями на *jenъ*: *верчен*, *обижен*, *насижено*, диалект. *вижено*, *гляжено*; те причастия на *-ěn* и отглагольные существительные на *-ěnije*, которые имеются в русских языках, все цсл. происхождения. Следы старых причастий на *-ěnъ*, может быть, представляют былинные имена *Хотѣн* и *Гордѣн*, в которых трудно заподозрить церковнославянизмы, и, если принять этимологию Трубецкого, слово *полѣно* (по его мнению, субстантивированное part. praet. pass. от глагола *полѣти* 'пылать'). В остальных случаях с *ě* перед носовыми в русских языках это *ě* могло быть из о.-сл. *oį*, как, например, в словах: *вѣнок*, в.-р. диалект. *зѣнки* (ст.-сл. *зѣница*), *мѣна*, *нѣм*, *пѣна*, *стѣна*, *сѣмья*, *сѣно*, *сѣнь*, *цѣна*, или же между *ě* и носовой согласной могла выпасть согласная неносовая, как, например, в словах: *вѣм* 1 sg., *вѣно*, диалект. *встрѣну*, *лѣнь*, *тѣмя* и др.[7] Возможно предположение, что русское *а* из о.-сл. сочетаний «*е* или *ē* + носовая перед носовой», как и сербохорв. *е*, словин. *ȩ*[8], в.-луж. и н.-луж. *а* в том же положении, получились из о.-сл. диалектического *ȩ* (вследствие того, что подобные сочетания в одних говорах о.-сл. языка разлагались на «*е* или *ē* + долгая носовая», откуда далее — «долгое *ē* + краткая носовая» > «*ě* + носовая», в других — на «дифтонгическое сочетание на носовую + краткая носовая»), но никаких данных, которые бы указывали на то, что русский, сербохорватский и лужицкие языки имели некогда в этих случаях носовую гласную, мы не имеем. Ср. сходную судьбу сочетания «*о* + носовая перед носовой», давшего, по-видимому, фонетичести во всех славянских языках, не исключая старославянского, болгарского, польского, кашубского и словинского, гласную *и* неносовое, и сочетания «*а* + *n* перед *m*» в dat. и instr. pl. имен на *ane*, давшего *а* не только

---

[7] [См. A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1904—1905; Он же. Le slave commun. Paris, 1924; E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. A—Mo, Heidelberg, 1908—1914; Преображенский. Этимологический словарь; R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923. В оценку правильности предложенных там этимологий не вхожу.]

[8] [Буквою *ȩ* в научных работах по словинскому языку обозначается один из вариантов звука *е* (неносового!)].

в русском (ср. древнерусские *полямъ*, *волочамъ* и т. п.) и чешском, но и сербохорв. (ср. старосербск. *граћамь* и т. п.)[9]];

9) начальное *о* из о.-сл. *е* при известных условиях (*озеро* и т. п.) из начального *е* других языков в словах, заимствованных до XII в. (*Олена*, *Ольга* и т. п.). [Измененение начального *е* в *о* произошло не позже X в., но тенденция к такому изменению сохранилась, по-видимому, до середины XII в.; поэтому все слова, заимствованные из других языков за этот период, подверглись действию этого закона[10]];

10) *о* из о.-сл. *е* и *ь* после шипящих и в некоторых других случаях перед твердыми; после нешипящих *о* из старого *е* перед твердыми — только в в.-р. и б.-р., тогда как в м.-р. *е*; но в с.-м.-р. и карп.-р. рефлексы старого *е* перед твердыми в новых закрытых слогах совпадают с рефлексами о.-сл. *о* в том же положении, отличаясь от рефлексов старого *е* перед мягкими: *l'ᵘod* — *l'ud* — *l'üd*, *t'ᵘotka* — *t'utka* — *t'ütka* и т. п.; в остальных м.-р. говорах из *е* перед твердыми в новых закрытых слогах получилось *i* так же, как и из старого *о* и из старого *е* перед мягкими. [Указание на эту черту, как общую до известной степени всем русским языкам, не предрешает вопроса, следует ли ее считать общерусской и по происхождению или развившейся в каждом из русских языков независимо в силу однородных причин];

11) *ž* из о.-сл. **dj*: *межа*, *сажа* и пр. (в м.-р. и б.-р. также в известных случаях *dž*: *саджа*, *виджу*);

12) совпадение согласной из о.-сл. **tj* и из **kt* перед палатальными гласными с о.-сл. *č* (в большей части с.-в.-р. в звуке *c* или $c^{č}$, в остальных — в звуке *č*: *свеча*, *ночь* и пр.).

13) *l'*epentheticum из о.-сл. *j* после губных не только в начале слова: *люблю*, *травля*, *земля*, *капля* и пр.;

---

[9] [Подробнее — в моих статьях: «Спорные вопросы общеславянской фонетики II» (печатается в журнале Slavia) и «Русские рукописи VII» (печатается в ЈФ). См. также: J. Zubatý. Zur Declination der sog. *-i̯ā-* und *-i̯o-* Stämme im Slavischen. — AslPh. XV, 4, 1893, 493—518; Он же. Slavische Etymologien. — AslPh, XVI, 3—4, 385—425; A. Meillet. Le slave commun. Paris, 1924, 301; Он же. Études. I, 131—135; Шахматов. Очерк, § 11; Ramovš. Výjimečné u místo pravidelného *ǫ* za *ǫ* v slovinštině. — Časopis pro moderní filologii a literaturu VIII, 1921, 1.]

[10] [См.: Дурново. Спорные вопросы о.-сл. фонетики. I. Начальное *е* в о.-сл. языке. Slavia, III, 2—3. — Р. Якобсон предлагает более простую и, по-видимому, более правильную схему: *j* перед начальным *е* отпадало, в результате чего далее *е* изменялось в *о* только в том случае, если было в ударяемом или первом предударном слоге не перед твердыми и не перед слогом с ъ слабым, так как в последнем случае *е* удлинялось, а перед *ē* начальное *j* не отпадало; при этом предположении объясняются такие случаи, как *ежевйка*, *ерепéниться*, *есенью́*, *есеня́сь*, *единёшенек*, вероятно, фамилия *Есенин*, где первоначально ударение было, по-видимому, на последнем слоге; необъяснимым остается диалектическое *арипей*. Другие мнения изложены в названных в моей статье работах Ильинского. См. также: R. Ekblom. Der Wechsel (*j*)*e*-∞*o*- im Slavischen (Skrifter utgivna av K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala, 22 : 4). Uppsala — Leipzig, 1925).]

14) *l* из о.-сл. **dl*, **tl*: *ель*, *сало*, *мёл* и пр.; лишь немногие с.-в.-р. говоры на западе имеют следы сохранения этих групп или изменения их в группы *gl*, *kl* (см. ниже § 61);

14а) *m* из о.-сл. **bdm*: в.-р. *семь*, *семой* (литературное *седьмой* — из цсл.), *семёрка* и пр., укр. *сïм*, *семий*, *семеро* и пр., б.-р. *сем*, *сямый* и пр.[11]

[14b) К древнейшим фонетическим особенностям русского языка, может быть, относится изменение *gn* > *n* не в начале слова: *дви́нуть*, *дёрнуть*, *тро́нуть*, *тяну́ть*, м.-р. *двинути*, *тяну́ти*[12]. В таком случае в многочисленных глаголах на *-гнуть*, как *дрогнуть*, *лягнуть*, *стегнуть* и пр., ю.-в.-р. *дви́гнуть*, *помогну́ть*, *тягну́ть*, м.-р. *бігнути*, *двигнути*, *прагнути*, *тягнути* и пр. можно видеть новообразования, как и в м.-р. *стогнати*, в слове *стегно́* заимствование из цсл., а южном *багно* — с польского; сохранение *g* в *огня* и пр. можно объяснять или ранним развитием ъ между *g* и *n* или ранним изменением *n* в этом слове в *ń* палатальное (ср. *огн'ь* еще в ст.-сл.), если предположить, что *g* выпадало только перед непалатальным *n*[13]. Но ввиду отсутствия достоверных примеров на *n* из *gn* в старых ю.-р. памятниках и редкости случаев с таким *n* в нынешнем м.-р. и б.-р., а отчасти и ю.-в.-р., трудно сказать, являлась ли эта черта первоначально общерусской или была свойственна главным образом только сев.-р. наречию.

Изменение о.-сл. *dn* > *n* отличает русские и ю.-сл. (в том числе и ст.-сл.) языки от зап.-сл.: р. *вя́нуть*, *гля́нуть*, *ки́нуть*, *сты́нуть*, диалект. *попа́нуть*, *угону́ть* и мн. др., чеш. *vadnouti*, *hlednouti*, *padnouti* и пр., поль. *więdnąć*, *ględnąć*, *padnąć* и пр.[14] Весьма вероятно, что различие по этой черте между ю.-сл. и русскими языками, с одной стороны, и зап.-сл. — с другой, восходит к доисторической эпохе и явилось в силу тех же причин, которые вызвали различия и в судьбе старого сочетания *dl*; в таком случае приводимые Гебауэром[15] два примера из двух чешских рукописей XV в., при многочисленных примерах с *dn* в старых памятниках, начиная с XIV в., могут быть и описками; случаи отсутствия *d* перед *n* в нынешних чешских говорах — вторичные: *n* в них имеется и из старого *dьn*; польское же *kinąć* может быть и заимствованием с русского. Но не исключена возможность и того, что все зап.-сл. языки рано восстановили *d* перед *n* у глаголов на *-nǫti*, подобно тому, как то же проделали

---

[11] [Из о-сл. **dm* все славянские языки имеют одно *m*: р. *ѣм*, *дам*, *вѣм*, чеш. *jím*, *dám*, *vím* и т. д.]

[12] [См.: Meillet. Études, I, 131; Соболевский. Лекции.]

[13] [Ср. стремление устранить сочетание *gn* с *n* непалатальным в начале слова путем изменения *n* в *ń* палатальное. См.: Васильев. Объ одном случае. — РФВ, LXX (1913)].

[14] [См.: Соболевский. Лекции].

[15] [J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého I, стр. 410.]

и русские языки по отношению к глаголам на *-нуть* с основами на *g*];

15) *cv*, *zv* перед *ě* из **kw*, **gw*: *цвет*, *звезда*;

16) *z'* (не $\widehat{dz}$) в результате 2-й и 3-й палатализации *g*: *князь*, в.-р. *друзья*, м.-р. *на дорозі* и пр.;

17) *s'* (не *š*) в результате 2 и 3 палатализации *x*: *весь*, *седой*; но **sk* дало в с.-в.-р. *šč* (см. ниже § 61)[16];

18) мягкие согласные перед гласными из о.-сл. *ě*, *ę* по крайней мере под ударением (без ударения согласные перед этими гласными тверды в с.-м.-р.): *сено* (укр. *сіно*), *зять* и пр.; перед старым *i* согласные мягки в в.-р. и б.-р., перед гласными из старого *e* — в в.-р. (кроме немногих говоров) и б.-р., а в м.-р. там, где *e* удлинилось или изменилось в *o*, и перед гласными из старого *ь* — в в.-р. и б.-р., а в м.-р. — там, где *ь* изменилось в *o* (подробнее см. в дальнейших параграфах);

19) утрата старых долгот и интонаций;

B. Морфологические:

20) окончания instr. sg. сущ. муж. и ср. рода с гласными, восходящими к о.-сл. *ъ*, *ь*: укр. *селóм*, *конéм* (не *-ім*!), ю.-в.-р. задонское *селом* (не *сялўом!*) и пр.[17]

21) гласные, восходящие к старому *ě*, в окончаниях gen sg. f., nom.-acc. pl. f. и acc. pl. m., поскольку формы с этими окончаниями сохранились, у имен и местоимений с основами на мягкие неслоговые звуки (м.-р. *землі*, *коні*, *еї*, *доброї*, в.-р. *ее*, *мое*, *одное*, *добрые* и пр.);

22) окончания падежных форм ед. числа прилагательных: a) gen sg. m. *-oγo* (с.-в.-р. *-ovo* получилось из *oγo* фонетически; с.-в.-р. *-ova* позднейшее нефонетическое новообразование); b) dat. sg. m. *-omu*; c) loc. sg. m., поскольку эта форма сохранилась, *-om* (с фонетическим изменением *o* в новом закрытом слоге в м.-р. в *ᵘo*, *u*, *ü*, *i*); d) dat.-loc. sg. f. *-oi̯* (с соответствующими фонетическими изменениями в м.-р.);

22 a) употребление gen. pl. от имен лиц в значении acc. pl.;

22b) замена старой формы nom. pl. m. существительных, прилагательных и местоимений старой формой acc. pl. не только у имен неодушевленных предметов и животных и согласованных с ними прилагательных, но по большей части и от имен лиц и согласованных с ними прилагательных; в последнем случае (у имен лиц, а в в.-р. вообще одушевленных предметов) старая форма acc. pl. получила значение исключительно nom. pl.: в.-р. *нáглые вóры*, укр. *дякú*, *коні́* и пр.;

22c) утрата родовых различий прилагательными и местоимениями в pl.;

---

[16] [См. мою статью: «Le traitement de *sk dans les langues slaves.» — RÉSl, VI (1926), 3—4, стр. 216—223].

[17] [О различной судьбе *o* и *ъ* в м.-р. см. § 89, 1) и § 90, 1), в в.-р. говорах — § 49, 2)].

22d) распространение dat., instr. и loc. pl. на *-am*, *-ami*, *-ach* на m., n. и, частью, f. так наз. основ на *-i*;

23) отсутствие форм 1 sg. глаголов с окончанием *-m*, кроме нетематических глаголов *быть*, *есть*, *дать* и *ведеть*; м.-р. *вім*, *їм*, *дам*, в.-р. *ѣм*, *дам*, диалект. зап.-м.-р. *єм*, в praet. типа *дав'єм*;

24) окончание *t'* (в б.-р., в силу дзеканья, — *c'*) и *t* в 3 лице обоих чисел глаголов;

25) утрата аориста и имперфекта;

26) образование fut. с помощью сочетания инфинитива спрягаемого глагола с глаголом *буду* или, реже, *иму* [18] или *имаю*.

Кроме названных черт, по-видимому, общими всем русским языкам являлись и некоторые черты, в настоящее время утраченные частью русских говоров. Таковы:

27) мягкость *s* в суффиксе *s'k*, сохранившаяся в значительной части с.-в.-р. говоров, в части ю.-в.-р. и в м.-р.;

28) dat. sg. местоимений личных *tobě*, *sobě*: в настоящее время эти формы повсеместны в м.-р. и б.-р. и обычны в значительной части с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров; формы *t'eb'ě*, *s'eb'ě* имеются в русском литературном языке и в части с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров; в последних главным образом там, где имеются черты, заимствованные из московского говора; возможно, что формы *t'eb'ě*, *s'eb'ě* в литературном цсл. происхождения, а в говорах заимствованы из литературного языка, или же это сравнительно поздние новообразования.

Помимо фонетических и морфологических черт, общих всем русским языкам, они содержат также ряд общих им слов [19], неизвестных в том же значении другим славянским языкам или характерных только для какой-нибудь одной группы славянских языков. Приведу лишь немного примеров:

1) слова, неизвестные другим славянским языкам: числительные *сорок* и *девяносто* и слова: *белка* в значении 'veverra', *будни*, *глаз* (в м.-р. и б.-р. редко и обычно только во вторичных значениях), *ковш*, *колокол*, *корогод*, *дешевый*, *селезень*, *семья*, *скатерть*, *собака* 'canis' [20] *хороший*, *шелк* и др., а также слова, отличающиеся от соответствующих слов других славянских языков суффиксами или представляющие небольшие отличия нефонетического происхождения: *багровый* (в ю.-сл. языках — с суффиксом *-en* в зап.-

---

[18] Образования с *иму* сохранились только в большей части м.-р., в ю.-б.-р. и в некоторых с.-в.-р. говорах. Но еще в XV в. в в.-р. они были общеупотребительны.

[19] Некоторые из таких слов в том или другом русском языке или наречии встречаются лишь диалектически, но известны говорам всех русских языков и обоих наречий в.-р. языка.

[20] Кашуб. *sobaka*, как бранное слово, надо считать заимствованием с русского (через посредство гданских купцов, торговавших с Новгородом, или позднее, от русских солдат в XVIII в.?). На заимствование может указывать и известность слова только в бранном значении. Иначе: Фасмер. RSL, VI.

сл. образования с этим корнем не известны), *кровать* с *о* в 1-м слоге (в ю.-сл. — *е*; в зап.-сл. этого слова нет), *сорочка* (сербохорв. *сракица*, словин. *srakica*, *srajčica*, в других слав. языках нет), *утка* и др.;

2) слова, известные в том же значении только какому-нибудь одному или двум славянским языкам: *беречь* (сербохорв.) [21], *гуторить* или *гутарить* (словац.) [22], *ждать* 'дожидаться' (каш.; в словин. *žd ęti* другой суффикс), *зеркало* с *k* (словац. и диалекты словин.; в других слав. языках — с *с*), *колодясь* (словин.; в других ю.-сл. языках — с той же основой, но новым суффиксом — сербохорв. *кладенац*, болг. *кладенецъ*), *лебедь* (болг. и словин.) [23], *лошадь* (диалект. поль.) [24], *свинец* (словин.) [25], *сябёр* (сербохорв.) и др.;

3) слова, известные зап.-сл. языкам, но неизвестные ю.-сл.: *баран*, *бор* в значении 'сосновый лес', *брюхо*, *доить* в значении только 'брать молоко у коровы или козы' [26], *дуже* или *дюже*, *кресло*, *пирог*, *птах* (*пташка*) [27], *правый* в значении 'dexter', *пыль*, *ремесло*, *хворать* [28], *чужой* (с начальной согласной из о.-сл. **tj*) и мн. др.;

4) слова, известные зап.-сл. языкам и словин., но неизвестные сербохорв. и болг.: *борть*, *верея*, *весна*, *гриб*, *дёготь*, *попел* [29], *сосна*, *хвост*, приставка *vy-* и др.;

5) слова, известные ю.-сл. языкам, но неизвестные зап.-сл.: *коровай*, *пир*, *птица*, *смотреть*, *соты*, *четыре с е* после *č*, ср. также *год* в значении 'annus' [30] (в ю.-сл. в этом значении обычно *година*, слово, имеющее в зап.-сл. другое значение 'hora', но встречается и *год*), основы *bagr-*, *kołod-*, *verev-* в словах *багровый*, *колодязь*, *верёвка* и др.

[Перечисленные в этом параграфе фонетические и морфологические особенности русских языков, являясь результатом фонетических и морфологических тенденций разных эпох, характеризуют историческую эволюцию фонетического и морфологического строя этих языков, отличную от эволюции того же строя в других славянских языках, но не характеризуют в целом их нынешнего фонетического и морфологического строя. Так, наи-

---

[21] Только в старых памятниках до XVII в.

[22] Только в вост.-словац. (с м.-р.?).

[23] В обоих, впрочем, более обычно с *а* в первом слоге: словин. *labǫd*, болг. *лабедъ*.

[24] поль. *łoszę*, *łoszątko* 'жеребенок', *łosza* 'кобыла'.

[25] *svinec* 'свинец', *beli svinec* 'олово'; слово *olovo*, как и в других слав. языках, — только 'свинец, plumbum'.

[26] В болг., словин. и словац. этот глагол употребляется не только в значении 'доить', но и в значении 'кормить грудью'; в сербохорв. — только в последнем.

[27] Зап.-сл. *ptak*, m., с *х* только в р.

[28] В зап.-сл. обычно без *v* после *х*.

[29] Русское литературное *пепел* — из цсл.

[30] В этом значении известно в южной части карп.-р. говоров.

более характерные для исторической эволюции русских языков фонетические черты — полногласие и ž из о.-сл. *dj* — не характерны для звуковой системы нынешних русских языков, так как этой системе одинаково свойственны и полногласные сочетания, и сочетания типа *tort*, устраненные в свое время из русского языка развитием полногласия (ср. нынешние *гордый* и т. п.), и сочетания *trat* и *trot*, получившиеся из о.-сл. *tort* в других славянских языках (*брат*, *брод* и т. п.); точно так же рядом с *ž* из о.-сл. *dj* (*вижу* и пр.) в русских языках возможны и самое это сочетание (*судья* и т. п.) и получившиеся из о.-сл. *dj* в других славянских языках сочетание *žd* и звуки *z*, *dz*, *j* (*ждать*, *жди*, *земля*, *моя*, м.-р. *дзеркало*). Таким образом, в нынешних русских языках названные черты образуют группы фонетически однородных словарных особенностей: по отношению к этим чертам нынешние русские языки характерны не тем, что в их звуковом строе существуют в известных случаях полногласные сочетания или звук *ž*, а тем, что имеют в своем словаре группы слов, в которых сочетания типа *torot* или звук *ž* соответствуют сочетаниям *trat*, *trot* или звукам *z*, *dz*, *đ*, *j*, *žd* в тожественных по происхождению словах других славянских языков.

Что касается нынешнего фонетического и морфологического строя русских языков, то этому строю свойственны следующие живые (продуктивные) черты, объединяющие и в настоящее время всю русскую языковую группу.

А. Фонетические:

1) разноместное, этимологически значимое монотоническое[31] или динамическое ударение, не прикрепленное ни к определенному слогу слова, ни к определенным морфологическим частям слова; говоры лемков и лемаков в Карпатах с одноместным ударением на предпоследнем слоге, очевидно, — переходные к словацким, а говоры Заонежья с ударением на первом слоге слова принадлежат не вполне обрусевшим карелам;

2) существование соотносительных категорий твердых и мягких согласных: *сад—сядь*, *слово—слёзы* (укр. *сльози*), *дну — дню* и пр.[32];

---

[31] [Т. е. такое, в котором различия в интонации не являются этимологически значимым элементом слова, а могут иметь лишь синтагматическое значение (как значимый элемент фразы); такое ударение я противополагаю ударению политоническому, где различия в интонации являются значимым элементом не только фразы, но и отдельного слова, ср. сербохорв. dat. sg., *нȍсу*, *грâду*, loc. sg. *нóсу*, *грáду* и т. п.].

[32] [Сознанию взаимной соотносительности этих категорий до известной степени помогает то обстоятельство, что, различаясь вообще этимологически вне зависимости от соседних гласных, в известных положениях твердость и мягкость согласных являются взаимно обусловленными (ср. обязательную мягкость согласных перед *e* и *i* в в.-р. и твердость их перед *e* в м.-р.; об отступлениях см. ниже)].

3) отсутствие независимых от фразного темпа и эмоциональных условий соотносительных категорий долготы и краткости гласных; объективно существуют (не всюду) долгие гласные, отличные от кратких, и вне этих категорий, но исключительно при соединении слова, предлога или продуктивной приставки со следующим словом или основой, причем субъективно такие долгие гласные обязательно ощущаются как две независимых гласных;

4) отсутствие независимых от редукции гласных в безударных слогах слоговых сонорных согласных;

5) существование независимых от эмоциональных и фразных условий, но связанных с морфологической структурой слова соотносительных категорий кратких и долгих согласных: *сшить*, *ссудить*, *оттолкнуть*, *поручик* (*č* долго), *конный* и пр.

Эти особенности могут ощущаться как объединяющие все русские языки потому, что в словах общего происхождения, составляющих бóльшую часть обиходного словаря русских языков, распределение места ударения и твердых и мягких согласных в значительной степени то же. Все они в совокупности свойственны только русской языковой группе, отличая ее от наиболее близких ей по звуковому строю языков польского, с которым у них общие черты 2, 3, 4 и 5, и болгарского, с которым они сближаются по чертам 1, 3 и 4. Разноместное ударение имеется и в сев.-каш., сербохорв. и словинском, но в сев.-кашубском оно связано с морфологической структурой слова, подобно ударению в немецком и английском языках, а в сербохорватском и словинском ударение политоническое. 2-я черта является общей русским языкам только с польским, так как в чешском, словацком и лужицких палатальные согласные не составляют категории соотносительной с категорией согласных непалатальных.

В. Морфологические:

в склонении: 1) сохранение полной системы склонения;

2) тенденция к полному устранению во множественном числе родовых различий, не связанных с категориями одушевленности и неодушевленности или лица и нелица; различие между мужским и немужским (женским или средним) родом во множественном числе сказывается, но не с достаточной последовательностью и не везде лишь в присвоении gen. pl. на *-ov* только именам мужского рода [33]; но в значительной части говоров всех русских языков и это различие устранено образованием gen. pl. на *-ov* от имен женского и среднего рода, ср. даже в Москве — *местóв*, *делóв* и пр.; диалект. в.-р. *бáбов*, *звёздов* и пр., укр. диалектические, не чуждые, однако, и литературному языку *ранiв*, *землiв* и пр. и вполне

[33] [В р. литературном языке оно мотивировано внешне: необходимостью отличить gen. pl. от nom. sg.]

литературные *ра́дощів*, *хитрощів* и пр.; лишь в части ю.-б.-р. говоров и в карп.-р. сохраняются формы dat. и loc. pl. m. и n., отличные от форм тех же падежей женского рода, чем эти говоры сближаются со словацкими;

3) различение во множественном числе категорий одушевленности и неодушевленности или лица и нелица;

4) обозначение одушевленности или лица во множественном числе употреблением gen. pl. в значении acc. pl., а неодушевленности или нелица употреблением одной общей формы для nom. и acc. pl.;

5) отсутствие тенденции последовательно обозначать в nom. pl. различие между категориями одушевленности и неодушевленности или лица и нелица;

в спряжении:

6) проведение одного окончания *-и* в 1 sg. по всем глаголам; глаголы *ем* и *дам* явно стоят вне системы спряжения в русских языках;

7) присутствие согласной характеристики *-t* (*-t'*, *-c'*) в 3-м лице обоих чисел; впрочем, во многих говорах всех русских языков эту характеристику имеют не все глаголы в обоих числах, а часть глаголов только в одном числе;

8) образование будущего времени только с инфинитивом;

9) существование только одной, изменяющейся по родам формы прошедшего времени и отсутствие так наз. аориста и имперфекта;

10) отсутствие глагольной связки в настоящем времени в связи с обязательным употреблением личных слов: в.-р. *я болен*, *ты молодец*, *он стар*, *мы друзья* и пр., укр. *ти здоровий*, *він моторний*, *ми вкраїнці* и т. д.

Кроме того, в.-р. и б.-р. языки, почти все полесские и все вост.-укр. говоры м.-р. языка объединяются чертами, отсутствующими только в зап.-укр. и карп.-р.:

11) отсутствием вспомогательного глагола или личных окончаний у родовых форм глагола (в praet. и cond.) и у частицы *бы* в связи с обязательным употреблением личных слов: *я видел*, *ты бы сходил* и пр.;

12) слитным употреблением частицы *ся* с глаголом у возвратных глаголов, благодаря чему соотношение между возвратностью и невозвратностью является выраженным не синтаксически, как в зап.-укр., карп.-р. и остальных славянских языках, а морфологически.

Отмечу также в склонении распространение, хотя не повсеместное, на вост.-укр. и б.-р. тенденций, характерных для в.-р.: а) к сближению personalia f. и n. с personalia m. в pl., ср. вост.-укр. диалектич. acc. pl. *жіно́к*, *сесте́р*, *діте́й* и пр., и b) к замене категорий лица и нелица в acc. pl. категориями одушевленности и неодушевленности: *пасти́ коне́й*, *доїти козочо́к* и пр.

Из названных морфологических особенностей, общих всей русской языковой группе (черты 1—10), черта 10 последовательно проведена, кажется, только в русских языках; остальные, кроме 1, 7 и 8, сближают их с одними западнославянскими языками, частью со всеми (3 и отчасти 2), частью с некоторыми (9 — с поль., каш., чеш. и словац., 2 — с поль., каш. и обоими лужицкими, 4 — с ними же и со словац.[34], 5 — с н.-луж. и 6 — с каш.), но черта 1 — тенденция к сохранению полной системы склонения — обща всем славянским языкам, кроме болгарского и переходных сербоболгарских говоров, а по отношению к черте 7 сами русские языки не представляют единства: в русском литературном языке, в части в.-р. говоров и в с.-б.-р. проведено последовательно окончание *t* (*t'*, *c'*) в 3-м лице обоих чисел у всех глаголов; в других говорах проведена тенденция к различению sg. и pl., помимо различия в гласных окончания, также и различием в присутствии или отсутствии конечного *t*, а также к различению в 3 sg. тематических основ на *-i* (или на *i* ударяемое) от остальных; в прочих слав. языках, кроме болг., согласная примета 3-го лица обоих чисел отсутствует и 3 sg. отличается от 3 pl. только качеством конечной гласной. По черте 8 русские языки сближаются не только с частью зап.-сл. языков, именно, с языками чешским, словацким и лужицкими, но также и с сербохорв., отличаясь от польского, кашубского и словинского. Различия между русскими, польским, кашубским, чешским и словацким языками, с одной стороны, и лужицкими ю.-слав. — с другой, по черте 9 сводятся к различным стадиям в проведении одной и той же тенденции, так как и в лужицких и в ю.-слав. языках формы аориста и имперфекта мало употребительны и постепенно вытесняются родовыми формами прошедшего времени. Черта 2 проведена с той же полнотой, как и в русских языках, в языках польском, кашубском и лужицких; в чешском и словацком различие между мужским и средним родом, с одной стороны, и женским, с другой, сохранены во множественном числе в формах dat. и loc. pl. существительных [35]. По черте 6 русские языки отличаются как от словацкого, словинского и сербохорватского, где 1 sg. всех глаголов характеризуется согласной приметой *m* при тожестве темы с темой остальных лиц, кроме 3 sg., так и от польского, чешского, лужицких и болгарского, где унификация не проведена по всем глаголам, и различаются две группы глаголов с различным образованием 1 sg.

Из черт, распространяющихся не на всю область русских языков, черта 12 не повторяется больше ни в одном славянском языке,

---

[34] [В чешском языке диалектически gen. pl. в значении acc. pl. встречается только в местоимении *jích*=литературному *je*.]

[35] [Литературный чешский язык сохраняет также различия между nom. и acc. pl. m. и f, с одной стороны, и nom.-acc. pl. n., с другой, как у существительных, так и у прилагательных, и в родовых формах глагола, но живому языку это различение не свойственно].

а черта 11 свойственна также вульгарному чешскому, говорам словацкого и отчасти кашубскому, с тем отличием, что, кажется, нигде эта черта не проведена так последовательно. В польском языке тенденция к устранению сложных форм прошедшего времени привела к другим результатам — к трансформации вспомогательного глагола в личные суффиксы с сохранением при этом и суффиксов родовых. Из польского языка такие формы распространились и на зап.-укр. и карп.-р.

От дальнейших выводов об общих и местных тенденциях нынешних славянских языков и о значении названных совпадений для суждения о близости языков пока, до более детального их анализа, воздержусь].

§ 47. Бóльшая часть фонетических и морфологических особенностей, общих всем русским языкам, доисторического происхождения. Древнейшими памятниками (с XI в.) засвидетельствованы черты 1, 2, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 14а, 15, 16, 17, 20, 21, 23, 24, 28; к доисторической эпохе относится и изменение *ьl* в *ъl* между согласными (засвидетельствованное также памятниками XI в.), откуда позднее *ol* (3); есть указания в памятниках XI в. и на мягкость согласных перед *ę* (18); черты 22 и 26 также, надо думать, известны были русским языкам еще до начала письменности, хотя и не засвидетельствованы памятниками XI и XII в. Если не все эти черты, то по крайней мере часть их возникла еще в о.-сл. эпоху, т. е. можно думать, что в о.-сл. языке еще до его распадения уже существовала особая русская диалектическая группа, отличавшаяся от других диалектических групп в том же языке.

Черты 3, 4, 5, 10, 19, 25 развились в русских языках уже в историческую эпоху, вне связи с другими славянскими языками, но, может быть, в связи с тенденциями, возникшими в них еще в о.-сл. эпоху, и свидетельствуют о ближайшей связи русских языков между собою и после утраты связи с другими слав. языками по крайней мере до середины XII в.

[Черта 10 (изменение *е* в *о* после шипящих и частью после мягких вообще) развилась в русских языках после утраты ъ, ь слабых, как видно из того, что старое *е* не только перешло в *о* в ряде случаев в в.-р. перед сочетаниями на твердые, в которых выпало *ь* и, следовательно, первая согласная сочетаний не была первоначально твердой, но и сохранилось без изменения в *о* перед некоторыми сочетаниями на мягкую, в которых первая согласная никогда не была мягкой, и где между согласными выпало ъ: *лёгче*, *шёпчет*, *решётчатый* (при *лёгкая*, *шёпот*, *решётка*); в первом случае изменение *е* в *о* может объясняться продолжительностью действия закона о таком изменении, ко второму подобное объяснение не применимо. Поэтому совпадение русских языков, главным образом в.-р. и б.-р., по этой черте с польским (неполное) следует объяснять не общей жизнью обоих языков в прошлом,

а общими тенденциями в развитии палатальности и велярности согласных].

§ 48. Черты 1, 3, 9, 11 не повторяются в других слав. языках; остальные общи русским языкам с той или другой группой слав. языков или с тем или другим отдельным слав. языком. Значительная часть таких совпадений восходит к менявшимся не раз диалектическим группировкам о.-сл. языка. Таковы совпадения русских языков с зап.-сл. по чертам 20, 21 и отчасти 26, с зап.-сл., кроме части словацкого, по чертам 2, 28, с ю.-сл. по чертам 14, 15 и отчасти 17, со всеми, кроме польского и болгарского, по черте 16, с сербохорватским, чешским, словацким и обоими лужицкими по черте 6 (вместе с русскими эти языки могли пережить изменение носового *о* в носовое *u*; утратить носовой элемент они могли и независимо друг от друга), с верхнелужицким, отчасти чешским и словацким и, пожалуй, с чакавскими говорами сербохорватского по черте 7 (в чак. *ę* изменилось в *а* только после старых мягких), может быть, также с сербохорватским по черте 22 и с болгарским по черте 24. Совпадение с сербохорватским и словинским языками по черте 13, по-видимому, представляет сохранение старины, утраченной болгарским и зап.-сл. языками. Случайными [36] являются совпадения с польским, лужицкими и болгарским по черте 19, с верхнелужицким и некоторыми болгарскими и словацкими говорами по черте 4, с болгарским, лужицкими, чешским и словацким по черте 5, с польским по черте 8, со словинским и некоторыми чакавскими говорами по черте 12 и с кашубским по черте 23.

[Исторически по черте 8 (*а* перед носовыми в соответствии со ст.-сл. ѣ) русские языки сближаются не с польским, а с сербохорватским и лужицкими, с которыми одинаково имеют гласные, отличные от гласных из старого *ě*, причем в русских, сербохорватском и верхнелужицком языках эти гласные совпали с гласными из старого *ę* (в сербохорв. в звуке *е*, в в.-луж. и русских — в звуке *а*; в н.-луж. так же, как и в в.-луж., — *а*, но из о.-сл. *ę* там получилось *е*); между тем в польском гласная, получившаяся в этих случаях, совпала не с гласной из о.-сл. *ę*, а с гласной из о.-сл. *ě*; таким образом, совпадение русских языков с польским в произношении гласной в таких случаях, как р. *румяный*, поль. *rumiany*, может быть, не органическое].

ВЕЛИКОРУССКИЙ ЯЗЫК

§ 49. В.-р. язык характеризуется, между прочим, следующими чертами, общими и с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречиям.

А. Ф о н е т и ч е с к и м и:

[36] [«Случайными» в смысле независимости развития в каждом языке тех процессов, которые привели к одинаковым результатам].

1) отсутствием различия между гласными из о.-сл. *о*, *е* в новых закрытых слогах и теми же гласными в остальных положениях: *олово*, *овцы*, *год*, *года* и пр.;

2) чертой, свойственной, правда, только части говоров с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречия, но, по некоторым данным, некогда общей всему в.-р. языку и лишь с течением времени утраченной значительной частью его говоров, — именно, изменением о.-сл. *о* под ударением с интонацией акута в *ᵘо*: задонское *ня ст͡уой*, *сял͡уо* и т. п. (Ср. ниже, п. 7);

3) произношением *i* в начале слова из о.-сл. *i̯ь* в слабом положении: *игра*, *иметь*, *иголка* и т. п. (впрочем, в ю.-в.-р. говорах сохранились кое-где следы иной судьбы начального *i̯ь*);

4) произношением *о* (с его фонетическими изменениями без ударения) после мягких из *е* и *ь* сильного перед твердыми (в том числе и перед твердыми шипящими): *нёс*, *лён*, *лёжа* и пр.; впрочем, есть говоры и с.-в.-р. и ю.-в.-р., в которых *е* и *ь* перед твердыми не изменились в *о*, а дали *е*;

5) произношением *oi̯* из старого *yi̯* и произношением *ei̯* из старого *ii̯* в закрытых слогах и при каких-то условиях в открытых: *умойся*, *злой*, *крою*, *бей*, *сам-третей* и пр.; в говорах известно и *ei̯* после твердых из *yi̯*, но такие говоры частью имеют такое *ei̯* в ограниченной категории случаев, где оно может быть и морфологического происхождения, частью, может быть, являются переходными на б.-р. основе;

6) произношением *ro*, *r'e*, *r'o*, *ło*, *l'e*, *l'o* между согласными с их дальнейшими изменениями в зависимости от ударения из старых *rъ*, *rь*, *łъ*, *lь* не только в новых закрытых слогах, но и в открытых: *брови*, *дрова*, *греметь*, *глотать*, *слёзы*, *слеза* и т. п.;

7) произношением *v* перед старым начальным *о* под ударением с интонацией акута: *восемь*, *вотчина* и пр. (такого же происхождения, вероятно, и *v* перед *о* в середине слова в таких случаях, как *коровод*, *повост* и окончание gen. sg. местоимений *-ovo*: во всех этих случаях *о* имело первоначально ударение с интонацией акута) [37];

8) сохранением нёбной согласной из о.-сл. *g* (с.-в.-р. *g*, ю.-в.-р. γ);

9) отсутствием придыхания перед начальными гласными;

10) мягкостью всех согласных, кроме *š*, *ž* и в значительной части говоров (между прочим и в литературном языке) *c*, [38] перед всеми гласными, получившимися из о.-сл. палатальных гласных; диалектически встречается впрочем и в с.-в.-р. и в ю.-в.-р. твердое произношение *s*, реже — других согласных перед *е* (из о.-сл. *е*, *ь*);

---

[37] [См.: Трубецкой. Einiges usw.-ZslPh. I. 3—4. M. Dolobko. Der sekundäre *v*-Vorschlag im Russischen. ZslPh. III, 1—2].

[38] [Точнее, кроме шипящих и *c*, не различающих вариантов твердых и мягких в пределах одного говора].

с этими случаями не надо смешивать твердость согласных перед *е* другого происхождения, распространенную во многих говорах [39];

11) сохранением старого *r* мягкого (диалектически *r'* отвердело только в сочетании *ri* после *sk*: *скрыпка* и пр., реже после *st*, *k*, *g*, γ: *стрыгу*, *крыло*, *грыб* и совершенно единичны случаи изменения *r'i>ry* не после согласных);

12) твердостью простых шипящих *š*, *ž*, при сохранении *č* мягкого всюду, где оно не изменилось в *c* (*č* твердое в части с.-в.-р. говоров — вторичное, из *c*); старые *šč*, *žd͡ž* в значительной части говоров изменились в *š*, *ž* долгие твердые, но диалектически сохраняются и мягкие *šč*, *žd͡ž* и мягкие *š*, *ž* долгие;

13) глухостью всех несонорных согласных в конце слова не перед звонкими шумными и в середине слова перед глухими;

14) сохранением сочетаний согласных с *j* или *i̯* из старых сочетаний согласных с *ьi̯* и *ii̯* с *ь* или *i* слабыми: *пла́тье*, *свинья́* и пр.; впрочем, в некоторых с.-в.-р. говорах эти сочетания изменились в долгие мягкие согласные, вне связи с подобным же изменением в б.-р. и вост.-м.-р.

В. Морфологическими:

15) утратой старой звательной формы; сохранившиеся кое-где старые звательные формы на *-о* по большей части совпали по значению с формами nom. sg.[40];

16) распространением новых звательных форм без окончания от имен на *-а*: *дядь*, *старух*, *мышк*, *Вань* и пр.[41];

17) отсутствием dat. sg. на *-ovi*, *-evi*;

18) заменой форм на *-cě*, *-zě*, *-sě* от основ на задненёбные формами на *k'ě*, *g'ě* (γ'*ě*), *x'ě*: *руке́*, *ноге́*, *сохе́*;

19) распространением форм nom. pl. на *-а́* от существительных мужского и отчасти женского рода: *дома́*, *края́* и пр.[42];

20) отсутствием nom. pl. на *-ě* в склонении существительных: *ключи́*, *кваши́*, *зе́мли*;

21) употреблением старой формы gen. pl. в значении acc. pl. не только имен лиц, но и имен животных: *пасти коров*;

22) употреблением формы nom.-acc. числительных *два*, *оба* при существительных не только мужского, но и среднего рода, а *двѣ*, *обѣ* — только при существительных женского рода;

23) употреблением формы gen. sg. существительных при nom. числительных *два (две)*, *оба (обе)*, *три*, *четыре*: *два дома*, *две сестры*, *два окна* и пр.;

---

[39] Именно: в некоторых падежных окончаниях: *тэй*, *однэй*, *худэи* (nom. pl.) и т. п., gen. pl. *косэй* и др., в местоименных наречиях: *оттэда*, *откэда* и др., в слове *челэк*.

[40] [См.: С. Обнорский. Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen — ZslPh, II, 1—2 (1925)].

[41] [См. там же].

[42] [См.: Шахматов. Очерк; Nachtigall. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. Heidelberg, 1922].

24) исключительным употреблением в 1 pl. окончания *-m* (без гласной после *m*): *идем*, *спим* и пр. (см. п. 25);

25) употреблением в значении ind. pl. от глаголов *дать* и *есть* форм *дадим*, *дадите* и *едим*, *едите*;

26) употреблением 1 pl. fut. вместо утраченной старой формы 1 pl. imp.: *пойдем*, *будем(те) ждать* и пр.;

27) окончанием *-ite* во 2 pl. imp. от всех глаголов, имеющих во 2 sg. imp. окончание *-i* и отсутствием 2 pl. imp. на *-ěte*: *идите*, *спите* и пр.;

27а) отсутствием личных суффиксов в praet. и у частицы *бы*;

28) заменой старых свистящих нёбными у глаголов с основой на задненёбные в imp.: *пеки*, *-ите*, *беги*, *-ите*, *ляг*, *-те* и пр.;

29) стабилизацией возвратной частицы *-ся* непосредственно после глагола и слиянием ее с глаголом в одно слово.

С. Словарными:

в.-р. язык имеет много слов, общих и с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречию и отсутствующих в м.-р. и б.-р. или одном из них; таковы, например, слова: *башня*, *бросать*, *вор* в значении 'furo', *воровать*, *врать* в значении 'лгать', *второй*, *забота*, *лягушка*, *очень*, *роща*, *русло*, *ужин*, *чаща* и мн. др. Значительная часть подобных слов не известна другим славянским языкам [43].

[Перечисляемые здесь фонетические и морфологические особенности в.-р. языка в целом характеризуют не его нынешнюю фонетическую и морфологическую систему, а историческую эволюцию его фонетического и морфологического строя (ср. выше дополнения к § 46). Не задаваясь целью охарактеризовать полностью нынешнюю фонетическую и морфологическую систему в.-р. языка в ее живых тенденциях, назову лишь некоторые черты, характерные для этой системы.

А. Фонетические:

1) более последовательно, чем в б.-р., м.-р. и поль., проведенный параллелизм между согласными твердыми и мягкими; в в.-р. во всем твердость и мягкость различаются у всех губных, у плавных *l* и *r*, у зубных *d*, *t*, *z*, *s* и почти во всем у небных *g*, *γ*, *k*, *x* [44]; непарными по твердости и мягкости являются только шипящие и *c*;

---

[43] Слово *второй* сохранилось только в болг. (*втори*, ср. глагол *вторя*), поль. (*wtóry*) и в.-луж. (*wutory*), но та же основа сохранилась во всех слав. языках в названии дня *вторник*; слово *ужина* f. (ср. то же слово в Домострое) имеется во всех ю.-сл. языках (словин. *južina*) со значением 'полдник, еда между обедом и ужином'; в зап.-сл. неизвестно.

[44] [В части говоров *g'*, *k'* мягкие перешли в *d'*, *t'* мягкие и, таким образом, соотношение *g*, *k* : *g'*, *k'* устранено. В литературном р. языке и в значительной части великорусских говоров мягкость нёбных обусловлена положением перед *i*, *e* и, таким образом, соотношение между твердостью и мягкостью нёбных само по себе не могло бы сознаваться в языке как значимое, но оно осознается на фоне соотношения *ta* : *t'i*=*ka* : *k'i* и т. п.].

2) мягкость всех согласных, кроме непарных по твердости и мягкости, перед *i* и почти во всех говорах перед *e*: таким образом, немягкие согласные перед палатальными гласными в в.-р. по большей части не допустимы [45].

В. Морфологические:

3) различение категорий одушевленности и неодушевленности во множественном числе вне зависимости от того, к какому роду принадлежит данное существительное в единственном числе; отсутствие различения в падежных формах множественного числа категорий лица и нелица;

4) недопустимость формы среднего рода для обозначения живых существ, кроме самых общих, как *чудище*, *чудовище*, *страшилище*, литературные *животное*, *насекомое* [46];

5) отсутствие чередования согласных перед падежными окончаниями у существительных в пределах одного числа, кроме чередований, связанных с живыми фонетическими тенденциями: *река́ — ре́ку — реке́*, *друзья́ — друзе́й*;

6) употребление gen. sg. существительных и gen. pl. прилагательных при nom. числительных *два*, *три*, *четыре*;

7) формы 1 pl. imp. на *-мте*: *пойдемте* и пр.;

8) слитное употребление частицы *ся* с глаголом.

По черте 2 в.-р. лишь отчасти сходится с польским языком, где согласные мягки перед *i* (мягкость согласных перед *e* в нынешнем польском языке не обусловлена фонетически, так как согласные перед *e* тверды, если это *e* не из старых *e* или ь) и со словацким (именно, литературным словацким и среднесловацкими говорами), где перед *e* и отчасти перед *i* (там, где *i* и *y* различаются и по качеству гласного звука) мягки согласные *d*, *t*, *n*, *l*; случаи с твердыми согласными перед *e* (*teraz*, *ten*, *chudéj* и пр.) обусловлены морфологически, как и в в.-р. говорах. Черты 3 и 8 в пределах русской языковой области не ограничиваются одним в.-р., а распространяются и на полесские и вост.-украинские говоры м.-р. языка и на б.-р.].

§ 50. Все фонетические и морфологические различия между в.-р. в целом и другими русскими языками, кроме 3 и, может быть, 9, возникли в историческую эпоху и вызваны изменениями, произошедшими в течение этой эпохи либо в в.-р. (например, 2, 5, 6, 7, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29), либо в м.-р. и б.-р. (например, 1, 8, 9, 11, 14, 24), либо в каждом из них в отдельности (например, 4, 10). Ни одно из этих изменений

---

[45] [Согласные перед *e* тверды только в немногих говорах; сочетания твердых согласных с *e* в некоторых местоименных наречиях и падежных окончаниях системы не нарушают благодаря своей морфологической обусловленности. Иностранные слова с твердыми согласными перед *e* в литературном языке сознаются как принадлежащие другому языку].

[46] В таких словах, как *чудовище*, понятие одушевленности минимальное. Слова *животное*, *насекомое* даже в литературном языке ощущаются как книжные, в народных говорах вовсе не употребительны.

не датируется памятниками раньше середины XII в. Самое старое из них, хотя и не засвидетельствованное памятниками старше XVI в., это — черта 2; но и оно вряд ли старше XII в. Черта 3 первоначально, по-видимому, была свойственна только тем говорам, которые потом образовали с.-в.-р. наречие, а на ю.-в.-р. говоры распространилась лишь позднее.

Черты 4, 10 и 13 общи в.-р. языку с б.-р., а 1, 9, 17, 20, 22, 24, 25, 27 — с с.-б.-р. говорами и, вероятно, возникли еще до образования б.-р. и в.-р. языков; черта 11 свойственна и значительной части м.-р.; в данном случае в в.-р. и части м.-р. имеется лишь сохранение старины, утраченной в б.-р. и другой части м.-р.

Чертами 4, 10 и 13, т. е. как раз теми, какие общи ему с б.-р., в.-р. язык сближается до известной степени с польским языком. Других совпадений в чертах, отличающих его от б.-р. и м.-р., с другими слав. языками в.-р. в целом не обнаруживает, кроме случайных или представляющих только отсутствие изменений, развившихся в м.-р. и б.-р. Что касается начального *і* из о.-сл. *i̯ь*, то эта черта, как уже указано, первоначально отсутствовала в ю.-в.-р. Черты 17, 18, 22 и 27, конечно, явились в в.-р. независимо от аналогичных явлений в первом случае в ю.-сл. языках, во втором — в словацком, словинском и чакавских говорах сербохорв.[47], в третьем — в сербохорв. и словинском и в четвертом — в сербохорв., словинском, словацком и старопольском.

Северновеликорусское наречие

А. Общие северновеликорусские черты

§ 51. С.-в.-р. наречие в его непереходных говорах характеризуется следующими общими чертами:

а) ф о н е т и ч е с к и м и:

1) оканьем, т. е. сохранением различия между безударными *о* и *а*, по крайней мере после твердых; после мягких это различие в общем также сохраняется, но в известной степени стерлось во многих говорах вследствие диалектического изменения *а* после мягких в *е*, с одной стороны, и диалектической замены *о* безударного после мягких через *е*, с другой стороны;

2) нередким выпадением *i̯* между гласными и вызываемым этим стяжением гласных, однако часто рядом с сохранением *i̯* между гласными у тех же лиц и в тех же словах: *бываёт*, *жалѣ̂ёт*, *моёт*, *торгуёт*, *бываэт*, *жалѣ̂эт*, *моэт*, *торгуэт*, *быват*, *жалѣ̂т*, *мот*; *Миколáв*, *Ондрéв* (заметим, что *ое* стягивается в *о*, а не *е*);

---

[47] Любопытно, что как раз в словацком и части говоров словинского *k* в соответствии с *с* других слав. языков и в слове *зеркало* — слов. *zrkadlo*, диалект. словин. *zrkálo* (не смешивать со словин. *zŕkalo* 'зрачок', где *r* в о.-сл. было с окраской *ъ*, и *k* по закону 2-й палатализации не подлежало изменению в *с*).

3) *g* взрывным из о.-сл. *g*; только в части говоров Олонецкой губ.[48] такое *g* между гласными изменилось в γ; звук γ в gen. sg. местоимений и прилагательных в некоторых с.-в.-р. говорах другого происхождения;

[Для нынешнего фонетического строя с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоров (в том числе и литературного языка), кроме мещерских и некоторых олонецких, характерно отсутствие необусловленных особыми положениями звуков γ и *h*: во всех заимствованных словах с такими звуками они обязательно заменяются звуками *g* или *x*; наличие γ в цсл. словах объясняется тем, что эти слова ощущаются как слова другого стиля; в *лёгок* и *мягок*, часто произносимых с γ, последнее — перед сильно редуцированным гласным звуком, не препятствующим диссимилятивному влиянию следующей согласной. Неясно диалектическое сохранение γ в *богатый*].

b) морфологическими:

4) формами gen.-acc. sg. личных и возвратного местоимений на *-á*: *меня*, *тебя*, *себя*;

5) твердым *-t* в окончании 3-го лица обоих чисел глаголов; только в части говоров Олонецкой губ. встречаются формы 3 pl. глаголов 1-го тематического спряжения на *-ut'* с *t'* мягким; но в 3 sg. *t* твердо и там.

Следующие черты свойственны большей части с.-в.-р. говоров:

a) фонетические:

6) склонность *a* после мягких к переходу в *e*; в одних говорах в *e* перешло лишь *a* неударяемое (например, в зап.-новгородских), частью только перед мягкими, частью и перед твердыми: *в грезú*, *грезнá*, но *грязь*, — в других также и ударяемое *a*, но только перед мягкими: *грезь*, *прéник*, но *гря́зно*; *a* между мягкими сохраняется и под ударением и без ударения в большей части говоров, отнесенных в «Опыте» МДК к Владимирско-Поволжской группе, а спорадически и в других. [Эта черта представляет живую фонетическую тенденцию значительной части с.-в.-р. говоров; поэтому новые слова подвергаются тем же изменениям: *шляпа* — *в шлепи* и т. п.];

7) совпадение о.-сл. *č* и *c* (а также совпавшей с *č* согласной из о.-сл. **tj* и **kt*) в одном звуке, в большей части говоров — в звуке *c* мягком или твердом, в небольшой части — в звуке *č* мягком и в части в шепелеватом звуке, среднем между *c* и *č*: *хоцу*, *ноц*, *цас* и пр.; но во многих говорах известны оба звука — *c* и *č*; в части таких говоров они смешиваются, т. е. вместо этимологического *c* является *č* и наоборот: *отечь*, *пец* и пр.; такие говоры восходят к говорам, в которых *c* и *č* совпали; в другой части

[48] [Чтобы не затруднять справок с русской диалектологической литературой, относящейся за немногими исключениями ко времени до 1918 г., в книге сохранены названия городов и административные деления, существовавшие до 1918 г.].

с.-в.-р. говоров *č* и *c* различаются этимологически правильно. Некоторые из них, по-видимому, также восходят к говорам, не различавшим *c* и *č*, и восстановили правильное употребление *c* и *č* под влиянием других; таковы, например, говоры части Новгородской, Петроградской, Тверской и Олонецкой губ., сохранившие следы более раннего цоканья в произношении деепричастий *ушотцы* и т. п., по-видимому, московский говор, сохранивший также несколько слов со свистящими вместо старого *č*, говоры с твердым *č*, заменившим в них более старое *c* твердое из первоначального *č*, и др. Но в одной группе с.-в.-р. говоров, по-видимому, *c* и *č* различались правильно уже в древнейшую эпоху: это — группа залесских говоров в нынешних Ярославской, Владимирской и Костромской губ. Территория, занятая этими говорами, в глубокой древности выделялась среди остальной с.-р. территории. Это был степной остров («поле») среди лесов, покрывавших с.-р. равнину. Население его политически в историческую эпоху никогда не тянуло ни к Новгороду, ни к Твери и, наоборот, еще со времен Володимира Св. поддерживало связи с Южной Русью. Возможно поэтому, что отсутствие как цоканья, так и ряда других характерных для остальных с.-в.-р. говоров черт в этой группе стоит в связи с давней обособленностью ее от других с.-в.-р. говоров. Отсюда уже правильное различение *c* и *č* с течением времени могло распространиться на соседние говоры; присутствие же цокающих говоров кое-где и на названной территории могло быть вызвано позднейшими колонизациями;

8) мягкость *s* в суффиксах *s'k* и *s'tv*: *женьской*, *балось(т)во*; твердо *s* в этих суффиксах только в говорах Владимирско-Поволжской группы;

9) переход сочетания *dn* (из о.-сл. *dьn* или *dъn*) в *n* долгое: *онна́*, *совонни*; *dn* сохраняется без перехода в *n* долгое главным образом в говорах Владимирско-Поволжской группы. Подобным же образом во многих говорах *bm* изменилось в *m* долгое: *омман*, а *vn* в *mn*: *дамно́*, *ро́мной*, но эти изменения, по-видимому, возникли позднее и не получили такого распространения;

b) м о р ф о л о г и ч е с к и е:

10) dat.-loc. sg. на *-y*, *-i* от имен на *-a*: *к горы*, *на земли*;

11) instr. pl. на *-m*, т. е. совпадение instr. pl. с dat. pl. в одной форме: *со своим друзьям*; в части говоров известны также instr. pl. местоимений на *-m'a*: *имя́*, *темя́*, *всемя́*, реже *худы́мя*, существительных на *-ma*, реже *-my*: *де́вкима*, *песка́мы*, и прилагательных на *-ma*: *золотыма*; при этом формы на *-ma*, *-m'a* встречаются и в значении dat. pl. Формы instr. pl. на *-mi* в с.-в.-р. говорах редки и часто смешиваются с dat. pl. на *-m*; поэтому их можно считать заимствованием из ю.-в.-р. или из литературного языка.

12) сохранение старого места ударения во многих случаях, где оно не сохранено в ю.-в.-р.; вообще с.-в.-р. ударение ар-

хаичнее и более подвижно, чем ю.-в.-р.; так, с.-в.-р. наречие по большей части сохранило старое ударение на предлоге, подвижное ударение в склонении (*рукá—рýку* и т. п.), старое место ударения в спряжении (*варúш*, *красúш*, *идитé* и пр.), хотя имеются и некоторые специально с.-в.-р. новообразования и в этой области. Но некоторые архаичные черты в ударении, свойственные большинству с.-в.-р. говоров, утрачены говорами Владимирско-Поволжской группы, как, например, ударение на конце во 2 pl. некоторых глаголов (*спúте*, *идёте* вместо *спитé*, *идитé* других говоров);

13. сохранение инфинитивов на *-či* (*-ci*) при ударении на окончании, частью с заменой их новообразованиями на *-kči* (*-кci*): *печú*, *пекчú* и пр.;

14. постпозитивный член *-ot*, *-ta*, *-to*: *дом-от*, *избу-ту*.

Синтаксических и словарных особенностей с.-в.-р. в целом не называю.

В. Ярославская и Владимирско-Поволжская диалектические группы

§ 52. Как видно из перечня черт, общих большей части с.-в.-р. говоров, среди них выделяется особая группа, в которой некоторые из этих черт отсутствуют. Эта группа, которую назову условно Я р о с л а в с к о й, представляет следующие черты:

1) произношение *ě* как *e*;

2) сохранение *a* между мягкими без перехода в *e* как под ударением, так и без ударения;

3) сохранение этимологического различия между *c* и *č*, причем *c* произносится твердо, *č* мягко;

4) отвердение *s* в суффиксах *sk* и *stv*;

5) сохранение группы *dn*;

6) утрата некоторых архаизмов в постановке ударения; так, во 2 pl. глаголов ударение никогда не бывает на конце;

7) dat.-loc. sg. на *-ě* от имен на *-a*;

8) отсутствие 3 sg. и pl. глаголов без *-t*;

9) *l* мягкое после губных и шипящие перед окончанием 1 sg. глаголов 2-го тематического спряжения (на *-i-*) с основой на губные и зубные (в других говорах часты формы, как *спю*, *молотю*, *видю*, *просю*);

10) отсутствие 2 sg. на *-si* от нетематических глаголов: *ѣш*, *даш*;

11) отсутствие инфинитивов на *-ti* с ударением на основе (инфинитивы на *-ti* с ударением на конце сохраняются) и инфинитивов на *-či*.

Словарный состав этой группы говоров также отличается от словарного состава других с.-в.-р. говоров. Отмечу исключительное употребление слов *бороновать* (не *волочить*), *лошадь* (не *конь* или *комонь*), *пахать* (не *орать*), *зола* (не *попел*), *пахарь*

(не *ратай*) и др., отсутствие ряда слов, свойственных другим с.-в.-р. говорам, как *баской* и др.

Другие черты этих говоров частью являются общими им с говорами Восточной группы, как изменение конечного *е* в *о*, звук *v* в окончании gen. sg. местоимений и прилагательных и др., частью с говорами Северной группы, как мягкость конечных губных, *v* и *f* из о.-сл. *ŭъ* перед согласными и в конце слова, сохранение *ł* без изменения в *u̯* и др.

В «Опыте» МДК эти говоры не выделены в особую группу, а отнесены к группе Владимирско-Поволжской вместе с другими, сходными с ними по судьбе *ě* и некоторым другим чертам. Эти другие говоры, заключая ряд особенностей, общих им с говорами Ярославской группы, по другим чертам отличаются от них, совпадая частью с говорами Северной, частью с говорами Восточной группы. По-видимому, основа их иная, чем у говоров Ярославской группы, и, может быть, не одна и та же у разных говоров, но будучи оторваны от своей первоначальной основы, они подверглись сильному влиянию со стороны говоров Ярославской группы и московского κοινή.

C. D. Северная и Восточная диалектические группы

§ 53. Говоры, не входящие в состав Владимирско-Поволжской группы, по своим особенностям не однородны. Оставляя в стороне позднейшие наслоения, вызванные влиянием одних говоров на другие, укажу наиболее заметные диалектические различия:

а) фонетические:

1) о.-в.-р. *ᵘo* из о.-сл. *о* под ударением с интонацией акута изменилось в *о*, совпавши, таким образом, со старым *о* неакутованным в говорах Поморской, Зап.-Новгородской и, по-видимому, части Олонецкой групп, и сохранилось в говорах Восточной группы [49]: *куожа*, *коруова*, *сёлуо*; может быть, в связи с этим стоит и различие между этими говорами по судьбе окончания gen. sg. m. местоимений и прилагательных;

2. *ě* в одних говорах произносится всюду как *е* [50], в других обнаруживает склонность к переходу в *i*: в части говоров *ě* перешло в *i* только перед мягкими; *сéно*, но *на сúни*; в другой — как перед мягкими, так и перед твердыми: *сино*; архаичные говоры, где ударяемое *ě* произносится как *ie*, различаются по судьбе *ě* безударного, произносимого в одних из них везде как *е*, в других — как *i* перед мягкими и *е* или *о* перед твердыми: *в лёсу*,

[49] Пользуюсь для краткости обозначениями, принятыми в «Опыте» МДК, хотя сам предлагаю здесь другое деление.

[50] Конечное *i* в loc. sg. существительных m. и n. и dat.-loc. sg. существительных на *-а*, в говорах Архангельской губ., по-видимому, морфологического происхождения.

лисник. К говорам, не изменяющим *ě* в *i*, относятся говоры Поморской и Олонецкой групп, к говорам с *i* из *ě* в том или ином положении — Восточной и Новгородской групп; в первой из них *i* из *ě* — только перед мягкими, во второй — и перед твердыми;

3) конечное *е* (именно, в окончании 2 pl. глаголов и из *ě* после *i̯* в падежных окончаниях) дало в говорах Поморской, Олонецкой и Зап.-Новгородской групп *е* под ударением, *е*, *ä* и *а* после ударения: *спите́*, *зна́ете(тя)*, а в говорах Восточной группы — *о* в обоих случаях: *спитё*, *зна́итё*;

4) старое * wъ* в конце слога дало в западных говорах Восточной группы *u̯*: *короў*, *даўно*, в остальных — *v* перед звонкими, *f* перед глухими и в конце слова;

5) *ł* в конце слога в западных говорах Восточной группы перешло в *u̯*: *воўк*, *даў*; в остальных сохранилось как *ł*;

5а) в тех же западных говорах Восточной группы вместо *ł* перед гласными часто произносится *l* среднее;

6) *k* и *g* твердые после мягких неслоговых звуков смягчились в значительной части говоров Восточной группы: *хозе́йкя*, *до́цкя*, сохранились без смягчения в остальных.

[6а) Отмечу еще одну фонетическую черту, свойственную части с.-в.-р. говоров, не указанную в «Опыте» МДК; это — произношение *s* вместо *c*, известное главным образом в Вятской и Пермской губ. и в Сибири [51].]

b) м о р ф о л о г и ч е с к и е:

7) в gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных в говорах Поморской и Олонецкой группы являются окончания *-ogo* или *-oγo*; те же окончания — в архаичных говорах Новгородского уезда; в части поморских и в самой северной части Вологодской губ. имеется *oo*; в говорах Восточной и Зап.-Новгородской группы — окончание *-ovo*, у прилагательных также *-avo* и *-ova*. Звук *v* в этом окончании происхождения фонетического: согласная между двумя *o* фонетически выпадала, а затем между ними, перед ударяемым *ᵘo* из старого акутованного *o* развивалось *v*, как и в начале слова; ударение на конце в этой форме в с.-в.-р. некогда имели не только местоимения, но, может быть, и прилагательные с ударением на окончании, ср. такие фамилии, как *Дурново́* и др. Так как в тех же говорах *g* между гласными не выпадает, ср. *погода*, *рогожа* и пр., то в окончании gen. sg. следует предполагать для древнейшей эпохи звук, отличный от *g*, т. е. *γ* или *h*. Звук *v* в том же окончании известен также и ю.-в.-р. говорам, но там он явился не органически, а под влиянием московского κοινή; архаичные ю.-в.-р. говоры имеют *γ*.

---

[51] [См.: З е л е н и н. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, стр. 384, 414, 418; С е л и щ е в. Диалектологический очерк Сибири, 50, 188].

Отсутствие формы gen. sg. m. местоимений и прилагательных с *v* в говорах Поморской группы, может быть, стоит в связи с ранней утратой *ᵘo*;

7a) в немногих говорах Восточной группы, между прочим, в Сибири, числительные 5—30 могут иметь для косвенных падежей формы pl.: *пятúх*, *пятёх* и пр.;

8) глаголы 1-го тематического спряжения (с тематической гласной *е*) с основой на задненебные в поморских, олонецких и зап.-новгородских говорах имеют обычно перед окончанием 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. мягкие нёбные согласные, в восточных — твердые: архангельское *пекёт*, *жгёт*, вологодское *пекот*, *жгот*;

9) в говорах Восточной группы употребительны образования fut. с глаголом *иму*: *иму́ косúть* и пр.

Есть между этими говорами и довольно значительные словарные различия, которых здесь не касаюсь.

§ 54. Перечисленные черты позволяют выделить среди с.-в.-р. говоров (за исключением говоров В, рассмотренных выше) две основные группы — С, Северную и D, Восточную. Наиболее чистыми представителями С являются говоры поморские, D — вологодские и вятские; С характеризуется: 1) отсутствием *ᵘo* из акутованного *o*, 2) отсутствием изменения *ě* в *i*, 3) звуком *e* из *e* в конце слова, 4) звуками *v* и *f* из *wъ* в конце слога, 5) отсутствием *u̯* из *ł*, 6) отсутствием смягчения *k*, *g* после мягких неслоговых, 7) окончаниями *-ogo*, *-oγo*, *-oo* в gen sg. m. и n. местоимений и прилагательных, 8) мягкими согласными перед окончанием 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. глаголов с основой на задненёбные.

§ 55. D характеризуется: 1) сохранением *ᵘo* из акутованного *o*, 2) изменением в известных положениях *ě* в *i*, 3) *o* из *e* в конце слова, 4) *u̯* из *wъ* в конце слога, 5) *u̯* из *ł* в конце слога, 6) смягчением задненёбных после мягких неслоговых звуков, 7) окончаниями *-ovo*, *-avo*, *-ova* в gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных, 8) твердыми согласными перед окончаниями 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. глаголов с основами на задненёбные.

§ 56. Говоры олонецкие и зап.-новгородские соединяют особенности С и D; можно их рассматривать как говоры по происхождению переходные; первоначальная основа их, по-видимому, северная, а восточные черты в них представляют в таком случае позднейшие наслоения. В говорах Новгородской группы некоторые черты, как утрата цоканья, отсутствие *e* из *a* между мягкими под ударением и т. п., могли явиться также под влиянием говоров Ярославской группы или московского говора. Черты, отличающие нынешние зап.-новгородские говоры от говоров С, не были известны новгородскому говору до XVI в.

§ 57. Названные группы могут быть установлены в области с.-в.-р. наречия лишь в самых общих чертах: все с.-в.-р. говоры почти все время своей исторической жизни были тесно связаны между собой и по большей части составляли единое целое; по-

этому разные диалектические черты, поскольку они возникали в том или другом областном центре неодновременно или обладали различной степенью усвояемости и устойчивости, в с.-в.-р. области имеют разные районы распространения, и ясно обозначенных границ между говорами, как совокупностями диалектических особенностей, в пределах с.-в.-р. наречия почти нет, тем более, что разные говоры в разное время влияли друг на друга; в то же время на изменение состава с.-в.-р. говоров оказывали влияние многочисленные переселения, из которых немало исторически засвидетельствовано, и отхожие промыслы, сильно распространенные в некоторых районах. Господствующие тенденции в современной эволюции с.-в.-р. говоров определяются влиянием московского κοινή и отчасти говоров Ярославской группы.

§ 58. Из черт, характерных для с.-в.-р. наречия или его говоров, сохранение старины представляют черты A 1, 3, 8, 12, 13, B 2, 3, 5, 7, 9, C 3, 5, 6, 7 и D 1. Выпадение *i̯* между гласными (*A* 2) могло быть очень старым, но по памятникам не может быть прослежено; стяжение гласных засвидетельствовано лишь поздними памятниками. Совпадение *c* и *č* в одном звуке (*A* 7) относится к доисторической эпохе, так как засвидетельствовано новгородскими памятниками уже в XI в. Различие между говорами с *u̯* из *wъ* и говорами с *v* и *f* могло быть очень старым; впрочем, в с.-р. памятниках «*оу*» вместо «*въ*» раньше XIII в. не встречается. Остальные черты возникли позднее и засвидетельствованы памятниками не старше XIII и XIV в.

§ 59. Черты A отличают с.-в.-р. наречие от ю.-в.-р. в его целом (кроме A 8, так как мягкое *s* в суффиксе *s'k* известно и в некоторых ю.-в.-р. говорах); в ряде случаев эти различия восходят к эпохе до образования в.-р. языка и даже к доисторической эпохе. Таковы различия по чертам 3 и 7. Из диалектов с.-в.-р. ближе других к ю.-в.-р. стоят говоры B, совпадающие с ю.-в.-р. в целом по чертам 2, 3, 5, 6, 7, 10, 11 и с большей частью ю.-в.-р. говоров по черте 1; черты B 4, 8, 9, а также характерные и для B черты C 4 и D 3, 7 повторяются и в значительной части ю.-в.-р., но являются в них не исконными, а вторичными, вызванными московским влиянием; впрочем C 4 для восточной части ю.-в.-р. говоров может считаться исконной. Говоры C сближаются с ю.-в-р. по чертам 2 (не вполне) и 5, с архаичными ю.-в.-р. говорами по чертам 3 и 7, с частью говоров по черте 1 и с частью (северными и восточными) по черте 4. Говоры D сближаются со всеми ю.-в.-р. только чертой 6, с частью (главным образом восточными) по черте 1 и с частью (южными и западными) по черте 4. В генетической связи между собою могут стоять случаи совпадения B со всеми ю.-в.-р. говорами; случаи совпадения B с частью ю.-в.-р. говоров по большей части вызваны московским влиянием в ю.-в.-р. области, т. е. генетическая связь между B и ю.-в.-р. имеется и в этих случаях; черта D 4 вряд ли стоит в генетической связи с аналогичным явлением

в ю.-в.-р. Остальные диалектические совпадения с.-в.-р. и ю.-в.-р. случайны.

§ 60. С м.-р. языком с.-в.-р. в целом или в большей части его говоров сходится только отсутствием некоторых новообразований, развившихся в ю.-в.-р., или сохранением архаизмов, утраченных в ю.-в.-р. Таковы черты А 1, 8, 13, формы 2 sg. *ѣси*, *даси*, ударение на конце во 2 pl. и др., между прочим, ряд слов, утраченных в ю.-в.-р., как *конь*, *орать* в значении 'пахать' и др. Совпадения с.-в.-р. с частью м.-р. говоров по чертам А 5 и 6 и части с.-в.-р. говоров с м.-р. и др. по чертам D 4 и 5 случайны, т. е. следует думать, что соответствующие черты развились в с.-в.-р. и м.-р. независимо. Наоборот, совпадения с.-в.-р. с северными говорами с.-б.-р. наречия по чертам А 7, 9, 11 указывают на старую связь между с.-в.-р. и с.-б.-р., существовавшую еще до образования в.-р. и б.-р. языков.

§ 61. С прочими славянскими языками или с некоторыми из них с.-в.-р. наречие совпадает в немногих случаях, где сохраняет о.-сл. старину, утраченную в ю.-в.-р.; таковы черты А 1, 3, С 6; кроме того, некоторые новообразования с.-в.-р. наречия, фонетические и морфологические, тожественны или сходны с соответствующими новообразованиями тех или других славянских языков или говоров. Бóльшую часть их с.-в.-р. наречие и другие славянские языки развили независимо друг от друга, и только по отношению к А 7 мы не располагаем данными, чтобы решить, является ли совпадение *c* и *č* в с.-в.-р. и совпадение свистящих и шипящих в мазуракающих говорах польского языка результатом их общей жизни в доисторическую эпоху или возникли в них независимо в одном от другого, потому что эти явления произошли до появления древнейших письменных памятников сев.-русских и польских, а других старых черт, сближающих с.-в.-р. наречие только с вост.-польскими говорами, мы не знаем.

[К числу с.-в.-р. новообразований, сходных или тожественных с соответствующими новообразованиями отдельных других славянских языков, относятся, например, 1) изменение *a* после мягких или между мягкими в *e*, ср. подобное же изменение в чешском и в.-луж.; 2) изменение старого *ě* при известных условиях в *i*, ср. то же, но при других условиях, в чешском и икавских хорватских говорах; 3) диалектическое изменение *l* в *u̯*, ср. то же во многих диалектах разных славянских языков; 4) gen.-acc. личных местоимений на *-a*: *меня*, *тебя*, ср. словац. *mňa*, *teba*; 5) диалект. в северных говорах instr. pl. на *-ma*, *m'a*, ср. instr. pl. на *-ma* в разговорном чешском и dat.-instr. pl. на *-ma* в сербохорв. и диалектах словинского; сев. диалект. instr. pl. на *-my*, ср. подобные формы в польском; 6) *v* в окончании gen. sg. m. и n. прилагательных, ср. то же в сев.-каш. говорах; 7) постпозитивный член, ср. то же в болг. В органической связи с явлениями

других славянских языков названные явления с.-в.-р. говоров не стоят].

Можно указать еще две черты, сближающие с.-в.-р. наречие или часть его говоров с зап.-сл. языками.

Сочетания *kl*, *gl* вместо о.-р. *l*: *перецок* 'перечёл', *прицклась* 'причлась', *жагло* 'жало', и praet. типа *ушот* с *t* вместо о.-р. *l* в некоторых западных с.-в.-р. говорах представляют следы такого говора, в котором о.-сл. *tl*, *dl* не изменились в *l*; с течением времени эти сочетания или получившиеся из них *kl*, *gl* в середине слова и *t* в конце слова почти всюду в этом говоре были утрачены и заменены нефонетически звуком *l* под влиянием других с.-в.-р. говоров, сохранившись лишь в немногих отдельных словах. Этой чертой западные говоры с.-в.-р. наречия сближаются с зап.-сл. языками. Совпадение это могло быть органическим, т. е. могло быть вызвано тем, что часть с.-в.-р. говоров некогда входила в зап.-сл. диалектическую группу и только позднее, после того, как в русской группе *tl*, *dl* изменились в *l*, примкнула к этой последней. Но так как в отсутствии изменения *tl*, *dl* в *l* можно видеть сохранение старины, то возможно, что западные говоры с.-в.-р. наречия, как наиболее удаленные от того центра, из которого шло изменение *tl*, *dl* в *l*, не усвоили этой черты вследствие своей удаленности независимо от подобного же явления в зап.-сл. языках [52].

Чертой, сближающей с.-в.-р. наречие в отличие от ю.-в.-р. с зап.-сл. языками, является, может быть, и *šč* с его позднейшими изменениями из о.-сл. **sk* перед *ě* и *i* из *oi̯* в начале некоторых основ; такое же *šč* было перед теми же гласными и в падежных окончаниях, но было очень рано заменено новообразованиями с сочетанием *s'k'*; в начале слова такое *šč* — в словах *щѣпка* и *щѣрить* и в производных от тех же основ; те же основы есть и в ю.-в.-р., и в б.-р., и м.-р., но во всех них имеются или имелись и образования с начальным *sk*; есть основания думать, что в этих случаях образования с начальным *šč* в ю.-в.-р. — из с.-в.-р. (т. е. непосредственно из московского), а в м.-р. и б.-р. — с польского. В таком случае *šč* из **sk* перед *ě* является характерной чертой только с.-в.-р.; стоит ли она в органической связи с *šč* из *sk* перед *ě* и *i* из *oi̯* в зап.-сл. языках, сказать трудно, потому что в последних ее можно связывать со свойственным только этим языкам изменением *s'* в *š*, неизвестным большинству с.-в.-р. говоров [53].

[52] Если принять гипотезу Трубецкого (ZslPh, II, 117—121), что в известную эпоху сочетания *tl*, *dl* одного слога в о.-сл. всюду изменялись в *l*, и что *tl*, *dl* в середине слова в зап.-сл. сохранилось потому, что там слогораздел в этом случае приходился между *t* или *d* и *l*, и что такой слогораздел представлял диалектическое новообразование зап.-сл. группы, то совпадение западных говоров с.-в.-р. наречия с зап.-сл. языками по этой черте надо будет считать органическим.

[53] [О судьбе о.-сл. **skoi̯* в русских языках см. мою статью: Le traitement de **sk* dans les langues slaves. — RÉSl, VI, 1926, 3—4].

Южновеликорусское наречие

§ 62. Ю.-в.-р. наречие в целом характеризуется следующими чертами:

a) ф о н е т и ч е с к и м и:

1) аканьем, т. е. совпадением старых безударных *а*, *о* и *ъ* сильного не после мягких и совпадением *а*, *о*, *е*, *ě* и *ь* сильного после мягких и шипящих; гласные, получившиеся из старых *а*, *о*, *ъ* и из старых *а*, *е*, *ě*, *ь* различны, смотря по их фонетическому положению и по говорам (примеры см. в § 63). [Аканье принадлежит к числу живых тенденций ю.-в.-р. и ср.-в.-р. Безударное *о* в иностранных словах сохраняется лишь постольку, поскольку они сознаются словами другого языка; поэтому лица, вовсе незнакомые ни с одним иностранным языком, устраняют в своем произношении безударное *о* и в таких словах, которые в литературном языке принято произносить с безударным *о* (как, например, в иностранных фамилиях)];

2) переходом ударяемого *ě* почти во всех говорах в *е*, открытое перед твердыми, закрытое перед мягкими; в немногих архаичных говорах *ě* сохраняется как дифтонг *ie* или гласная неоднородной артикуляции, начинающейся с *i* и кончающейся *е*; *i* из *ě* — только в одном глаголе *jis't'* (inf.);

3) фрикативным *γ* из о.-сл. *g* в соответствии с с.-в.-р. *g*; перед глухими и в конце слова не перед звонкими шумными *γ* изменилось в *x*. [К числу живых тенденций ю.-в.-р., не распространяющихся на ср.-в.-р., относится недопустимость необусловленного особым положением звука *g* взрывного];

4) смягчением *k* после мягких неслоговых: *дóнькя*, *нóчкю* и пр.; говоры, где такого смягчения не наблюдается, — переходные, т. е. по своей основе с.-в.-р. или б.-р., частью — ю.-в.-р., испытавшие сильное влияние московского κοινή;

5) отсутствием дзеканья, т. е. произношения со свистящими мягкими аффрикатами из смягченных *t*, *d*;

6) сохранением этимологического различия между всеми шипящими и свистящими;

7) мягкостью *č* (соответственно и *d͡ž* перед звонкими);

8) произношением *š*, *ž* долгих твердых из старых *šč*, *žd͡ž*;

9) твердостью звука *c*;

10) сохранением старого сочетания *xv* без изменения в *f*.

b) м о р ф о л о г и ч е с к и м и:

11) формой instr. sg. f. (т. е. старых основ на *-a*, *-i* и согласные) на *-ui̯* при ударении на основе: *под застрéхуй*, *óсенюй*, *нóчюй*, *матерюй* (и *матерьюй*) и пр.; при ударении на окончании сохраняются формы на *-oi̯*, *ju: асянью*, *рукóй;* впрочем, названные формы на *-ui̯* распространены не всюду, и есть говоры, сохраняющие неударяемые окончания *-ai̯* или *əi̯* (из *oi̯*) и *ju*;

12) распространением формы loc. sg. на *-u* на имена мужского рода с неподвижным ударением и частью на имена среднего рода: *на жениху́*, *на концу́*, *на коню́*, *при отцу́*, *на дявишнику*, *на сто́лику*, *у полю* и т. п.

12а) распространением окончания loc. sg. *-ě* (с ударением на окончании) на имена женского рода так наз. основ на *-i*: *в грязѣ́*, *в пылѣ́* и пр.;

13) образованием nom. pl. на *-а́* не только от имен мужского рода, но и от имен женского рода: *хлопота́*, *деревня́*, *волостя́*, *зеленя́*, *площадя́*, *степя́* и пр.;

14) сохранением старого этимологического различия между dat. и instr. pl., причем последняя форма всюду оканчивается на *-m'i*: *лесами*, *горами*, *людьми́* или *людя́ми*, *злыми*, *теми*, *нами*, *двуми́*, *трюми́*;

15) сохранением γ в gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных: *таго́*, *зло́га*;

16) формами gen.-acc. sg. личных и возвратного местоимений на *-е*: *мене́*, *тебе́*, *себе́*;

17) формой dat.-loc. sg. личного местоимения 1-го лица *менѣ́*;

18) окончаниями acc. sg. f. прилаг. *-у́ja* под ударением, *-aju* (*əju*) без ударения: *злу́я*, *до́браю*;

19) произношением *jé* (не *jó*) в gen.-acc. f. местоимений *ее*, *тое*, *самое*, *всее*, *одное* там, где эти формы не заменены новообразованиями на *-ju* (*яю́*, *таю́*, *всяю́* и пр.);

20) формой nom. pl. местоимения *аны*;

21) отсутствием форм *ѣси́*, *даси́* (употребляются только формы *ѣш*, *даш*);

22) *t'* мягким в 3-м лице обоих чисел глаголов: *бяги́ть*, *жнуть*; *t'* может отсутствовать в 3 *sg*. глаголов 1 спряжения (с гласной *е*) и глаголов с ударением на основе, реже в 3 pl. глаголов 2-го спряжения (с гласной *i*) при ударении на окончании: *несе́*, *гаря́*;

23) совпадением окончаний 1-го и 2-го спряжения (с гласными *е* и *i*) при ударении на основе: во 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. перед согласной окончания всюду *i*, в 3 pl. *u* (*ŭ*), при отсутствии *t'* в 3 sg. *а* с его фонетическими заменами: *ко́лить*, *мо́лить*, *и́дуть*, *хо́дють*, *пи́ша*, *су́ша*, *и́дя*, *хо́дя*;

24) гласной *е* (не *о*) в окончаниях 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. глаголов 1-го спряжения при ударении на окончании: *несе́ш*, *-е́ть*, *-е́м*;

25) отсутствием инфинитивов на *-ti*, *-či*, заменённых всюду инфинитивами на *t'*, *č*: *месть*, *несть*, *печь*, *лечь*, *иди́ть* и пр.;

26) употреблением деепричастий на *-mšy*: *идёмши* и пр.;

27) некоторыми новообразованиями в постановке ударений: а) переносом ударения с предлога на существительное или с приставки на основу: *на во́з*, *под но́сом*, *под ко́рень*, *на бе́рег*, *за го́род*, *отда́л*, *прожи́л*, *вымо́ю* и т. п.; b) неподвижным ударением на окончании у имен женского рода со старым подвижным ударением: *руку́*, *зямлю́*, *нагу́*, *сасну́* и пр.; с) тенденцией, не проведен-

ной, впрочем, последовательно, к прикреплению ударения на основе у прилагательных: *гу́стай*, *на́гай*, *про́стай*, *то́лстай* и т. п.; d) утратой старого ударения на конце во 2 pl.; всюду только: *спи́те*, *хоти́те*, *иде́те*; е) тенденцией, не проведенной последовательно, к переносу ударения на основу во 2 и 3 sg. и в pl. у глаголов, имевших первоначально в этих формах ударение на окончании: *ва́лиш* или *во́лиш*, *во́риш*, *до́риш*, *падо́риш*, *ко́тиш*, *кра́сиш* и *кро́сиш*, *ма́ниш*, *со́диш*, *пасо́диш*, *то́щиш*, *хоро́ниш* (в большей части примеров *о* вторичное вместо *а*) и т. п.

Из названных черт некоторые в настоящее время утрачены частью ю.-в.-р. говоров и заменены соответствующими чертами московского говора; таковы черты 4, 8, 10, 15, 19, 24, а также формы 3-го лица глаголов без *-t'* и некоторые новообразования в постановке ударения; черты 10, 15, 19, 24 сохраняются только в наиболее архаичных ю.-в.-р. говорах. Утрата тех или других ю.-в.-р. черт частью ю.-в.-р. говоров стоит в связи с более сильным московским влиянием, вызванным более частыми или удобными сношениями населения с Москвой, присутствием в составе населения переселенцев из-за Москвы, продолжительным влиянием школы и т. п.

§ 63. Главнейшие диалектические различия в ю.-в.-р. говорах:

а) ф о н е т и ч е с к и е:

1. Различный характер аканья [54]. Этот характер связан с действием двух факторов: диссимилирующего влияния гласных следующего (главным образом ударяемого) слога и влияния твердости или мягкости неслоговых звуков, предшествующих неударяемому гласному звуку или следующих за ним. Твердость и мягкость предшествующего согласного звука отражается в той или другой мере на произношении безударных гласных звуков во всех ю.-в.-р. говорах, но в части говоров — лишь до некоторой степени: или в обоих случаях является *а* с более задней или более передней артикуляцией частью в зависимости от названных условий, или в обоих случаях — звуки среднего или верхнего подъема, среднего ряда (*ә*, *у* и т. п.) после твердых, переднего после мягких; эти гласные в западных говорах ю.-в.-р. наречия артикулируются выше, чем в восточных: диалектологические записи из Курской губ. имеют в таких случаях после мягких «*и*», а из Воронежской — «*е*». Кроме того, положение после мягких более способствует сохранению диссимилятивности в аканье, чем положение после твердых: во многих, если не в большинстве ю.-в.-р. говоров, сохраняющих диссимилятивность после мягких, после твердых она утрачена, или же, при сохранении диссимилятивности после твердых, гласная, отличная от *а*, в этом положении артикулируется значительно ниже, чем после мягких: так, в говорах Курской губ.

---

[54] [Характеристика разных типов аканья и материал — у меня в Диалектологических Разысканиях.]

при *i* после мягких, после твердых при тех же остальных условиях является гласный звук пониженно-среднего подъема. Принцип диссимилятивности в аканье состоит в том, что характер гласного звука зависит от характера гласного звука следующего слога: перед слогом с гласными верхнего подъема или начинающимися с артикуляции верхнего подъема старые безударные гласные среднего и нижнего подъема дали *а*, поскольку этому не мешает редукция звука в положении не непосредственно перед ударением и в части говоров положение перед мягкими неслоговыми звуками; перед слогом с гласными среднего и нижнего подъема, поскольку принцип диссимилятивности сохраняется, являются гласные среднего или верхнего подъема, т. е. отличные от *а*. К гласным верхнего подъема или начинающимся с артикуляции верхнего подъема в ю.-в.-р. первоначально принадлежали *и*, *у*, *i*, ударяемое *ě* и *ᵘо* из старого ударяемого акутованного *о*, к гласным среднего и нижнего подъема — *о* из старого ударяемого *о* с интонацией циркумфлекса, из *ъ* и из *е* и *ь* перед твердыми и *е* из старых *е* и *ь* не перед твердыми. Первоначальный характер диссимилятивного аканья сохранился во всех говорах, где сохранилось различие между *ᵘо* и *ě*, с одной, стороны и *о* и *е* — с другой, поскольку в них сохранилось само диссимилятивное аканье. Но во многих говорах совпадение *ᵘо* с *о*, а *ě* с *е* вызвало изменения в диссимилятивном аканье. По имеющимся записям диалектологических матерьялов и описаниям говоров эти изменения можно проследить только на произношении предударных гласных после мягких, так как после твердых диссимилятивность в большей части ю.-в.-р. говоров или утрачена, или не отмечена наблюдателями. В произношении же гласных после мягких в диссимилятивно акающих или якающих [55] ю.-в.-р. говорах в настоящее время различаются следующие типы: 1) архаичный, с *а* перед гласными верхнего подъема и перед *ᵘо* и *ě* и с гласными среднего или верхнего подъема (в западных говорах *i*, в восточных — *е*) в остальных положениях; 2) донской, с *а* перед слогом с гласными верхнего подъема (*и*, *у*, *i*) и с *е* или *i* перед слогом с остальными гласными (в том числе перед *о* разного происхождения и перед *е* из *ě*); 3) суджанский, с гласной *а* перед слогом с гласными верхнего подъема, а также перед *о* из старых *о*, *ъ* и с гласной *i* перед слогом с гласными из старых *ě*, *е*, *ь*, *а*; 4. щигровский, с гласной *а* перед слогом с гласными верхнего подъема, перед *о* из старых *о* и *ъ* и перед *ě* и с гласной *i* или *е* перед гласными из старых *е*, *ь*, *а*. Первый из этих типов, как архаичный, встречается в разных местах; главным образом отмечен в Обоянском у. Курской губ. еще в 50-х годах

---

[55] Диссимилятивно-якающими называют говоры, сохраняющие диссимилятивность в произношении безударных гласных после мягких; относительно сохранения диссимилятивности после твердых в таких говорах имеющиеся сведения не достаточны.

XIX в., а недавно в Задонском и Землянском у. Воронежской губ.; записи из Обоянского у. 50-х годов (Машкина) не дают указаний на отличие ^{u}o от *о* (пишется одинаково „о“) и *ě* от *е* (буквы „ѣ“ и „е“ различаются этимологически); возможно, что это отличие в говоре еще существовало; в записях из Задонского и Землянского у. (Тростянского) определенно указывается на отличие в произношении ^{u}o и *ě* от *о* и *е*. Говоры с яканьем [56] с у д ж а н с к о г о типа занимают западную часть Курской и Орловской губ.; говоры с яканьем щ и г р о в с к о г о типа — восточные уезды Курской и Орловской губ., юго-западный угол Тульской губ. и самую западную часть Воронежской, говоры с яканьем д о н с к о г о типа — Донские округа Донской области.

В говорах восточной части ю.-в.-р. области диссимилятивность в аканье или отсутствует вовсе или нарушена новым процессом ассимиляции предударной гласной ударяемому *а*. В первом случае является с и л ь н о е я к а н ь е [57], т. е. такое, в котором *а* безударное (главным образом предударное) произносится и после твердых и после мягких неслоговых звуков и в начале слова[а], независимо от твердости или мягкости следующих согласных [58] и от характера гласной следующего слога. Во втором случае — яканье а с с и м и л я т и в н о - д и с с и м и л я т и в н о е: после твердых независимо от характера следующего слога является, судя по ответам на программы, *а* [59], после мягких перед слогом с *и*, *у*, *i* и с *о* из старых *о* и *ъ* [б] произносится *а*, перед слогом с гласными из старых *е* и *ь* — *е* или *i*; перед слогом с *ě* в одних из таких говоров произносится *а*, в других — *е* или *i*; по-видимому, это различие стоит в связи с диалектическим произношением *ě* как гласного звука неоднородной артикуляции, начинающейся с *i* (или как дифтонга *ie*) в части таких говоров [60]. Граница между говорами с яканьем сильным и ассимилятивно-диссимилятивным точно проведена быть не может: оба типа отмечены между прочим в одних и тех же уездах Рязанской, Тамбовской и Воронежской губ. и Донской области. Сильное яканье могло развиться на почве диссимилятивного путем перехода всякого предударного *е* в *а*,

---

[56] См. предыдущее примечание.

[57] Не смешивать с частым в более ранней литературе термином «сильное аканье», под которым обычно объединяются все виды аканья ю.-в.-р., б.-р. и ср.-в.-р., кроме иканья и еканья. Ср. примечания к стр. 159.

[а] Произношение *а* в начале слова не может характеризовать какой-либо тип яканья. Очевидно, Н. Н. Дурново имеет в виду начальное *ja*.

[58] Не считая некоторого передвижения артикуляции *а* вперед перед мягкими.

[59] Возможно, впрочем, что программы не отмечают существующего в говорах различия между *а* и звуком, отличным от *а*, в зависимости от характера ударяемой гласной, если звук, отличный от *а*, произносится с пониженно-средней артикуляцией.

[б] А также перед *а*.

[60] Такое произношение *ě* отмечено, между прочим, в ответе на программу МДК № 7 по Рязанскому у.

причём посредствующей ступенью к этому могло быть аканье ассимилятивно-диссимилятивное.

Другим фактором, более новым, определяющим различия в характере аканья, является в ю.-в.-р. положение перед твердыми или мягкими согласными. В охарактеризованных выше говорах твердость или мягкость следующих согласных на произношение гласных не влияет; в других говорах это влияние выражается в тенденции предударных гласных из *a*, *ь*, *e*, *ě*, *ę* после мягких к переходу в *i* или *e*ⁱ перед мягкими и в *a* перед твердыми; на почве диссимилятивного аканья эта тенденция выразилась или в переходе всех подобных гласных перед мягкими в *i* или *e*ⁱ при сохранении диссимилятивности перед твердыми (я к а н ь е д и с с и м и л я т и в н о - у м е р е н н о е) или к переходу их перед твердыми в *a* при сохранении диссимилятивности перед мягкими (я к а н ь е у м е р е н н о - д и с с и м и л я т и в н о е); при отсутствии диссимилятивности получилось у м е р е н н о е я к а н ь е [61], состоящее в том, что перед твердыми является в предударном слоге вместо названных гласных *a*, перед мягкими *i* или *e* закрытое, независимо от характера ударяемой гласной. Говоры с этими тремя типами аканья распространены главным образом в северо-западной части ю.-в.-р. области, именно, в северо-западных уездах Орловской и большей части Тульской губ. и севернее, причем умеренно-диссимилятивное и диссимилятивно-умеренное яканье известно только в южной части этого района. Присутствие в таких говорах черт, свойственных московскому говору, и обычность умеренного яканья в говорах средневеликорусских (см. § 69) позволяют думать, что умеренное яканье проникло в ю.-в.-р. говоры из ср.-в.-р. и затем уже повлияло на образование умеренно-диссимилятивного и диссимилятивно-умеренного яканья на основе первоначального диссимилятивного.

Кроме названных типов аканья, в ю.-в.-р. известны еще я к а н ь е а с с и м и л я т и в н о е, и к а н ь е и е к а н ь е. Первое в области ю.-в.-р. говоров отмечено до сих пор только одним наблюдателем в одной местности Ливенского уезда Орловской губ.[62], но распространено в западной части ср.-в.-р. говоров. Более распространены и к а н ь е и е к а н ь е [63], т. е. аканье с произношением после мягких *i* или *e* как перед мягкими, так и перед твердыми, независимо от характера гласной следую-

[61] Не смешивать с употребительным у многих термином «умеренное аканье», которым большинство обозначает иканье и еканье, а Карский также (Белорусы I, стр. 194, II, 1, стр. 143, Русская Диалектология, стр. 118) называет и диссимилятивное аканье и неполное аканье ю.-б.-р. говоров. Ср. примечания к стр. 158.

[62] Ю.-в.-р. программа МДК 75. См. мои Разыскания, стр. 222.

[63] Два последние типа известны под названием «умеренного аканья» (не смешивать с умеренным яканьем!); пользующиеся этим термином обыкновенно не различают оттенков остальных типов аканья, объединяя их под общим термином «сильного аканья». Ср. примечания к стр. 158.

щего слога. Эти типы аканья или принадлежат выходцам из области ср.-в.-р. говоров или занесены из Москвы и свойственны в таком случае главным образом речи торговцев и мещан.

Примеры[64]. Аканье диссимилятивное: *в саду*, *ваду*, *взайду*, *бэрану́*, *гэлаву́*; *даю*, *тваю*, *взавьюсь*; *давить*, *насить*, *взайти*, *свинья апэрасилась*; *дары*, *вады* и пр. с отчетливым *а*; перед слогом с *о*, *е* в записях только *а*: *залог*, *задок*; *вадой*, *сталом*; *зашьеть*, *пайдеть*, *сарветь* и пр., но есть примеры с пропуском гласной после плавных: *парсёнак*; перед слогом с *а*: *дэвай*, *вэда*, *сэбрал* и с пропуском гласной после плавной: *варта*, *галва*.

Аканье недиссимилятивное: *давай*, *вада*, *сабрал*; *гэлава́*, *вэрата́*, *пэрасёнак* или *прасёнак*; *в саду*, *ваду* и пр.

Яканье диссимилятивное: а) архаичного типа:

1. задонское: *нясу*, *беряжку́*, *сялу*, *лянку*, *слязу*, *бяду*, *у пяску*, *святуя*, *пряду*; *вялю*, *тярплю*, *мяньшу́я*, *пяють*, *сямью*, *пятью*; *няси*, *вялить*, *вярнись*, *з дятьми*, *глядиш*, *пряди*, *запряги*, *дьячки*; *сястры*, *слязы*, *бяды*, *святым*; *сялу͡о*, *ня ху͡очить*, *ня пу͡ой*, *слязу͡ой*, *гняду͡ова*, *святу͡ом*; *вялѣл*, *увяздѣ*, *гняздѣ*, *глядѣла*; — *сестра*, *слезами*, *зерна*, *беда*, *из гнезда*, *гнедая*, *светая*, *запрега́й*; *велять*, *серча́я*, *семья*, *гледять*; *не скора*, *не в пору*[65]; *селом*, *песок*, *гнедой* nom. sg. m., *ребой* nom. sg. m.; *берёза*, *твете*, *девчонка*, *пее* «поёт», *преде* «прядёт»; *бережо́к*, *селезе́нь*, *меньшой* nom. sg. m., *сердёчкя*, *семе́йкя*, *детей*, *дьечок* и пр.;

2. обоянское: *сялу*, *сястру*, *пяку*, *жыряпцу́*, *вярнусь*, *бягу*, *бяду*, *к вянцу*, *сядуя*, *пряду*, *рябуя*; *дярю́га*, *зямлю*, *сямью*, *пятью*; *пяки*, *вярнись*, *бягить*, *пряди*, *пяти*; *сястры*, *гарямыка*, *навсягды*, *бяды*, *сядыя*, *сябры* nom. pl.; *ня бойси*, *ня стой*[66], *сяло*, *стюдяно*, *пяньке́вай*, *вядро*, *сядой* gen.-dat.-loc. sg. f., *заняло*, *рябой* gen.-dat.-loc. sg. f.; *сястрѣ*, *бядѣ*, *грядѣ́*; — *сила* gen. sg., *систра*, *стюдина́*, *свирка́я*, *видра* gen. sg., *бида*, *сида́я*, *питак*, *сибра* 'сябра' gen. sg., *занила́*, *риба́я*; *зимля*, *пинькя* gen. sg., *дирвяннай* (с пропуском гласной после плавной), *бидня́га*, *зитья*; *ни ровня*, *ни родам*[67]; *силом*, *день диньской*, *пад винцом* 'под венцом', *сидой* nom. sg. m., *ритком* 'рядком', *рибой* nom. sg. m.; *висёлая*, *пикеть*, *придеть* 'прядёт', *тисёмка*, *плитень*, *жырбец* (с пропуском гласной после плавной), *динёчик*, *свитёл* 'светлый', *винец*, *чижолай* 'тяжелый';

b) донского типа: *сялу*, *вясну*, *нясу*, *бирягу*, *слязу*, *у пяску*, *ряку*, *бяду*, *сядуя*, *пряду*, *шырстянуя*; *вялю*, *смяются*;

[64] Примеры привожу, по возможности, на все первоначальные предударные гласные, совпавшие между собою в силу аканья, т. е. *а*, *о*, ъ после твердых, *а*, *ę*, *е*, ь, *ě* после мягких в разных положениях.

[65] В словах *скоро* и *пору* ударяемое *о* в о.-сл. имело интонацию циркумфлекса.

[66] В словах *бойся* и *стой* ударяемое *о* имело в о.-сл. интонацию акута, ср. задонское *бу͡ойси*, *сту͡ой*.

[67] Слова *ровня*, *родом* имели в о.-сл. ударение с интонацией циркумфлекса.

вя́сны, *слязы*, *бяды*, *ямшык*, *шырстяны́и*; *няси*, *вялить*, *биряги*, *слязинка*, *пряди*, *гляди*; — *сила* gen. sg., *висна*, *нисла*, *слиза*, *рика*, *бида*, *прила* 'пряла', *шырстиная́*; *вилять* 3 pl. *смиялси*, *глидять*; *сило*, *висной*, *слизой*, *за рикой*, *бидой*, *сидой* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., *шырстиной* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f.; *писок*; *зилёнай*, *нисеть*, *биригéть*, *смиéтси*, *придеть* 'прядёт'; *видерный*; *виснѣ*, *тимнѣть*, *в бидѣ*, *в рикѣ*, *глидѣть*;

c) суджанского типа: *сялу*, *нясуть*, *зилянýя*, *лянку*, *твятуть*, *ряку*, *гнядýя*, *запрягý*, *рябуя*, *пляшу*; *вялю*, *зямлю*, *змяю*, *пяють*, *йичмяню́*; *зиляны́и*, *тямны*, *гнядыя*, *рябыя*, *язык*; *няси*, *слязинка*, *у двяри*, *ряки*, *ляни́вай*, *глядить*, *пяти*, *яиц*, *ядри́стай*; *сяло*, *зиляной* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., *стякло*, *слязой*, *гнядой* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., *дялов*, *рябой* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f.; *зямлёй*, *змяёй*, *бяльё*; *сялом*, *лянок*, *стяклом*, *твяток*; — *сила* gen. sg., *зилиная́*, *слиза*, *тимна*, *рика*, *гнидая*, *рибая*, *плисать*, *ица* 'яйца', *паиса́* nom. pl.; *зилиня́* nom. pl., *змия*, *двиря́ми*, *билья*, *игняты*; *бирёза*, *нисеш*, *твитеть*, *запригеш*, *идрёнай*, *игнёнка*, *ичмень*; *диривéнь*, *вирёвка*, *скатиртéй*, *динёк*, *вистей*, *свитёл* 'светлый'; *на силѣ*, *смилѣй*, *глидѣть*;

d) щигровского типа: *вяду*, *зилянýя*, *слязу*, *ряку*, *сядуя*, *святуя*, *пряду*; *пастялю*, *сямью*, *пятью*; *симярых*, *тямны*, *сядыя*, *святым*; *вялик*, *слязьми*, *дяти́на*, *пяти*, *ярица*; *нядѣля*, *сярбѣть*, *в рякѣ*, *глядѣть*; *сяло*, *зиляной* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., *слязой*, *святой* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f.; *лядок*, *витярóк*, *вянок*; — *сила* gen. sg., *рика*, *слиза*, *тимна*, *свитая* nom. sg. f., *взила*, *питнадцать*; *зилиня́*, *минять*, *глидя́ть*; *видеть*, *висёламу*, *јидрёнай*, *придеть* 'прядёт', *ви́рёвка*, *двирей*, *дитей*, *книзей*.

Яканье сильное: *сяла* gen. sg., *нясла*, *сястра*, *зилянá*, *слязами*, *бяда*, *сядая*, *взяла*, *рябая*, *баба яга*; *сяло*, *сястрой*, *зилянó*, *слязой*, *бядой*, *сядой* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., *рябой* nom. sg. m. и gen.-loc. sg. f., *яйцо*; *ня скора*; *сялом*, *стякóлушка*, *лясок*, *пятьсот*, *паясок*; *сялу*, *нясу*, *сястру*, *зилянýя*, *слязу*, *в лясу*, *бяду*, *сядуя*, *рябуя*, *трясу*, *ягу*; *свякры*, *слязы*, *бяды*, *ясны*; *вялять*, *тяляты*, *змяя*, *сямья*, *сянял*, *ядять*, *глядять*; *нясе*, *бярёза*, *змяёй*, *сямьёй*, *смяетси*, *трясеш*; *плятень*, *сястёр*, *жырябец*, *сярдечкя*, *дянёчик*, *вянец*, *святёл* 'светлый', *в сянёх*, *рячей*, *князёк*; *вялѣл*, *тямнѣя*, *бядѣ*, *ягѣ*; *няси*, *слязьми*, *змяи*, *сямьи*, *ядим*, *тряси*, *гляи* 'гляди', *јаичкя*; *у куряню*, *змяю*, *смяюсь*, *пятью*.

Яканье ассимилятивно-диссимилятивное: a) *сяла* gen. sg., *сястра*, *сляза*, *зярна*, *бяда*, *взяла*, *святая*; *сяло*, *сястрой*, *слязой*, *зярно*, *гняздо*, *пятно*; *ня скора*; *свякровья*, *сялом*, *зярном*, *гняздом*, *пясок*, *святой* nom. sg m. и gen.-dat.-loc. sg. f.; *сялу*, *сястру*, *нясу*, *слязу*, *бяду*, *пряду*, *запрягу*, *святуя*; *сястры*, *слязы*, *бяды*, *язык*; *зямля*, *вялять*, *змяя*, *смяяться*, *ядять*; *няси*, *вялить*, *слязинка*, *звярина*, *ядим*, *пяти*; *ня любя*, *зямлю*, *асянью*, *смяются*; — *зилёнай* и *зилéнай*, *нисе*, *силизéнь*, *смиетси*,

заригем; *видерный*; *в силѣ*, *систрѣ*, *зимлѣ*, *в пичѣ*, *тимнѣя*, *в бидѣ*, *в гниздѣ*, *глидѣть*[а];

b) то же, но: *в сялѣ*, *сястрѣ*, *зямлѣ*, *в пячѣ*, *тямнѣя*, *в бядѣ*, *в гняздѣ*, *глядѣть*[б].

Яканье диссимилятивно-умеренное: *нясуть*, *сястру*, *сляду*; *зиляныи*, *твяты*; *сяло*, *в зилянам*, *твятов*; — *систра*, *зилина́*, *лихка*, *рика*, *твитами*, *румина́*; *дися́тай*, *адия́ла*; *либётку*, *нисеть*; *каринёк*, *динёчик*, *нимецкай*; *систрѣ*, *ниси*, *тимни́цу*, *диви́чий*, *зимлини́чка*; *пастилю*, *миньшую*, *асвичу*; перед *о* из ъ в записях — и „я“ и „и“: *зиляной*, *сядой* nom. sg. m., *крястом* и: *свикровья*, *слидочки*, *смилой* nom. sg. m.

Яканье умеренно-диссимилятивное: a) *вяла*, *зиляна́я*, *тямна*, *ряка*, *бяда*, *пятак*; *сяло*, *слязно*, *зиляной* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., *гняздо*; *пясок*, *зимляной* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f.; *вяду*, *вярнусь*, *у пяску*, *пряду*, *тяну*; *симярых*, *бяды*; *вяликай*, *ямки* ‘ухват’, *дяви́шник*, *тянитя*, *пяти*, *зимляника*, *яритца*; *вялю*, *зямчужна*; *вилять*, *зилиня́*, *минять*, *абридять*; *видеть*, *зилёнай*, *придеть* ‘прядёт’; *видернай*; *систрѣ*, *тимнѣя*, *бидѣ*, *гниздѣ*, *глидѣть*;

b) то же, но: *сястрѣ*, *тямнѣя*, *бядѣ*, *гняздѣ*, *глядѣть*;

c) то же, но: *вядеть*, *зялёнай*, *прядеть*; *вядернай*; *сястрѣ*, *тямнѣя*, *бядѣ*, *гняздѣ*, *глядѣть*; — *велять*, *зеленя*, *менять*, *абредять*.

Яканье умеренное: a) *сяла* gen. sg., *сястра*, *зиляна*, *вярста*, *бяда*, *сядая*, *взяла*; *сяло*, *сястрой*, *зиляной* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., *вярстой*, *днявной* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., *бядой*, *сядой* nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., *пэдняло*; *сялом*, *ягольник* ‘игольник’, *звярок*; *бяруть*, *сястру*, *зиляну́я*, *вярсту*, *бяду*, *сядуя*, *пятух*, *прядуть*; *свякры*, *вярсты*, *бяды*, *яды* gen. sg., *святым*; — *зилиня́*, *вилять*, *патиряла*, *в синях*, *дъјичкя*; *биреть* 3 sg., *висёлый*, *бильё*, *придём* ‘прядём’, *јичмень*; *систёр*, *динёчик*, *двирей*, *винец*, *звирей*; *в силѣ* ‘в селе’, *литѣл*, *вирстѣ*, *бидѣ*, *глидѣть*; *бири*, *сирьди́та*, *дилить*, *триси́на*, *јиви́лись*, *вилю*, *змию* и пр.;

b) то же, но: *зеленя*, *велять*, *пэтеряла*, *в сенях*, *дъјечкя*, *береть* и т. д.

Иканье: *вила*, *слиза*, *бида*, *грида*; *сило*, *бривно*, *гниздо*, *питно*; *виду*, *слизу*, *биду*, *јиду*, *гриду*, *приду* ‘пряду’, *миды*, *слизы*, *цвиты*, *гриды* и т. д.

Яканье ассимилятивное: a) (в ю.-в.-р. говорах не отмечено, в ср.-в.-р. очень редко): *сяла* gen. sg., *сястра*, *вяла*, *вярста*, *зярна*, *бяда*, *ляса* nom. pl., *бягла*, *гряда*, *пряла*; *вялять*, *зямля*, *змяя*, *сямья*, *бядняга*, *в сянях*, *зятья*, *глядят*; — *сило*, *систрой*,

---

[а] В настоящее время этот тип принято называть кидусовским, термин предложен Р. И. Аванесовым (см.: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949, стр. 90).

[б] В настоящее время этот тип принято называть новоселковским, термин предложен Р. И. Аванесовым (см. там же, стр. 89).

зирно, *бидой*, *питно*, *гридой*; *силом*, *зирнюм*, *писок*, *лисок*, *питном*; *силу* dat. sg., *систру*, *виду* 1 sg., *вирсту*, *в лису*, *бигу*, *гриду* acc. sg., *приду* 'пряду'; *систры*, *вирсты*, *jизык*; *видёт*, *бильё*, *симьёй*, *придёт* 'прядёт'; *плитень*, *двирей*, *синей* gen. pl., *дъjичок*; *в силѣ*, *систрѣ*, *вирстѣ*, *бидѣ*, *гридѣ*, *глидѣть*; *вилить*, *види*, *зимли*, *симьи*, *биги*, *приди* 'пряди', *глиди*; *вилю*, *плитню*, *змию*, *смиюсь* и пр.;

b) *сяла*, *сястра*, *вяла*, *вярста*, *зярна*, *бяда*, *ляса*, *бягла*, *гряда*, *пряла*; *вялять*, *зямля*, *змяя*, *сямья*, *бядняга*, *в сянях*, *зятья*, *глядят*; *сяло*, *сястрой*, *зярно*, *бядой*, *пятно*, *грядой*; *сялом*, *зярном*, *пясок*, *лясок*, *пятном*; *сялу*, *сястру*, *вяду*, *вярсту*, *в лясу*, *бягу*, *гряду*, *пряду*; *сястры*, *вярсты*, *язык*; — *видёт*, *бильё*, *симьёй*, *придёт* 'прядёт'; *плитень* и т. д., как в а) [a].

2) сохранение или утрата *ᵘо* из старого акутованного ударяемого *о* и *ⁱе* из старого *ě*; говоры, сохранившие *ᵘо* и *ⁱе*, известны в настоящее время главным образом на востоке, но встречаются и на западе: *сял͡уо*, *мн͡уога*, *дар͡уога*;

3) различная судьба о.-сл. *въ*: в южной и западной части говоров *въ* после гласных дало вообще *и* неслоговое, в начале слова — *и* слоговое: *уся́*, *у лясу*, *у полю*, *роўна*, *галоўка*, *кароў*, в восточной и северной части в обоих случаях *v* не перед глухими в том же слове и перед звонкими шумными следующего слова, не отделенного заключительной интонацией, и *f* перед глухими и в конце слова не перед звонкими шумными: *фся*, *в лясу́*, *ф по́лю*, *ро́вна*, *гало́фка*, *каро́ф*; граница между этими двумя типами говоров идет с запада на восток по Тульской губ. в ее южной части и с севера на юг несколько западнее Дона;

4) различная судьба старого *е* перед твердыми: при обычном почти везде *о* после мягких, шипящих и *с*, немногие говоры как Восточной (в Рязанской, Воронежской и Тамбовской губ.), так и Западной (в южных уездах Тульской губ.) группы имеют в этом случае *е*: *зелéная*, *четырéх*, *сéла* nom. pl., *сел* gen. pl., *мел* praet. 'мёл' и пр.;

5) различное произношение согласных перед *е*: при обычном мягком произношении, в немногих говорах согласные в этом положении тверды: *атэц*, *дэрэвня* и пр.; такие говоры попадаются в южных уездах Рязанской и Тульской губ. и в Калужской губ.;

6) твердое или мягкое произношение губных в конце слова и перед *j*; в большей части ю.-в.-р. говоров губные в этом положении произносятся мягко, но в части говоров, главным образом на западе — твердо, как и в соседних б.-р. и м.-р.: *сып*, *сем*, *кроў*;

7) *s* твердое вместо *с* в меньшей части говоров при сохранении *с*

---

[a] В настоящее время принято называть этот тип ассимилятивно-умеренным яканьем, термин предложен Р. И. Аванесовым (см.: Указ. соч., стр. 89).

в остальных говорах: *яйсо*, *консы*, *куриса*, *сэрса* и т. п.; говоры с *s* вместо *с* встречаются главным образом в западной части ю.-в.-р. области, но не занимают одной сплошной территории; на тесную связь этих говоров по происхождению указывает присутствие в них и других черт, отсутствующих в говорах, сохраняющих *с* без перехода в *s*, а также некоторые особенности в быте носителей этих говоров;

8) *t'* (мягкое) вместо всякого мягкого *k*: *рути*, *тройтя* и т. п. в некоторых менее архаичных говорах, чаще всего в Тульской губ., при сохранении *k* мягкого в большей части говоров; так как *t'* вместо *k* мягкого распространено в ср.-в.-р. говорах, то возможно, что такое *t'* в говорах Тульской губ. стоит в связи с ср.-в.-р. произношением;

b) морфологические:

9) ряд диалектических особенностей в склонении, представляющих либо архаизмы, сохранившиеся лишь в некоторых говорах и неизвестные как другим ю.-в.-р. говорам, так и с.-в.-р., как, например, nom. sg. *свякры́* 'свекровь', либо чаще новообразования, не распространившиеся на другие ю.-в.-р. говоры, как, например, acc. sg. f. существительных *ма́терю*, *до́черю*, местоимений *таю́*, *аднаю* и т. п., формы местоимений и прилагательных с гласной *е* после твердых в окончаниях вместо *о* и *у* других говоров: *тэй*, *худэ́и*, *сырэ́х* и т. п.;

10) замена шипящих и сочетаний губных с *l'* у глаголов 2-го тематического спряжения (с тематической гласной *i*) с основой на зубные (*t*, *d*, *s*, *z*) и губные перед окончанием *-и* в 1 sg. теми же согласными, какие являются перед окончаниями остальных лиц (т. е. мягкими губными и зубными) в значительной части говоров как западных, так и восточных: *спю*, *любю*, *лавю*, *кармю*, *прасю*, *катю*, *видю* и пр., при сохранении шипящих *š* и *ž* [68] и сочетаний губных с *l'* в остальных говорах; ввиду широкого распространения в ю.-в.-р. говорах новообразований с мягкими губными и мягкими зубными нешипящими вместо старых сочетаний губных с *l'* и шипящих перед окончанием 1 sg. и отсутствия их главным образом в говорах, подвергшихся московскому влиянию, возможно, что эти новообразования происхождения обще-ю.-в.-р., а старые формы с шипящими и сочетаниями губных с *l'* заимствованы вновь из московского говора;

11) замена шипящих перед окончаниями 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. глаголов с основой на задненебные, имеющих эти задненебные перед *-и* в окончаниях 1 sg. и 3 pl., мягкими средненебными: *пикеш*, *стиригеть*, *лягиш*, *магиш*, *бяги́ш* [69] и пр. в значительной

---

[68] Образований на *-d͡žи* от основ на *d*, имеющихся в м.-р. и б.-р., ю.-в.-р. говоры не знают: *вижу*, *хажу*, *сижу*.

[69] Ср. 3 pl. того же глагола: *бига́ть* (вместо *бижать*, из о.-сл. **bězętь*) рядом с *бягу́ть*.

части говоров при сохранении форм с шипящими в остальных говорах; и здесь возможно, что формы с мягкими средненебными по происхождению обще-ю.-в.-р., а формы с шипящими вновь заимствованы из Москвы. [Формы с *k'* вместо *č* проникли и в литературный язык, но только в одном глаголе: *ткёш*, *ткёт* и пр.; в разговорном языке московского образованного общества известно также и *жгёш*, *жгёт* и пр.]

12) замена форм среднего рода существительных и согласованных с ними слов (прилагательных и родовых форм глагола) формами женского рода, отмечаемая наблюдателями во многих говорах, главным образом Восточной группы; существительные среднего рода с ударением на основе нередко образуют все падежные формы sg. по склонению имен женского рода на *-а*, в соответствии с чем и согласованные с ними слова ставятся в женском роде: *у нас нет мя́сы*, *у́зил с пла́тьяй*, *но́ваю пла́тью*, *сваю го́рю* и пр.; при ударении на окончании существительные сохраняют старое склонение, а согласованные с ними прилагательные и местоимения в nom. и acc. sg. и родовые формы глаголов ставятся в женском роде: *бальша́я акно́*, *мая писмо́*, *эту всю бельё*, *пришла́ писмо́* и пр., но: *грязнәва билья́*, *маиму́ писму́*, *пад на́шим акно́м* и пр.

Остальных морфологических особенностей, свойственных лишь части ю.-в.-р. говоров, не называю.

Различаются между собою ю.-в.-р. говоры и в словаре, но на этих различиях здесь не останавливаюсь.

§ 64. По указанным диалектическим чертам можно различать среди ю.-в.-р. говоров три группы, разграниченные между собою территориально, как это и сделано в «Опыте диалектологической карты»: группу А, Западную (в «Опыте» — Южная) с преобладанием диссимилятивного аканья или яканья диссимилятивного и умеренно-диссимилятивного, с высокой артикуляцией гласной, являющейся перед слогом с ударяемыми *а* и *е* (*бида́*, *виде́ть*) [70] и с *u* (слоговым и неслоговым) из старого *ƣъ*; к этой же группе примыкают и ю.-в.-р. говоры южных округов Донской области; — группу Б, Тульскую, менее архаичную и менее цельную, с преобладанием умеренного яканья, с высокой артикуляцией безударных гласных между мягкими согласными, но с различной судьбой старого *ƣъ*, именно, с *v* и *f* в северных говорах и с *u* в южных, — и группу В, Восточную с преобладанием яканья сильного или ассимилятивно-диссимилятивного, с более низкой по сравнению с А и Б артикуляцией безударных гласных в тех случаях, когда они отличаются от *а* (*ведеть*), и с *v* или *f* из старого *ƣъ*; с этой группировкой совпадает и употребление некоторых других диалектических черт, общих не всем ю.-в.-р. говорам. Границы между ди-

---

70 Кроме самых восточных говоров этой группы (в Воронежской губ.).

алектическими группами в пределах ю.-в.-р. наречия не являются резко очерченными благодаря тем же причинам, какие указаны для с.-в.-р. говоров. И в ю.-в.-р. наречии можно установить действие той же тенденции, как и в с.-в.-р., к сближению с московским κοινή: диссимилятивное аканье и яканье заменяется через посредство переходных типов — умеренно-диссимилятивного и диссимилятивно-умеренного — яканьем умеренным; умеренное яканье в некоторых пунктах вытесняется иканьем; аналогичные явления наблюдаются и в говорах Восточной группы (В). Равным образом произношение *u* вместо *wъ* заменяется произношением *v* и *f*, хотя до сих пор во многих местах нынешние границы между этими двумя произношениями совпадают с границами, существовавшими еще в XV в. Влиянием Москвы вызваны и вытеснение *e* в окончаниях gen.-acc. f. местоимений и в личных окончаниях глаголов 1 спряжения звуком *o* и широкое распространение окончания gen. sg. прилагательных со звуком *v* вместо старого *γ*. Ввиду этого можно смотреть на черты говоров Тульской группы (Б), отличающие ее от Западной (А), как на вторичные, вызванные московским влиянием, и этим влиянием объяснять не только умеренное яканье говоров этой группы и ряд несомненно с.-в.-р. черт, но и отсутствие *u* из *wъ* в ее северных говорах; совпадение части границ *u* из *wъ* в пределах этой группы с политическими границами Московского и Литовского государств в XV в. может указывать на то, что вытеснение *u* из *wъ* частью произошло еще до XVI в.

§ 65. Кроме территориального принципа и влияния центра, в образовании и сохранении диалектических различий в пределах ю.-в.-р. наречия видную роль сыграл еще один принцип — различия в социальном происхождении носителей этого наречия. Многие сообщения по ю.-в.-р. говорам указывают на ряд различий между говорами мещан (т. е. городских или бывших городских жителей), однодворцев и крестьян экономических или монастырских и помещичьих. Часть таких различий связана с происхождением той или другой части населения от переселенцев из других областей; таких переселенцев много было среди крестьян помещичьих и монастырских, и следы такого происхождения во многих случаях вполне отчетливы. Но одними переселениями все диалектические различия, связанные с бывшей принадлежностью населения к разным социальным группам, не объяснимы: говоры помещичьих и экономических крестьян, например, во многих местах выработали такие свойственные только им диалектические черты, которые не объясняются из говоров тех областей, откуда могли быть переселены их носители. Очевидно, здесь действовала известная обособленность разных групп населения: однодворцы, например, поддерживали знакомство и роднились главным образом с однодворцами же, крестьяне помещичьи между собою и т. д. Диалектические различия такого рода еще в большей степени,

чем диалектические различия территориальные, связаны с различиями в быте, в постройках, домашней обстановке, одежде и т. д.[71]

§ 66. Из черт ю.-в.-р. наречия, не представляющих сохранения о.-сл. старины,[a] черты 1 и 3 были известны ему еще до появления древнейших дошедших до нас ю.-в.-р. письменных памятников, относящихся ко времени не раньше XIV в. До этого времени возникло и различие между говорами с *u* и *u̯* и говорами с *v* и *f* из о.-сл. *wъ*. Черта 4 явилась много позднее, так как старшими ю.-в.-р. памятниками не засвидетельствована. К позднему времени относится и ряд других ю.-в.-р. новообразований.

§ 67. Если не считать случаев сохранения старины, утраченной в с.-в.-р., то ю.-в.-р. наречие сближается с м.-р. и б.-р. по чертам 3 (м.-р. и б.-р. *h* из о.-сл. *g*, несомненно, получились через посредство γ), 12, 17 и с одним б.-р. по чертам 1, 9, 23, а бо́льшая часть ю.-в.-р. говоров также по черте 2. Западные говоры ю.-в.-р. наречия обнаруживают бо́льшую близость к м.-р. и б.-р. изменением *wъ* > *u* (слоговое и неслоговое) и твердостью губных в конце слова и перед *j*. В то же время они стоят ближе к с.-б.-р. по присутствию в них диссимилятивного аканья со звуком *i* после мягких перед слогом с *a*. Совпадения с б.-р., особенно с с.-б.-р., указывают, безусловно, на ближайшую связь ю.-в.-р. с с.-б.-р. в прошлом. Совпадения и с б.-р. и с м.-р. по черте 3 и, может быть, 17 тоже свидетельствует об их общей жизни в отдаленную, еще доисторическую эпоху. По-видимому, раньше таких совпадений было больше (ср. выше, § 49 о судьбе начального **i̯ь* и § 61 о судьбе **sk* перед *ě*, *i* из *oi̯*). Широкое распространение loc. sg. на *-u* относится, по-видимому, к сравнительно поздней эпохе независимой от м.-р. и б.-р. жизни ю.-в.-р., но может корениться в тенденциях, возникших еще в доисторическую эпоху. [Ю.-в.-р. и б.-р. сближаются также с полесскими говорами м.-р. по судьбе безударных гласных из старых *ę*, *e*, *ě*, *ь*, которые в полесских говорах совпали между собой, так же как и в ю.-в.-р. и б.-р. Кроме фонетических и морфологических совпадений с б.-р. и м.-р., южновеликорусские говоры представляют и ряд старых словарных совпадений с ними, отличающих ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. от с.-в.-р.].

§ 68. Из черт, сближающих ю.-в.-р. с другими слав. языками, совпадение со всеми слав. языками, кроме русских, по черте 21 не имеет значения, потому что формы *даш*, *ѣш* обычны и в с.-в.-р. и в м.-р., и, следовательно, всё различие в данном случае сводится только к сохранению архаических образований в с.-в.-р., б.-р. и м.-р., а не к существованию в ю.-в.-р. новообразований, отсут-

[71] [См.: Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913; ср. Шахматов. [Рец.]. — Изв. XX (1915) 3.].

[a] В первом издании ошибочно: «старины, утраченной с.-в.-р. наречием».

ствующих в этих языках. По черте 25 ю.-в.-р. сближается со всеми зап.-сл. языками и отчасти словинским [72], но и это совпадение на особую близость ю.-в.-р. к зап.-сл. языкам не указывает, потому что и в с.-в.-р. безударное *i* в окончании инфинитива отпало почти всюду, а в б.-р. и м.-р. говорах инфинитивы на согласную также обычны. Во всех зап.-сл. языках ударение на конечном слоге слова не сохранилось, и, таким образом, условия отпадения конечного *i* в инфинитиве в зап.-сл. те же, что и в с.-в.-р. Явление это происходило в разных славянских языках не одновременно и, очевидно, независимо в одном от другого. Остальные совпадения ю.-в.-р. с другими слав. языками по чертам, отличающим его от с.-в.-р., общи ему с м.-р. и б.-р. или с одним б.-р. Так, по черте 3 ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. сближаются с языками чешским, словацким, верхнелужицким и северными говорами словинского, по черте 12 — с языками зап.-сл., по черте 17 — с сербохорватским и словинским, а по черте 9 ю.-в.-р. и б.-р. — с польским, кашубским и лужицкими. Можно думать, что черта 3 является результатом общего процесса, пережитого ю.-в.-р., м.-р., б.-р., чеш., словац., в.-луж. и северными говорами словин. еще в доисторическую эпоху, и свидетельствует о былом единстве этих языков или наречий. Черты 12 и 17 могли возникнуть в русских и других слав. языках в силу одинаковых морфологических причин независимо [73], но не исключена возможность, что и они восходят к диалектическим тенденциям о.-сл. эпохи. Отвердение *с* (черта 9) известно и значительной части с.-в.-р. говоров; явление это сравнительно позднее и возникло в в.-р. независимо от лехитских и лужицких языков.

Средневеликорусские говоры

§ 69. Так называются говоры, по происхождению с.-в.-р., развившие в себе аканье под влиянием ю.-в.-р. говоров. Эти говоры не составляют единого целого ни по своей основе, так как в основе их лежат разные говоры с.-в.-р. наречия, ни по тем новым чертам, которые наслоились на эту основу, так как эти черты развились в них под влиянием разных частью ю.-в.-р., частью ср.-в.-р. говоров, раньше испытавших подобную эволюцию, ни по самой эволюции, так как представляют разные стадии однородных процессов; тем не менее, в силу однородности пережитой или переживаемой ими эволюции, ср.-в.-р. говоры имеют ряд общих черт, одинаково отличающих их как от с.-в.-р., лежащих в их основе,

---

[72] Конечное *i* в инфинитиве в чешском и словинском — только на письме, в книжной речи и небольшой части народных говоров.

[73] Ср. в некоторых с.-в.-р. говорах gen.-acc. местоимения 1 sg. *мня*, новообразование, однородное с ю.-в.-р. dat.-loc. *менҍ*, но в другом направлении; как ю.-в.-р., м.-р. и б.-р. в данном случае совпадают с ю.-сл., так и с.-в.-р. — с зап.-сл. И в том и в другом случае совпадение может быть случайным.

так и от ю.-в.-р., под влиянием которых они возникли. При своем возникновении ср.-в.-р. говоры были переходными к ю.-в.-р., т. е. находившимися в стадии перехода от с.-в.-р. к ю.-в.-р. Но с течением времени один из таких переходных говоров — московский — стал языком господствующих классов населения и получил значение образцового, κοινή. Это обстоятельство остановило его эволюцию как переходного говора и вызвало изменение в направлении эволюции других ср.-в.-р. говоров, которая стала определяться нормами не ю.-в.-р., а московскими. Начало образования ср.-в.-р. говоров восходит к эпохе не позже XIV в.: от этого времени до нас дошли, между прочим, московские памятники со следами аканья; с тех пор этот процесс не прекращался до настоящего времени, и теперь аканье успешно продолжает распространяться среди с.-в.-р. наречия вместе с рядом других черт, свойственных московскому говору.

Ср.-в.-р. говоры занимают широкую полосу между чистыми с.-в.-р. и чистыми (исконными) ю.-в.-р. говорами, но, кроме того, есть области, занятые такими говорами, и вне этой полосы. Самый большой остров ср.-в.-р. (акающих) говоров среди с.-в.-р. находится в Костромской губ., в верхнем течении р. Костромы.

Бóльшая часть тех особенностей ср.-в.-р. говоров, которые не вызваны влиянием ю.-в.-р. или московского говоров, та же, что и в соседних окающих с.-в.-р. говорах; только черты московского говора распространяются на эти говоры более интенсивно, чем на говоры, сохраняющие оканье. Из ю.-в.-р. черт они усваивают главным образом те, какие имеются и в московском, но проникают и другие ю.-в.-р. черты; межу прочим, довольно значительная часть говоров на юго-западе ср.-в.-р. территории и небольшая часть говоров лесной части Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ., так наз. «мещерских», имеет *t’* в 3-м лице глаголов, а говоры мещерские также и фрикативное γ: на с.-в.-р. основу этих говоров указывает цоканье и некоторые другие с.-в.-р. черты. Впрочем возможно, что некоторые акающие говоры с умеренным яканьем или иканьем, относимые нами к ю.-в.-р. по признаку отсутствия цоканья и наличности фрикативного γ и *t’* в 3-м лице глаголов, но заключающие ряд московских черт в фонетике (например, отсутствие смягчения задненёбных после мягких неслоговых, мягкое *š* долгое из о.-сл. *šč* и др.), морфологии (например, московское употребление формы loc. sg. на *-u*, отсутствие acc. sg. f. прилагательных на *-úja*, отсутствие форм 3 *sg* без *t’*) и словаре (*бороновать*, *ухват* вместо *скородить*, *рогач* и др.), должны считаться также переходными на с.-в.-р. основе.

Аканье ср.-в.-р. говоров, как развившееся на почве с.-в.-р. оканья в виде подражательного процесса, а не органически из тех основ, к которым восходит аканье в ю.-в.-р., отличается от ю.-в.-р. аканья. В большей части ср.-в.-р. говоров распространены умеренное яканье, иканье и еканье, известные и в северной части

ю.-в.-р. говоров. Но, как сказано выше, есть основания считать эти три типа аканья в ю.-в.-р. перенесенными из ср.-в.-р. говоров. Четвертый, также распространенный тип ср.-в.-р. аканья, яканье ассимилятивное (см. § 63; обычно в ср.-в.-р. говорах только ассимилятивное яканье типа b); тип a) почти не встречается), в ю.-в.-р. говорах почти не известен. Яканье сильное, более или менее одинаковое с сильным яканьем ю.-в.-р. говоров, распространено значительно менее и отмечено до сих пор только в лесной части Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ.; кроме говоров с этими типами аканья, встречаются изредка ср.-в.-р. говоры, отличающие предударное *а* после мягких от *е* и *ě* тем, что в первом случае произносится *а*, во втором *е*, или предударные *а* и *е* после мягких от *ě* тем, что в первом случае произносится *а* или *е*, во втором *i*.

Кроме особенностей в аканье, характерной чертой значительной части ср.-в.-р. говоров, отличающей их как от с.-в.-р., так и от ю.-в.-р., является произношение *d'*, *t'* мягких вместо *g*, *k* мягких. Произношение *t'* вместо *k* мягкого известно и части ю.-в.-р. говоров, но только той, в которой имеются и другие черты, характерные для ср.-в.-р. говоров. Возможно, что *t'* вместо *k'* явилось в ср.-в.-р. говорах вследствие утрированного применения к ю.-в.-р. произношению, так как в некоторых ю.-в.-р. говорах *k'* отличается от с.-в.-р. заметно большей степенью мягкости. Такое очень мягкое (краепалатальное?) *k'* отмечено, например, в ю.-в.-р. говорах Зарайского у. Рязанской губ.

С.-в.-р. говоры с намечающейся переходностью

§ 69а. Кроме ср.-в.-р., есть с.-в.-р. говоры, в которых московское или ю.-в.-р. влияние привело лишь к частичному совпадению безударных *а* и *о* и частичному устранению безударного *о*. Во многих говорах безударное *о* сохраняется последовательно только в 1-м предударном слоге, а в остальных может заменяться тем же редуцированным звуком, какой произносится в тех же положениях и на месте старого *а*: *мəлодá*, *бəловáть*, *дəлёкó*, *дéвəк*, *дáрəм*, *óддəл*, *нə хорóшə мéста*. В некоторых говорах *о* 1-го предударного слога сохраняется после твердых, а после мягких является в одних говорах *е*, в других *а*: *водá*, но *веснá* или *вяснá*; в других, наоборот, *о* сохраняется после мягких, а после твердых является *а*: *вёснá*, но *вадá*. Есть также говоры, где предударное *о* после твердых сохраняется не перед слогом с *а*, а перед слогом с *а* перешло в *а*: *ровнó*, *зовýт*, *стоúт*, *водé*, но *вадá*, *бальшáя*, *хазяúн*. В большей части таких говоров в силу их переходности полной последовательности в произношении безударного *о* не наблюдается и можно лишь установить направление, в каком осуществляется тенденция к устранению безударного *о*.

§ 70. Б.-р. язык в его непереходных говорах характеризуется следующими чертами:

а) ф о н е т и ч е с к и м и:

1) аканьем (см. § 71. 1);

2) сочетаниями *yi̯* (при диалектических *əi̯*, *ei̯*) и *ii̯* из о.-сл. *yi̯*, *ii̯* в соответствии с в.-р. *oi̯*, *ei̯*: *злый*, *мыю*, *шыя*;

3) сочетаниями *ry*, *ły*, *li* из о.-сл. *rъ*, *łъ*, *rь*, *lь* между согласными в слабом положении: *крыві*, *хрысціць*, *блыха*, *сліза* и т. п.;

4) переходом старых *е* и *ь* сильного в *о* перед твердыми нешипящими согласными, кроме *с*; в силу аканья такое *о* — только под ударением; перед шипящими и *с* из *е* и *ь* получилось *е*: *дзешава*, *адзежа*, *печ* и пр.;

5) редукцией в известных случаях начального неударяемого *u* (главным образом в предлоге и приставке *u*) и переходом такого *u* в неслоговое после конечной гласной предшествующего слова: *ў сына*, *ўмёр*, *ўвйдзяў*, *ўбогий*, *ўданый*, *ўмéць*;

6) утратой начального *i̯ь* в слабом положении или переходом его в *i* редуцированное или неслоговое: *граю*, *голка*, *маю*, предлог *з* и пр.; *няйдуть*, *зайграць* и т. п.;

7) развитием *w* перед начальным *о* и *u* (а также и перед неударяемым *а* из *о*): *вочы*, *восянь*, *вулица*, *вагонь*, кроме небольшого района на западе, где в подобных случаях *h* (см. § 71. 4);

8) *u* неслоговым из старого *wъ* и *wь*: *сыноў*, *траўка*, *дзяўчонка*, *здароўя*, *дзярэўня*, *ня ўзяў*; в начале слова не после конечной гласной предшествующего слова в той же фразе в таких случаях — *u* редуцированное: *ўся*, *ўзяў* и пр.;

9) переходом *ł* в конце слога в *u* неслоговое: *воўк*, *ўзяў* и пр. (в nom. sg. существительных на *ł* и в образованиях с суффиксом *-ka* согласная *ł* в большей части говоров сохраняется без перехода в *u* неслоговое, может быть, нефонетически: *стол*, *гарэлка*);

10) дзеканьем, т. е. мягкими свистящими аффрикатами $\widehat{dz}$ и *c* вместо *d'* и *t'*; в части говоров свистящий элемент таких аффрикат, по-видимому, слабее, чем в твердых аффрикатах $\widehat{dz}$ и *c* (из о.-сл. *c*): *сидзяць*, *адзин*, *дзед*, *ў лапцёх* и пр.;

11) придыханием *h* из о.-сл. *g*;

12) мягкостью согласных, кроме шипящих, *c* и *r*, перед всеми гласными из о.-сл. палатальных гласных;

13) отвердением *r* мягкого или употреблением *r* твердого и мягкого не согласно их старому этимологическому употреблению: *гразь*, *карэння*, *бяроза*, *рака́*, *бяры*, *гавару́* и пр.; также: *старяцца* и пр.;

14) твердостью всех шипящих, в том числе и *č*: *жыць*, *шыю*, *чыста*, *яшчэ* и пр.;

15) сочетанием *šč* (твердым) из старого *šč*: *шчука*; говоры с *š* долгим твердым в таких случаях — переходные к ю.-в.-р.;

16) твердостью старого *c*: *канцы*, *жанцэ*;

17) переходом *dn* (из о.-сл. **dъn* и **dьn*) в *n̄* долгое: *анна́* 'одна', *иннём* 'днём'; впрочем, известно и сочетание *dn*;

18) изменением *t'c* (из *tьc* и *dьc*) после гласных в середине слова в *i̯c*: *малайцу́*, *айца* 'отца';

19) сохранением твердых задненёбных после мягких неслоговых звуков: *тройка*, *бацька*, *бяленька*, также *дочка* и пр.;

20) долгими согласными из сочетаний зубных в широком смысле (т. е. *d*, *t*, *l*, *n*, шипящих и свистящих) согласных с *j* или *i̯*, получившихся после утраты *ъ* и *ь* или *y* и *i* слабых (т. е. из о.-сл. сочетаний согласных с *ъj*, *ьj*, *yj*, *ij* или *ъi̯*, *ьi̯*, *yi̯*, *ii̯*); долгие согласные такого происхождения, кроме шипящих и, диалектически, *r* (обычно *rj* сохраняется) — мягки; диалектически известны и долгие мягкие губные из сочетаний губных с *j*; примеры: *наллю*, *вяселля*, *карэння*, *свиння*, *калосься*, *з гразьзю*, *судьдзя*, *жыцьцё*, *перра* и *перря* (обычно *перъя*), *ноччу*, *збожжа*, *рыббя* (обычно *рыбъя*) и пр.;

21) твердостью губных в конце слова и перед *j* (там, где сочетание губной с *j* не изменилось в долгую мягкую губную);

b) м о р ф о л о г и ч е с к и м и:

22) сохранением звательной формы: *бра́ця*, *во́ўче*, *ко́ню*, *ону́чко*; впрочем, в с.-б.-р. звательная форма сохраняется не везде;

23) сохранением *i* в dat.-loc. sg. имен на *-а* и в loc. sg. m. и n. с основами на мягкие: *зямли́*, *дяжы́*;

24) сохранением свистящих перед *ě* падежных окончаний у имен с основой на задненёбную: *руцэ*, *сасе́*, *на даро́зи* [в с.-б.-р. говорах, впрочем, нередки и формы на *-hě*, *-kě*, *-xě*];

25) распространением формы loc. sg. на *-u* на имена мужского и среднего рода независимо от характера ударения: *у мяшку́*, *на ко́нику*, *на каню́*, *у па́льцу*, *у дзёхцю*, *у по́лю*;

26) отсутствием nom. pl. на *-а́* от имен несреднего рода: *лясы́*, *гырады́*, *бирагі́*, *гла́зы*;

27) окончанием *-y* в nom. pl. всех имен существительных с основой на твердую при ударении на основе: *вароты*, *вокны*, *сёлы*, *дро́вы* и пр.;

28) употреблением старой формы gen. pl. в значении acc. только от имен лиц, преимущественно мужского рода, но не животных: *брато́ў*, но *валы́*, и возможностью употребления старой формы nom.-acc. pl. в применении к именам лиц женского пола: *хвалю жанке́* и пр.;

29) употреблением в gen. sg. местоимений и прилагательных мужского и среднего рода только окончания *-oho* (с соответствующими фонетическими изменениями *o* без ударения): *каго́*, *майго́*, *зло́га*, *до́брага* и пр.;

30) формами gen.-acc. sg. личных местоимений и возвратного на *-е*: *мяне́*, *цябе́*, *сябе́*;

31) образованием косвенных падежей числительных по склонению существительных в pl.: *пяцёх*, *пяцём*, *пяцьма* и пр.;

32) употреблением при nom. числительных 2—4 формы nom. pl. существительных мужского рода: *два сталы́* и т. п.;

33) неупотребительностью особых предикативных (т. е. кратких или бесчленных) форм прилагательных;

34) сохранением архаичных форм 2 sg. нетематических глаголов *яси́*, *даси́*;

35) мягким *с'* (из *t'*) в 3 лице обоих чисел глаголов: *идзець*, *спиць*, *ходзюць*;

36) заменой старых свистящих шипящими перед окончаниями imp. у глаголов с основой на задненёбные: *пячы*, *памажы́*;

37) стабилизацией возвратной частицы *ся* непосредственно после глагола и слиянием ее с глаголом в одно слово;

38) сохранением инфинитивов на *-с'i* (из *-ti*) при более частых инфинитивах на *с'* (*t'*) и инфинитивов на *-čy*, поскольку они не заменены новообразованиями на *-kčy*, *-xčy* и *-kc'i*, *-xc'i*: *пячы́*, *пякчы́*, *берахчы́* и *пякци́*, *берахци́*, рядом с менее употребительными инфинитивами на *-č*;

39) сохранением старых форм sg. существительных с основой на *-ęt* : *циля́* (или *цяля́*) — *циля́ци* (*цяля́ци*) и пр.;

40) некоторыми особенностями в ударении: а) тенденцией к сохранению ударения на существительном, при сочетании последнего с предлогом: *на во́з*, *на гару́*; b) ударением на окончании в acc. sg. имен на *-а* со старым подвижным ударением: *руку́*, *зямлю́*, *гылаву́* и пр.; впрочем, в ю.-б.-р. известны кое-где те же формы и с ударением на основе; с) сохранением форм 2 pl. глаголов с ударением на конце: *спице́* или *спицё* и т. п.

[К числу живых особенностей нынешней звуковой и морфологической системы б.-р. языка принадлежат, между прочим:

1) аканье;

2) более ограниченное по сравнению с в.-р. противопоставление категорий твердых и мягких согласных: к числу непарных по твердости и мягкости согласных, кроме шипящих и *с*, относится также *r*, а в ю.-б.-р. говорах (не везде) и согласные губные; соотношение *d*, *t* : *d'*, *t'* устранено до известной степени изменением *d'*, *t'* в свистящие аффрикаты;

3) мягкость согласных, кроме непарных по твердости и мягкости, перед *е*, *i*; сочетания твердых согласных с *е* все обусловлены морфологически (в окончаниях местоимений и прилагательных и в nom. pl. существительных);

4) gen. pl. в значении acc. pl. обязателен только у имен лиц мужского пола, но употребляется также и от имен лиц женского пола и имен животных; таким образом, в б.-р. нет того отчетливого противопоставления категорий одушевленности и неодушевлен-

ности, как в в.-р.; в то же время не выдержано и свойственное польскому языку противопоставление мужского личного рода всем остальным.

5) возвратный и невозвратный залог, как и в в.-р., различаются морфологически.]

§ 71. Главнейшие диалектические различия в б.-р. говорах.

а) Фонетические.

1) Аканье. По различию в характере аканья б.-р. язык распадается на две диалектические группы: а) северо-восточную («с.-б.-р.») с аканьем диссимилятивным и b) юго-западную («ю.-б.-р.») с аканьем недиссимилятивным (т. е. с отсутствием диссимилятивности как в произношении гласных после твердых, так и в произношении гласных после мягких). В большей части говоров группы а) диссимилятивное аканье одного типа, отличного от ю.-в.-р. типов диссимилятивного аканья: непосредственно перед ударением гласные, отличные от *а*, являются только перед слогом с ударяемым *а*; перед слогом с остальными ударяемыми гласными — только *а*: *вазо́к*, *пясо́к*, *бяро́за*, *на санёх*, *вядзець*, *дзярэу́ня* и пр., но: *выда́*, *галыва́*, *висна* и пр., и только в немногих говорах на севере, по соседству со ср.-в.-р. говорами Псковской губ., и на востоке, по соседству с ю.-в.-р. говорами, встречается аканье, близкое к аканью суджанского типа. Во всех говорах группы а) после мягких и в начале слова перед слогом с ударяемым *а* произносится *i* или звуки близкие к *i* (в записях везде „и“); после твердых по большей части — *у* или звуки близкие к *у* (в записях обычно — „ы“), но в части говоров той же группы, главным образом на западе, звуки, передаваемые записывателями народной речи и наблюдателями буквой „а“; возможно, что в этих говорах, как и в ю.-в.-р. говорах с диссимилятивным аканьем, гласная перед слогом с ударяемым *а* частью совпала с *а*, частью отличается от *а*, произносимого перед слогом с другими ударяемыми гласными, но произносится с пониженно-средней артикуляцией и потому воспринимается наблюдателями как *а*. В говорах группы b), кроме небольшой части екающих говоров Гродненской губ., яканье сильное. Вместе с тем почти во всех них в слогах, не предшествующих непосредственно ударению, безударное *о* совпало с *а* не во всех случаях и при известных условиях, чаще после ударения, сохраняется как *о*, или заменяется звуком *и* (последнее только в некоторых окончаниях: *золато́я*, *бѣ́лога*, *по́водам*, *пахо́дом*, *зе́лляйко*, *зелёнаго*, *на́шум* loc. sg. m., *пад гру́шкуй*, *у но́вуй ха́ци*, *ма́ткую* instr. sg.

2) В юго-западных говорах б.-р. языка из *ě* и при известных условиях из *е* и *о* получились под ударением так наз. «дифтонги», точнее, гласные неоднородной артикуляции, именно из *ě* и из *е*, не изменявшегося в *о*, — *ⁱе*, а из *о* и *е*, изменявшегося в *о*, — *ᵘо*. Условием изменения *е* и *о* ударяемых в «дифтонги» было положение их в новых закрытых слогах: *пиэч*, *нюос*, *суоль* и т. п., а для *ᵘо*

из *о*, может быть, и происхождение из старого акутованного *о*: *руосочка*, *варуона*, *жывуога*, *дачкуою* и пр.; *ᵘо* такого происхождения, по-видимому, встречается много реже и непоследовательно. [В ю.-б.-р. встречается и *ᵘо* на месте старого *о* в открытых слогах с интонацией циркумфлекса, а также на месте старого *е* и даже на месте старого *ъ*: *гуолад*, *бяруоза*, *буордзы*, *вуоўк*, *туой* nom. sg. m., *суон* и пр.; *ᵘо* такого происхождения значительно реже, чем из старого ударяемого *о* с интонацией акута; тем не менее эти случаи мешают полной уверенности в том, что изменению в *ᵘо* не в новых закрытых слогах в ю.-б.-р. первоначально подвергалось только старое ударяемое *о* с интонацией акута.] Безударное *ě* совпало с безударным *е*, а безударные *е* и *о* в новых закрытых слогах с теми же гласными в других положениях, и только в некоторых падежных окончаниях из *о* в новых закрытых слогах в этих говорах является *и*. В остальных говорах *ě* ударяемое совпало с ударяемым *е*, а гласные из ударяемых *е* и *о* в новых закрытых слогах не отличаются от тех же гласных в остальных положениях, точно так же, как и *о* из старого *о* акутованного не отличается от *о* другого происхождения. Граница между говорами с «дифтонгами» и говорами без них, по-видимому, некогда более или менее совпадала с границей между диссимилятивным и недиссимилятивным аканьем: самые северные записи, указывающие на «дифтонги», относятся к уездам, через которые проходит граница диссимилятивного и недиссимилятивного аканья (Свенцянскому и Борисовскому), причем в Борисовском у. «дифтонги» отмечены в говоре с диссимилятивным яканьем. Но вообще теперь северная граница дифтонгов, по Карскому, проходит южнее.

3) В небольшой группе говоров в юго-западной части б.-р. территории сочетание *ау̯* изменилось в *оу̯*: *троўка* 'травка' и т. п.; граница этого явления не совпадает с названными выше границами, но почти вся проходит по территории говоров, определяемых другими чертами, как ю.-б.-р.

4) На юго-западе б.-р. области, в говорах части б. Гродненской губ., перед начальным *а* и частью перед начальными *о* и *и* является придыхание *h*; в северо-восточной части начальное *h* только из о.-сл. *g*, а также в словах *гуж* и *гусеница* (ср. в.-р. *гуж* и *гусеница*), в междометиях (*га*, *гой*, *гей*) и в указательных местоименных словах, начинающихся с частицы *he*: *гэный*, *гэтый*, *гэтако*, *гэдак*, *гэстый*, *гэлико*, где начальное *h* могло быть о.-сл. происхождения [74]; в остальных случаях в с.-б.-р. придыхание отсутствует, а перед начальными *о* и *и* является *v*.

5) В западной части б.-р. территории, по соседству с польским языком, вместо долгих мягких зубных из сочетаний зубных с *j*

---

[74] Впрочем, по Бузуку (Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў, стр. 7—8), бóльшая часть с.-б.-р. говоров знает только произношение *етый* (*i̯étyi̯*) и пр.

являются краткие: *вясе́ля* и пр.; эта черта, по-видимому, не органическая, а вызвана польским влиянием.

6) В части говоров как с.-б.-р., так и ю.-б.-р. из сочетаний *r* и губных с *j* получились долгие *r* (частью твердое, частью мягкое) и мягкие губные: *перра* и *перря*, *рыбьбя* и пр.; в большей части говоров сохраняются *rj* и сочетания твердых губных с *j*: *перъя*, *рыбъя*.

7) В юго-западной части б.-р. говоров известно только твердое *r*; в северо-восточной встречается и *r'* мягкое, но непоследовательно; в части таких говоров *r* твердое и мягкое вообще различается этимологически правильно, но не во всех случаях: в тех же говорах известно и *r* твердое вместо старого *r'* мягкого и наоборот; в части говоров преобладает произношение с *r* твердым, но встречаются более или менее многочисленные случаи с *r* мягким как на месте старого *r* мягкого, так и на месте старого *r* твердого. Граница между говорами с исключительным употреблением *r* твердого и говорами, знающими и *r* мягкое, проходит северо-восточнее границы диссимилятивного и недиссимилятивного аканья, деля территорию диссимилятивного аканья на две почти равные части: юго-западную, с исключительным употреблением *r* твердого, и северо-восточную, с обоими видами *r*.

8) В значительной части б.-р. говоров, как с.-б.-р., так и ю.-б.-р., *l* мягкое отвердело перед твердыми *n* и *c*: *болна*, *палцы* и т. п.; впрочем, в тех же записях, в которых отмечается это явление, есть и указания на мягкое произношение *l* в тех же положениях; на востоке, в Смоленской, Калужской и Орловской губ., твердое *ł* перед *n* и *c* может рассматриваться как один из признаков принадлежности говора к б.-р., а не ю.-в.-р. Не отмечено *ł* в подобных случаях в с.-б.-р. цокающих говорах и во всех говорах Витебской губ.

9) В северных уездах Витебской и Смоленской губ. отмечено цоканье, т. е. совпадение старых *c* и *č* в одном звуке *c* (твердом); в части этих говоров наблюдается смешение *c* и *č*. В большей части б.-р. говоров, как ю.-б.-р., так и с.-б.-р., *c* и *č* различаются этимологически правильно.

10) В части ю.-б.-р. говоров в dat. sg. имен лиц и животных мужского пола может являться окончание *-ovi*: *Данилави*, *жерабцови* и пр.; в остальных говорах, как с.-б.-р., так и ю.-б.-р., в dat. sg. всех имен мужского рода является только окончание *-u*.

11) В юго-западной части б.-р. говоров употребление формы gen. sg от имен неодушевленных предметов мужского рода в значении acc. sg. чаще, чем в северной и восточной части; обычно такое употребление, между прочим, у имен деревьев (в с.-б.-р., как и в ю.-в.-р., только от названий грибов): *сцяў дуба* и т. п.

12) В ю.-б.-р. говорах обычны формы nom. pl. на *-ě* от имен существительных мужского и женского рода с основами на мягкие: *канѣ*, *зямлѣ* и пр., а по аналогии с ними и от основ на твердые,

причем зубные и губные перед таким *ě* не смягчаются, а задненебные не заменяются свистящими: *валэ́*, *галубэ́*, *жанце́*, *мужыке́*, *жанке́*, *дзяўке́* (или: *валы͡э*, *жанкі͡е* и т. п.); в с.-б.-р. nom. pl. существительных мужского и женского рода может оканчиваться только на *-у*, *-i* (кроме таких случаев, как *мища́ня* и т. п.).

13) В instr. pl. в северных уездах Витебской и Смоленской губ., там же, где имеется цоканье, является окончание *-m*: *с рукам* и пр.; в немногих ю.-б.-р. говорах — окончание *-my*; в остальных, как с.-б.-р., так и ю.-б.-р.,— только *-m'i*: *дрыва́ми*, *руками*, *сталами*, *сяньми́*, *слязьми́* и пр.

14) При числительных *две*, *обе*, *обедве*, *тры*, *чатыры* в nom. от имен женского и среднего рода в юго-западной части б.-р. говоров употребляются формы на *-ě*: *дзве руце́*, *тры бядзе́*, *чатыры сяле́*; в с.-б.-р. — формы nom. pl., но с ударением gen. sg.: *дзве руки́*, *два сялы́* и т. п.

15) Числительные *два* и *оба* в nom. при именах среднего рода имеют в ю.-б.-р. говорах форму *дзве́*, *вобе*, в с.-б.-р. — *два*, *воба*.

16) Nom. sg. m. прилагательных в с.-б.-р. оканчивается на *-yį*, *-iį* (в части с.-б.-р. говоров *-eį*, см. п. 18), в ю.-б.-р. — на *-у*, *-i*: *стары́*, *си́ни*.

17) Loc. sg. m. и n. прилагательных в с.-б.-р. оканчивается на *-ym* или *-im*, т. е. совпал с instr. sg.: *ў чыстым полю*, *на чужым двару*; в ю.-б.-р. в этой форме является *"om* (в говорах, утративших так наз. дифтонги, *-om*) под ударением и *-um* (реже *-am*, *-om*) без ударения.

18) В с.-б.-р. употребляются падежные формы от существительных и прилагательных с основами на твердые согласные с гласной *e* перед *į* в окончаниях, причем согласные, кроме задненебных, перед таким *e* тверды; такое *e* является в окончаниях instr. sg. f. существительных: *бабэй* и пр., в nom. sg. m. прилагательных: *сляпэй*, *другей*, *такей*, *глухей*, в gen.-dat.-instr. sg. f. прилагательных: *старэй*, *дурнэй* и пр. и в nom. pl. прилагательных: *старэя*, *любэя* и пр.; в ю.-б.-р. такие формы не употребительны.

19) в 1 sg. глаголов 2-го тематического спряжения (с гласной *i*) с основой на *d* перед окончанием в ю.-б.-р. говорах является аффриката *dž*, в большей части с.-б.-р. *-ž*: *ви͡джу* и *вижу* и т. п.

20) С.-б.-р. говорам не известны формы 3 sg. глаголов без окончания *-c'*; в ю.-б.-р. употребляются как формы с окончанием *-c'*, так и формы без окончания; последние — только у невозвратных глаголов 1-го тематического спряжения (с гласной *e*), а у глаголов 2-го тематического спряжения при ударении на основе: *лю́бя*, *гаво́ра* и пр.

21) В 1 pl. глаголов с.-б.-р. говоры имеют окончание *-em* или *-om* в 1-м тематическом спряжении при ударении на окончании, *-im* у остальных глаголов, причем согласные, кроме *r* и шипящих, перед такими окончаниями мягки: *идзём*, *нясём*, *грабём*, *бяро́м*, *пячом*, *носим*, *ляжым*, *станим*, *дадзи́м* и пр.; в ю.-б.-р.

говорах может являться также окончание *-то* или *-та* (в ind. редко): *носимо* (*носима*) и пр., а перед *-от* в 1 pl. глаголов 1-го тематического спряжения согласные обычно тверды: *идом*, *нясом*, *живом*, *магом*. Впрочем; формы типа *идом* встречаются и в с.-б.-р. говорах даже по соседству с ю.-в.-р.

22) В ю.-б.-р. говорах распространены формы 1 pl. imp. на *-то* от глаголов, у которых конечное *i* во 2 sg. imp. отпало; окончание *-то* у таких глаголов присоединяется непосредственно к форме 2 sg. imp.: *сядзьмо*, *бягаймо*; в с.-б.-р. подобные формы не известны.

23) В окончаниях 1 и 2 pl. imp. глаголов как 1-го, так и 2-го тематического спряжения при ударении на окончании в ю.-б.-р. говорах является *ě*: *нясѣм*, *нясѣця*, *хвалѣм*, *хвалѣце*; в с.-б.-р. в окончании 2 pl. *i*: *нясíця*, *хвалíця*.

24) Во 2 pl. глаголов при ударении на конце в ю.-б.-р. обыкновенно произносится *e*, в с.-б.-р. *o*: ю.-б.-р. *спицé*, с.-б.-р. *спицё*.

25) 3 sg. глагола *быть* в с.-б.-р. говорах произносится с гласною *o*: *ёсь*(*ць*), *ё*, в ю.-б.-р. — с гласною *e*: *есь*(*ць*), *е*.

26) Будущее время в ю.-б.-р. может образовываться не только с глаголом *буду*, но и с глаголом *му*, сливающимся с инфинитивом спрягаемого глагола в одно слово: *хадзицьму*, *нясцимеш* и пр.; в с.-б.-р. обычны формы с *буду* и лишь изредка встречаются образования с глаголом *маю*.

27) В южной части б.-р. говоров, на юг от Гродна, Новогрудка, Слуцка и Речицы, у так наз. сакунов, возвратная частица *ся* произносится с твердым *s*: *баюса*, *смяяўса*, в остальных говорах — с мягким: *баюся*, *смияўся*.

§ 72. Названные диалектические различия позволяют разделить б.-р. язык на две группы говоров или два наречия, отличающиеся друг от друга рядом черт: наречие с.-б.-р., занимающее северную и восточную части б.-р. территории, и ю.-б.-р., занимающее юго-западную часть той же территории. С.-б.-р. характеризуется, между прочим, следующими чертами: 1) диссимилятивным аканьем (1); 2) отсутствием так наз. «дифтонгов» (2); 3) отсутствием нового придыхания перед начальными гласными (4); 4) отсутствием nom. pl. существительных на *-é* (12); 5) отсутствием форм на *ě* при nom. числительных *две* (14); 6) nom. *два* при именах среднего рода (15); 7) окончаниями *-yi̯*, *-ei̯*, *-ii̯* в nom. sg. m. прилагательных (16); 8) совпадением loc. и instr. sg. m. прилагательных (17); 9) наличием падежных окончаний *-ei̯*, *-əi̯*, *-eja* после твердых согласных (18); 10) произношением *ž* перед окончанием 1 sg. ind. глаголов 2-го тематического спряжения с основой на *d* (19); 11) отсутствием формы 3 sg. ind. глаголов без *-c'* (*-t'*) (20); 12) отсутствием окончания 1 pl. ind. и imp. *-то* (21, 22); 13) формами 2 pl. imp. на *-ic'e* (23); 14) звуком *o* в окончании 2 pl. глаголов при ударении на конце (24); 15) звуком *o* в глаголе *ёсь*(*ць*) (25);

16) отсутствием образований fut. с глаголом *му* (26) и некоторыми другими чертами.

Северо-восточным говорам названной группы свойственны также следующие черты, неизвестные ю.-б.-р. говорам: 17) наличие *r* мягкого (7); 18) цоканье (9); 19) instr. pl. на *-m* (13).

§ 73. Ю.-б.-р. наречие характеризуется 1) аканьем недиссимилятивным, по большей части с сильным яканьем (1); 2) сохранением безударного *o* или заменой его *u* в известных условиях после ударения (1); 3) так наз. «дифтонгами» (2); 4) отсутствием мягкого *r* (7); 5) отсутствием цоканья (9); 6) образованием nom. pl. на *-ě* (т. е., *i͡e*, *y͡e*) с сохранением твердых и небных согласных у основ на твердые (12); 7) формами на *ě* при nom. числительного *двѣ* (14); 8) nom. *двѣ* и пр. при именах среднего рода (15); 9) окончаниями *-y*, *-i* в nom. sg. m. прилагательных (16); 10) отсутствием совпадения loc. и instr. sg. m. прилагательных (17); 11) отсутствием падежных окончаний *-ei̯*, *-eja* после твердых (18); 12) произношением *d͡ž* перед окончанием 1 sg. ind. глаголов 2-го тематического спряжения с основой на *-d-* (19); 13) наличием форм 3 sg. ind. глаголов без окончания *-c'* (*-t'*) (20); 14) наличием окончания *-mo* (без ударения также *-ma*) в 1 pl. глаголов, наряду с окончанием *-m* (21, 22); 15) формами 1 и 2 pl. imp. на *-ěm*, *-ěc'e* (23); 15) звуком *e* в окончании 2 pl. глаголов при ударении на конце (24); 16) звуком *e* в глаголе *есь*(*ць*), *e* (25); 16) употреблением образований fut. с глаголом *му* (26) и некоторыми другими чертами.

Только в говорах этой группы встречается *o̯u* вместо *au̯* (3), придыхание перед начальными гласными (4) и твердое *s* в возвратной частице (27).

§ 74. Границы явлений, свойственных той или другой группе, не совпадают, но тем не менее обе группы выделяются довольно отчетливо. По поводу несовпадения границ ср. выше замечания о границах диалектических групп в с.-в.-р. и ю.-в.-р. Впрочем, границы между с.-б.-р. и ю.-б.-р. более отчетливы, чем между различными группами говоров с.-в.-р. и ю.-в.-р., что отчасти объясняется тем, что на б.-р. территории переселения не играли такой большой роли, как на в.-р. территории, и что крестьянское население на б.-р. территории и в социальном отношении было издавна однороднее, чем на в.-р.

Не стоят в связи с делением б.-р. языка на наречия с.-б.-р. и ю.-б.-р. только немногие черты, как 5 (полонизм), 6, 8.

§ 75. Древнейшие памятники, писанные в северо-восточной части нынешней б.-р. территории, относятся к 1-й половине XIII в. В них, кроме старых черт, обще-б.-р. (§ 70): 2, 15, 19, 22, 23, 24, 26, 29, 30, 34, 35 (— „ть“), 38, 39 и с.-б.-р. (§ 72): 7, 10, 11 и сохранения различия между *r* твердым и мягким, имеется также замена „въ“ и „вь“ через „оу“ и смешение „ц“ и „ч“. Старшие памятники, несомненно писанные в юго-западной части нынешней тер-

ритории б.-р. языка, относятся к XIV в. В них нет смешения „ц" и „ч", но есть „оу" вместо „въ" и „вь", указания на отвердение *r* мягкого, а также мягких губных перед *j* и в конце слова, передача *g* в литовских именах через „кг", указывающая на то, что буква „г" имела другое значение, и формы 1 pl. глаголов на — „мо". Указания на отвердение *r* мягкого имеются и в письменных памятниках того же времени с северо-восточной части б.-р. территории. Указания на аканье попадаются в западнорусских памятниках, начиная со 2-й половины XIV в. Ясных указаний на так наз. «дифтонги» из *ě*, *o*, *e* древнейшие западнорусские памятники не дают, хотя можно думать, основываясь на показаниях южнорусских памятников XII в., что и в юго-западной части западнорусского наречия такие «дифтонги» существовали еще до появления старших западнорусских памятников. Но Смоленские и Полоцкие грамоты XIII в., совершенно не различающие по значению букв „ѣ" и „е", может быть, говорят о совпадении старого *ě* с *e*, что равнялось бы указанию на отсутствие дифтонгов [75] в северных говорах западнорусского наречия. Остальные характерные черты б.-р. языка и его говоров засвидетельствованы памятниками не раньше XV в. и вряд ли много старше этого времени.

§ 76. Б.-р. язык в целом (§ 70) совпадает со всем в.-р. только чертами 4, 12 и 37; совпадений со всем с.-в.-р. наречием по чертам, отсутствующим в ю.-в.-р., в нем пет, но есть ряд совпадений с той или другой частью с.-в.-р. говоров: a) с северными и восточными говорами он совпадает по чертам 17, 34, 38 и 40с; черты 34, 38 и 40с — архаизмы, общие б.-р. языку и с м.-р., черта 17 — новообразование, неизвестное другим русским языкам и диалектам; b) с северными говорами — по чертам 19 и 29; обе — архаизмы, общие б.-р. языку с м.-р., а вторая и с ю.-в.-р.; c) с восточными говорами — по чертам 8, 9, 21; все три — новообразования, общие б.-р. языку и с м.-р., а частью и с западными говорами ю.-в.-р.; d) с разными с.-в.-р. говорами по чертам 7, 10, 15, 16, 20 (Сибирь), 31; черта 16 является общей б.-р. языку и с ю.-в.-р., а 15, 20 и 31 — с м.-р.; можно заметить, что черта 15, кроме того, представляет архаизм и что в с.-в.-р. говорах, сохраняющих *šč*, это сочетание мягко; черта 10 является новообразованием, общим б.-р. языку с некоторыми цокающими или шепелявящими с.-в.-р. говорами в разных частях с.-в.-р. области, наиболее частым в ее западной части.

§ 77. Со всем ю.-в.-р. или его архаичными говорами б.-р. сближается по чертам 1, 11 (в смысле фрикативности согласной из о.-сл. *g*), 16, 25, 27, 29, 30, 35, 40а и 40b. Из этих черт 1, 27, 40а и 40b общи ему только с ю.-в.-р., 16 также с частью с.-в.-р.

---

[75] Возможно, однако, и то, что „ѣ" и „е" смешивались только потому, что обозначаемые этими буквами звуки совпали лишь в положении без ударения, а кроме того *е* произносилось и под ударением в некоторых случаях, где полагалось писать „ѣ".

говоров, 11, 25, 29 и 30 — с м.-р. и 35 — с вост.-м.-р. (в ю.-в.-р. и м.-р., конечно, не *-c'*, а *-t'*). Архаизмами, т. е. сохранением о.-сл. старины, являются черты 29 и 30, а также 35, поскольку о.-сл. *tь* с *ь* слабым во всех русских языках дало фонетически *t'* (откуда б.-р. *c'*). Остальные — новообразования.

С западными говорами ю.-в.-р. наречия б.-р. сближается чертой 8, общей ему также с м.-р. и восточными с.-в.-р. говорами.

§ 78. С м.-р. языком б.-р. совпадает по чертам 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 15, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 39, 40с; из них с одним м.-р. по чертам 2, 3, 6, 20, 22, 24, 26, 28, 32, 36, 39, 40с и отчасти 11 (в ю.-в.-р. о.-сл. *g* перешло в γ, но не изменилось в придыхание); часть таких совпадений относится к архаизмам, утраченным в в.-р., и свидетельствует только о явлениях, пережитых всеми в.-р. говорами и не затронувших б.-р. и м.-р., но не говорит прямо об их единстве; это — совпадения по чертам 2, 15, 22, 24, 26, 39; общими с м.-р. новообразованиями являются 3, 6, 20, 28, 31, 32, 36 и до известной степени 11 (переход $\gamma > h$). Об остальных чертах см. выше.

С частью (в некоторых случаях с большей) м.-р. говоров б.-р. совпадает также по чертам 7, 13, 14, 35, 37, 38; из них 37 — новообразование, общее б.-р. с в.-р. и с полесскими и вост.-укр. говорами м.-р., 7, 13 и 14 — новообразования, общие б.-р. языку только с частью м.-р. говоров (в в.-р. шипящая *č* — мягкая везде, где не возникла вторично на месте твердого *c*), и 35 и 38 — архаизмы, сохраненные в 1-м случае ю.-в.-р., во 2-м — частью с.-в.-р. говоров.

§ 79. Совпадения б.-р. с в.-р. в целом являются несомненно результатом общего процесса, пережитого и б.-р. и в.-р.

Из совпадений с с.-в.-р. говорами 15, 19, 29, 34, 38, как архаизмы, на связь с с.-в.-р. говорами не указывают; совпадения с Восточной группой с.-в.-р. говоров по чертам 8, 9 и 21 являются результатом одинаковых процессов, пережитых б.-р. и м.-р. языками, с одной стороны, и Восточной группой с.-в.-р. говоров — с другой. Эти черты стоят в органической связи между собой, а потому одновременное появление их всех в совокупности в разных говорах не говорит еще об общей жизни этих говоров. Что касается черт 10 и 17, представляющих новообразования, неизвестные ю.-в.-р. и м.-р., то они могли развиться в б.-р. и независимо от с.-в.-р., но не исключена возможность и генетической связи между этими явлениями в с.-в.-р. и б.-р., ср. ниже ряд черт с.-б.-р. наречия, общих с с.-в.-р. говорами.

§ 80. Новообразования, общие б.-р. языку с ю.-в.-р., все свидетельствуют об их общей жизни в прошлом, относясь к двум эпохам: эпохе общей жизни б.-р. с ю.-в.-р. и м.-р. (черта 11) и эпохе общей жизни б.-р. только с ю.-в.-р. (черты 1, 16, 40а, 40b и, может быть, 27). См. выше о ю.-в.-р.

Новообразования, общие б.-р. языку с м.-р. и отсутствующие в других русских языках и наречиях, безусловно, являются результатом общей жизни этих языков по отделении их от в.-р.

§ 81. С.-б.-р. наречие (§ 72) сближается со всем в.-р. по чертам 3, 4, 5, 6, 7, 12 и 13, а также 2, поскольку в нем нет «дифтонгов» из *e* и *o* в новых закрытых слогах, и 10, поскольку нет форм 1 sg. на *-džu* от глаголов с основами на *d*. Северо-восточные говоры с.-б.-р. наречия сближаются с в.-р. и наличием *r'* мягкого (17). Во всех случаях, кроме 4, 5 и 6, мы имеем дело лишь с отсутствием новообразований, общих ю.-б.-р. с м.-р., что не указывает само по себе на ближайшую связь с.-б.-р. с в.-р., а только на отсутствие подобной связи в данных случаях с ю.-б.-р. и м.-р. Черта 4 представляет общую с.-б.-р. с в.-р. утрату старых форм nom. pl. на *ě* от основ на мягкие и общее ему с в.-р. и м.-р. отсутствие форм nom. pl. на *ě* ($\widehat{ye}$, *e*) после твердых, известных только ю.-б.-р.

Со значительной частью в.-р. говоров, как северных, так и южных, с.-б.-р. сближается отсутствием так наз. дифтонгического произношения *ě* и совпадением *ě* с *e* как без ударения, так и под ударением, а также отсутствием *ᵘo* из старого ударяемого *o* с интонацией акута, известного ю.-б.-р. наречию. Мы не располагаем такими данными, которые позволяли бы нам утверждать с полной уверенностью, что отсутствие *ᵘo* из акутованного *o* в с.-б.-р. является результатом утраты такого произношения, а не представляет исконной черты этого наречия, но относительно *ě* имеем достаточные основания предполагать, что дифтонгическое произношение *ě* было некогда обще всему русскому языку, и отсутствие его в с.-б.-р. есть результат его позднейшей утраты, которая могла произойти в нем независимо от в.-р., но может рассматриваться и как факт общей жизни с.-б.-р. с западными в.-р. говорами, сохранившими как раз меньше всего следов первоначальных дифтонгов.

§ 82. Общих со всем с.-в.-р. новообразований в с.-б.-р. нет. Со значительной частью с.-в.-р. говоров с.-б.-р. наречие сближается чертой 8 (loc. sg. m. прилагательных = instr. sg.), с восточными — чертой 14 (2 pl. на *-t'o*) и с разными (Олонецкой, Владимирско-Поволжской) — чертой 9. Северные говоры сближаются с большей частью с.-в.-р. цоканьем (18) и instr. pl. = dat. pl. (19). Так как последние две черты, несомненно, представляют результат общей жизни с.-б.-р. и с.-в.-р. говоров в прошлом и так как есть данные, указывающие на то, что южная граница цоканья в б.-р. области ранее была много южнее, можно думать, что и формы loc. sg. прилагательных = instr. sg. являются результатом той же общей жизни.

§ 83. С ю.-в.-р. в целом с.-б.-р. наречие общих черт, отсутствующих в ю.-б.-р., не представляет; с западными говорами ю.-в.-р. наречия сближается диссимилятивным яканьем и произношением *i*

из предударных *а*, *е*, *ě*, *ь* после мягких перед слогом с *а*; можно заметить, что все ю.-в.-р. говоры с аканьем такого типа знают общее с б.-р. изменение о.-сл. *wъ* > *u*, тогда как говоры с *v* и *f* в этом случае имеют аканье недиссимилятивное. Совпадение с.-б.-р. наречия с западными ю.-в.-р. говорами по характеру аканья указывает на ближайшую связь между ними в эпоху образования аканья в б.-р.

§ 84. С м.-р. совпадений, не имеющихся в ю.-б.-р. наречии, с.-б.-р. не представляет.

§ 85. Ю.-б.-р. наречие (§ 73) совпадает с теми или другими в.-р. говорами вообще только теми чертами, которые общи ему с м.-р., кроме одной — *ᵘо* из о.-сл. *о* под ударением с интонацией акута. В м.-р. *ᵘо* такого происхождения нет; трудно допустить, чтобы оно возникло в ю.-б.-р. независимо; против этого говорит как характер ю.-б.-р. наречия, не имеющего таких черт, которые не были бы ему общими с с.-м.-р. или с.-б.-р., так и непоследовательность в употреблении такого *ᵘо*, являющегося не во всех случаях, где его следовало бы ждать, что может указывать на неорганичность его в ю.-б.-р. Связь ю.-б.-р. по этой черте с в.-р. представляется очень вероятной, но непосредственной связи с в.-р. или его говорами в других случаях ю.-б.-р. не представляет. Поэтому можно думать, что *ᵘо* из акутованного *о* было некогда известно и с.-б.-р. наречию, но потом было в нем утрачено, как утрачено и *ⁱе* из *ě*, может быть, одновременно с утратой таких гласных и в соседних в.-р. говорах.

Ближайшая связь ю.-б.-р. наречия с м.-р. сомнению не подлежит.

Совпадение части ю.-б.-р. говоров со многими с.-в.-р. говорами по произношению *s* твердого в возвратных глаголах случайно.

§ 86. Отвердение *l* перед *n* и *c* в большей части б.-р. говоров, как северных, так и южных, — черта, общая им, с одной стороны, с Северной и Восточной группами с.-в.-р. говоров, где такое отвердение наблюдается главным образом перед *n*, *c* и *š*, причем *ł* такого происхождения в говорах Восточной группы, где старое *ł* изменилось в *u* неслоговое, сохраняется без перехода в *u̯*, как и в б.-р., с другой стороны, — с м.-р., где в таком положении *l* не мягкое, а среднее, одинаковое с *l* перед гласными из старых *е* и *i*. Вероятнее всего, что б.-р. отвердение *l* перед *n* и *c* стоит в органической связи с аналогичным явлением или в м.-р. или в с.-в.-р. Не исключена и возможность самостоятельного развития этой черты в б.-р.

§ 87. О совпадениях б.-р. (§ 70) с другими славянскими языками, общих ему с в.-р. или отдельными наречиями в.-р. языка, см. выше, § 50, 61, 68. Совпадения, общие с м.-р. языком, будут рассмотрены ниже. Здесь отмечу совпадения по чертам, неизвестным другим русским языкам или известным им только диалектически. По черте 10 б.-р. язык сближается с лехитскими и лужиц-

кими языками, по чертам 14 и 18 — с польским и по черте 7 — с н.-луж. и каш. и отчасти с разговорным чеш. и большею частью говоров польского языка, где *v* развилось только перед начальным *o*; из этих черт 10 известна и с.-в.-р. говорам, а 14 — м.-р. Ср. совпадения б.-р. с польским и частью другими зап.-сл. языками, общие ему с в.-р. или одним из в.-р. наречий (4, 12, 16 и др.) или с м.-р. (6, 21, 25, 28, 36 и др.), а также совпадение со значительной частью говоров польского и других слав. языков, общее ему с м.-р., по черте 9.

С.-б.-р. наречие (§ 72) представляет некоторые совпадения с лехитскими или вообще зап.-сл. языками, общие ему с частью в.-р. говоров, именно: чертой 8, общей ему со значительной частью с.-в.-р. говоров, оно совпадает с лехитскими и верхнелужицким языками, чертой 9, известной также части с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров — с зап.-сл. языками вообще, поскольку в них различаются согласные твердые и мягкие перед *e*, чертой 18 (цоканьем) — с мазуракающими польскими говорами.

Ю.-б.-р. (§ 73) совпадает со всеми остальными слав. языками, кроме русских, окончанием nom. sg. прилагательных *-y*, *-i* (известным, впрочем, и говорам м.-р.) и с польским отсутствием мягкого *r*.

Цоканье, может быть, представляет следы еще доисторической связи севернорусских говоров с соседними зап.-сл. языками. Остальные случаи совпадения с лехитскими языками, свойственные только б.-р., могли быть вызваны польским влиянием. Польским же влиянием в б.-р. могут объясняться и некоторые черты, общие ему с частью в.-р. говоров, как с.-б.-р. 8 и 9; в таком случае остается неясным их отношение к аналогичным явлениям в.-р. говоров.

§ 88. Между областью южновеликорусского наречия и белорусского языка расположена широкая полоса говоров переходных на б.-р. основе к ю.-в.-р. Характерная черта их — присутствие некоторых фонетических и морфологических черт, несвойственных чистым б.-р. говорам; таковы — диссимилятивное аканье суджанского типа, а также яканье диссимилятивно-умеренное и умеренное, мягкое *č*, долгое *š* вместо *šč*, *k* мягкое после мягких неслоговых и т. д. При этом аканье диссимилятивное суджанского типа, развившееся на б.-р. почве, представляет известные отличия от того же типа аканья в ю.-в.-р. говорах; б.-р. говоры, усвоившие мягкое *k* после мягких неслоговых, обыкновенно сохраняют его после *č* и т. д. Точное разграничение между говорами чистыми б.-р. и переходными, с одной стороны, переходными на б.-р. основе и ю.-в.-р., с другой, затруднительно.

МАЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

§ 89. Черты общемалорусские

1) *о* и *е* старые в новых закрытых слогах дали — в одних говорах только под ударением, а без ударения лишь в некоторых окончаниях, в других и без ударения — гласные, отличные от *о* и *е* в других положениях или из старых ъ и ь: укр. *ніс*, *збіжжя*, *слів* (gen. pl.), *лід*, *сіл* (gen. pl.), полес. *нӯос*, *збӯожже*, *слӯов*, *лӱод*, *сӱол*, карп.-р. *нус*, *збужа*, *слув* или *нӥс*, *збӥжа*, *слӥв*, *люд*, *сюл*, укр. и карп.-р. *ячмінь*, полес. *ячмі͡ень* и т. п., но везде: *носа*, *слово*, *леду*, *села* (nom. pl.), *ячменя*, также: *сон*, *гвоздок*, *овес*, *конець* и пр., где *о*, *е* из ъ, ь.

2) Старые *е* и ь сильно изменились фонетически в *о* перед твердыми только после шипящих, а также в тех немногих случаях, когда предшествующая им нешипящая мягкая согласная почему-либо не отвердела: *жонатий*, *шостий*, *чобіт*, *щоби*, *йорж*, *сьомий*, *жовтий*, *шовк*, *чорний*, *копійок*, *льон*, *сьлози*. Ср. также изменение *е* в новых закрытых слогах перед твердыми в полес. и карп.-р. в те округленные гласные, какие получились и из старого *о* в том же положении, со смягчением предшествующих нешипящих согласных.

3) Из о.-сл. *ě* получились — в одних говорах только под ударением, а без ударения лишь в конце слова в падежных окончаниях, в других независимо от ударения — гласные, отличные от *е* (именно, *і* или *і͡е*), со смягчением предшествующей согласной: укр. и карп.-р. *сіно*, *місяць*, полес. *сі͡ено*, *мі͡есець*, ср. везде *села*, *десять*, *овес*, *день*.

4) О.-сл. *y*, *і* перед *i̯* сохранились без изменения в *о*, *е*, лишь с теми фонетическими изменениями, каким подверглись всякие *y*, *і* и в других положениях: укр. *злий*, *мию*, *шия*, *пий*, карп.-р. *злый*, *мыю*, *шия*, *пий*.

5) О.-сл. *rъ*, *rь*, *łъ*, *lь* между согласными в слабом положении дали сочетания, отличные от *ro*, *re*, *ło*, *le*: укр. *дрива*, *кривавий*, *гримить*, *слиза*, карп.-р. *дырва*, *кырвавый* и т. п.

6) *u* в начале слова в известных случаях подверглось редукции: *ўмію*, *ўчити*, *ўмерла*, а после гласных (как того же слова, так и в конце предыдущего слова) может становиться неслоговым: *не вмію*, *на Вкраїні*, *навчити* и т. п.[76]

7) О.-сл. начальное *i̯ь* неударяемое в слабом положении или отпало: *голка*, *грати*, *му* 1 sg., *маю*, *міти*, предлог *з* и т. п., или редуцировалось и после гласной дало *і* неслоговое: *не йде* и т. п.; известны и случаи отпадения начального *і* старого: *ськати* 'искать вшей'.

[76] Буква „в" в украинском правописании не перед гласными передает *u* неслоговое. Впрочем, в зап.-укр. и карп.-р. такое *u* неслоговое (или *w*) как из старого *u*, так и из старого *w* перед согласными может переходить в *v* (перед звонкими и сонорными) и *f* (перед глухими).

8) О.-сл. *шъ*, *шь* не после согласных дало *u*, слоговое (нередко редуцированное) в начале слова не после конечной гласной предыдущего слова в той же фразе, неслоговое в остальных случаях: *ўдова*, *ў хаті*, *молода вдова*, *там удова ходила*, *як у воду впав*, *правда*, *волів*.

9) *ł* не перед гласными изменилось в *u* неслоговое; впрочем, во многих морфологических категориях сохраняется в большей части говоров *ł* (диалектически *l*), а именно в конце слова в падежных формах существительных с основой на *ł* и перед суффиксом *-k*: *вовк*, *жовтий*, *прийшов* (f. *прийшла*) и пр., но *стіл*, *сіл* gen. pl., *голка*, *кілка́* gen. sg. (при диалектич. *стів*, *сів*, *говка* и пр.) [77].

10) Из о.-сл. *g* получилось придыхание (*h*): *город*, *нога* и пр. = *hórod*, *nohá*.

11) Перед начальными гласными из старого *o* в новых закрытых слогах развилось *w*: *вівса*, *вівця*, *вікно*, *він* и пр. (*овса*, *овца*, *окно*, *он*); такое же *w* получилось и перед начальным *u*: *вухо*, *вулиця* и пр.; впрочем, существует и произношение с начальным *u*: *ухо*, *улиця*.

12) Согласные перед старыми *e* (из о.-сл. *e* и ь) и *i* и их фонетическими рефлексами тверды, в том числе и *c*, мягкое в остальных положениях, и *l*, *n*, *r* из о.-сл. *l*, *n*, *r* мягких: *до него*, *з ним*, *поле* и пр.

13) Губные почти всюду отвердели; мягкие губные являются, и то не во всех говорах, только перед *i* новым (из *ě* и так наз. дифтонгов) *бідний*, *він*, а также перед *a* из о.-сл. *ę*, если ему предшествует согласная: *святий*, *різдвяний*, *червяк*, *тмяний* и др.; мягкие губные перед *a* из *ę* не после согласных, а также перед гласными из старого *e* в новых закрытых слогах в тех случаях, где это *e* не перешло в *i*, изменились в сочетания твердых губных с *j* либо (губные неносовые не в начале слова перед *a*) с *l'* и (губная *m*) с *n'*: *п'ять*, *голуб'я*, *в'язати*, *дерев'яний*, *жаб'ячий*, *м'ясо*, *сім'я (семя)*, *солом'яний*, *жеребля́*, *здоро́вля*, *деревляний*, *жаблячий*, *мнясо*, *сімня*, *соломняний*, с.-м.-р. *п'ю͡ок*, *зав'ю͡ов*, *зам'ю͡ов*, карп.-р. *п'юк*, *зам'юв*, *ув'юв*, *м'юд* и пр.; сочетание *mj* или *mn'* является и перед *u* в dat. sg. n. на *-mja* (о.-сл. основ на *-men*): *ім'ю*, *сім'ю* и т. п. [Диалектически мягкие губные встречаются также в части полес. и ю.-карп. говоров перед так наз. дифтонгами и новыми *u* и *ӥ* из старого *e* в новых закрытых слогах перед твердыми; в ю.-карп.

[77] [Предположение Крымского (Украинская грамматика, I), что окончание *u̯* в praet. sg. m. (*ходив*) не из старого *łъ*, а из *-шъ* в окончании part. perf. akt. (древнерусское m. *ходивъ*, f. *ходивъши*) считаю мало вероятным. Не вижу надобности и в предположении П. Бузука (Нарис історії української мови. Київ, 1927, стр. 34—35), основанном на сохранении *ł* в nom. sg. m. существительных (*стіл*) и перед суффиксом *-ka* (*голка*), что *ł* изменялось в *u̯* до падения глухих: в этих случаях *ł* могло быть и вторичным, а в склонении могло и удержаться без перехода в *u̯* по причинам морфологическим].

я наблюдал такие мягкие губные только в начале слова: *v'us*, *v'uw*, *m'ut* и *v'üs*, *v'üw*, *m'üt* (при *vi̯uw*, *vi̯us*, *mn'ut* других ю.-карп. говоров)].

14) *c* вообще мягко и отвердело только во всех говорах перед старыми *e*, *i* (см. выше 12) и диалектически в немногих говорах в конце слова и в суффиксе *-ca*.

15) О.-р. *šč* и *ždž* (из о.-сл. *sk'*, *skj*, *stj*) сохраняются всюду как *šč*, *ždž*, но по твердости и мягкости однородные с остальными шипящими (т. е. в большей части говоров твердые во всех положениях, кроме положения перед *i* новым).

16) В.-р. сочетаниям зубных в широком смысле, кроме *r* (т. е. *d*, *t*, *n*, *l*, *s*, *z*, *š*, *ž*, *č*), с *j* (из о.-сл. сочетаний «согласная+ъi̯ или ьi̯») соответствуют долгие в одних говорах, краткие в других мягкие зубные и шипящие; последние в этих случаях во многих говорах (не только там, где мягкие шипящие сохранились вообще) мягки, но в значительной части говоров отвердели, как и в других случаях: *життя*, *груддя*, *насіння*, *весілля*, *колосся*, *полоззя*, *збіжжя*, *обличчя*, *ніччю*, *роскішшю* или *збіжжа*, *обличча*, *ніччу*, *роскішшу* и *житя*, *грудя* и пр.; в положении после согласных мягкие согласные и шипящие такого происхождения всюду кратки: *щастя*, *смертю* и т. д.

[16 а). К числу древнейших фонетических отличий ю.-р. говоров (предков м.-р. и ю.-б.-р.), вероятно, относится и *dž* из о.-сл. *dj*, сохранившееся диалектически в ю.-б.-р., полес., вост.-укр. и части говоров зап.-укр. и карп.-р. На это указывают не только формы 1 sg. на *-džu* типа *ходжу*, *виджу* и связанные с ними причастия на *-dženi̯i̯*: *са́джений*, *су́джений* и производные на *-džatï* и *-džuvatï*: *саджати*, *саджувати* в ю.-б.-р., полес. и вост.-укр., где можно предполагать и вторичное развитие аффрикаты *dž* вместо старого *ž* в силу морфологических причин[78], но и ряд слов с *dž*, где такие причины отсутствовали, как укр. *саджа*, полес. *походж*, *з'їдж* imp., галиц. *їдж*, *помеджу*, *вуджий* 'поводырь', *саджявка*, *передже*, *повідж*, карп.-р. *саджа*, *оджа*, *пряджа*, *меджа*, *рыджік*, *чуджий*, ср. передачу такого *dž* через «ч» в ю.-р. и зап.-р. географических названиях в сев.-русских летописных текстах XV—XVI в. *мечиб(ож)ию*, *дорогобучь*. Но несомненно, что ю.-русскому наречию издавна было известно и *ž* из о.-сл. *dj*. Неясно первоначальное географическое распространение *dž*: в вост.-укр. при глагольных формах типа *саджу́*, *са́джений*, *сад-жа́ти* в остальных случаях, кроме слова *са́джа*, — только *ž*: *межи*, *оде́жа*, *чужи́й* и др.; в карп.-р. в 1 sg. обычно *ž*: *ви́жу*, *са́жу*, *хо́жу*; удаленность Карпатской Руси от в.-р. области исключает возможность влияния русского литературного языка. Вопрос осложняется и тем, что в м.-р. имеются также слова с начальным *dž*

---

[78] [Украинские ученые отрицают возможность влияния морфологических причин на появление аффрикаты *dž*].

из о.-сл. ž<g перед палатальными гласными: *джерело́* и др. Предполагают [79], что в таких случаях *dž* было извлечено из сочетаний с предлогом *iz*, где фонетически должно было сохраниться *ždž*: *iždžerela* и т. п.].

b) Морфологические:

17) Сохранились старые звательные формы: *чоловіче*, *синку*, *мамо* и пр.

18) Сохранились свистящие согласные у имен с основой на задненебные перед *ě* (т. е. *i͡e* или *i*) в надежных окончаниях: *на руці*, *на нозі* и т. п.

19) В loc. sg. m. и n. получили большое распространение формы на *-и*, хотя в большей части говоров такие формы употребительны менее, чем в ю.-в.-р. и б.-р., благодаря вытеснению их во многих случаях формами на *-ovi* или *-ovï*.

20). Сохранились nom.-acc. pl. на *-ě* от существительных мужского и женского рода с основами на мягкие: *коні*, *землі*, *ножі*, *души*, с.-м.-р. *песніе* и т. п.

21). Gen. pl. в значении acc. pl. употребляется только от имен лиц мужского пола: *сині́в*, *госте́й*, *п'ятниць*, *суддї́в* и пр.; acc. pl. от имен животных совпадает с nom. pl.: *волú*, *коро́ви*, *свині* и пр.; впрочем, в восточных говорах употребителен и gen. pl. в значении acc. pl. и от имен лиц женского пола: *жіно́к*, *сесте́р* и пр., а частью и от названий животных: *пасти волів*, *доїти коров* и пр. Такие формы встречаются и в литературном языке, хотя новейшие писатели их вообще избегают.

22). Nom. pl. на *a* от имен мужского и женского рода отсутствует, кроме нескольких существительных мужского рода: *ву́са*, *рука́ва*, *хліба́*, *вівса́*, *очерета́* и немногих др. [Бо́льшая часть подобных случаев — названия парных предметов, сохранившие старое окончание nom. du].

23). При nom. числительных 2, 3, 4 существительные мужского рода ставятся в nom. pl., но по крайней мере в литературном укр. с ударением gen. sg: *два си́ни*, *чотири дворú* и пр.

24). При тех же числительных от существительных женского и среднего рода а) употребляются формы на *-ě*: *дві кни́жці*, *дві відрí* и т. п.; но b) употребительны и формы, тожественные с в.-р.: *дві кни́жки* (ударение gen. sg.!), *два відра́*.

25). Числительные *два*, *оба*, *обúдва* при существительных среднего рода имеют ту же форму, что и при существительных женского рода, — на *ě* (*i*, *ie*), но употребляются и формы на *-a*; в связи с этим различием стоит и различие в форме существительных (см. 24).

26) В nom. и acc. sg. f. и n. и nom.-acc. pl. прилагательных бо́льшая часть говоров знает только стяженные формы на *-a*, *-e* и *-ï* или *-i*; нестяженные формы sg. f. и pl. встречаются только

[79] [Ср.: Шахматов. Очерк, стр. 210.]

в полесских говорах, а нестяженные формы sg. n., кроме того, также в карп.-р.

27) В gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных окончание *oho*: *старого*, *синього*, *того* и пр., с.-м.-р. и вост.-укр. *його*, *всього* и др.; в зап.-укр. есть и *-eho*, но только в местоименном склонении: *єго*, *сего*, *всего*.

28). Gen.-acc. sg. личных местоимений и возвратного оканчивается на *-е*: *мене*, *тебе*, *себе*.

29). Dat.-loc. sg. личного местоимения 1-го лица — *мені* (с.-м.-р. *мен*ie̊). [В карп.-р. говорах обычно *мні* (на Верховине также *мені*)].

30). Косвенные падежи числительных 5—80 имеют окончания *-ох*, *-от*, *-та*: *п'ятьо́х*, *-ьо́м*, *-ьма* и т. д.

31). Глаголы с основой на задненёбные заменили их в личных формах ind. и свистящие в imp. шипящими: *печу*, *печуть*, *печи*, *печім*, *печіть*, *ляжу*, *можу* и пр., также: *біжу*, *біжать* и т. д.

32). В 3 sg. окончание *t*, мягкое в одних говорах, твердое в других, имеют всюду только глаголы 2-го тематического спряжения при ударении на окончании: *стоїть*, *сиди́ть* и пр., и нетематические глаголы *їсти*, *дати* и *-вісти*; отсутствует окончание *-t* только у невозвратных глаголов 1-го тематического спряжения: *иде*, *несе*, *знає*; впрочем, в некоторых говорах, между прочим, у бойков (крап.-р.) обычны стяженные формы на *-at* от основ на *-а*: *він ся пытат*, *сідат*, *завертат*, *сховат* и т. п.; возвратные глаголы 1-го спряжения имеют постоянно *-t* в тех говорах, где возвратная частица *ся* слилась с глаголом в одно слово: *береться*; в некоторых говорах известны и формы 3 sg. без *-t* от глаголов 2-го спряжения с ударением на основе: *хо́де*, но везде: *сиди́ть* и т. п. [Формы 3 sg. на *-at* обычны во всех карп.-р. говорах].

В 3 pl. всюду все глаголы имеют в окончании *t* мягкое или твердое (*-ut'*, *-at'* или *-ut*, *-at*).

33) В 1 pl. ind. и imp. рядом с окончанием *-m* известны и окончания с гласной после *m*, именно, — окончание *-mo* во всех говорах, кроме карп.-р., и *-me* в карп.-р.

34) В 1 и 2 pl. imp. перед согласными окончаний под ударением или после известных групп согласных является *ě* как у глаголов 1-го, так и у глаголов 2-го спряжения: *несім*, *несіть*, *ходім*, *ходіть* (полес. *нес*ie̊*м* и т. д.).

35) 2 pl. imp. оканчивается на *-te* после неслоговых звуков и на *-t'* или *-t* после *i*: *ідіть*, *ходіть*, *бувайте*, *ляжте* и пр.

[Назову некоторые из живых особенностей нынешнего звукового и морфологического строя малорусского языка.

1. Как и в в.-р., одним из основных стержней фонетической системы всего м.-р. языка является существование соотносительных категорий твердых и мягких согласных. Но парными по твердости и мягкости согласными в м.-р. являются не те же согласные, какие и в в.-р., равно как и само соотношение этих категорий

базируется на иных началах. Одинаково с в.-р. различаются в м.-р. ряды *d*, *t*, *n*, *z*, *s*, *ł* (или *l*) и *d'*, *t'*, *n'*, *z'*, *s'*, *l'*, но в гуцульских говорах параллелизм *d*, *t* : *d'*, *t'* устранен переходом *d'*, *t'* в *g'*, *k'*; *r* и *r'* различаются только в вост.-укр. и карп.-р.; ряды *h*, *k*, *x* и *h'*, *k'*, *x'* различаются в полесских, вост.-укр. и зап.-укр. говорах, хотя, как и в большей части в.-р. говоров, твердость и мягкость этих согласных обусловлены здесь фонетическим положением, и не различаются в карп.-р.; в противоположность в.-р. и б.-р. в значительной части м.-р. говоров все шипящие и *c* имеют и твердый, и мягкий варианты, различие между которыми, как и различие между твердыми и мягкими небными, обусловлено фонетическим положением, но также и морфологически (ср. вост.-укр. *лежять* 3 pl. и *лежав* praet. m.); к непарным по твердости и мягкости согласным почти во всем м.-р. относятся губные, в значительной части говоров *r*, в карп.-р. говорах *h*, *k*, *x*, в гуцульских *d* и *t* и во многих говорах шипящие.

2. В полес., вост.-укр. и карп.-р., как и в в.-р. и б. р., в положении перед *e* твердость или мягкость согласных, различающих твердые и мягкие варианты, является обусловленной фонетически, т. е. перед *e* возможен только один вариант, но, в отличие от в.-р. и б.-р., где такие согласные перед *e* обязательно мягки, здесь они обязательно тверды. В полес. и вост.-укр. мягки перед *e* только долгие согласные из старых сочетаний с *j*, получившихся после так наз. падения глухих: вост.-укр. *ллється*, полес. *життє* и т. п.; но эти согласные, мягкие и в других положениях, не соотносительны не только с согласными краткими, но и с долгими твердыми согласными, потому что последние в полес. и вост.-укр. известны только в таких морфологических комплексах, где они легко разлагаются на согласную в конце одного морфологического элемента и согласную в начале другого [80], тогда как долгие мягкие согласные из сочетаний с *j* морфологически не разложимы; таким образом, они стоят особняком, как согласные, не парные по твердости и мягкости, подобно московским долгим мягким *š̄* («щ») и *ž̄* («жд, жж, зж»). В карп.-р. такие долгие мягкие сократились, но в положении перед *e* они, по-видимому, не встречаются. В зап.-укр., где они также сократились, но где в отличие от вост.-укр. и карп.-р., в окончании существительных среднего рода типа *житє* является *е*, твердость и мягкость согласных перед *е* является необусловленной: *смітє* и *спите* и т. п.; зато в говорах, где *а* после мягких изменилось в *е*, фонетически обусловленной стала твердость согласных перед *а*; в карп.-р., кроме того, только твердые согласные являются перед *y* («ы»), которое здесь существенно отличается от *i* и *ï* и с ними не ассоциируется. Указанные различия между полесскими и вост.-украинскими говорами,

---

[80] [Слова эмоциональные и собственные имена могут стоять вне этой системы].

с одной стороны, и зап.-украинскими, с другой, — не мешают особой близости их фонетической системы: при необусловленности твердости и мягкости согласных перед *е* в зап.-укр., все же твердое произношение согласных перед *е* является преобладающим, особенно там, где *а* после мягких не изменилось в *е*, и одинаково отсутствует в.-р. и б.-р. тенденция к смягчению всех согласных парных перед палатальными гласными.

3. Вместо в.-р. различения во множественном числе категорий одушевленности и неодушевленности значительная часть м.-р. говоров различает с помощью тех же средств (совпадение acc. pl. с nom. pl. или с gen. pl.) категории лица и нелица, причем имена лиц женского пола во многих из этих говоров относятся ко второй категории (нелица), как в польском.

4. К среднему роду относятся не только названия неодушевленных предметов, но и животных и лиц, главным образом детенышей или молодых: *дівчá*, *теля́*, *лошá* и пр.; часто местоимение среднего рода *онó* (*вонó*) в применении к детям, маленьким животным и пр.

5. Отмечу одну характерную синтаксическую черту; это — сильное развитие пассивных безличных оборотов от переходных глаголов с винительным падежом существительного, типа *його вбито*; в в.-р. подобные обороты не употребительны [81].

Фонетические черты, отличающие м.-р. язык от других русских языков, еще более резко отличают его от польского; наоборот, морфологические черты как обще-м.-р., так и диалектические, не повторяющиеся в в.-р. говорах, по большей части сближают м.-р. с польским. Черта 5 (синтаксическая) не повторяется, кажется, больше ни в одном славянском языке].

§ 90. Диалектические явления малорусского языка

1. По условиям, при которых гласные *о* и *е* в новых закрытых слогах и *ě* изменились в гласные, отличные от *о* и *е* другого происхождения (т. е. из *о* и *е* не в новых закрытых слогах и из *е* и *ь*), все м.-р. говоры распадаются на две группы: *А* говоры, в которых эти гласные подверглись такому изменению только под ударением, а также в падежных окончаниях, и *В* говоры, где это изменение произошло независимо от ударения. К группе *А* принадлежат все полесские [82] говоры, в которых эти гласные отличаются от *i*,

---

[81] [В.-р. языку свойственны безличные обороты от личных глаголов, главным образом двух типов: a) невозвратные от глаголов переходных и непереходных: *сойдёт*, *прошло*, *его громом убило* и пр., b) возвратные с dat. лица; обычные в зап.-сл. языках возвратные безличные обороты без dat. лица в в.-р. мало употребительны; им обычно соответствуют неопределенно-личные обороты с 3 pl.].

[82] Термином «полесские» обозначаю говоры, называемые в «Опыте» МДК северномалорусскими, т. е. как собственно полесские, так и подляш-

и прилегающая к ним полоса говоров, имеющих в этом случае *i* («полесско-украинских»): полес. *жуонка*, *нуоч*, *руодни* nom. sg. m. adj., *загуон*, *принюос*, *пieч*, *ячмieнь*, *дieд*, *бieдни* nom. sg. m. adj., но *жонкí*, *ночліег*, *родня́*, *ви́гон*, *метла́*, *на при́печку*, *дедо́к*, *беда́*, полес.-укр. *кінь*, но: *конця́*; остальные говоры принадлежат к группе *B*, причем в эту последнюю также входят как говоры с *i* из *e* и *o* в новых закрытых слогах, так и говоры с гласными того же происхождения, отличными от *i*: укр. *жінки́*, *вікно́*, *чо́біт*, *по́піл*, *ве́чір*, *о́сінь*, *спідни́ця*, *сі́льский*, *мішо́к*, *біда́*, *бідола́ха* и пр.; ю.-карп. *во́зур* 'окно', *на́рут* 'народ', *куся́* 'косьё', *кусце́ви* dat. sg. 'косцу', *вутцю́*, *кра́юв*, *біда́*, *бічи́* 'бежать', *бе́сіда*, *ви́ділам* 1 sg. f. praet.

По качеству гласных, получившихся из старых *o* и *e* в новых закрытых слогах и из *ě*, между м.-р. говорами существуют следующие различия.

α) Из старого *ě* и из того старого *e*, которое являлось в новых закрытых слогах в положении перед мягкими, получилось под ударением в говорах *A* и независимо от ударения в говорах *B*: a) *i*, перед которым согласные всюду мягки, во всех говорах *B* и в южной части говоров *A*; b) так наз. «дифтонг» *ie*, точнее — гласная неоднородной артикуляции, под ударением и *i* в безударных окончаниях, причем согласные перед таким *ie* и *i* также всюду мягки, в архаичных полесских говорах. В тех говорах, где шипящие и *r* вообще отвердели, перед *ⁱe* и *i* такого происхождения они сохраняют мягкость, и только в немногих говорах отвердели, причем после *r* перед *i* развилось *i̯* неслоговое; подобным же образом в некоторых говорах губные перед таким *i* изменились в сочетания твердых губных с *i̯* неслоговым. Без ударения из *e* перед мягкими в новых закрытых слогах и из *ě* не в окончаниях в говорах *A*, как в группе b), так и в группе a), получилось *e*, совпавшее с *e* другого происхождения; согласные перед ним вообще тверды. Впрочем, есть говоры, которые по судьбе безударных *o* и *e* в новых закрытых слогах относятся к группе *A*, но имеют *i* из *ě* и в предударных слогах.

β) Из старого *e* перед твердыми и из старого *o* получились в новых закрытых слогах (под ударением и в окончаниях в говорах *A* и независимо от ударения в говорах *B*): a) в части полесских говоров так наз. «дифтонги», т. е. гласные неоднородной артикуляции, *u͡o*, *u͡ȯ*, *u͡ə*, *ü͡ȯ*, *u͡e* и т. п. под ударением и *u* в безударных

ские; зап.-полесские говоры настоящей книги соответствуют подляшским, зап.-полесским и среднеполесским говорам «Опыта». «Полесско-укр.» называю полосу говоров с *i* из *o*, *e* в новых закрытых слогах только под ударением (в «Опыте» — северноукраинские); термины «вост.-укр.» и «зап.-укр.» соответствуют юго-восточным и юго-западным говорам Ганцова, за вычетом из последних говоров карп.-р.; «карп.-р.» называю закарпатские говоры, кроме гуцульских в округах Ясиня и Рагово в восточной части Марамарошской жупы, и говоры лемков и бойков.

падежных окончаниях; b) в другой части полесских говоров разные гласные, отличные от *i* (*и*, *ӥ*, *ӧ*, *ї* и др.); c) в говорах южнокарпатских — *и* в южной части и *ӥ* в северной, частью на крайнем западе гласные менее округленные; d) во всех остальных говорах *B* и южной части говоров *A* — *i*. Перед гласными такого происхождения, отличными от *i*, согласные тверды, если эти гласные получились из старого *o*, и мягки, если они восходят к старому *e*, кроме шипящих и *r*, в тех говорах, где эти согласные отвердели и перед гласными из старого *ě*; перед *i* такого происхождения из старого *e* согласные всюду мягки, и перед *i* из *o* тверды в говорах *A* и большей части зап.-укр. говоров и мягки в говорах вост.-укр. и некоторых зап.-укр. (Примеры см. выше и в § 89.1.3).

2. a) В говорах *A* гласная *a* после мягких (из о.-сл. *a* и *ę*) обычна только под ударением и в окончаниях; без ударения ей соответствует *e*; согласные (кроме *j*) перед таким *e* тверды[83]: *п'ять*, *взяв*, *зять*, *тяжко*, но *мiесець*, *зéрнетко*, *гледжý*, *хóдеть* 3 pl. и пр.[84]; b) в говорах *B* гласные из о.-сл. *a* после мягких и *ę* без ударения не отличаются от гласных того же происхождения под ударением, а согласные перед ними вообще мягки (кроме случаев, названных ниже в п. 16, 20, 21): укр. *п'ять*, *взяв*, *зять*, *тя́жко*, *мíсяць*, *гляджý*, *хóдять* и пр.; гуцул. *п'єть*, *кьишко* 'тяжко', *взьив* 'взял', *розийзав* 'развязал', *дéсїть тúсьич* и др.

3. О.-сл. *y* и *i* a) в большей части говоров совпали в одном звуке; b) различаются только в собственно карпаторусских говорах, занимающих Закарпатье (в пределах Чешскословацкой республики) и северные склоны Карпат (область так наз. замишанцев, лемков и бойков), кроме восточной части Карпат на обоих склонах, занятых гуцульскими говорами, далее — в говорах юго-западной части Восточной Галичины к западу от Львова и в некоторых подляшских говорах. Гласная, соответствующая о.-сл. *y*, в карп.-р. говорах заметно отличается от в.-р. *y* несколько пониженной артикуляцией и слабым округлением, дающими впечатление некоторой близости к *o* или *ọ*; в большей части карп-р. говоров эта гласная (передаваемая в карп.-русском письме и в украинских записях из области карп.-р. говоров буквою „ы") — заднего ряда, т. е. более задняя, чем в.-р. *y*. Гласная, соответствующая о.-сл. *i*, в карп.-р. говорах частью близка к украин-

[83] Примеры для *e* такого происхождения после твердых известны только из о.-сл. *ę*.

[84] [Я не вижу оснований возводить, как, по-видимому, хотелось бы Ганцову (Дiялектологiчна классифiкацiя, 27, 58, 64), различия между судьбою *ę* под ударением и без ударения в полесских говорах ко времени более раннему, чем падение глухих, так как это явление, несомненно, связано с заменой так наз. музыкального ударения динамическим, что происходило не раньше падения глухих. Явление это в полесских говорах, как и в ю.-в.-р. и б.-р., одинаково сводится к совпадению старых безударных *a*, *e*, *ě*, *ь* после мягких и, вероятно, является результатом одного процесса, распространившегося в ю.-в.-р. и б.-р. и на гласные после твердых].

ской гласной, передаваемой буквою „и“, частью является более передней; и в том и другом случае она принадлежит к гласным верхнего подъема, артикулируясь выше, чем, например, в соседних галицких и гуцульских говорах, и [по большей части] не дает впечатления близости к *е*. В говорах, где о.-сл. *у* и *і* совпали, получившаяся от этого совпадения гласная, передаваемая в украинском письме буквою „и“, заметно отличается от в.-р. *і* более задней и, по большей части, более или менее пониженной артикуляцией, переходя в некоторых говорах в *е*. Диалектические различия в произношении этого звука состоят в большем или меньшем передвижении артикуляции назад — в зап.-укр. он более задний, чем в вост.-укр., — и в большей или меньшей склонности к *е*; произношение его как *е* или близкое к *е* наблюдается чаще всего в зап.-укр. (особенно в Галичине и у гуцулов) и в подляшских говорах, значительно реже — в вост.-укр.; в собственно полесских и полес.-укр. говорах он заметно отличается от *е*. Ниже условно звуки, получившиеся в результате совпадения *і* и *у*, обозначаю буквою *ї*.

4. a) Зїлинський (RSl.IX.2.240, 244) отмечает в некоторых зап.-полесских, галицких и карпаторусских говорах сильно пониженную артикуляцию *е*, звучащего почти как чистое *а*: подляш. *вжа*, *два́рі*, *васна́*, карп.-р. *да-* в *дахто* [85] и т. п., *тара́лик*, *тра́ба* и др. b) В большей части говоров подобное явление не отмечено, а *е* безударное произносится даже закрыто (см. п. 6).

5. a) Зап.-укр. и подляшским говорам свойственна так наз. гармония гласных, выражающаяся в том, что безударное *о* переходит в *и* перед слогом с гласными (как ударяемыми, так и безударными) верхнего подъема, т. е. с *и* и *і*, и сохраняется как *о* перед слогом с гласными среднего подъема, т. е. с *о* и *е*, а также и перед слогом с *ї*; безударное *е* может изменяться в *і* перед слогом с *і* и *и* и сохраняться как *е*, ясно отличающееся от *ї*, перед слогом с *е* и *о*. Так, в записях Голоскевича из Ушицкого у. Подольской губ.[86] последовательно: *subí*, *čułuvík*, *stujít*, *du vuhńú*, *ná huru*, *uzmút*, — *s sobóju*, *vohoń*, *na doróźi*, *koróbočko*, *vozméš*, *konéc*, *voný*, *horýt*, *ozmý*, *kobýła* и т. п., — *miní*, *jimú*[87], — *mené*, *tebé*, *peréd*, *jehó*, *nakładženo* (но также: *ny búło*, *ny móž*, *vyrbóju*). Перед слогом с *ї* в этих записях вместо *е* последовательно — *у* (т. е. *ї*): *łyžyt*, *ožynýu̯śa* и др.; перед слогом с *а* безударное *о* сохраняется, но вместо *е* является *у*: *voná*, *stroml'aju* 'сую' и пр., *vyrbá*, *čykaje*,

---

[85] Частица *да* в *дахто* и т. п. (=укр. *де*) мне известна из таких карп. говоров, где *е* пониженной артикуляции не имеет и, очевидно, примером, указывающим на существование такой артикуляции, служить не может.

[86] Дурново. Хрестоматія по м.-р. діалектології, 58—60.

[87] [В записях Голоскевича примеры с *і* из *е* перед слогом с ударяемыми *і* и *и* — только в местоименных словах, где условия фонетических изменений несколько иные, чем у неместоименных. Соответствующих примеров со словами неместоименными в отрывках Голоскевича нет].

путá. То же явление отмечается и в ряде других записей и сообщений из области подляшских и зап.-укр. говоров. b) В вост.-укр. говорах подобная гармония гласных наблюдается редко, в собственно полесских, полес.-укр. и в большей части карп.-р. отсутствует. Не стоит в связи с указанным явлением произношение *а* вместо *о* перед слогом с *а* в словах *багáто*, *ганчар*, *гаразд*, *гарячий*, *кажан*, *калач*, *качан*, *хазяин*, *халява* 'голенище', известных с таким произношением главным образом в вост.-укр. (в зап.-укр. обычно *богато*, *гончар*, *горячий* и пр.) говорах, где гармония гласных не наблюдается, и где в других словах в том же положении безударное *о* сохраняется.

6. а) Безударное *е* ясно отличается от *ї* неударяемого в говорах, отнесенных в п. 1 к группе *А*, кроме части зап.-полесских, и в карп.-р.; b) в вост.-укр. и зап.-укр. звучит близко к неударяемому *ї* и частью (в части говоров или в известных положениях) совпадает с ним; о произношении *е* в говорах, знающих гармонию гласных, см. п. 5.

7. а) В говорах вост.-укр. и зап.-укр., имеющих *і* из старого неударяемого *о* в новых закрытых слогах, такое же *і* является в нескольких словах вместо старого неударяемого *и*: *зáміж*, *дібрóва*, *óгірок* 'огурец', *мáбіть* 'должно быть' и некоторые др. b) В говорах, имеющих *і* (или другие гласные, отличные от *о*) только под ударением, и в говорах карп.-р. *и* в этих словах сохраняется всюду (т. е. не только там, где и из *о* в новых закрытых слогах имеется *и*).

8. *а* после мягких и шипящих а) сохраняется под ударением в большей части говоров полесских и полес.-укр. и независимо от ударения в вост.-укр., карп.-р. и части зап.-укр. и b) изменилось в *е* с сохранением мягкости предшествующих согласных в части зап.-полесских и в значительной части зап.-укр., между прочим у гуцулов, в западной Волыни, Холмщине, Буковине и Покутье: *єві́р*, *єма*, *п'єтница*, *мнєсо*, *взьйти*, *кьйшко*, *жьйлібно* [88], *шéпка*.

9. В окончании nom.-acc. существительных среднего рода после долгих или кратких мягких и шипящих из старых сочетаний согласных с *j* а) в вост.-укр., карп.-р. и части зап.-укр. говоров является *а*, b) в полесских, полес.-укр. и другой части зап.-укр., главным образом в галицких и гуцульских, — *е* с сохранением мягкости предшествующей согласной: *життя́*, *życie*, *житя*, *жите*, *збіжжя*, *збіжя*, *збіжє* (или *-жжа*, *-жа*, *-же*), *збȣ́жжє*, *збужа* и пр.

10. *і* неслоговое после гласных и между гласными в м.-р. говорах имело разную судьбу:

---

[88] Эти три примера взяты из записей, сделанных у гуцулов, где гласная, обозначаемая буквою «и», произносится почти как *е*.

α) после *ї* в окончании nom. sg. m. прилагательных оно a) отпало в полесских говорах: *зли*, *стари*, *молоди*, и b) сохранилось в остальных: укр. *злий*, *старий*, *молодий*, карп.-р. *молодый*.

β) после *і* в конце слова или перед согласными оно a) отпало в большей части вост.-укр. и зап.-укр.: *у білі сорочці*, *піду*, *сильніший* и пр., и b) сохранилось в полесских, полес.-укр. и карп.-р.

γ) в nom. sg. и acc. sg. f. прилагательных a) в вост.-укр., зап.-укр. и карп.-р. употребляются формы только со стяженными окончаниями *-а* и *-и*, получившимися из *аа*, *ии* после выпадения *i̯*; b) в полесских рядом с этими формами известны и нестяженные с сохранением *i̯*: *добрая*, *добрую*.

δ) в nom.-acc. sg. n. прилагательных a) в вост.-укр. и зап.-укр. известны только формы с окончанием *е* из стяжения *о*+*е* после выпадения *i̯*: *добре*, *малé*; b) в полесских рядом с такими формами употребляются и формы на *еjе* с сохранением *j*: *добреє* и пр.; в карп.-р. обычны только формы на *-оi̯е*, *-ое*, *-ое̯* (откуда *оi̯*) без стяжения: *доброе*, *доброй*.

ε) в instr. sg. f. a) в полесских, полес.-укр. и вост.-укр. и части зап.-укр. употребляются только формы на *-оjи*, *-еjи* (без ударения также *-иjи*) с сохранением *j*: *рукою*, *землéю*, *бíдною*, *дорóгую* и пр., b) в карп.-р. и части зап.-укр. — формы на *-оу̯*, где произошло выпадение *i̯* между гласными: *рукоў*, *земльоў* и пр.[89]

ζ) в личных формах с *-аjе-* глаголов на *а* a) в части говоров употребляются стяженные формы с *а* вместо *-аjе*; главным образом в 3 sg.: *питá* 'спрашивает', *зна* (у бойков — *питат*, *знат*), реже 2 sg. *питáш*, *знаш* [90]; b) значительная часть говоров знает только нестяженные формы.

η) *i̯* после гласных перед глагольными окончаниями, а также в окончании nom.-acc. sg. n. прилагательных a) выпало в значительной части карп.-р. говоров, причем стяжения не произошло: *знáу*, *знáут*, *я ся бóу* 'боюсь', *дóброе* и пр. [Стяжения после выпадения *i̯* в глагольных формах в карп.-р. не произошло и там, где рядом оказались одинаковые гласные: *купу́ут* и т. п. (индивидуально возможны *kupût* с *и* долгим и *kupúwut*)]. b) в остальных говорах *i̯* в этих случаях сохраняется (кроме nom.-acc. n. прилагательных, где почти все говоры имеют стяженную форму с *е*).

ϑ) a) в говорах лемков стяжение гласных, вызванное выпадением *i̯*, произошло не только у глаголов с основой praes. на *-аi̯*, но и у глаголов с основой на *-уi̯*: *годé*, *бесідé* и пр. (=*годує*, *бесідує*). b) остальные говоры подобных форм не знают.

---

[89] [В части кап.-р. говоров известны также instr. sg. f. на *-ом*: *руком* и пр.].

[90] [См. ниже дополнение к стр. 201 (38)].

Все названные случаи выпадения $\underset{\frown}{l}$ и стяжения ограничиваются определенными грамматическими категориями, а потому не могут считаться явлениями чисто фонетическими.

11. На месте о.-сл. *rъ*, *rь*, *łъ*, *lь* между согласными в слабом положении в 1-м слоге слова a) в полесских, полес.-укр., вост.-укр. и части зап.-укр. говоров являются обычно сочетания *rї*, *lї*, если не заменены нефонетически сочетаниями *ro*, *lo*, *re*, *le* по аналогии со случаями, где ъ, ь были в сильном положении: *дрива* (и *дрова* по аналогии с *дров*), *кривавий*, *криниця* 'колодец, родник, ключ', *гриміти*, *блиха*, *слиза* и т. п.; b) в карп.-р. и части зап.-укр., главным образом в Галичине, в подобных случаях являются также сочетания *їr* или *yr* и *їw* или *yw*: галицкое *кирва́вий*, *кирниця*, *хирбет*, *тирвога*, карп.-р. *дырва* (и *дрыва*), *кырвавый*, *кырниця*, *гырмит*, *хырбет*, *сывза* (но также *блыха* и т. п.) и пр.

12. В говорах, имеющих *i* на месте о.-сл. *o* в новых закрытых слогах, согласные перед этим *i* a) в одних говорах тверды, b) в других мягки; твердые согласные произносятся во всех полес.-укр. говорах, в значительной части зап.-укр. говоров (например, в северной части Восточной Галичины, частью у гуцулов и др.) [91] и в части карпаторусских говоров (у лемков и в закарпатских говорах Верховины), мягкие — в вост.-укр. и в части зап.-укр. и карп.-р.

13. На месте о.-сл. *ky*, *gy*, *xy* a) в полесских, полес.-укр. зап.-укр. говорах произносится *ki*, *hi*, *xi* с мягкими согласными; b) в вост.-укр. *kї*, *hї*, *xї* и c) в карп.-р. *ky*, *hy*, *xy* (со звуком, соответствующим в этих говорах о.-сл. *y*). [Карпатские *ky*, *hy*, *xy*, вероятно, не являются непрерывным продолжением старых *ky*, *γy*, *xy*, а возникли позднее, вследствие вторичного изменения *ki*, *hi*, *xi* в *ky*, *hy*, *xy*].

14. На месте старых сочетаний зубных согласных с *j* (из о.-сл. сочетаний с $ъ\underset{\frown}{l}$ и $ь\underset{\frown}{l}$ a) в полесских, полес.-укр. и вост.-укр. говорах являются долгие мягкие и шипящие согласные (за исключением положения после согласной); b) в зап.-укр. и карп.-р. — краткие.

15. Старые звонкие согласные перед глухими и в конце слова a) сохранились в полесских, полес.-укр., вост.-укр и восточной части зап.-укр. и b) перешли в глухие в западной части зап.-укр. и в карп.-р.

16. *r* мягкое a) сохранилось в вост.-укр., гуцульских и большей части карп.-р. (кроме лемков и замишанцев); b) в вост.-полесских оно сохранилось только перед *a* не в окончаниях, и то не везде, и перед *ě* (т. е. *i͡e* или *i*), в остальных положениях отвер-

[91] [В связи с различным произношением зубных перед *i* из *o*, с одной стороны, и из *e* и *ě* — с другой, в галицком правописании принято писать *i* в первом случае, *ї* — во втором: *ніс* 'нос', *діл* 'дол', *стіл* 'стол', но *нїс* 'нёс', *дїд* 'дед', *утїк* 'убежал'].

дело; c) в прочих говорах *r* вообще отвердело; в зап.-укр. отвердение *r* надо считать более поздним, чем в полесских, ср. полес. *бура*, *вечерать*, зап.-полес. *порадок* и зап.-укр. *бурйа*, *порйадок*.

17. *l* немягкое звучит a) как *l* среднее («европейское») в вост.-полесских, восточной части полес.-укр., вост.-укр., а также на Буковине, у гуцулов и в большей части карп.-р. говоров и b) как *ł* твердое — в зап.-полесских, западной части полес.-укр., в зап.-укр. (кроме Гуцульщины и Буковины), у лемков и у галицких бойков; c) в некоторых галицких говорах *ł* может переходить в *u̯* неслоговое: *bu̯yxá*, *stiu̯*, *biu̯š* 'больше'. По крайней мере в части говоров, знающих *ł*, встречается в известных положениях и *l* среднее, а в вост.-укр. при известных положениях возможны оттенки *l* близкие к *ł*.

18. a) В зап.-укр. и карп.-р. говорах обычно *l'* после губных неносовых и *n'* после *m* из *j* или *i̯*, именно, как из старого *j* (*i̯*), оказавшегося после согласных после утраты между ними старой редуцированной гласной, так и из нового *j* (*i̯*), развившегося после отвердевших губных перед непалатальными гласными (*a*, *o*, *u*) при утрате этими губными палатальности: *здоровля*, *жеребля*, *кровльов* 'кровью', *камняный*, *сімню* 'семени' и т. п., хотя возможны и произношения вроде *здоров'я*; b) в полесских и вост.-укр. такие образования с новым *l'* вообще редки, кроме 3 pl. глаголов 2-го спряжения, где такое *l'* является правилом, в том числе и после *m*, и явилось, очевидно, не столько фонетически, сколько морфологически по аналогии с 1 sg.: *люблять*, *дивлять* 'смотрят', *куплять*, *ломлять*.

19. *n'* перед *k* в суффиксе -*k*- a) перешло в *i̯* неслоговое в части зап.-полесских, в зап.-укр. и карп. -р. говорах на галицком (северном) склоне Карпат [*i̯* из *n'* перед *k* известно и ю-карп. говорам] и b) сохранилось в вост.-полесских, части зап.-полесских и в вост.-укр.: западное *козачейко*, *сонейко*, *темнейко*; восточное *козаченько* и пр.

20. Шипящие a) в большей части говоров тверды, кроме положения перед *i* новым (из *ě* и так наз. «дифтонгов») и шипящих (долгих или кратких) из старых сочетаний шипящих с *j*, получившихся вследствие выпадения редуцированных гласных; b) в части полесских говоров, а также у гуцулов и в Покутье вообще мягки, кроме положения перед *e* и *ï* (из старых *e*, *ь*, *i*); c) диалектически в некоторых вост.-укр. шипящие мягки также перед *a* в окончании 3 pl.: *біжять*, *мовчять*, *лишять* и пр.; — долгие и краткие шипящие из старых сочетаний шипящих с *j*; d) мягки в вост.-полес. и значительной части вост.-укр. и e) тверды в зап.-укр. и части вост.-укр.

21. *c* в конце слова и в окончаниях a) отвердело в части зап.-укр. (между прочим у гуцулов) и в западной части карп.-р. (главным образом у лемков), b) в остальных вообще сохраняется как *c* мягкое.

22. *s* мягкое в конце слов и в суффиксе *-sk* a) отвердело в части зап.-полесских, в подляшских, в значительной части зап.-укр. и в карп.-р., b) в остальных полесских и вост-укр. сохраняется как *s* мягкое. [В карп.-р. говорах, известных мне по личным наблюдениям (на Верховине в Ужгородской жупе в районе Воловца и в ю.-карп. в Марамарошской жупе в районе Густа), *s'* (мягкое) перед *к* сохраняется].

23. Конечные мягкие согласные, кроме *c*, *r*, *t* в окончаниях 3-го лица обоих чисел ind. и 2 pl. imp. и шипящих, a) сохранились всюду, кроме говора лемков, и b) отвердели в говоре лемков.

24. Вместо *d'*, *t'* мягких a) в части зап.-укр. говоров, между прочим у гуцулов, произносятся *g'*, *k'* мягкие: *neg'il'a*, *g'ido*, *xok'itї*, *xog'et* 3 pl., *xok'et* 3 pl. и т. п.; b) в остальных *d'*, *t'* сохраняются. [В некоторых единичных словах *k'* вместо *t'* известно и за пределами Гуцульщины и Буковины. Таково, например, слово *k'isnota* с *k'*, встречающееся в записи Ярошенка из Миргородского у. Полтавской губ. и отмеченное Богатыревым и мною в ю.-карп.].

25. В части зап.-укр. и карп.-р. говоров известно *f* в заимствованных словах, а также вместо *u* неслогового других говоров перед глухими и из *xv*: *фтїк*, *фара* 'приход', *фала́бу* 'слава богу' и пр.

26. Ударение — a) свободное почти во всех м.-р. говорах и b) неподвижное на предпоследнем слоге у лемков; по-видимому, в говорах со свободным ударением экспираторная сила ударения не одинакова по говорам; в карп.-р. ударение слабее, чем в остальных м.-р. Кроме того, есть различия между говорами со свободным ударением и в месте ударения. Эти различия по большей части носят не фонетический, а морфологический характер. Таково, например, различие в акцентовке глагольных форм: c) в полесских и вост.-укр. сохраняется ударение на конце в таких формах, как *кажу́* 'говорю', *прошу́*, *ходжу́*, *несемо́*, *несете́*, *несла́*, *була́*, *було́*, *нести́* и т. п.; d) в зап.-укр. и карп.-р. ударение перенесено на предыдущий слог: *ка́жу*, *про́шу*, *хо́джу*, *несе́мо*, *несе́те*, *не́сла*, *бу́ла*, *бу́ло* или *бы́ла*, *бы́ло*, *не́сти* и пр. Аттракция ударения в зап.-укр. и карп.-р. чаще, чем в полес. и вост.-укр. Ср. такие случаи, как *бою́ ся* и *я ся бо́ю*, *бере́ ся* и *він ся бе́ре*, карп.-р. верховинское *оте́ц його* и *його о́тец*.

Явления морфологические.

27. В dat. sg. m. и n. основ на *-o*, *-jo*, *-u* a) в вост.-полес. и значительной части зап.-полес. известно только окончание *-u*: *сину*, *чоловіку*, *коню*, *життю* и пр.; b) в вост.-укр. кроме *-u* известны и окончания *-ovi*, *-evi* у m., главным образом названий живых существ: *синові*, *чоловікові*, *коневі*, *шевцеві* и пр.; c) в другой части зап.-полес., в зап.-укр. и карп.-р. — окончание *-ovї*, реже *-evї* у m. и n., обозначающих как живые, так и неживые

существа: *синови*, *чоловікови*, *коньови* (реже: *коневи*), *шевцьови* (реже: *-еви*), *житьови*, *вікнови* и пр.

27а) В вост.-укр. и частью зап.-укр. формы dat. sg. m. и n. существительных на *-ovi* (*-ovï*), *-evi* и *u* и местоимений и прилагательных на *-оти* часто употребляются в значении loc. sg.: *на козакові*, *у полю*, *в гаєви*, *на ньому*, *на Чорному морі* и т. п. Такое употребление обычно и в литературном укр. языке.

28. В склонении основ на мягкую а) в вост.-полес. и вост.-укр. сохраняется *е* (из о.-сл. *е* и *ь*): *ковалеві*, *ножеві*, *ноже́м*, *земле́ю*, *по́лем*, *теля́тем*, *життєм* (вост.-укр. также *життя́м*); b) в зап.-полес., зап.-укр. и карп.-р. обычно в таких случаях *о*: *ковальови*, *ножови*, *ножом*, *земльою*, *польови*, *телятьом*, *житьом* и пр. Ср. обратное соотношение между вост.-укр. и зап.-укр. говорами в употреблении *е* и *о* в склонении местоимений и прилагательных.

29. В loc. sg. m. и n. и dat.-loc. sg. f. основ на мягкую и шипящую а) в вост.-полес. и вост.-укр. является окончание *ě* (вост.-полес. *i͡e* или *і* под ударением, *і* без ударения, вост.-укр. *і*): *на землі*, *в каші*, *на полі*, *на печі*; b) в зап.-укр. и карп.-р. — *ï* (восходящее к старому *і*): *на земли*, *на печи*, *на кони*, *на поли* и пр.

30. В gen. pl. основ на *-і* а) в полесских и вост.-укр. является окончание *-еі̯*: *госте́й*, *люде́й*, *ноче́й*, *ко́ней* и пр., b) в зап.-укр. и карп.-р. — *ïі̯*: *гости́й*, *людий*, *ночий*, *коний* и пр.

31. У прилагательных со старой основой на мягкие зубные (*n'*, *t'*) а) в вост.-укр. мягкие согласные являются во всех формах, в связи с чем старому *і* в падежных окончаниях соответствует не *ï*, а *і*, а старому *е* — гласная *о*: *синій*, *третій*, *синього*, *третього* и пр.; b) в зап.-укр. и карп.-р. в этих случаях — гласные *ï* и *о* с предшествующими твердыми согласными: *синий*, *третий*, *синого*.

32. В nom. pl. местоимений и прилагательных а) полесские говоры имеют окончание *-ï*, а у прилагательных также *-ïje* или *-ïji*: *ти*, *добри* или *добриє (добриї)*; b) вост.-укр., зап.-укр. и карп.-р. *-і* с мягкостью предшествующей согласной: *ті*, *добрі* (то же *і* и в остальных падежах: *добріх*).

33. В части зап.-полес., в зап.-укр. и карп.-р. известны краткие формы местоимений, отсутствующие в вост.-полесских и вост.-укр.: *мня (= мя)*, *тя*, *ся*, *ми*, *ти*, *си*, *го*, *му*.

34. В gen. и dat.-loc. m. и n. местоимений мягкого различия а) в полес., вост.-укр. и карп.-р. являются окончания *-oho*, *-оти* с мягкими согласными перед окончаниями: *його*, *в нього*, *цього*, *сього*, *всього*, *йому*, *к ньому* и пр.; b) в зап.-укр. *-eho*, *-ети* с твердыми согласными (кроме *j*): *єго*, *в него*, *сего*, *всего*, *єму*, *к нему* и пр.

35. а) В полес., карп.-р. и части вост.-укр. и зап.-укр. шипящие в 1 sg. глаголов 2-го спряжения с тематической гласной *ï* (=старому *і*) сохраняются: *хо́джу́*, *лечу́*, *во́жу́*, *но́шу́*; b) в вост.-укр. и в значительной части зап.-укр. заменены мягкими нешипящими: *хо́дю*, *летю*, *во́дю*, *но́сю*; в связи с этим стоят шипя-

щие в полесских и мягкие нешипящие в значительной части вост.-укр. и зап.-укр. в таких формах, как полесское *закручувать* при вост.-укр. *закрутювати*.

36. Во 2 sg. нетематических глаголов *їсти* и *дати* a) в значительной части м.-р. говоров сохранились старые формы *їси́*, *даси́*, но b) рядом с ними употребительны и формы *даш*, *їш*, тожественные с подобными формами в в.-р. и почти во всех других слав. языках, и c) чисто м.-р. новообразование — *їси́ш*, *даси́ш*. Каково распределение этих трояких образований по говорам, за недостатком точных указаний сказать трудно. В литературном укр. употребительно и *їси*, *даси* и *їш*, *даш*.

37. В 3 sg. глаголов 2-го спряжения при ударении на осно́ве a) в вост.-укр. и зап.-укр. кроме форм на *-t'* или *-t* могут употребляться и формы без *-t'*: *ходе*, *робе*, *носе* и пр., b) в полес. и карп.-р. — только формы на *-t'* или *-t*: *ходить*, *робить*, *носить*.

38. В стяженных формах 3 sg. глаголов 1-го спряжения с основой на *-ai̯* a) в части зап.-укр. (в Галичине) и карп.-р. может являться окончание *-t*: *пытат*, *сї́дат*, *повідат*, *сховат* и пр. [В карп.-р. стяженные формы от глаголов на *-aju* в 3 sg. известны только с окончанием *-t*: *быва́т* 'живет, квартирует' и т. п., нестяженные — только без окончания: *быва́є* или *быва́е* и т. п.]; b) в остальных говорах в 3 sg. невозвратных глаголов 1-го спряжения окончание *-t'* (*-t*) отсутствует.

39. В 3 sg. возвратных глаголов 1-го спряжения окончание *-t* перед возвратной частицей *ся* a) сохраняется везде, где эта частица составляет с глаголом неразрывное целое, помещаясь всегда после глагола в его невозвратной форме, и b) отсутствует (кроме диалектических форм на *-at*) там, где частица *ся* является подвижной: полес. и вост.-укр. *миється*, *береться*, *продається*, зап.-укр. *він ся миє*, *миє ся* и пр., карп.-р. *вун ся мыє*, *мыє ся* и пр.

40. *t* в окончаниях 3 sg. и pl. a) мягко в вост.-полес., большей части зап.-полес., в вост.-укр. и в ю.-карп. и b) твердо в части зап.-полес., в зап.-укр. и сев.-карп. (на галицком склоне Карпат, на Верховине, у лемков и замишанцев). [*t* в 3-м лице глаголов твердо в значительной части ю.-карп. говоров].

41. В 1 pl. a) в карп.-р. говорах является окончание *-me*: *ходиме* и пр.; b) во всех остальных *-m* и *-mo*: *хо́дим*, *беремо́* и пр.

42. *t* в окончании 2 pl. imp. на *-it'* (*-i̯et'*) a) мягко везде, где мягко *t* в окончании 3 sg. и pl. и b) твердо в значительной части говоров, имеющих *t* твердое и в 3 sg. и pl.: *ході́ть* и *ході́т*.

43. a) В собственно полесских и вост.-укр. говорах употребительно fut. на *-mu*, *-meš* и пр., слитыми с инфинитивом спрягаемого глагола в одно слово: *ходитиму*, *писатимеш* и пр.; b) реже — с глаголом *буду* и инфинитивом спрягаемого глагола: *буду ходити*; c) в зап.-укр. и карп.-р. обычны большею частью только последние; d) лишь в некоторых зап.-укр. (именно, в буковинских и холмских) говорах употребляются и образования с глаголом *му*,

меш и пр. и инфинитивом спрягаемого глагола, но в отличие от полесских и вост.-укр. глагол *му* не сливается с инфинитивом в одно слово и может стоять и перед ним; е) в подляш. и в части зап.-укр. говоров известны и образования fut. типа *буду ходив*, *буду ходила*, как в польском языке.

44. а) В зап.-укр. и карп.-р. глаголы в прошедшем времени и условная частица *би* в 1 и 2 sg. и pl. могут иметь личные окончания *-т* (*-ет*, *-jет*), *-s'* (*-es'*, *-jes'*), *-s'mo* (в карп.-р. *-s'me*), *-s'te*: m. *ходивем*, *ходив'єм*, f. *ходилам*, *бим* и пр.; b) в полес. и вост.-укр. подобные формы отсутствуют: *я* (*ти*) *ходив*, *-ла*, *ми* (*ви*) *ходили* и т. п. [Личные суффиксы или личные глагольные частицы в зап.-укр. и карп.-р. прикреплены не к глаголу, а к определенному месту фразы, ср. карп.-р.: *штбсте казали*, *на травýсьме ходили*, *у Москвім быв*. Там же употребительны формы прошедшего времени и условного наклонения и без личных глагольных частиц, с личными местоимениями].

45. а) В полес. обычны инфинитивы на *-t'* после гласной вместо старого *-ti* (при исконном ударении на основе); b) в вост.-укр. употребительны и инфинитивы на *-tï* и инфинитивы на *-t'*; с) в зап.-укр. и карп.-р. — исключительно инфинитивы на *-tï*.

46. У глаголов с основой на *h* и *k* инфинитивы а) в полес. и вост.-укр. обычно оканчиваются на *-ktï*, *-htï*: *пектú*, *стерегтú* и пр., b) в зап.-укр. и карп.-р. — на *-čï*, *-kčï*, *-hčï*, *-xčï*: *печú*, *стеречú* или *пекчú*, *стерегчú*.

47. Возвратная частица *ся* а) в собственно полес. и вост.-укр. всегда стоит после глагола, сливаясь с ним в одно слово: *мúюсь*, *миєтьсяя*, *митиметься*, b) в подляшских, зап.-укр. и карп.-р. может стоять и перед глаголом и может отделяться от него другим словом: *миє ся* и *він ся миє*, *він ся не миє*, *зачав ся богу молити* и пр.

48. В inf. и praet. глагола *быть* и в глаголе *бывать* а) в полес., вост.-укр. и большей части зап.-укр. (между прочим, в Подольщине, Буковине, Гуцульщине и в северо-западной части Галичины) в 1-м слоге произносится *и*: *бути*, *був*, *була*, *бувати*, также: *забути* и т. п.; b) в карп.-р. и части галицких к югу от Львова *-у*: *быв*, *была*, *быти*, *бываєе* и пр. (в этих говорах исконное *у* не совпало со старым *i*).

49. а) В вост.-укр. говорах употребляются местоимения *оцей* или *цей* (gen. m. *цьогó* и пр.), *той*, *та*, *те*, b) в зап.-укр. и карп.-р. *сей* или *сесь*, *сеся́*, *сесé*, *тот*, *тотá*, *тотó* (или *тотé*), *тамтóт*, *тамтá* и т. п., неизвестные ни вост.-укр., ни полесским говорам.

50. Числительное *один* а) в полесских и вост.-укр. является в форме *один*, *одна*, *одно* и пр.; b) в зап.-укр. и карп.-р. *єдéн*, *єднá*, *єднó* или *їдéн*, *їднá*, *їднó*. [В ю.-карп. употребительно и числительное *одéн*, *однá*, *одногó* и пр.].

§ 91. Бóльшая часть м.-р. говоров объединяется в одно целое двумя фонетическими новообразованиями: изменением старых

о и *е* в новых закрытых слогах в *i* (в одних говорах только под ударением, в других независимо от ударения) и совпадением *i* и *у* старых в одном звуке более заднего образования, чем гласные из старого *i* во всех других слав. языках; гласный звук, получившийся в результате этого совпадения, не одинаков по говорам, но не подлежит сомнению, что диалектические варианты этого звука все одного происхождения. Однако отсутствие первого из этих двух новообразований (*о* > *i*) в говорах полесских, с одной стороны, южнокарпатских — с другой, и второго (*у*=*i*) в говорах подляшских, с одной стороны, карпаторусских — с другой, не дает права рассматривать как одно целое не только эти говоры в совокупности, но и отдельно группу говоров южнополесских и группы говоров карп.-р. (с *у* отличным от *i*) или ю.-карп. (с *о* > *и* или *ӥ*), так как обе черты являются отрицательными и свидетельствуют только о том, что эти говоры не пережили процессов, пережитых всеми остальными говорами. Кроме того, можно заметить, что обе фонетические черты, свойственные большей части м.-р. говоров, обнаруживают тенденцию к распространению за счет говоров с отсутствием этих черт, а потому они сами по себе не достаточны как основа для классификации м.-р. говоров: в числе говоров с *i* из *о* и с одной гласной из старых *i* и *у*, несомненно, имеются переходные, в которых эти черты явились недавно.

§ 92. Ряд черт указывает на давнее различие между северной и южной группами м.-р. говоров. Буду называть их, как и выше (п. 1), группами *А* и *В*. Территории, занимаемые той и другой, приблизительно указаны в п. 1; впрочем, области распространения отдельных черт, характерных для каждой из них, не вполне совпадают (ср. замечания по аналогичным поводам при характеристике говоров с.-в.-р., ю.-в.-р. и б.-р.).

А. Группа *А* характеризуется 1) изменением *о* и *е* в новых закрытых слогах и *ě* в гласные, отличные от *о* и *е*, только под ударением (1) и 2) произношением в безударных слогах *е* после твердых и после *j* вместо старого *ę* (2). Кроме того, говорам этой группы свойственны между прочим следующие черты: 3) отсутствие так наз. гармонии гласных и изменения безударного *о* в *и* (5); 4) отсутствие совпадения безударных *е* и *ï* (6); 5) сохранение *и* в *замуж* и т. п. (7); 6) сохранение ударяемого *а* после мягких без перехода в *е* (8); 7) произношение *е* в *життє* и т. п. (9); 8) отсутствие конечного *i̯* в nom. sg. m. прилагательных (10 α); 9) сохранение *i̯* после *i* из *о*, *е*, *ě* (в говорах, где такое *i* есть; в остальных *i̯* может быть только после других гласных, после которых оно вообще сохраняется) (10 β); 10) сохранение нестяженных форм прилагательных (10 γ, δ); 11) instr. sg. f. на *-oju* и т. п. (10 ε); 12) *ï* после плавной в случаях типа *дрива* (11); 13) твердые согласные перед гласными из *о* в новых закрытых слогах, в том числе и перед *i* (12); 14) произношение *ki*, *hi*, *xi* (13); 15) долгие мягкие согласные из сочетаний с *j* (14); 16) сохранение звонких шумных в конце слов

и перед глухими и в связи с этим отсутствие перехода *и* неслогового перед глухими в *f* (15); 17) отвердение *r'*, по-видимому, более старое, чем в зап.-укр.; мягкое *r'* сохраняется только в немногих положениях и то лишь в вост.-полес. (16); 18) отсутствие или редкость вторичных *l'*, *n'* после губных (18); 19) сохранение мягкого *s'* в конце слова и в суффиксе *s'k* (22); 20) сохранение в известных случаях старого места ударения (26); 21) отсутствие dat. sg. на *-ovi* или *-ovï* (27); 22) gen. pl. на *-ei̯* (30); 23) nom. pl. местоимений и прилагательных на *-ï* или *-ïje* (*-ïji*) (32); 24) *о* после мягких в падежных формах местоимений типа *його* (31, 34); 25) шипящие перед окончанием 1 sg. глаголов 2-го спряжения с основами на *d*, *t*, *z*, *s* (35); 26) отсутствие 3 sg. без *t'* от глаголов 2-го спряжения (37); 27) *t'* мягкое в окончании 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40, 42); 28) 3 sg. возвратных глаголов 1-го спряжения на *-еться* (39); 29) 1 pl. на *-то* (41); 30) fut. типа *нестиму* при отсутствии fut. типа *му нести* и *буду ніс* (43); 31) отсутствие личных суффиксов в praet. и у частицы *би* (44); 32) inf. на *t'* после гласных (45); 33) inf. на *-kti*, *-hti* от основ на *-k*, *-h* (46); 34) слияние возвратной частицы *ся* в одно слово с глаголом (47); 35) *и* в *бути*, *був* и пр. (48); 36) предлог *од* (не *вiд*).

Из этих черт только *А* свойственны 1, 2, 8, 10 (в карп.-р. сохраняются нестяженные формы только nom. sg. n.), 21, 23 и отчасти 32 (inf. на *t'* есть и в вост.-укр., но менее употребительны).

Общи *А* с вост.-укр. и зап.-укр, отличая их от карп.-р., черты 29 и 35.

Общи *А* с вост.-укр., отличая их от большей части зап.-укр., черты 3, 6, 11, 12, 15, 16, 18, 19, 20, 22, 24, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 36, отчасти 32.

Общи с зап.-укр. или частью зап.-укр. черты 7, 13, 14 и отчасти 17; впрочем, совпадение по черте 7 может быть случайным, потому что в зап.-укр. *е* в *житє* и т. п. может стоять в связи с переходом *а* после мягких в *е* и отсутствует там, где *а* после мягких сохраняется, а в *А* является всюду и при сохранении *а* после мягких.

Общими с карп.-р. являются черты 4 и отчасти 10, а также некоторые общие карп.-р. с вост.-укр., как 6, 24, 27. Кроме того, все рефлексы старых *о* и *е* в новых закрытых слогах, имеющиеся в карп.-р (не наоборот!), именно *и*, *ӥ*, *у*, *ï*, *i*, имеются и в говорах *А*, а характерное для карп.-р. сохранение различия между старыми *у* и *i* известно части подляшских говоров. Эти совпадения, впрочем, не указывают на принадлежность *А* и карп.-р. к одной группе, а только на сохранение в них по отношению к этим чертам той стадии развития, от которой уже отошли укр. говоры.

Те из названных черт, которые отличают говоры группы *А* от зап.-укр., общи не всем говорам этой групы: в говорах, находящихся в непосредственном соседстве с зап.-укр., и в части зап.-полесских встречаются, между прочим, следующие черты,

сближающие их с зап.-укр.: 1) так наз. гармония гласных (5), 2) произношение безударного *е* как *ї* (6); 3) *е* вместо *а* после мягких и шипящих не только без ударения, но и под ударением с сохранением мягкости предшествующих согласных (8); 4) nom. sg. m. прилагательных только на *-ії̯* (10 α); 5) отсутствие нестяженных форм прилагательных (10 γ, δ); 6) краткие мягкие согласные из сочетаний с *j* (*житє* и т. п.) (14); 7) твердое *s* в суффиксе *-sk-* (22); 8) dat. sg. m. и n. на *-ovї* (27); 9) 1 sg. типа *ходю* (35); 10) *t* твердое в окончаниях 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40, 42); 11) fut. типа *буду ходив* (43); 12) личные суффиксы в praet. и у частицы *би* (44); 12а) отсутствие inf. на *t'* (45); 13) inf. на *-kčї*, *-hčї* от основ на *k*, *h* (46); 14) неслитное с глаголом употребление частицы *ся* (47); 15) числительное *їден* (50) и др. Ввиду того, что эти черты неизвестны большинству зап.-полес. говоров, в том числе некоторым говорам в самой западной части м.-р. территории, и даже некоторым подляшским, можно думать, что они для этих говоров вторичные и развились под влиянием зап.-укр. говоров. Такие черты, как fut. типа *буду ходив* и praet. с личными суффиксами в подляшских говорах могут быть также и непосредственными заимствованиями с польского, влияние которого сказывается на этих говорах очень сильно. Обратное предположение, что зап.-украинские черты в зап.-полес. говорах старые, а вост.-украинские черты развились под влиянием вост.-укр. говоров, мало вероятно, потому что названные вост.-украинские черты встречаются как в самых западных собственно полесских говорах, которые по своему географическому положению вряд ли могли подвергнуться влиянию со стороны вост.-укр., так и в части говоров подляшских.

§ 93. Характерные черты группы *В* (включая сюда вост.-укр., зап.-укр. и карп.-р.): 1) изменение *о* и *е* в новых закрытых слогах и *ě* в гласные, отличные от *о* и *е* независимо от ударения (1); 2) *а* после мягких из о.-сл. *ę* независимо от ударения; в говорах, где *а* после мягких изменилось в *е*, согласные перед таким *е* сохраняют свою мягкость (2, 8); 3) совпадение или близость между собою неударяемых *е* и *ї* (6); 4) сохранение конечного *i̯* в nom. sg. m. прилагательных (10 α); 5) отпадение или выпадение *i̯* после *i* (из *о*, *е*, *ě*) (10 β); 6) отсутствие нестяженных форм nom. и acc. sg. f. и nom.-acc. pl. прилагательных (10 γ); 7) dat. sg. m.*-ovi* или *-ovї* (27); 8) nom. pl. местоимений и прилагательных на *i* с мягкими согласными перед окончанием (32); 9) inf. на *-tї* после гласной (вост.-укр. рядом с более редкими inf. на *-t'*) (45).

§ 94. Говоры группы *В* в свою очередь можно делить на три группы: a) вост.-укр., b) зап.-укр. и c) карп.-р. Характерные черты каждой из них:

§ 95. a) вост.-укр.: 1) отсутствие так наз. гармонии гласных (5); 2) сохранение *а* после мягких без перехода в *е* (8); 3) *а* в окончании таких слов, как *життя* (9); 4) отсутствие нестяженных форм прилагательных (10 γ, δ); 5) instr. sg. f. на *-oju* (10 ε); 6) сохранение *i̯*

после гласных перед *u* в окончаниях 1 sg. и 3 pl. глаголов (10 η); 7) гласная после плавной в случаях типа *дрива* (11); 8) мягкость согласных перед *i* из *o* (12); 9) *ï* после задненебных (13); 10) долгие мягкие согласные в случаях типа *життя* (14); 11) сохранение звонких шумных перед глухими и в конце слова (15); 12) сохранение *r* мягкого (16); 13) менее велярное произношение *l* немягкого, чем в зап.-укр. (17); 14) отсутствие или редкость вторичных *l'* и *n'* после губных (18); 15) сохранение *n'* перед *k* (19); 16) мягкость долгих шипящих из сочетаний с *j*, а диалектически и шипящих в некоторых других положениях (20); 17) сохранение *s'* в конце слова и в суффиксе *s'k* (22); 18) отсутствие изменения *d'*, *t'* в *g'*, *k'* (24); 19) сохранение *u̯* без перехода в *v* и *f* (25); 20) сохранение ударения на конце в глагольных формах: *прошу́*, *несемо́*, *несете́* и пр. (26); 21) dat.- loc. sg. m. на *-ovi*, *-evi* (с *i*, не с *ï*!) (27); 22) сохранение *e* в падежных окончаниях существительных с основами на мягкие (28); 23) окончание *i* (не *ï* !) в loc. sg. m. и dat.-loc. sg. f. (29); 24) gen. pl. на *-ei̯* (30); 25) мягкие зубные во всех падежных формах прилагательных со старой основой на мягкие (31); 26) отсутствие кратких форм личных местоимений (33); 27) *o* после мягких в падежных окончаниях мягкого различия местоимений и прилагательных (31, 34); 28) 3 sg. глаголов 2-го спряжения с ударением на основе без окончания *-t'* (подобные формы в вост.-укр. только диалектические, известны не всем говорам и не вошли в литературный укр. язык) (37); 29) 3 sg. глаголов 1-го спряжения на *-ec̄'a* (*-еться*) (39); 30) мягкость *t'* в 3 sg. и pl. ind. и во 2 pl. imp. (40, 42); 31) окончания *-m* и *-mo* в 1 pl. (41); 32) преимущественное употребление fut. с глаголом *му*, слитым с инфинитивом спрягаемого глагола в одно слово, и отсутствие образований типа *буду ходив* (43); 33) отсутствие личных окончаний в praet. и у частицы *би* (44); 34) преимущественное употребление inf. на *-tï* при редких инфинитивах на *-t'* после гласной (45); 35) инфинитивы на *-ktï*, *-htï* от основ на *-k* и *-h* (46); 36) слияние возвратной частицы с глаголом в одно слово (47); 37) произношение *u* в глаголе *бути* и пр. (48); 38) употребление местоимений *цей* или *оцей*, *той*, *та*, *те* и отсутствие удвоенных указательных местоимений (49); 39) употребление числительного *один* (50).

§ 96. b) зап.-укр.: 1) сильно пониженная артикуляция *ï*, с переходом *ï* в части говоров в *e* (3); 2) пониженная артикуляция старого *e* (? 4); 3) так наз. гармония гласных (5); 4) переход *a* после мягких и *j* в *e* (8); 5) *e* в *житє* и т. п. (9); 6) отсутствие нестяженных форм прилагательных (10 γ, δ); 7) instr. sg. f. на *-ou̯* (10 ε); 8) сохранение *i̯* после гласных перед окончанием 1 sg. и 3 pl. глаголов (10 η); 9) гласная перед плавной в случаях типа *кирвавий* (11); 10) твердость согласных перед *i* из *o* (12); 11) *i* (не *ï* !) после *k*, *x*, *h* (13); 12) краткие мягкие согласные из сочетаний согласных с *j* (14); 13) глухие вместо звонких шумных перед глухими в конце слова (15); 14) отсутствие мягкого *r* (16); 15) более велярное или округлен-

ное произношение немягкого *l*, чем в вост.-укр. (17); 16) вторичные *l'* и *n'* после губных (18); 17) *i̯* вместо *n'* перед *k* (19); 18) твердость шипящих в случаях типа *збіже*, *клоча* и т. п. (20); 19) твердость *s* из *s'* в конце слова и в суффиксе *-sk-* (22); 20) *g'*, *k'* вместо *d'*, *t'* (24); 21) *f* вместо *u̯* перед глухими (25); 22) перенос старого ударения на конце в глагольных формах на предпоследний слог (26); 23) dat. sg. m. на *-ovï* и распространение этого окончания на имена среднего рода (27); 24) *o* в падежных окончаниях существительных (28); 25) *ï* в окончании loc. sg. m. и dat.-loc. sg. f. основ на мягкие (29); 26) gen. pl. na *-ïi̯* (30); 27) твердые зубные перед *o*, *e* и *ï* падежных окончаний местоимений и прилагательных мягкого различия (31, 34); 28) употребление кратких форм личных местоимений (33); 29) *e* после твердых согласных в соответствии с *o* после мягких вост.-укр. говоров в падежных формах местоимений мягкого различия (34); 30) 3 sg. глаголов 2-го спряжения с ударением на основе без окончания *-t* (37); 31) отсутствие *-t* в окончании 3 sg. возвратных глаголов 1-го спряжения (39); 32) твердое *-t* в 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40, 42); 33) 1 pl. на *-m* и *-mo* (41); 34) образование fut. посредством глагола *буду* с inf. спрягаемого глагола; только в буковинских и холмских говорах известны обороты с глаголом *му*, не слитым с инфинитивом в одно слово, и в части говоров обороты типа *буду ходив* (43); 35) личные суффиксы в прошедшем времени и у частицы *би* (44); 36) отсутствие инфинитивов на *-t'* (45); 37) инфинитивы на *-čï*, *-kčï*, *-hčï*, *-xčï* от основ на *-k* и *-h* (46); 38) употребление частицы *ся* не слитно с глаголом (47); 39) *и* в глаголе *бути* и пр. (48); 40) употребление указательного местоимения *сей*, удвоенных указательных местоимений *сесь* и *тот* и сложных *таmтот* и пр. (49); 41) числительное *єде́н* или *їден* (50).

§ 97. c) карп.-р. Значительная часть особенностей карп.-р. та же, что и в зап.-укр., а именно: зап.-укр. черты 7, 9, 10, 12, 13, 16, [17,] 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 34 (только *буду* с inf.), 35, 36, 37, 38, 40, 41 [92]; отличия — следующие: 1) *u*, *ü* и другие гласные из *o*, *e* в новых закрытых слогах (1), 2) сохранение различия между старыми *y* и *i*; пониженное и несколько округленное произношение *y* и сравнительно с зап.-укр. более высокая артикуляция *ï* из старого *i* (3); 3) отсутствие совпадения между безударными *e* и *ï* (6); 4) отсутствие изменения *a* после мягких в *e* (8); 5) *a* в *житя́* и т. п. (9); 6) отсутствие стяжения в nom. sg. n. прилагательных (10 δ); 7) выпадение *i̯* перед *u* в окончаниях 1 sg. и 3 pl. глаголов после гласных (10 η); 8) *y* после *k*, *h*, *x* (13); 9) сохранение *r* мягкого (16); 10) произношение *l* немягкого как так наз. *l* европейское (17); 11) сохранение *d'* и *t'* без перехода в *g'*, *k'* (24); 12) *o* после мягких в падежных окончаниях местоимений

---

[92] [О зап.-укр. чертах 19 и 41 в карп.-р. см. выше ‹дополнения к этим чертам›].

мягкого различия (34); 13) отсутствие форм типа *ходе* 3 sg. (37); 14) мягкое *t'* в 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40, 42) [93]; 15) 1 pl. на *-те* (41); 16) *у* в глаголе *бытu* и пр. (48). В словаре карп.-р. говоров, кроме присутствия большого количества мадьярских слов и заимствований из словацкого и румынского, важно отметить сохранение ряда слов, утраченных соседними галицкими говорами, а частью и остальными м.-р. говорами и сохранившихся из р. языков только в в.-р., а также и таких, которые нигде в р. языках, кроме карп.-р. говоров, не сохранились.

§ 98. Из названных групп наиболее отчетливо выделяется группа вост.-укр. Восточные говоры зап.-укр. группы являются в той или другой степени переходными к вост.-укр., а западные говоры этой группы в свою очередь в силу частью политических, частью географических условий имели неодинаковую судьбу; поэтому некоторые черты, указанные выше как характерные для зап.-укр. говоров, не характеризуют всей зап.-укр. группы, а только ту или другую ее часть. Говоры с instr. sg. f. na *-оу̯* (§ 96. 7), быть может, следует рассматривать как переходные от карп.-р. к зап.-укр. Общее значительной части зап.-укр. твердое произношение согласных перед *і* из *о* отсутствует не только в говорах, которые можно считать переходными к вост.-укр., но и в некоторых галицких. Велярное или сильно округленное *ł*, характерное для значительной части зап.-укр. говоров, отсутствует в группе гуцульских и буковинских говоров, и как раз именно гуцульским и соседним с ними говорам свойственны последовательная замена *d'*, *t'* через *g'*, *k'* (20), неизвестная другим зап.-укр. говорам, мягкие шипящие и твердое *с* в конце слова. Не характеризуют всей зап.-укр. группы, если даже вычесть все говоры, какие можно считать переходными к вост.-укр., также и изменение *а* после мягких в *е* и связанное с этим произношение *е* в окончании имен среднего рода: *житє́*, *[весілє*, *поросє*, *телє* и т. п.

Северная часть карп.-р. говоров испытала на себе влияние зап.-укр. и образовала группу переходных говоров к зап.-укр. на карп.-р. основе. К этой группе относятся говоры Южной Галичины (так наз. бойков, замишанцев и лемков) и говоры закарпатской Верховины с *і* из *о* и *е* в новых закрытых слогах, с *t* твердым в окончании 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. некоторыми другими зап.-укр. чертами.

§ 99. Из обще-м.-р. особенностей черты фонетические 4, 14, 15 и морфологические 17, 18, 20, 22, 24, 25, 28, 32, как и различение старых *е* и *ě* (3), *h* в окончании gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных (27) и гласные из старого *ě* в pl. imp. 1-го спряжения (34) представляют сохранение о.-сл. старины, но гласные, соответ-

---

[93] [Из отличий карп.-р. от зап.-укр. исключить *t'* в 3-м лице глаголов, как черту, свойственную лишь части карп.-р. говоров].

ствующие старому *ě*, в pl. imp. 2-го спряжения — новообразование, общее с б.-р. Диалектической чертой о.-сл. языка, представляющей чуть ли не диалектизм о.-и.-е. эпохи, некоторые склонны считать и окончания *-то* и *-те* в 1 pl. (33), но, по-видимому, это — сравнительно поздние новообразования, только случайно совпавшие с подобными же новообразованиями других слав. языков [94]. В южнорусских памятниках *-то* засвидетельствовано достоверными примерами не раньше XIV в.[95], а *-те* в карп.-р. значительно позже.

Черта 10 (о.-сл. $*g > h$ или, может быть, только первая стадия этого изменения — $*g > *\gamma$) восходит к доисторической эпохе (ср. § 68).

о из *е* после шипящих (2) в падежных окончаниях засвидетельствовано памятниками с XII в., в других положениях — с XIII в.[96]

Черты 6, 7, 8, 11 отражаются на правописании памятников с XIII в.[97] и, очевидно, возникли раньше этого времени. Коренятся они, по-видимому, в диалектических особенностях еще доисторической эпохи [98]. К тому же XIII в. относится и старший пример написания „лы“ между согласными для передачи сочетания, восходящего к о.-сл. *lъ* в открытом слоге (5) [99].

К черте 1-й относятся изменения a) *о* в новых закрытых слогах, b) *е* в новых закрытых слогах перед твердыми и c) *е* в новых закрытых слогах перед мягкими. Последнее по своей судьбе во всем м.-р. совпало с *ě*, и это совпадение засвидетельствовано южнорусскими памятниками со 2-й половины XII в.[100]. Изменению подверглись в том же положении и о.-сл. *е* перед твердыми и *о*, но это изменение долго не могло быть отмечено памятниками за неимением для этого графических средств и надобности, и только позднее, там, где гласные, получившиеся в результате такого изменения, совпали с *u* или *i*, оно находит себе отражение в смешении букв „о“ и „е“ с „оу“ или „у“ и „ю“ (с XIV в.) и с „и“ (с XV в.).

---

[94] *-то* могло явиться или тогда, когда в языке еще различались субъективно согласные в сочетаниях с гласными палатальными и непалатальными, или после того, как возникли 2 pl. imp. на *-t'* (*то* : *te*=*т* : *t'*).

[95] Крымский (Шахматов — Кримський. Нариси, 104) приводит один пример 1 pl. на *-мо* из УС XII в. (в статье ю.-сл. происхождения), из которого, конечно, было бы слишком неосторожно делать какие-либо заключения о произношении этой формы в тогдашних ю.-русских говорах.

[96] В полногласном сочетании *olo* *о* после шипящих могло явиться и раньше. Ср. *чоловѣка* И 73 (не думаю, чтобы это была описка).

[97] Редкие случаи смешения „въ“ и „вь“ с „оу“ в р. памятниках XI в. известны только из таких рукописей, которые другими чертами своего правописания указывают на сербский прототип или влияние сербской графики, где такое смешение обычно уже в XII в. (достоверных памятников сербского письма от XI в. не сохранилось) (см.: Slavia, V, 569—571).

[98] Ср.: Шахматов. Очерк. § 35, 40, 359, 364, 440—443.

[99] ꙗблыко Житие Савы XIII в. (Р. 109).

[100] Ср. выше, § 19; Шахматов. Очерк, § 455 и сл.

Черты 9 и 16 в памятниках засвидетельствованы только с XIV в., но возникли, вероятно, несколько раньше, так как являются общими всем м.-р. и б.-р. говорам.

Время появления черты 12 по памятникам не может быть прослежено. Правописание одной группы ю.-р. памятников XI—XIII в., различающих цсл. ʌ и н мягкие и немягкие перед *е* и делающих ошибки в обозначении их мягкости перед *i*, не может служить свидетельством в пользу того, что *n* и *l* мягкие и немягкие перед *е* в говоре их писцов еще различались [101], тем более, что другие несомненно ю.-р. рукописи XII в. этого различия не отмечают. Во всяком случае эта черта старше черты 16, но вряд ли старше середины XII в.[102]

Из морфологических черт некоторые, как, например, 19, 21, 29, могли возникнуть еще в доисторическую эпоху (о 29 см. § 67); черта 35 появилась во всяком случае до полного отвердения согласных перед *е*. Из диалектических различий (§ 90) различие между говорами *А* и *В* по чертам 1 и 2 — вряд ли позже изменения *о* и *е* старых в новых закрытых слогах в так наз. «дифтонги» и во всяком случае ранее отвердения согласных перед *е*.

Вост.-укр. *kï*, *hï*, *xï* и зап.-укр. *ki*, *hi*, *xi* (13) восходят к старым *ki*, *hi*, *xi*, получившимся из о.-сл. **ky*, **gy*, **xy* не позже середины XII в.[103] Сохранение *ky*, *hy*, *xy* в карп.-р. может объясняться тем, что переход *ky*, *hy*, *xy* > *ki*, *hi*, *xi* не распространился на карп.-р. говоры; это указывало бы на то, что карп-р. говоры уже в XII в. были до известной степени изолированы от остальных м.-р., но вероятнее вторичное диалектическое изменение *ki*, *hi*, *xi* > *ky*, *hy*, *xy*, так как эти группы были единственными, где *k*, *h*, *x* оказывались перед палатальной гласной.

Сравнительно старым является конечное *а* вместо *е* после мягких в случаях типа *життя* (9), засвидетельствованное уже памятниками XIII в.

Свойственное большей части м.-р. говоров совпадение *у* и *i* (3) вряд ли много старше XIV в.[104]

§ 100. Со всем б. р.-языком м.-р. язык в целом (§ 89) совпадает чертами фонетическими 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 15, 16 и морфологическими 17, 18, 19, 22, 23, 27, 28, 30, 31. Из них черты 4, 5, 15, 17, 18, 22, 27, 28 представляют сохранение о.-сл. старины и сами по себе не указывают на ближайшую связь м.-р. с б.-р., а только на то, что оба языка не подверглись тем изменениям, какие были пережиты великорусским. Появление черт 6, 7, 8, 10 или, по крайней мере, начало тех изменений, которые привели к по-

---

[101] См.: Дурново. К истории звуков р. языка, II. Slavia, II. 4.

[102] См.: Трубецкой. Einiges.

[103] См.: Шахматов. Очерк, § 475; Дурново. К истории звуков р. языка, I. Slavia, I, 1.

[104] Случаи смешения „ы“ и „и“ в русских (исключительно церковных!) рукописях XI—XIII вв. очень редки и объясняются из ю.-сл. графики.

явлению этих черт, относится к доисторической эпохе, что свидетельствует о ближайшей связи м.-р. с б.-р. еще тогда; может быть, к доисторической эпохе относятся и черты 19 и 29 [105]. Черты 10, 19, 27, 28 и 29 общи обоим языкам с ю.-в.-р.[106], а 8 — с западной половиной ю.-в.-р.; есть основания думать, что и черта 7 некогда была также известна ю.-в.-р. (ср. § 67). Кроме того, м.-р. совпадает с ю.-в.-р. (и с ю.-б.-р.) по черте 32: образование 3 sg. и pl. в ю.-в.-р. тожественно с вост.-укр. (3 sg. без *-t'* только от глаголов 1-го спряжения, а от глаголов 2-го спряжения только при ударении на основе; конечное *t* мягко; возвратные только на *-t's'a*). Поэтому можно думать, что в доисторическую эпоху говоры, образовавшие позднее м.-р. и б.-р. языки и ю.-в.-р. наречие в.-р. языка, составляли одну группу. В пользу этого говорят и некоторые словарные совпадения ю.-в.-р. с м.-р. и б.-р., не разделяемые им с с.-в.-р. и московским.

Со всем с.-в.-р. наречием м.-р. язык в целом совпадает отсутствием аканья, т. е. чертой отрицательной, и с частью с.-в.-р. говоров чертами 8, 9, 14 и 30. Из них 14 — общее ему с этими говорами сохранение старины, а 30 — новообразование, возникшее, надо думать, в них независимо от м.-р.

§ 101. Говоры группы *А* (§ 92) сближаются с б.-р. чертами 1, 2 (см. дальше), 6, 7, 10, 11, 12, 15, 17, 20, 21 (бóльшая часть), 22, 24, 25, 27, 28, 31, 32, 34. По отношению к черте 1 совпадение с *А* представляют лишь говоры ю-б.-р.; по черте 2 полного совпадения с *А* ни ю.-б.-р., ни с.-б.-р. говоры не представляют; тем не менее можно усматривать связь между *А* и б.-р. в целом по отношению к чертам 1 и 2 в той роли, какую играет в данном случае положение гласных звуков под ударением и без ударения [107].

С ю.-б.-р. те же говоры сближаются, кроме того, чертами 8, 29, 30 и 33.

Со всем в.-р. говоры *А* совпадают по чертам 10, 11, 14, 21, 22, 31, 34; восточные говоры *А* также и по некоторым другим, например, по употреблению числительного *один* (не *їден*). Все эти черты общи *А* и с б.-р.

С ю.-в.-р. они сближаются чертами 1 и 2 (см. выше), а также чертами 6, 27, 28 и 32. Все эти черты также общи *А* с б.-р.

Общей с с.-в.-р. чертой является 26 — очевидный архаизм.

С частью говоров как ю.-в.-р., так и с.-в.-р., *А* сближается чертами 19 и 25, представляющими сохранение старины (впрочем,

---

[105] Отсутствие dat. sg. *менѣ* в старших ю.-р. памятниках может объясняться так же, как и отсутствие в тех же памятниках nom. sg. личного местоимения 1-го лица *я*. Что касается р. частых в тех же памятниках *тобѣ*, *собѣ*, то эти формы, очевидно, проникли из живой р. речи и в литературный язык в силу потребности различать gen. и dat. и недостаточности для этого цсл. пары *тебе*, *себе* — *тебѣ*, *себѣ*, благодаря церковному произношению *ѣ* как *е*.

[106] Употребление loc. sg. на *-и* (19) в ю.-в.-р. очень близко к с.-м.-р. и б.-р. и отличается от с.-в.-р. и московского.

[107] Ср.: Ганцов. Діялектологічна класифікація, стр. 27.

с тем отличием, что в в.-р. у глаголов с основой на *d* в 1 sg. не *dž*, а *ž*), и чертой 24 (ср. с.-в.-р. и ю.-в.-р. диалектич. *всёй*, *моёй* и т. п.); последнее совпадение, несомненно, случайно.

Некоторым с.-в.-р. говорам известны также долгие мягкие и шипящие согласные из сочетаний с *j* типа *платте*, *гулянне*, *ноччу*, особенно распространенные в Сибири [108] (ср. *А* 15), образование fut. с помощью глагола *иму*, не слитого, впрочем, с инфинитивом в одно слово (30), и инфинитивы на *-kti* (33) [109]. Первая и третья черты — новообразования, не стоящие в органической связи с м.-р., вторая архаизм: образование fut. посредством соединения глагола *иму* с инфинитивом некогда было известно всем р. языкам; в в.-р. оно было общеупотребительным еще в XV в.

§ 102. Вост.-укр. (§ 95) сближается со всем в.-р. чертами 5, 6, 12, 15, 18, 33, 36 и 39, с ю.-в.-р. чертами 2, 23 (*на нож ѣ*, *на земл ѣ*, *в гряз ѣ*), 28, 29, 30, с частью в.-р. говоров, как южных, так и северных, чертами 17, 19, 27 и с частью с.-в.-р. чертами 2, 10 [110], 13 [111] и отчасти 3 [112], 32 [113] и 34 [114]. Из этих черт только 3, 12 и 34 не являются общими ему с *А*; из них 12 и 34 — несомненные архаизмы. С б.-р. вост.-укр. совпадает только теми чертами, которые общи ему с *А*.

§ 103. Зап.-укр. (§ 96) сближается с б.-р. чертами 5, 8, 13, 14, 15, 18, 24, 25 и с большею частью б.-р. говоров чертой 37. Из них черты 5, 8, 14, 24 общи зап.-укр. с *А*, остальные известны западным говорам *А*. Со всем в.-р. зап.-укр. сближается чертами 8, 13, 24; все они общи зап.-укр. и в.-р. с б.-р., а 8 и 24 с м.-р. говорами *А*. Все зап.-укр., кроме буковинских и холмских, знающих fut. с *му*, и говоров, соседящих с польским языком, знающих fut. типа *буду ходив*, совпадают с большею частью в.-р. и б.-р. тем, что имеют fut. только типа *буду ходити*. Черта 32 сближает зап.-укр. со всем с.-в.-р., 19 — со значительной частью в.-р. говоров, имеющих *s* твердое в суффиксе *sk*, 21 — с большею частью с.-в.-р. и восточной половиной ю.-в.-р., 4, 25 и 37 — с некоторыми с.-в.-р. говорами. Употреблением fut. с *му*, не слитым с инфинитивом (34), холмские и буковинские говоры сближаются также с некоторыми с.-в.-р. Совпадения зап.-укр. с с.-в.-р. единичны: *е* вместо *а* после мягких (4), dat.-loc. sg на старое *i* от основ на мягкие (25), инфинитивы на *-kči* (37) и fut. с глаголом *иму* (34)

---

[108] См.: Селищев. Диалектологический очерк, 71—73 и 221—223.

[109] Между прочим, в восточной части б. Новгородской губ. (нынешней Череповецкой губ.), в Вятской губ. и в Сибири.

[110] См. выше, стр. 141 (14).

[111] Произношение *l* невелярного известно значительной части вологодских говоров (стр. 149, 5а) и др.

[112] В с.-в.-р. такое *а* известно диалектически только без ударения.

[113] См. стр. 132 (26) и 150 (9) Fut. с *иму* в с.-в.-р. постепенно вытесняется образованиями с *буду*.

[114] В тех с.-в.-р. говорах, где инфинитивы на *-ti* после гласной сохраняются, они все же менее употребительны, чем инфинитивы на *-t'*.

известны не одним и тем же с.-в.-р. говорам. Кроме того, условия перехода *а* после мягких в *е* в с.-в.-р. не те, что в зап.-укр., а черты 25 и 34 — архаизмы.

§ 104. Карп.-р. говоры (§ 97) сближаются с б.-р. и в.-р. чертами 2 и 16 (архаизмы); остальные черты, сближающие их с другими р. языками или их говорами, общи им либо с *А*, либо с вост.-укр., либо с зап.-укр.

§ 105. Черты, отличающие м.-р. в целом (§ 89) от в.-р., частью общи ему с другими слав. языками. Со всеми ими он совпадает чертами 4, 16 [115], 17, 20 [116], 22, с большею частью чертой 18; все эти черты, общие ему и с б.-р., архаизмы, кроме 16. Со всеми зап.-сл. языками его сближают черты 7, 23, 24, 25, общие ему также с б.-р. или с ю.-б.-р.; черта 7, по-видимому, была некогда известна и ю.-в.-р.[117] Черты 23, 24 и 25, кроме зап.-сл., известны также части словинских и хорватских говоров, тогда как бо́льшая часть словинских и сербские говоры совпадают в этом случае с в.-р. Черта 7 восходит, по-видимому, к диалектизму о.-сл. эпохи, 24 и 25 — сохранение старины, а 23 — новообразование; ввиду того, что м.-р. и б.-р. территориально примыкают к зап.-сл., возможно, что эта черта проникла в них с запада, но можно заметить, что новообразований, общих всему м.-р. языку с зап.-сл. и неизвестных в то же время в.-р., вообще немного (не считая большого количества заимствованных с польского слов и некоторых словообразовательных элементов) и что данная черта легко могла возникнуть в м.-р. и независимо от зап.-сл., ср. ту же черту в хорватских, далматинских и истрийских говорах. По черте 21 м.-р. язык стоит ближе к словацкому, польскому, кашубскому и лужицким языкам, чем к в.-р., но не совпадает с ними вполне, потому что диалектически ему известно и употребление gen. pl. в значении acc. pl. от имен лиц женского пола и от имен животных. Б.-р. в этом случае совпадает с м.-р. По-видимому, м.-р. и б.-р. в данном случае стоят лишь на более старой стадии развития, чем в.-р., прошедший ее раньше; до сих пор с.-в.-р. говоры Сибири сохраняют старую форму acc. pl. = nom. pl. от имен животных [118]. Со всеми живыми зап.-сл. языками в большей части их говоров м.-р. и б.-р. совпадают произношением *č* и *ž* в imp. основ на *k*, *h* [119] и с большей частью чешских и болгарских говоров — произношением *č* и *ž* в 1 sg. и 3 pl. тех же основ (31). И в том, и в другом случае это совпадение на органическую связь между явлениями м.-р. и б.-р. языков, с одной стороны, других слав. языков, с другой стороны,

---

[115] Замечу, что согласные из сочетаний с *j* в других слав. языках всюду кратки, как и в зап.-укр. и карп.-р., в отличие от вост.-укр. и полес.

[116] В ю.-сл. здесь — гласные, совпавшие по своей судьбе с о.-сл. *ę*.

[117] См. § 67, стр. 167.

[118] См.: Селищев. Очерк, стр. 129.

[119] В чеш. imp. *pec*, *pomoz* — формы литературного языка; в живом языке обычно *č*, *ž*.

не указывает и может объясняться независимым в разных языках действием одной и той же аналогии в сравнительно позднюю эпоху. По черте 8 м.-р. и б.-р. языки и часть в.-р. говоров сближаются, с одной стороны, с сербохорв. и зап.-болг., в которых известно начальное *u* из *ѡъ* (*unuk*, *udova* и пр.), с другой — с частью говоров словацких, чешских, польских и кашубских, где о.-сл. *ѡъ* и *ѡь* после гласных соответствует *u̯*. По черте 9 м.-р. и б.-р. также сближаются со многими говорами словинского, чешского, словацкого, польского и кашубского языков, а отчасти и с сербохорватским, где *l* после гласных дало *o*, а *l* слоговое — *u*. В непосредственной связи малорусское и белорусское изменение *l* в *u̯* с аналогичными диалектическими явлениями других слав. языков не стоит, но известность этого изменения значительной части говоров почти всех слав. языков сможет свидетельствовать о том, что *l* немягкое в о.-сл. эпоху было сильно округленным и, по-видимому, велярным. С чеш., словац., в.-луж. и северной частью словин. совпадают м.-р. и б.-р. языки и ю.-в.-р. наречие в.-р. языка чертой 10. По чертам 28 и 29 м.-р., б.-р. и ю.-в.-р. совпадают с сербохорв., словин. и, может быть, с болг.[120] Что касается твердости согласных перед старыми *e* и *i* (12), то эта черта резко отличает м.-р. не только от поль., каш., лужицких и словац., но и от чеш., сербохорв. и словин. В отличие от всех этих языков в м.-р. перед *e* и *i* старыми отвердели не только о.-сл. немягкие, но и о.-сл. смягченные; согласные, отвердевшие перед старыми *e* и *i*, могут быть мягки в других положениях; поэтому ни в одном слав. языке нет такого противоположения между твердостью согласных перед старыми *e* и *i* и мягкостью их же в других положениях в тех же основах. Черта 1 до некоторой степени сближает м.-р. с зап.-сл.: все зап.-сл. языки знают изменение *o* в известных положениях в звук, отличный от обычного *o*, причем таким звуком в одних языках является *uo*, звук более или менее тожественный с тем *uo*, какое известно из некоторых полесских говоров, в других — *u*, как в южных карп.-р. и в некоторых полесских. Одним из положений, вызвавших появление таких звуков, является положение в новых закрытых слогах. Но ни в одном из зап.-сл. языков такое *uo* или *u* не является во всех новых закрытых слогах, как в м.-р., а кроме того, в большей части зап.-сл. языков является при известных условиях и не в новых закрытых слогах.

§ 106. Говоры группы *A* (§ 92) сближаются со всеми западными и южными слав. языками отсутствием конечного *i̯* в nom. sg. m. прилагательных (8)[121]. (Эта черта у них — общая с ю.-б.-р.). Отсутствие *r'* (17) также сближает их и б.-р. со всеми слав. языками, кроме лужицких, так как в поль. и чеш. старое *r* мягкое

---

[120] См. § 68, стр. 167—168.

[121] Чешское конечное *i̯* в nom. sg. *dobrej* и т. п. (пишется *dobrý*) — вторичное, вследствие изменения старого *y* долгого в *ei̯*.

изменилось в *ř* или *ž* и *š*, а в словац. и ю.-сл. различие между *r* твердым и мягким утрачено. Черта 29 (1 pl. на *-mo*), общая *А* с вост.-укр. и зап.-укр., сближает их с сербохорв., словин. и говорами словац.[122] Из этих совпадений, по крайней мере, совпадения по чертам 17 и 29 не органические.

Из вост.-укр. особенностей (§ 95) черта 4 является общей вост.-укр. со всеми нерусскими слав. языками, черта 13 — со многими слав. языками, *е* из *oje* в nom. sg. n прилагательных (4) и употребительность dat. sg. на *-ovi* (21) — с языками зап.-сл.[123], 34 — только с сербохорв. Последняя черта — архаизм, уцелевший в укр., сербохорв. и диалектически в с.-в.-р. независимо в каждом из них от остальных [124]; черта 13 не стоит в органической связи с подобной же чертой других слав. языков; черты 4 (отсутствие нестяженных форм прилагательных, nom. sg. n. прилагательных на *-е*) и 21 — или развитие диалектических тенденций о.-сл. эпохи, или, быть может, заимствования с польского.

Из зап.-укр. особенностей (§ 96) о чертах 6, 23 и 36, как общих зап.-укр. с вост.-укр. (4, 21, 34), сказано выше; черты 5 12 и 38 общи зап.-укр. со всеми нерусскими слав. языками, черта 7 — с чеш. и словац., 16 отчасти (только *mn'* из *mj*) с диалектами поль., чеш. и словац., 34 отчасти (только наличность fut. типа *буду ходив*) — с поль., каш. и словин. и 35 с поль. Черта 5 — или архаизм по сравнению с вост.-укр. и карп.-р., или фонетическое изменение *а* в *е* после мягких (ср. черту 4) и на органическую связь зап.-укр. с другими слав. языками не указывает. Черта 38 — архаизм, утраченный всеми русскими языками, кроме диалектов зап.-укр. и карп.-р. Зап.-укр. и карп.-р. окончание instr. sg. *-oų* (7) была попытка поставить в органическую связь с чеш. и словац. *-ou*, старосербским „-овь“ и т. д.[125], но более вероятно, что это — сравнительно позднее новообразование зап.-укр. и карп.-р. говоров, возникшее независимо от аналогичных форм чеш. и словац. вследствие выпадения *i̯* между гласными перед *u*. Черты 12 и 16 могли развиться и независимо от соседних слав. языков. Числительное *єден* или *їден* (*ї* — из косвенных падежей) (41) может восходить к старому **jedьnъ* или же представляет словарное заимствование из поль. или словац.

---

[122] См. § 99.

[123] Собственно говоря, вост.-укр. *-ovi* не тожественно этимологически зап.-сл. *-ovi*, так как конечное *i* указывает на старое этимологическое *ě*, но это *-ovi*, несомненно, из более старого *-ovï*.

[124] Inf. на *-ti* в чеш. и словин. свойственны только литературному языку и почти неизвестны живой речи, но указывают на сравнительно позднюю утрату их живой речью

[125] R. Nahtigal. Instrumental sing. fem.*-oją*: *-ǫ*:*-ǫ*. Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino III, 1—2, Ljubljana, 1921. Ср.: Н. Ван-Вейк. По поводу славянских форм творительного падежа единственного числа на *-oų*, *-ov*. Slavia, II, 1, 1923.

Из карп.-р. особенностей (§ 97) черта 15 — общая карп.-р. со словац., чеш. и болг.; возможно, что она заимствована из словац. Диалектическая карп.-р. форма instr. sg. на *-от* от имен женского рода на *-а* (*руком*, *землъом* и т. п.) и верховинское *тко* вместо *кто* случайно совпадают с подобными же новообразованиями в сербохорв.

§ 107. Из фонетических новообразований, отличающих м.-р. от в.-р., лишь немногие сближают его с польским языком или его говорами, но не являются тожественными с аналогичными польскими новообразованиями; остальные фонетические новообразования резко отличают его от польского языка. Наоборот, среди новообразований морфологических рядом с чисто м.-р., неизвестными другим слав. языкам, в м.-р., особенно в зап.-укр., есть ряд новообразований, общих с польским языком [126], число которых увеличивается по направлению к границам польского языка. Это позволяет думать, что по крайней мере часть их возникла в м.-р. не органически, а заимствована с польского.

ЛИТЕРАТУРА

a) Общее пособие: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М., 1915 (Труды Моск. Диалектологической Комиссии, вып. 5). — Здесь, между прочим, довольно полные библиографические указания и подробное описание границ русских языков и главных наречий; с.-в.-р. и переходные говоры охарактеризованы подробнее, чем в настоящем «Введении». Поправки и дополнения: Якобсон. — ЭО, 1916, № 1—2; Ганцов. — ZslPh, II, 1—2, III, 1—2; Зілинський. — RSl, IX, 2; Дурново. Очерк, 69—100 [127].

b) Труды и сборники, содержащие сведения о говорах разных русских языков: 1) Д. К. Зеленин. Описание рукописей Ученого Архива имп. Русского Географического Общества, вып. 1—3. Пг., 1914—1916 (содержит, между прочим, извлечения из сообщений о говорах и характеристики языка записей, сделанных с попыткой передать особенности местного говора); 2) Труды МДК, вып. 8. М. и Казань, 1919; вып. 9[a], Л., 1927; вып. 10. Л., 1928.

c) Работы по диалектологии Сибири (главным образом великорусские говоры): 1) А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 1921; ср. А. В. Пруссак. [Рец.] — Изв., т. 26 (1921), 1923, и ответ Селищева, Изв., т. 28 (1923), 1924; 2) П. Я. Черных. Особенности говора Тулунского у. Иркутской губ., Иркутск, 1921; 3) Он же. Русские говоры Мамырской волости, Тулунского уезда, Иркутской губернии (Диалектологические заметки). — Сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутск. ун-та, вып. 5. Иркутск, 1923; 4) Г. С. Виноградов и П. Я. Черных. Русские говоры центральной части Тулунского уезда, Иркутской губернии. Иркутск, 1924; 5) Г. С. Виноградов. Замеча-

---

126 В том числе и такие, какие известны и другим нерусским слав. языкам.

127 Дальше указываются только работы, появившиеся после выхода «Опыта».

a Вып. 9, 10 вышли под назв.: Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской Диалектологической Комиссии).

ния о говорах Тункинского края. Иркутск, 1926; То же. Бурятоведческий сборник, вып. 2, 1926. Приложение; 6) В. М. Малаховский. Об изучении русских говоров Сибири. С приложеним очерка П. Я. Черных. Итоги и задачи диалектологического изучения Сибири. Иркутск, 1925; 7. А. Д. Григорьев. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Томск, 1921 (ср.: Селищев. К изучению русских говоров Сибири (по поводу издания диалектологической программы). — Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, т. 31, вып. 4, 1921); 8) П. Я. Черных. Несколько сибирских диалектизмов в «Коньке Горбунке» П. П. Ершова. — Сиб. живая старина, вып. 2. Иркутск, 1924; Статистические сведения о населении Вост. Сибири: А. П. Георгиевский. Русские на Дальнем Востоке. 〈Заселение Дальнего Востока. Говоры. Творчество. Вып. 1—7〉. Владивосток, 1926 〈—1932. (Труды Дальневост. ун-та. Серия 3, № 3—12, вып. 1—3)〉.

d) Работы по великорусской диалектологии вообще: 1) Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 10 и 11. Пг., 1921—1922 (Сб., т. 99, № 2, 3); 2) Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. I. Южновеликорусское наречие (вопреки названию, в книге говорится не только о ю.-в.-р., но и об акающих ср.-в.-р. и б.-р. говорах); 3) А. Н. Гвоздев. Типы великорусских говоров Пензенской губернии. Пенза, 1925 (Труды Пенз. о-ва любителей естествознания и краеведения, вып. 6).

e) Северновеликорусские говоры: 1) В. Мансикка. Заметки о говоре Никольского уезда. Изв., т. 19, кн. 4; 2) Н. Н. Виноградов. Послеконечное *ы* в народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Изв., т. 22, кн. 2; 3) С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии. Пг., 1922 (Сб., т. 99, № 5); 4) Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии. 1. К вопросу о сицкарях. 2. О говорах с.-в. части Моложского у. Яросл. губ. 3. К диалектологии Ленинградской губ. Изв., т. 30; 5) П. Я. Черных. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» как памятник северновеликорусской речи XVII столетия, т. 1—2 — Иркутск, 1927; т. 1 — Сб. трудов Иркутск. ун-та, вып. 12, т. 2, Иркутск. секция научн. работников; 6) Р. О. Якобсон. Фонетика одного северновеликорусского говора с намечающейся переходностью. Прага, 1927.

f) Южновеликорусские говоры: 1) В. И. Тростянский. К изучению местных говоров в Воронежской губернии. Пг., 1916 (Сб., т. 95, № 2) (о говорах Задонского и Землянского уездов); 2) Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда. Пг., 1922 (Сб., т. 99, № 6); 3) Дурново. Диалектологические Разыскания, вып. 1 (см. выше, d; здесь приведен и систематизирован, по возможности, весь печатный и рукописный материал по вопросу об аканье, заключающийся в описаниях говоров, ответов на программы и записях народной речи; для этой цели использованы архивы МДК, РГО и Акад. Наук); 4) А. М. Селищев. Заметки по великорусской диалектологии. I. К изучению типов аканья. — Slavia, VI, 2—3. (о говоре южной части Ливенского у. Орловской губ.). g) Белорусские говоры: 1) Е. Ф. Карский. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917 (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России, вып. 2). Изд. 2-е, Пг., 1918; 2) Он же. Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением. Пг., 1918. (Доклады, прочитанные на 1-м Всебелорусск. съезде, № 2); 3) Он же. Беларускі народ і яго мова. Мінск, 1920; 4) Он же. Заметки по белорусскому наречию. — РФВ, т. 76, № 3, 1916; 5) П. А. Расторгуев. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии. — В кн.: Курс белорусоведения. М., 1918—1920; 6) И. А. Сербов. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. Пг., 1915 (Сб., т. 94, № 1); 7) О. Брок. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916; 8) П. А. Бузук.

Да характарыстыкі паўночнабеларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліжскага паветаў. Мінск, 1926.

h) Малорусские говоры: 1) В. М. Ганцов. Діялектологічна класифікація українських говорів (з картою). — Зап. істор.-філол. відд. Укр. Акад. Наук, кн. 4, 1924; 2) Он же. Характеристика поліських дифтонгів. — Там же, кн. 2—3, 1923; 3) Он же. До історії звуків в українській мові. — Там же, кн. 7—8, 1926; 4. Он же. Das Ukrainische in neueren Darstellungen russischer Mundarten. — ZslPh, II, 1—2, 1925; III, 1—2, 1926; 5) І. Зілинський. [Українськи діялекти на карті Московської Комісії] — RSl. IX (1922), 2, 1930; 6) Он же. До питання про діялектологічну класифікацію українських говорів. — Записки НТШ, т. 141—143 (Ювилейний збірник). Львів, 1925; 7) Гаєвський. Говірка села Михиринець Старо-Константиновского повіта Волинської губ. — Зап. Укр. Наукового товариства в Київі, XIV, 1916; 8) О. Курило. Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки села Хоробричів давніше Городнянського повіту, тепере Сновської округи на Чернігівщині. Київ, 1924 (Всеукр. Акад. наук. Збірник істор.-філол. відд., № 21. Праці етнографічної комісії); 9) Она же. До характеристики і процесу монофтонгізації чернігівських дифтонгічних звуків. — Україна, 1925, кн. 5; 10) Б. М. Яцимирский. Описание говора г. Старой — Ушицы Подольской губернии. Пг., 1915 (Сб., т. 94, № 3); 11) О. Д. Сторінка для характеристики говірки села Хоцьок Переяславського повіту на Полтавщині. — Зап. укр. Наукового товариства в Київі, т. 14, 1915; 12) J. Janów. Gwara małoruska Moszkowiec i Siwki naddniestrzańskiej z uwzględnieniem wsi okolicznych. Lwow, 1926, 232 стр. (Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Dział I, t. III, zeszyt 1).

Назову некоторые издания фольклорного материала, вышедшие позднее «Опыта» МДК.

a) Из области в.-р. говоров: 1) Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915 (Зап. РГО, т. 42) (почти все записи в более или менее точной фонетической транскрипции); 2) А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, издал А. М. Смирнов, вып. 1—2. Пг., 1917 (Зап. РГО, т. 44, вып. 1—2) (не все записи одинакового достоинства, но есть записи, передающие особенности местной речи очень точно); 3) Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. М., изд. ОРЯС, 1915; 4) Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. под ред. Шахматова. Пг., 1916 (Сб., т. 95, № 1) (материалы из Задонского и Землянского у. Воронежской губ., Егорьевского Рязанской и Котельнического Вятской, все в очень точных записях); 5) Материалы по русской диалектологии. Под ред. и с предисловием Е. Карского. — Варшавские университетские известия. 1914, кн. 7, 9 (Записи П. А. Левочкина из Донской области, А. Д. Нечаева из Стародубского у. Черниговской губ. (б.-р.) и И. Н. Яштайкина из Курмышского у. Симбирской губ.); 6) М. К. Азадовский. Ленские причитания. Чита, 1922; 7) Он же. Сказки Верхпеленского края, вып. 1. Иркутск, 1925.

b) Из области б.-р. говоров: 1) Сербов. Белорусы-сакуны (см. выше); 2) Нечаев. (см. выше, а 5).

c) Из области м.-р. говоров: 1) И. В. Бессараба. Материалы для этнографии Херсонской губернии. Собрал И. В. Бессараба. Пг., 1916 (Сборн., т. 94, № 4); 2. П. А. Гнедич. Материалы по народной словесности Полтавской губернии. Роменский уезд, вып. 1, 2, 4. Полтава, 1915.

Не называя предшествующей литературы, перечислю только главнейшие издания, на страницах которых печатались по преимуществу записи диалектологического материала: 1) Этнографический сборник, издаваемый имп. Русским географическим обществом, вып. 1—6. СПб., 1853—1864; 2) Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 1—44. СПб., 1867—1917 (здесь, между прочим, сборники Садовникова,

Ончукова, Зеленина, Добровольского, Смирнова и др.); 3) Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Русского географического общества. СПб., 1890—1916; 4) Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. 1—4. СПб., 2-е Отд-ние имп. Акад. Наук, 1852—1856; 5) Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. Наук (вышел 101 том); 6) Известия того же Отделения (периодическое издание, выходит с 1896 г.); 7) Русский Филологический Вестник (периодическое издание, выходившее в 1879—1917 гг.); 8) Етнографічний збірник. Вид. Етнографічна комісія НТШ, т. 1—40. Львів, 1895—1929; 9) Матеріяли до української етнології. Вид. Етнографічна комісія НТШ, т. 1—22, Львів, 1899—1929 (Загл. т. 1—10 — Матеріяли до українсько-руської етнології, т. 21—22 — Матеріяли до етнології й антропології); 10) Збірник філологічної секції НТШ; 11) Записки НТШ.

Обширный ненапечатанный диалектологический материал по русской диалектологии, по большей части в виде ответов на программы, хранится 1) в архиве 2-го Отделения Акад. Наук (Петроград), [128] 2) в архиве РГО (Петроград) [129] и 3) в архиве МДК [130]. Материалы по б.-р. диалектологии, кроме того, — в Минске, в Фольклорно-Диалектологической комиссии при Институте Белорусской Культуры, а материалы по м.-р. диалектологии — в архивах Укр. Акад. Наук в Киеве и НТШ во Львове; по карпато-русской диалектологии также в Школьном реферате в Ужгороде и Славянском семинарии в Братиславе [106].

---

[128] Перечень хранящихся там ответов на академические программы по великорусским говорам имеется в IX выпуске Материалов для изучения великорусских говоров.

[129] Описание рукописей этого архива составлено Зелениным, см. выше, b.

[130] Список имеющихся в архиве МДК ответов на ее программы будет напечатан в 10 вып. Трудов МДК.

Глава III

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

§ 108. При изучении истории языка ценный материал иногда дают и заимствования из него в других языках, особенно такие, которые были сделаны в эпоху, не засвидетельствованную письменными памятниками этого языка или засвидетельствованную слишком недостаточно. Изучая такие заимствования, необходимо, конечно, учитывать те изменения, какие заимствованные факты претерпели в другом языке как при своем усвоении, так и позднее, при последующих изменениях этого языка. Так, например, не зная законов мадьярского языка, мы могли бы думать, что мадьярское *szelemen* 'балка' = ст.-сл. *слѣмѧ* из о.-сл. **selmen* восходит к полногласной форме этого слова, т. е. заимствовано из какого-то русского диалекта; на самом деле здесь *e* перед *l* вторичное [1], вызванное тем, что в мадьярском языке не допускается сочетание двух согласных в начале слова. В русском языке слова, заимствованные с греч. до утраты носовых гласных, до прекращения закона об изменении начального *e* в *o* и до изменения *e* после мягких перед твердыми в *o*, подверглись в свое время действию соответствующих фонетических законов; поэтому греч. σάββατον (произносившееся в X в., как *sambaton*), Ἑλένη изменились в *субота*, *Олена* (м.-р. *Олена*, в.-р. *Олёна*).

§ 109. Русские славяне издавна, еще с о.-сл. эпохи, находились в непосредственном соседстве с финскими, балтийскими, турецкими и иранскими народностями и еще в доисторическую эпоху вступали в тесные сношения с германскими народностями, именно, с готами и скандинавами, позднее, уже в историческую эпоху, с тевтонами. Поэтому в нынешних языках потомков этих народностей много заимствований из русского языка, начиная

[1] Соответствующее свое слово в р. языке в XI в. звучало как *соломя* (ср. *соломена* в И 73).

с той эпохи, когда он был еще только диалектом о.-сл. Нынешние финские, балтийские и турецкие языки на территории России, а также Польши, Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии, равно как и язык осетинский, единственный потомок иранских языков Юга России, содержат многочисленные заимствования из русского языка, проникавшие в них во все время их соседства с русскими, начиная от о.-сл. эпохи, до самого последнего времени. Заимствования из р. в скандинавских языках относятся главным образом к эпохе наиболее усиленных сношений скандинавов с русскими славянами, а именно, к VIII—IX в., и не многочисленны. Есть заимствования из р. языка и в других европейских языках, но они относятся почти все к значительно более позднему времени и для истории русского языка мало интересны.

§ 110. В нынешних финских и в литовском языках есть заимствования из русского языка, сделанные еще в доисторическую эпоху, т. е. до появления древнейших памятников русского письма. Так, среди финских заимствований есть такие, в которых русскому *и* из о.-сл. *ǫ* соответствуют сочетания на носовые: финское *suntia* или *suntio* 'церковный служитель' из р. *судья*, эстонское *suńd* 'суд', ливское *suńd* 'судить, наказывать', финское *kuontalo* 'пакля', ср. р. *кудель*, ст.-сл. *кѫдѣль*, эстонское *und*, ливское *ûndâ* 'удочка'; эти заимствования, очевидно, сделаны еще тогда, когда в р. языке в соответствующих словах еще звучало *и* носовое (из о.-сл. *ǫ*). Финское *artti* 'спор, ссора' получилось из славянского слова, соответствующего старорусскому *рать* 'война', тогда, когда еще не произошло перестановки гласной и плавной в начале слова в о.-сл. сочетаниях типа **ort*. Ряд финских и литовских заимствований сохраняет сочетания на плавную там, где в р. языке уже в XI в. было полногласие: финское *palttina* 'холст', *varpu* 'воробей', *talkoo* 'толока', *talkkuna* 'толокно', литовское *karvõjas* 'коровай', *šalmas* 'шелом' и др. В ряде финских и литовских заимствований являются гласные *и* и *i* на месте славянских ъ и ь даже там, где эти гласные в русском языке были утрачены не позже XII в., ср. выше приведенные финские *talkkuna*, *palttina*, а также финское *lusikka* 'ложка', *akkuna* 'окно', литовское *tùlkas* 'толк', *šilkaĩ* 'шелк', *ridikas* 'редька', *stiklas* 'стекло' (старорусское *скло*, б.-р. *шкло*); очевидно, во время заимствования ъ и ь слабые не только сохранялись, но и звучали близко к *и*, *i*.

По поводу финских и литовских заимствований из русского с сочетаниями на носовую в соответствии с русским *и* из о.-сл. *ǫ*, с сочетаниями на плавную перед согласными в соответствии с русскими полногласными сочетаниями и с гласными *и*, *i* на месте старых ъ и ь не только сильных, но и слабых, ставился вопрос, можно ли их считать заимствованиями из русского или из о.-сл. языка. Вопрос этот в сущности сводится к другому вопросу: сохранялось ли о.-сл. единство в ту эпоху, когда делались эти заимствования. Утвердительный ответ на последний вопрос не

мешает признать, что русская диалектическая группа уже к тому времени достаточно обособилась и что говоры, из которых были сделаны названные заимствования, принадлежали именно к этой группе. На это, может быть, указывает финская передача о.-сл. ǫ сочетанием на носовую с гласной *u*. Что касается сочетаний на плавную вместо р. полногласных сочетаний в некоторых финских и литовских заимствованиях, то в р. языке такие сочетания, по-видимому, сохранялись еще в середине X в., когда в ю.-сл. языках они давно уже заменились сочетаниями с гласной после плавной.

ЛИТЕРАТУРА [2]

I. О заимствованиях из русского языка в финских языках: 1) J. J. Mikkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen, I. Helsingfors, 1894; 2) Jalo Kalima. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1910; Он же. Финно-угорские языки и финский язык. — Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат», изд. 7-е, т. 43; 7) Шахматов. Очерк, стр. XI, XIV—XV, XVIII, 112—113; 5) Он же. Введение, стр. 28—29, 34—35, 55—56; 6) А. Л. Погодин. Северноруcские словарные заимствования из финского языка. — Варшавские университетские известия, 1904, IV.

II. О русских элементах в балтийских языках: 1) Е. Карский. Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области. — Изв., т. 29 (1924), 1925; 2) Georg Gerullis. Die Herkunft der slavischen Lehnwörter im Preuß.-Litauischen. — IF, Bd. 42, 1924; 4) Karłowicz. O języku litewskiem. — Rozprawy i sprawozdania z posiedzień wydziału filologicznego Akad. umiejętności w Krakowie. I. Kraków, 1875; 5) K. Buga. Die litauisch-weißrussischen Beziehungen und ihr Alter. — ZslPh, I, 1, 1924; 6) A. Brückner. Litu-slavische Studien, I. Die slavischen Fremdwörter im litauischen. Weimar, 1877; 7) И. Эндзелин. Латышские заимствования из славянских языков. — ЖСт. 1899, вып. 3 [107].

[2] Называю только некоторые работы, так как бóльшая часть трудов по вопросу о заимствованиях из р. языка в других языках осталась мне недоступна.

Глава IV

СВИДЕТЕЛЬСТВА ИНОСТРАНЦЕВ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 111. Старшие свидетельства такого рода имеются в известиях о Руси арабских географов IX—X в. — Ибн-Хордадбега (около 845 г.), Ибн-Росте (или Ибн-Даста, после 900 г.), Ибн-Фадлана (922 г.), Масʿуди (947 г.), Истахрия (около 950 г.), Ибн-Якуба и др.; сюда же относится письмо хозарского царя Иосифа к раввину Хаздай-ибн-Шапруту начала X в. и известия так наз. анонимного персидского географа X в. и персидских географов XIII в.; последние заимствованы у старших арабских географов. Но эти известия, интересные с точки зрения истории политической и культурной, для истории русского языка почти ничего не дают. Это — несколько географических и племенных названий и собственных имен и 2—3 отдельных слова, но в такой неточной передаче, что не всегда можно догадаться, о каком имени или слове идет речь. Таковы — географические имена: *Kujâbe* ʿКиев', *Rûs* ʿРусь', *Džârwât* или *Džarvâb* — название города ʿХорват'?, племенные названия: *s*(*a*)*qlâb* ʿславяне', *V*(*e*)*n*(*e*)*ntit* или *Vantit* ʿвятичи', *Dulâbe* ʿдулебы' [1], *S*(*e*)*w*(*e*)*r* ʿсеверяне', собственные имена князей: *Mâdžek* (*?*), *Wândžslâwe* ʿВячеслав', *'al Dîrâ* (Дир?); отдельные слова: *q*(*i*)*nâz* ʿкнязь', *'*(*a*)*l-s*(*a*)*dž*(*u*) ʿнапиток из меда' (съчь?) [2].

Единственное, что, кажется, можно извлечь из этих свидетельств, это — указание на сохранение носовых гласных (*Wântit*, *Wândžslâwe*).

§ 112. Более ценны — сведения о Руси Константина Багрянородного (Πορφυρογέννητος) в 9 и 37 главах его сочинения «о на-

[1] Некоторые ученые, впрочем, относят это название не к русским дулебам, а к чешским дудлебам.

[2] Заметим, что арабское письмо обладает очень несовершенными способами передачи гласных, и произношение гласных в классическом арабском языке в IX в. точно нам не известно.

родах» (περὶ ἐθνῶν), написанном в 949 г.[3] В 9-й главе, озаглавленной περὶ τῶν ἀπὸ τῆς Ρωσίας ἐρχομένων Ῥῶς..., дается подробное описание пути русов от Новгорода до Царьграда, с названиями русских племен, городов, рек и Днепровских порогов, а также говорится о поездках русских князей на полюдье (εἰς τὰ πολύδια) за сбором дани; в 37 главе говорится о печенегах и русских племенах, живущих по соседству с печенегами. В этих двух главах имеются следующие русские слова: 1) имена князей: Σφεντοσθλάβος 'Святослов', Ἴγγωρ 'Игорь'; 2) названия городов: Νεμογαρδάς (gen.) 'Новгород', Μιλινίσκαν (acc.) 'Смоленск'[4], Τελιούτζαν (acc.) (?)[5]. Τζερνιγώγαν (acc.) 'Чернигов', Βουσεγραδέ (gen.) 'Вышегород', Βιτετζέβη (gen.) 'Витичев', Κιοάβα, Κιόβα и Κίαβος 'Киев', в одном месте — Κιοάβα τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατάς 'Киев, называемый Субота'[6]; 3) названия рек: Δάναπρις 'Днепр', Σελινάν (acc.) 'Сулина'?, Δανουβίου (gen.) 'Дунай', Διτζίναν (acc.) 'Дичина'; 4) славянские[7] названия Днепровских порогов: Ἐσσουπή 'не спи' ('не съпи')[8], Ὀστροβουνίπραχ 'Островной (островьный) порог', Νεασήτ 'Неясыть'[9]. Βουλνηπράχ 'Вълны (или вълньный) порог'[10], Βερούτζη 'Вьручи'[11], Ναπρεζή 'Напрязи'[12]; 5) названия племен: Ῥῶς 'Русь', Κριβιταιηνοί и Κριβιτζῶν (gen.) 'кривичи', Λενζανίνοι (гл. 9) и Λενζενίνοι (гл. 37) 'ляжане'[13], Σχλαβίνιοι и Σχλάβων (gen.)

---

[3] В науке известно больше под латинским заглавием: «De administrando imperio».

[4] [В греческом тексте читается: «ἀπὸ τὸ κάστρον τὴν Μιλινίσκαν». Так как обычно у Константина ἀπὸ с gen., то и здесь первоначально могло быть τῆς Μιλινίσκας или, если ι первого слога описка под влиянием ι следующего слога, τῆς Μολινίσκας; в таком случае пропуск начального σ может рассматриваться как пропуск одной из двух рядом стоящих одинаковых букв].

[5] Обыкновенно толкуют это слово как название города Любеча, предполагая описку вместо τὴν Λιούβτζαν, но такое толкование совершенно невероятно: славянское *ŭ* (буква «ю») Константин передавал через υ, а ιου могло бы передавать скорее слав. *iw* или *ьw* (т. е. по цсл. орфографии *ивь* или *ьвь*).

[6] Другие ученые толкуют это имя иначе или вовсе отказываются его понять.

[7] σχλαβινιστί 'по-славянски'; кроме славянских Константин приводит и «русские» (ῥωσσιστί 'по-русски'), т. е. скандинавские названия порогов.

[8] Предыдущее слово оканчивается на ν (τὸν ἐπονομαζόμενον ἐσσουπή); возможна описка — пропуск второго ν, т. е. в протографе могло читаться νεσσουπή.

[9] Нынешнее название «Ненасытецкий», но чтение «Неясыть» подтверждается словами Константина «διότι φωλεύουσιν οἱ πελικάνοι εἰς τὰ λιθάρια τοῦ φραγμοῦ».

[10] διότι μεγάλην λίμνην ἀποτελεῖ; ῥωσσιστί βαρύφορος 'Baruforos = порог волны'.

[11] Или «Вьручии», part. praes. от *вьрѣти* 'кипеть', ср. у Константина «ὅ ἐστι βράσμα νέρου», т. е. 'кипение воды'.

[12] imp.? у Константина Μικρός φραγμός 'малый порог'.

[13] Т. е. поляки, неизвестные начальной летописи под этим именем, а только под именем *ляхов*; как имя *ляхи*, так и *ляжане* образованы от одной основы *lęd-*, имеющейся в летописном названии области ляхов

'славяне', Δερβλενίνοις (dat., гл. 37) и Βερβιανῶν (gen., гл. 9, очевидно, описка, вместо Δερβ...) 'деревляне', Δρουγουβιτῶν (gen.) 'дреговичи', Σερβίων (gen.) 'северяне' (?), Οὐλτίνοις (dat.; описка, вместо Οὐλιτίνοις ?) 'уличи'?; 6) отдельные слова: τα πολύδια 'полюдье', γύρα (? слово скандинавское?)[14].

При анализе русских слов и названий, приводимых Константином, следует учитывать 1) неточность передачи, вызванную отсутствием соответствующих звуков в греч. языке, resp. букв в греч. письме: р. *č* передается через τζ (Τζερνιγώγαν, Βιτετζέβη, Βερούτζη, Κριβιτζῶν) и, может быть, через τ (Οὐλτίνων, Δρουγουβιτῶν), р. *y* — через ου один раз после губной (Βουσεγραδέ) и через ι или η после других согласных (Κίαβα и др., Νεασήτ, 'Οστροβουνίπραχ, Βουλνηπραχ), р. ъ через ου ('Εσσουπή; второе ου в Δρουγουβιτῶν?), р. ь то через ι (Μιλινίσκαν), то через ε (Τζερνιγώγαν, Βερούτζη, оба раза перед ρ), то через ου ('Οστροβουνίπραχ — после губной перед твердой) и т. д.; 2) искажения, вызванные другими причинами, частью описками: Μιλινίσκαν (вместо Σμο-), Τζερνιγώγαν (второе γ вместо β), Βερβιανῶν (вместо Δ-), Οὐλτίνοι, Νεμογαρδάς (εμ вместо οβ?), Δρουγουβιτῶν (первое ου вместо ε ?): в трех случаях написана буква следующего слога, в одном — буква предыдущего слога и в одном пропущена буква, повторяющаяся в следующем слоге; всё — описки обычного типа; 4) то обстоятельство, что сведения могли быть получены Константином из разных источников, не только от русских славян, но и от болгар или скандинавов; да и сам русский, сообщавший их Константину, мог стараться говорить по-болгарски, как на своего рода κοινή тогдашних южных и восточных славян; 5) названия могли воспроизводить ту форму слова, в какой они были сообщены; так α в последнем слоге имен Νεμογαρδάς, Μιλινίσκαν, Τελιούτζαν, Τζερνιγώγαν, Κιοάβα может восходить к конечному *a* в gen. (у Константина почти все эти имена с предлогом ἀπὸ = слав. 'из' с gen.), а ε в Βουσεγραδέ, может быть, извлечено из loc. на *ě*.

На фонетику тогдашнего р. языка могут указывать следующие данные.

1. О.-сл. *ǫ* и *ę* передаются частью как сочетания на носовые: Σφεντοσθλάβος, Σαμβατάς, Λενζανίνοι, сюда же Ἴγγωρ, частью как ου и α или ε: Βερούτζη, Νεασήτ, Ναπρεζή. Имя Σφεντοσθλάβος могло передавать и болгарское произношение имени Святослава, потому что болгары его знали очень хорошо, а грекам оно стало известно

лядьская земля (ср. калужское *полехи* 'жители лесов', б-р. *полешуки* — то же и северное *залешане*). (См.: Ильинский. Кто были Λενζανίνοι Константина Багрянородного? — Slavia, IV, 2, 1925).

[14] В греч. литературном произношении X в. η читалось как *i*, υ — как *ü*, αι — как *e*, ι перед гласными могло иногда читаться как *i* неслоговое, β читалось как *v*, но после μ как *b*, ϑ как английское *th*, но после σ — как *t*, γ — как звонкая фрикативная задненебная, γ перед γ — как задненебная носовая, ζ — как *z* (звонкая фрикативная), τζ — как *c*.

впервые от болгар, раньше, чем им пришлось иметь дело с ним непосредственно; *Ἴγγωρ могло быть контаминацией варяжского *Jngvar* и р. *Игорь*; Σαμβατάς могло быть названием, данным Киеву болгарскими купцами, приезжавшими в Киев, или же представляет болгарскую передачу русского названия, которое могло звучать как «Субота»; в обоих случаях оно может указывать, что суббота была в Киеве базарным днем. Что касается Λενζανίνοι, то ляжанами могли называть себя и сами поляки, и в таком случае произносили свое имя с *ę*; так могли называть их и болгары, и нет надобности думать, что это название Константин узнал от русских. Принимая во внимание указанные соображения, можно на основании трех остающихся слов думать, что в р. языке того времени о.-сл. *ǫ* и *ę* уже изменились в чистые гласные *u* и *a* (*ä*?).

2. О.-сл. группа **tort* или **tert* передана у Константина или в болгарской огласовке (Βουσεγραδέ, Ὀστροβουνίπραχ, Βουλνηπράχ) или с гласной только перед плавной (Νεμογαρδάς, Δερβλενίνοι, Βερβιανῶν). В первом случае — несомненный болгаризм, который не указывает непременно на то, что Константин названия Вышгорода и двух днепровских порогов слышал от болгарина, но может свидетельствовать и о том, что русский, сообщавший их Константину, придавал некоторым словам болгарский облик, т. е. поступал так же, как позднее в. князь Володимир Св., приказывавший чеканить на монетах свое имя по-болгарски, и др. Во втором случае отсутствие гласной после ρ может свидетельствовать и об отсутствии ее и в живой речи того времени, т. е. на то, что полногласие в р. языке развилось позднее середины X в.

3. Конечное χ в Ὀστροβουνίπραχ и Βουλνηπράχ может указывать на южнорусское фрикативное произношение согласной из о.-сл. **g*; впрочем, допустимы и иные объяснения; в тогдашнем греч. γ было звуком фрикативным, а *g* взрывное могло быть только после носовой согласной.

4. Отсутствие конечных гласных в словах Ὀστροβουνίπραχ, Βουλνηπράχ и Νεασήτ можно понимать как указание на утрату конечных ъ, ь в русском языке уже к половине X в.; но такое понимание не обязательно: редуцированные гласные звуки, произносившиеся в этих случаях в русском языке, могли восприниматься Константином, в языке которого таких гласных не было, как отсутствие гласного звука.

§ 113. Позднейшие свидетельства иностранцев о р. языке относятся уже ко времени существования самостоятельной русской письменности; тем не менее и они позволяют внести некоторые дополнения и поправки в те сведения, какие мы извлекаем из памятников русского письма, современных этим свидетельствам.

Таковы, например, беглые заметки о р. языке, а также отдельные фразы и слова живого русского языка, географические на-

звания и т. п. сведения, имеющиеся в сочинениях о России Герберштейна (1517), Олеария (1647), Мейерберга (1666) и других иностранцев, приезжавших в Россию в XVI и XVII в.

Во второй половине XVII в. появляются уже систематические работы о русском языке, писанные иностранцами; таковы «Граматично исказанје об руском језику» (1666) Ю. Крижанича и отчасти более ранний его труд «Објасньенје виводно о писмѣ словѣнскомъ» (1661). В конце XVII в. появилась на латинском языке грамматика русского языка, написанная немцем Лудольфом (Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Rossica, 1696). Работы Крижанича и Лудольфа уже не являются только свидетельствами иностранцев о р. языке, а относятся к числу трудов по научному грамматическому изучению русского языка, являясь первыми по времени в ряду научных исследований по русскому языку, писанных иностранцами.

[От XVI и XVII в. сохранилось также несколько небольших составленных англичанами и немцами русско-английских и русско-немецких словарей и разговоров с русскими словами в английской и немецкой транскрипции, а также один сравнительно большой словарь 7 языков с малорусской параллелью [15]].

ЛИТЕРАТУРА

I. Свидетельства арабских и персидских писателей: 1) Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870 (русский перевод выдержек из арабских и персидских писателей, содержащих такие сведения, и комментарий); 2) М. Грушевський. Виїмки з жерел до історії України-Руси. Львів, 1895; 3) Шахматов-Кримський. Нариси (русский перевод части подобных выдержек, заключающих русские слова и названия); 4) Хвольсон. О русах у арабского писателя 1-й половины IX в. Ибн-Хордадбея. — Труды VIII Археолог. съезда, 1890; 5) Барон Розен. Пролегомена к изданию Ибн-Фадлана. — Зап. Вост. Отд. Русского Археолог. Общества, 1903; 6) Вестберг. Комментарий на записку Ибн-Якуба (965 г.) о славянах. СПб., 1903; 7) Шахматов. Древнейшие судьбы; 8) De-Goeje (Де-Гуе). Bibliotheca geographorum arabicorum. I—VII. Leiden, 1870—1892 (арабский текст с французским переводом и вводными статьями). Остальную литературу см. в названных сочинениях.

II. Константин Багрянородный. Издания: 1) Corpus historiae Byzantinae ex recensione, I. Beckeri. Bonnae, 1829—1840; 2) Migne Patrologiae cursus completus, series Graeca, t. 112—113. — Русский перевод Ласкина в Чт. в ОИДрР, 1899, 1. — Греческий текст 9-й главы с украинским переводом (Шахматов-Кримський. Нариси). Анализ свидетельств Константина — во многих работах, между прочим, у Шах-

---

[15] [См.: П. А. Сырку. Два памятника живого русского языка XVI в. — Изв., т. 2 (1897), кн. 4; Он же. Заметки о славянских и русских рукописях в Bodleian Library в Оксфорде. Изв., т. 7 (1902), кн. 4, т. 12 (1907), кн. 5; И. В. Ягич. Заметка об одном рукописном словаре немецко-русском XVII столетия. — Изв., т. 2 (1897), кн. 2].

матова (Введение и Древнейшие судьбы) и у Нидерле (Slovanské starožitnosti. Oddíl I. Svazek IV. Původ a počátky Slovanů východních. Прага, 1925).

III. Свидетельства западноевропейских писателей XVI и XVII в.

а) Герберштейн. 1) Первое издание — Rerum Moskoviticarum. Commentarii, 1517; 3-е изд., переработанное автором — Вена, 1549; немецкий авторизованный перевод — 1557, последнее издание латинского текста, 11-е, Старчевского, Scriptores exteri saeculi XVI historiae Ruthenicae. Berlin u. Petersburg, 1841—1845; 2) Русский перевод Анонимова: Герберштейна Записки о Московских делах. СПб., 1866 (с изд. 1556 г.);

b) Олеарий. 1) Первое издание, на немецком языке, 1647, второе, переработанное автором, Шлезвиг, 1656; 2) русский перевод — в Чт. въ ОИДрР, 1869—1870; 3) Другой русский перевод Ловятина: Олеарий. Описание путешествия в Московию. СПб., 1901;

c) Мейерберг. 1) Издание латинского подлинника: Wiemann. Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur älteren Geschichte und Kenntniß des Russischen Reichs. Berlin, 1920; 2) издание альбома Мейерберга (рисунки с объяснительным текстом на немецком языке): Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в. Издание Суворина. СПб., 1903 (к этому изданию «объяснительные примечания», составленные Аделунгом и дополненные Ловятиным, СПб., 1903); 3) русский перевод: а) донесение Мейерберга, перевод Е. Барсова, Чт. в ОИДрР, 1882, 1—3; b) Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и пр., описанное самим бароном Майербергом. М., 1874, перевод Шемякина (Чт. в ОИДрР, 1873, 3—4, 1874. I).

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ

УКАЗАТЕЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИЙ [a]

---

[a] В Указателе не перечислены страницы, на которых названы только номера соответствующих языковых черт.

Прилагательные

Синтаксис

Согласные

ОБЪЯСНЕНИЯ К КАРТАМ

Различной окраской или штриховкой обозначены области с преобладанием известных диалектических типов; отдельные пункты на территории, обозначенной той или другой окраской или штриховкой, могут принадлежать к другому диалектическому типу.

На карте № 1 повторено без изменения то деление с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоров на группы, какое имеется на карте МДК; деление это нуждается в пересмотре и сохранено на моей карте главным образом для удобства ссылок. Остальные деления, имеющиеся на этой карте, приведены в соответствие с данными карт № 2—4. Переходные говоры на м.-р. основе обозначены как м.-р. без указания на их переходность, но приблизительная граница между полесскими и белорусско-полесскими говорами обозначена лиловой чертой. Территория различных диалектов и границы между ними описаны в «Опыте» МДК.

На карте № 2 нанесены некоторые пункты с другими типами аканья и с оканьем [1], но большая часть таких пунктов на карте не отмечена. О территории различных типов аканья и говорах с аканьем не того типа, какой отмечен на карте как преобладающий в данном районе, см. мои Диалекто-

---

[1] Окающий остров к северу от Малоархангельска — Куракино Малоархангельского у., к северо-западу от Ельца — Орево Ливенского у.; сильноакающие: кругом Тулы — Тульский у. и Долгое б. Крапивенского у; к северу от Мценска — Спасское-Лутовиново Мценского у., к юго-востоку от Орла — Еропкино Орловского у.; диссимилятивно-якающие острова: к юго-востоку от Медыни — Карамышевская и часть Богдановской вол. Медынского у., к юго-востоку от Нижнедевицка — Истобное Нижнедевицкого у., к востоку от Воронежа — Красный Лог Воронежского у.; икающие острова: южнее Медыни — Полотнянозаводская вол. Медынского у., к юговостоку от Орла — Домнино и Становой Колодязь Орловского у.; ассимилятивно-диссимилятивно-якающие острова: к юго-западу от Пронска — Дурное и др. Пронского у., к востоку от Скопина — Городецкое, Дмитриево, Поляны Скопинского у. и северная часть Раненбургского у., кругом Сапожка — Большие Можары, Мордово, Морозовы Борки, Песочня Сапожковского у., Нижняя Ярославка Моршанского у., кругом Лебедяни — Лебедянский у., на р. Медведице — слободы Раздорская и Етеревская Усть-Медведицкого округа. Квадратиками обозначены пункты с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем: Новоселки Рязанского у. и Усмань-Собакино Воронежского у.

логические разыскания, вып. 1 и 2 (последний — об аканье в ср.-в.-р. говорах), о говорах окающих и ср.-в.-р. на территории ю.-в.-р. см.: З е л е н и н. Великорусские говоры, а также в примечаниях к «Опыту» МДК, о границах смягчения k — в названной книге Зеленина, об остальных границах — у него же и в «Опыте» МДК. По сравнению с обеими книгами внесены исправления на основании работ Гвоздева, Петровской, Тростянского, Шахматова (см. выше, стр. 216—218), вып. 8 и 9 Трудов МДК и неизданных материалов МДК.

На карте № 3 красной штриховкой в клетку на северо-востоке в Вышневолоцком и соседних уездах обозначена территория говоров, характер аканья которых мне неизвестен. Территории различных типов аканья см. в моих Диалектологических разысканиях, границы остальных черт — у Карского, Белорусы, т. I и II. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ К КНИГЕ Н. Н. ДУРНОВО

К стр. 11 [1]. Указанным проблемам посвящено большое количество работ, опубликованных после выхода книги Н. Н. Дурново. По проблемам социальной диалектологии см., в частности: Б. А. Ларин. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок). — Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, вып. 1, 1928: Е. Д. Поливанов. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. М., 1934.; А. Иванов и Л. Якубинский. Очерки по языку. М.—Л., 1932; В. М. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936; Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. Л., 1936; Ст. Стойков. Социальные диалекты (на материале болгарского языка). — ВЯ, 1957, № 1; Ф. П. Филин. К проблеме социальной обусловленности языка. — ВЯ, 1966, № 4; В. Д. Бондалетов. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. Автореф. докт. дисс. Л., 1966; Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Под ред. М. В. Панова. [Т. 1—4.] М., 1968.

К стр. 20—21 [1а]. Т. II переиздан под ред. В. И. Борковского, см.: Белорусы. Язык белорусского народа. вып. 1, М., 1955; вып. 2, М., 1956.

К стр. 29 [2]. Доклад комиссии «Об отмене стеснений малорусского печатного слова» напечатан на правах рукописи. См.: Алексей Александрович Шахматов. 1864—1920. Л., 1930 (Очерки по истории знаний, 8), с. 46—47.

К стр. 31 [3]. Данные эпиграфики, в частности надпись на корчаге из Гнездовского кургана, свидетельствуют о письменности у восточных славян до официального принятия христианства, уже в первой четверти X в. Библиографию о славянской письменности см. в кн.: В. А. Истрин. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963, с. 174—179.

К стр. 45 [4]. См. также: А. С. Орлов. Библиография Русских надписей XI—XIV вв. М.—Л., 1952; М. П. Сотникова. Дополнения к «Библиографии русских надписей XI—XIV вв» (Надписи, которые не вошли в работу А. С. Орлова). — В кн.: А. С. Орлов. Указ. соч., с. 224—234.

К стр. 45 [5]. См. также: П. Я. Черных. К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославовны. — Докл. и сообщ. филол. фак-та Моск. гос. ун-та, вып. 3, 1947, с. 27—31; Е. И. Мельников. О языке и графике подписи Анны Ярославны 1063 года. — Сб. «Славянское языкознание». М., 1959, с. 113—119.

К стр. 46 [6]. Изд.: Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. (Из истории прикладного искусства Полоцкой земли.) — «Советская археология», 1957, № 3, с. 224—242. Там же, с. 242—244 — библиография исследований и изданий.

К стр. 46 [7]. Надписи издавались неоднократно в «Советской археологии» — сборник в 1936—1956 гг., журнал — с 1957 г., в «Кратких сообщениях Института материальной культуры АН СССР», в изданиях АН УССР и АН БССР. См. изд.: Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964 (Археология СССР. Свод археолог. источников. Вып. Е 1—44); С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.

К стр. 46 [8]. См. Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР до конца XIV в. включительно). — «Археографический ежегодник» за 1965 г. М., 1966, с. 177—272. — Здесь приведены 1493 «славяно-русские рукописи, датируемые XI—XIV вв., включая рукописи, датируемые XIV—XV вв.» Уточнения к нему см.: Л. П. Жуковская. Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР. — «Советское славяноведение», 1969, № 1, стр. 57—71.

К стр. 46 [9]. В настоящее время Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве.

К стр. 48 [10]. В настоящее время — в фондах Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ) в Москве.

К стр. 48 [11]. Собрание Троице-Сергиевой лавры — в ГБЛ, фонд № 304.

К стр. 48 [12]. Собрание Московской духовной академии — в ГБЛ, фонд № 173.

К стр. 48 [13]. В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве, фонд № 381.

К стр. 48 [14]. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) в Ленинграде.

К стр. 49 [15]. Собрание Санкт-Петербургской духовной академии — в ГПБ, фонд № 573.

К стр. 49 [16]. Отдел рукописей библиотеки Академии наук СССР (БАН) в Ленинграде.

К стр. 49 [17]. Собрание Общества любителей древней письменности — в ГПБ, фонд № 536.

К стр. 49 [18]. Рукописи Соловецкого монастыря находятся в ГПБ (фонд № 717), в БАН, и отдельные рукописи — в ГБЛ.

К стр. 49 [19]. Собрания рукописей из киевских библиотек сосредоточены в Центральной библиотеке Академии наук УССР (ЦБАН УССР) в Киеве.

К стр. 49 [20]. Находятся в Калининском областном краеведческом музее. Рукописи XI—XIV вв. имеются и в Калининском областном архиве.

К стр. 49 [21]. В настоящее время в Харькове, в Государственной научной библиотеке им. В. Г. Короленко и в Государственном историческом музее.

К стр. 49 [22]. В научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

К стр. 49 [23]. В настоящее время в Одессе, в Государственной научной библиотеке им. А. М. Горького (ОГНБ) и в Государственном археологическом музее.

К стр. 49 [24]. В настоящее время в фондах Отдела рукописей Центральной библиотеки Академии наук ЛитССР (ЦБАН ЛитССР).

К стр. 49 [25]. Во Львове рукописи находятся во Львовской государственной научной библиотеке (ЛГНБ), в Государственном музее украинского искусства (ЛГМУИ) и в Государственном историческом музее.

К стр. 49 [26]. В библиотеке Ужгородского государственного университета. Кроме того, рукописи в Ужгороде имеются и в Закарпатском государственном краеведческом музее.

К стр. 50 [27]. Наиболее полные сведения о собраниях рукописей ГИМ в кн.: М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей русских, славянских и греческих, а также книг старой печати Государственного исторического музея. М., 1958 (Труды Гос. историч. музея. «Памятники культуры», вып. 30).

К стр. 50 [28]. Фонды Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА): фонд № 181 (собрание Рукописного отдела Московского государственного архива Министерства иностранных дел), фонд № 201 (собрание М. А. Оболенского) и фонд № 196 (собрание Ф. Ф. Мазурина).

К стр. 51 [29]. Библиография наиболее важных печатных описаний славяно-русских кириллических и глаголических рукописей XI—XVII вв. (свыше 2850), а также сведения о местонахождении в настоящее время того или иного собрания в СССР и за его пределами см. в кн.: Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. Справочник — указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.—Л., 1963 (сведения о собраниях ГБЛ и их описаниях представлены неполно, есть ошибки); А. И. Рогов. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962.

О пергаменных рукописях ГПБ, ГИМ, ГБЛ см.: Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л., 1953; М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 1. Рукописи русские. «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965; Ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские. «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966; Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ч. 1—3. «Записки отдела рукописей [ГБЛ]», вып. 25, М., 1963; вып. 27, М., 1965; вып. 30 (в печати).

К стр. 53 [30]. Иссл.: Л. П. Жуковская. Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова евангелия. — Труды Гос. Публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина. Л., 1958, т. 5 (8), с. 33—45; Она же. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия. (В связи с 900-летием памятника.) — В кн.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961, с. 14—44; Г. Ф. Нефедов. Неопубликованная статья Ф. Ф. Фортунатова «Язык Остромирова евангелия». Труды Отдела древнерусской литературы, т. 14, 1958, с. 657—659; В. П. Беседина Невзорова. Сочетания глаголов *имамь* и *хощѫ* с инфинитивом в языке Остромирова евангелия. — Уч. зап. Харк. ун-ту, т. 99. Труди філол. фак., т. 6, 1958, с. 25—42.

К стр. 53 [31]. Иссл.: И. И. Еленски. Редуцированные гласные в Святославовом изборнике 1073 г. Автореф. канд. дисс. М., 1955; Он же.

Редуцированны гласные в Святославовом изборнике 1073 г. — В кн. Годишник на Софийския университет. Филологически факултет, т. 54, кн. 1. София, 1959—1960, с. 623—698.

К стр. 53 [32]. Новое критическое издание выявленного текста XI в. с палеографическим описанием и греческими параллелями: Изборник 1076 г. Изд. подготовили: В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965. Иссл.: В. Ф. Дубровина. О привлечении греческих параллелей для прочтения переводных славяно-русских текстов. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 36—44; Она же. О греческих параллелях к Изборнику 1076 г. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1963, № 2, с. 104—109.

К стр. 54 [33]. Иссл.: П. О. Бузук. Про мову найдавнішої української евангелії. — Зап. іст.-філол. від. Всеукр. акад. наук, кн. 12, 1927, с. 1—11; А. М. Соколова. К истории русского языка в XI в. — Изв. по русск. яз. и словесн. АН СССР, т. 3, кн. 1, 1930, с. 75—135; Л. П. Жуковская. Новые данные об оригиналах русской рукописи 1092 г. — В кн.: Источниковедение и история русск. яз. М., 1964, с. 84—118. Подробную библиографию см.: Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. «Записки отдела рукописей» [ГБЛ], вып. 25. М., 1962, с. 150—152.

К стр. 54 [34]. Иссл.: Л. Н. Карягина. Редуцированные гласные в языке июльской служебной минеи конца XI—начала XII в. — В кн.: Материалы и исследования по истории русск. яз. М., 1960, с. 5—58; Она же. Палеографическое описание служебной минеи конца XI—начала XII в. — В сб. «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1962, с. 3—19.

К стр. 55 [35]. Полное критическое издание с палеографическим описанием рукописи и греческими параллелями к тексту: «Синайский патерик». Подготовили к изданию: В. С. Голышенко и В. Ф. Дубровина. М., 1967. Иссл.: В. Ф. Дубровина. О привлечении греческих параллелей для прочтения переводных славяно-русских текстов. — В сб. «Исследования по лингвистическому источниковедению». М., АН СССР, 1963, с. 36—44; Т. А. Иванова. Заметки о лексике Синайского патерика (К вопросу о переводе Патерика Мефодием). — В сб. «Проблемы современной филологии (Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова)». М., 1965, с. 149—152.

К стр. 56 [36]. Иссл.: В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.

К стр. 57 [37]. Иссл.: Л. П. Жуковская. О возможном родстве Юрьевского евангелия и галицко-волынских полных апракосов XII—XIII вв. — В сб. «Проблемы современной филологии, (Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова)». М., 1965, с. 136—141; Она же. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников. — В кн.: Исследования источников по истории русск. яз. и письменности. М., 1966, с. 44—76.

К стр. 58 [38]. Иссл.: О. В. Малкова. Палеографическое описание галицко-волынской рукописи XII в. — В сб.: «Исследования по лингвистическому источниковедению». М., 1963, с. 65—78; Она же. К истории редуцированных гласных ъ и ь в южных говорах древнерусского языка (по материалам рукописи 1164 г.). — Изв. АН СССР. Серия лит-ры и яз. М., 1966, т. 25, вып. 3, с. 240—246.

К стр. 59 [39]. Иссл.: В. С. Голышенко. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. — В сб. «Исследования по лингвистическому источниковедению». М., 1963, с. 45—64.

К стр. 60 [40]. Имеются фотокопии рукописи и приложенное к ним описание (25 экземпляров): М. В. Бражников. Благовещенский кондакарь Фотовоспроизведение рукописи. Л., 1955 (Отдел рукописей. Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

К стр. 60 [41]. Отрывок из рукописи ГИМ Син. № 279 — в ГБЛ, ф. № 87, № 47/М 1729. См.: Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ч. 2, № 9, «Записки отдела рукописей» [ГБЛ], вып. 27. М., 1965.

К стр. 61 [42]. Иссл.: Д. С. Ищенко. Старейший русский список студийского устава. (Палеограф. описание.) — В кн.: Исследование источников по истории русск. яз. и письменности. М., 1966, с. 140—161.

К стр. 62 [43]. Иссл.: В. Г. Демьянов. Основы имперфекта в древнерусском книжном языке XII в. — В сб. «Источниковедение и история русск. яз.» М., 1964, с. 142—149; Т. Н. Кандаурова. Лексика с полногласными сочетаниями в корне в Успенском сборнике XII в. (На материале Сказания о Борисе и Глебе.) — Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та В. И. Ленина, 1964, № 240. Статьи и исследования по русск. яз., с. 204—233.

К стр. 63 [44]. Житие Нифонта по этому списку издано полностью ПДрП, вып. 2 (7), СПб, 1880, с. 33—34, 35—51. См.: Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в отделе рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ч. 2. «Записки отдела рукописей» [ГБЛ], вып. 27. М., 1965, с. 105, 140. Иссл.: Т. М. Судник. Палеографический и фонетический анализ Выголексинского сборника XII—XIII вв. — Уч. зап. Ин-та славяновед. М., 1963, т. 27, с. 173—205.

К стр. 63 [45]. Часть рукописи, 79 листов, находится в Хиландарском монастыре на Афоне, изд. полностью: Fragmenta Chilandarica. Facsimile edition prefaced by R. Jakobson. A. Sticherarium. B. Hirmologium. Copenhague, 1956 («Monumenta musicae Byzantinae», V).

См.: Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ч. I «Записки отдела рукописей» [ГБЛ], вып. 2. М., 1960.

К стр. 64 [46]. Иссл.: Н. Г. Исакин. Палеографическое описание Пандектов Никона Черногорца по Ярославскому рукописному списку XIV в. — Труды каф. русск. яз. вузов Вост. Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, т. 1, с. 77—89.

К стр. 64 [47]. Иссл.: В. С. Голышенко. Сочетание редуцированных с плавными в положении между согласными в корнях слов в памятнике XII в. (Рукопись № 12 Чудовского собрания Гос. исторического музея). — Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та, т. 73. Каф. русск. яз., вып. 6. М., 1959, с. 261—282; Она же. К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к *tъrt*, *tьrt*, *tъlt* в древнерусском языке XII—XIII вв. (На материале рукописи Чудовского собрания № 12). — В сб. «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1962, с. 20—28; Она же. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. — В сб. «Исследования по лингвистическому источниковедению. М., с. 45—64; Она же. Замечания к изданному тексту «Слова Ипполита». — В сб.: «Изучение русск. яз. и источниковедение». М., 1968, с. 80—92.

К стр. 65 [48]. Снимок одной страницы см.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук СССР, вып. 2, М.—Л., 1958, с. 88. Полностью Слово и Молитву Илариона по сп. XV в., ГИМ, Син. № 591, изд. Н. Н. Розов. См.: Slavia, XXXII, 2, с. 141—175.

К стр. 65 [49]. Издан полностью: Contacarium palaeoslavicum Mosquense. Edendum curavit A. Bugge. Copenhague, 1960 («Monumenta musicae Byzantinae», VI).

К стр. 65 [50] См.: О. А. Князевская. О лингвистическом аннотировании древнерусских рукописей. «Исследования по лингвистическому источниковедению». М., 1963, с. 13—19; Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в отделе рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ч. I. «Записки отдела рукописей» [ГБЛ], вып. 2. М., 1960. Иссл.: К. И. Ходова. Из наблюдений в области словарного состава древнего славянского памятника (Житие Нифонта в русском списке 1219 г.) Автореф. канд. дисс. М., 1952; Она же. Из наблюдений над лексикой древнерусского списка «Жития Нифонта» 1219 г. — Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, т. 9, М., 1954, с. 182—204.

К стр. 65 [51]. Текст «Деяний» отсутствует.

К стр. 67 [52]. Изд. Е. Ф. Карский. «Русская правда» по древнейшему списку. Л., 1930; «Русская Правда». Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 1—3. М.—Л., 1941—1963; «Закон судный людем» краткой редакции. Подготовили к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961, с. 35—40, 115—127, М. Н. Тихомирова и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, с. 18—24, 28—30. Иссл.: Е. Ф. Карский, Указ. соч.; С. П. Обнорский. «Русская Правда» как памятник русского литературного языка. — Изв. АН СССР, 7-я серия. Отд. обществ. наук. М., 1934, № 10, с. 749—776; Он же. Очерки истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946; Н. П. Бауер. Денежный счет «Русской Правды». — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, с. 183—244; А. М. Селищев. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. — ВЯ, 1957, № 4, с. 57—63.

К стр. 69 [53]. Изд.: «Закон судный людем» краткой редакции. Подготовили к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961, с. 47—54, 139—154. Иссл.: В. Е. Ушаков. О языке Устюжской кормчей XIII—XIV вв. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Гос. б-ки им. В. И. Ленина, из собрания Н. П. Румянцева № 230). Киров, 1961. Там же подробная библиография.

К стр. 69. [54]. Иссл.: В. В. Виноградов. Заметки о лексике «Жития Саввы Освященного». — Сб. Отд. русск. яз. и словесности, т. 101, № 3, 1928, с. 349—353; Он же. Орфография и язык «Жития Саввы Освященного» по рукописи XIII в. — В кн.: Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968, с. 137—198.

К стр. 69 [55]. Иссл.: П. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода Хроники Георгия Амартола. — Византийский временник, т. 12, М., 1957, с. 232—241; Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. 15, М.—Л., 1958, с. 54—72; Е. В. Чечкина. Сложные прилагательные в древнерусской письменности (На материале Хроники Георгия Амартола XI в.) — Праці Одеськ. ун-ту, т. 150. Зб. студ. робіт, вып. 6, 1960, с. 71—75.

К стр. 70 [56]. Изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950; Новгородская харатейная летопись. Изд. под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова. М., 1964. (Фототипическое воспроизведение текста). Иссл.: М. Ф. Парахина. Именное склонение в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи. Автореф. канд. дисс. Львов, 1950; Она же. О системе форм единственного числа имен существительных с основой на *-о* в древнерусском языке (По материалам Синодального списка 1-й Новгородской летописи). — Наук. зап. Львівськ. пед. ін-ту, т. 12. Серия філол., ч. 2, 1959, с. 57—75; Она же. Имена с основой на *-а* в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи. — Вопросы русского языко-

знания. Львов, 1956, кн. 2, с. 99—112; З. Ф. Петрусь. О грамматическом значении и смысловых функциях имперфекта в 1-й Новгородской летописи по Синодальному списку. — Уч. зап. Кировск. гос. пед. ин-та, вып. 11. Фак-т историко-филол., 1957, с. 143—154; Она же. О грамматическом значении и смысловых функциях перфекта в 1-й Новгородской летописи по Синодальному списку. — В кн.: Очерки по русскому языку. Киров, 1962, с. 117—139; Она же. О грамматическом значении и смысловых функциях плюсквамперфекта в 1-й Новгородской летописи по Синодальному списку. — В кн.: Очерки по русскому языку (т. 2). Киров, 1965, с. 211—230; В. А. Семянко. Некоторые вопросы употребления аориста в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи. — Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, т. 100. Труды каф-ры русск. яз., вып. 6, 1961, с. 59—74; Она же. О залогах в 1-й Новгородской летописи. — Там же, с. 45—58; Л. И. Фролова. Отвлеченные существительные в Новгородской первой летописи. — Уч. зап. Горьковск. пед. ин-та, 1967, вып. 62. Серия филол. наук, с. 135—163.

К стр. 71 [57]. Иссл.: Е. М. Сморгунова. Древнейший Московский рукописный памятник. — В кн.: Источниковедение и история русск. яз. М., 1964, с. 119—141; Н. А. Мещерский. К изучению ранней московской письменности. — В кн.: Изучение русского яз. и источниковедение. М., 1968, с. 93—103.

К стр. 71 [58]. П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. — Докл. и сообщ. Ин-та русск. яз. АН СССР, вып. 2, 1948, с. 130—158.

К стр. 71 [59]. Иссл.: Л. П. Жуковская. Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.) — Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. 8, 1957, с. 5—106; Она же. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке (по материалам Галичского евангелия 1357 г.) — В кн.: Материалы и исследования по истории русск. яз. М., 1960, с. 59-117.

К стр. 71 [60]. Иссл.: О. А. Князевская. К истории московского говора. — Уч. зап. Моск. городск. пед. ин-та, т. 42. Каф. русск. яз., вып. 4, М., 1957, с. 269—303; Она же. К истории русского языка в Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Палеографич. и фонетич. описание рукописи Московского евангелия 1358 г.) — Труды Ин-та языкознания, т. 8. М., 1957, с. 107—177.

К стр. [61]. Изд.: ПСРЛ, т. 1, вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927, т. 1, вып. 3. Приложение: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. Изд. 2. Л., 1928; ПРСЛ, т. 1. М., 1962 (фотомеханическое воспроизведение текста издания 1926—1928 гг.). Повесть временных лет, ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.-Л., 1950 («Литературные памятники»). Иссл.: Е. Ф. Карский. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи. — Сб. Отд. русск. яз. и словесности АН СССР, т. 2, кн. 1. Л., 1929, с. 1—75; В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. — Труды Комиссии по русск. яз. АН СССР, т. 1, Л., 1931, с 1—91; С. М. Кардашевский. Порядок слов в «Повести временных лет» (по Лаврентьевскому списку). — Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, т. 12. Труды каф. русск. яз., вып. 1, 1948, с. 33—52; Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (на материале летописей). — Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 80. Каф. русск. яз., 1949; Л. А. Коробчинская. К вопросу о порядке слов в древнерусском языке (По материалам Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку). Автореф. канд. дисс. Львов, 1950; Она же. Дательный самостоятельный

в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г. — Доповіді та повід. Львівськ. ун-ту, вып. 3, ч. 1, 1952, с. 19—21; Она же. Приложение в древнерусском языке. — Вопросы русского языкознания, кн. 2. Львов, 1956, с. 69—79; М. П. Выгонная. Предлоги древнерусского языка с точки зрения морфологического состава и происхождения (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку). — Уч. зап. Новозыбковск. пед. ин-та, т. 4, Брянск, 1958, с. 200—217; Она же. О значении предлогов в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку). — В кн.: Вопросы изучения русск. яз. Ростов-на-Дону, 1962, с. 68—71; Она же. О соотношении предложных и беспредложных конструкций в выражении падежных отношений (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку). — В кн.: Вопросы изучения русск. яз. Ростов-на-Дону, 1963, с. 114—116; Г. И. Колеватова. Префиксальные имена существительные, соотносящиеся с глаголами (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку). Автореф. канд. дисс. Л., 1954; В. В. Назаретский. К истории сложноподчиненного предложения в русском языке. — Уч. зап. Череповецкого пед. ин-та, т. 1. Вологда, 1958, с. 191—213; То же. Енисейск, 1960; Г. А. Пастушенков. Система словообразования имен существительных в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи. Автореф. канд. дисс. Куйбышев, 1955; А. А. Тележникова. Склонение имен существительных в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. Автореф. канд. дисс. М., 1955; Она же. Имена существительные с древней основой на *-о* в родительном падеже единственного числа в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. — Труды каф. русск. яз. Орехово-Зуевского пед. ин-та. М., 1960, с. 5—20; М. И. Мулкиджанян. Причинные придаточные предложения в «Повести временных лет». — Труды Тбилисск. ун-та, т. 63, 1956, с. 397—419; Он же. Выражение причинных отношений в «Повести временных лет». — Труды Тбилисск. ун-та, 1964, т. 98. Серия филол. наук, с. 181—196; Л. В. Капорулина. Дательный падеж при имени существительном в «Повести временных лет». — В кн.: К вопросу управления (приглагольного и прииименного). Рига, 1957, с. 35—70; Она же. Творительный падеж при имени существительном в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). — Уч. зап. Лен. гос. ун-та, № 277. Серия филол. наук, вып. 55, 1959, с. 28—41; Она же. Винительный падеж при имени существительном в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). — Уч. Зап. Лен. гос. ун-та, 1962, № 302. Серия филол. наук, вып. 61. Исслед. по грамматике русск. яз., вып. 3, с. 133—148; З. С. Шкарян. Предлоги *от* (*отъ*, *ото*), *до*, *у* с пространственным значением в «Повести временных лет». — Наук. зап. Одеськ. пед. ін-ту, т. 18, 1957, с. 121—130; Она же. Предлоги с пространственным значением в «Повести временных лет» (винительный падеж). — Наук. зап. Ровенськ. пед. ін-ту, вип. 4, 1959, с. 27—49; Она же. Наречные предлоги пространственного значения в «Повести временных лет». — Уч. зап. филол. фак-та (Ровенский пед. ин-т), 1961, т. 6, с. 275—291; Г. А. Пирцхалава. Второстепенное сказуемое в древнерусском языке. (По двум письменным памятникам). — Труды Сухумск. пед. ин-та, т. 10—11, 1958, с. 441—448; R. Stola. Zur Frage der Entwicklung des деепричастие im Altrusischen. — В кн.: «Славянская филология», т. 1, М., 1958, с. 189—194 (резюме на русск. яз.); Т. А. Васильева. Предложно-падежные конструкции с временным значением предлогов *до* и *от* в древнерусском языке (На материале летописей). — Наук. зап. Одеськ. пед. ін-ту, т. 23, 1959, с. 49—63; Г. Я. Семина. К вопросу об употреблении глагольных форм прошедшего времени в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. — Уч. зап. Лен. гос. ун-та, № 277. Серия филол. наук, вып. 55, 1959, с. 42—59; О. В. Творогов. О типе словаря к литературному памятнику. — Вестник Лен. гос. ун-та, 1961, № 14. Серия истории яз. и лит-ры, вып. 3, с. 119—129; Он же. Словарь-комментарий к «Повести временных лет». Автореф. канд. дисс. Л., 1962; Он же. К вопросу об употреблении

старославянизмов в «Повести временных лет». — Труды Отдела древнерусской лит-ры, т. 19, М.—Л., 1963, с. 208—214; Р. Ружичка. Глагольный вид в «Повести временных лет». — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 308—319; Л. Я. Маловицкий. Из истории местоимения 3-го лица (По материалам Повести временных лет). — Уч. зап. Лен. пед. ин-та, 1963, т. 248. Вопросы языкознания, с. 195—200; И. Г. Добродомов. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). Автореф. канд. дисс. М., 1966; Н. Т. Шелихова. Семантика отглагольных имен существительных в древнерусском языке. — Научн. докл. высш. школы. Филол. науки. М., 1967, № 2, с. 50—61.

К стр. 73 [62]. Иссл.: Т. Н. Кандаурова. К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке Псковского пролога 1383 г.) — Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. 8. М., 1957, с. 178—286.

К стр. 73 [63]. В состав рукописи входит и апокалипсис.

К стр. 74 [64]. Иссл.: П. О. Бузук. З історичної діалектології української мови. Говирка Луцької євангелії XIV в. — Зб. Коміс. для дослідження іст. укр. мови. Всеукр. Акад. наук, т. 1, 1931, с. 113—135.

К стр. 75 [65]. Текст апокалипсиса, но без толкований издал Амфилохий. Апокалипсис XIV в. Румянцевского музея. М., 1886.

К стр. 76 [66]. Фототипическое издание: Мерило праведное по рукописи XIV в. Изд. под наблюдением и со вступительной статьей акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961. Закон судный людем. Подготовили к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961, с. 55—57, 157—167. Иссл.: Г. А. Николаев. Из наблюдений над семантикой имен существительных с суффиксом *-тель* в языке Мерила Праведного. — В кн.: Сб. аспирантских работ (Казанск. гос. ун-та), 1964, с. 89—107; Он же. Заметки о языке Мерила Праведного. (К вопросу о специфике жанра и стилистических особенностях памятника.) — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 4. Ижевск, 1965, с. 179—186; Он же. Семантическая характеристика имен на *-ние* в русском языке XIV в. — В кн.: Сб. научных работ. Вторая конференция молодых ученых г. Казани. Казань, 1966, с. 139—145; Он же. Формы именного словообразования в языке Мерила Праведного XIV в. Автореф. канд. дисс. Казань, 1966.

К стр. 79 [69]. Иссл.: В. М. Ганцов. Особенности языка Радзиволовского (Кенигсбергского) списка летописи. — Изв. ОРЯС АН СССР, т. 32 и последний, Л. 1927; с. 177—242; В. Д. Романовская. Словообразование прилагательных в древнерусском языке (На материале Радзиволовской летописи). Автореф. канд. дисс. М., 1953; Она же. Образование относительных прилагательных в древнерусском языке. (На материале Радзиволовской летописи). — Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. 3, М., 1954, с. 32—59.

К стр. 81 [68]. Изд.: Псковские летописи. Вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1941, с. 9—69. Описание: Псковские летописи. Вып. 1, Приготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, с. XII—XIV; М. Н. Тихомиров. Летописные памятники бывш. Синодального (Патриаршего) собрания. — Историч. зап., № 13. Изд-во АН СССР, 1942, с. 256—283. Иссл.: А. М. Назарова. К вопросу о сказуемом в Псковской летописи. — Изв. Крымск. пед. ин-та, т. 14. Каф. русск. яз. Симферополь, 1949, с. 117—173; В. И. Собинникова. Способы соединения подлежащего и сказуемого во 2-й Псковской летописи. — Труды Воронежск. гос. ун-та, т. 28. Научн. сообщ. и авторефераты, 1953, с. 183—186; Она же. Односоставные предложения во 2-й Псковской летописи. — Там же, с. 186—189; Л. К. Дмитриева. Употребление аппозитивных

причастий (на материале Псковских летописей). — Уч. зап. Лен. гос. ун-та, 1962, № 302. Серия филол. наук, вып. 61. Исслед. по грамматике русск. яз., вып. 3, с. 111—132.

К стр. 83 [69]. Изд.: ПСРЛ, т. 2. М., 1962 (фототипическое воспроизведение изд. 1908 г.); Иссл.: І. С. Свєньціцький. Мова Галицько-Волинського літопису. — В кн.: Вопросы славянск. языкознания, кн. 2. Львов, 1949, с. 123—135; Р. В. Алимпиева. Сложноподчиненные предложения в Ипатьевском списке летописи. Автореф. канд. дисс. Куйбышев, 1953; А. І. Генсьорський. Спостереження над вживанням повноголосних і неповноголосних форм у Галицько-Волинськом літопису. — Вопросы славянск. языкознания, кн. 4, Львов, 1955, с. 81—98; Он же. Значения форм минулого часу в Галицько-Волинському літопису. Київ, 1957; Он же. Про деякі особливості стилю в Галицькому літописі. (Іпатіївський кодекс 1201—1260 рр.). — В кн.: Дослід. і матер. з укр. мови, т. 1. Київ, 1959, с. 37—45.

К стр. 83 [70]. Иссл.: Н. А. Мещерский. К вопросу о датировке Виленского хронографа. — Труды Отдела древнерусской лит-ры АН СССР, т. 11, М.-Л 1955, с. 380—386; Он же. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.-Л., 1958.

К стр. 83 [71]. Изд. ПСРЛ, т. 15, М., 1965 (фототипическое воспроизведение изд. 1922 г.); по данной рукописи «Наказание отца к сыну» изд. В. А. Кучкин в кн.: Исследования источников по русск. яз. и письменности. М., 1966, с. 288—290.

К стр. 85 [72]. Иссл.: П П. Плющ. Пересопницьке евангеліе як пам'ятка української та інших слов'янських мов. Київ, 1965, с. 142—156.

К стр. 86 [73]. Иссл.: Е. Н. Богданова. К вопросу об использовании безличных предложений в древнерусском языке на материале памятника «Стоглав». — Уч. зап. (Душанбинск.) пед. ин-та, т. 19. Филол. серия, вып. 9, 1957, с. 123—198; Она же. Синтаксис «Стоглава». Автореф. канд. дисс. М., 1958; М. В. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957; Е. Ф. Мишина. Об источниках юридической и общ.-политической лексики судебников XV—XVI веков. — Уч. зап. Горьк. гос. ун-та, 1960. Серия филол., вып. 59. Вопросы лексикологии и стилистики, с. 155—180; Она же. Юридическая лексика судебников XV—XVI вв. Автореф. канд. дисс. Куйбышев, 1963; О. С. Мжельская. Судебник 1497 года и Псковская судная грамота. — В кн.: Начальный этап русского национального языка. Л., 1961, с. 124—137; Н. А. Атнадзе. Лексика судебников 1497 и 1550 гг. — Труды Тбилисск. гос. пед. ин-та, т. 17, 1963, с. 175—185; Он же. Лексико-фразеологический состав судебников 1497 и 1550 гг. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1965.

К стр. 86 [74]. Изд. и опис. указаны выше к № 208. Иссл.: В. И. Максимов. Лексика Псковской летописи. Автореф. канд. дисс., Л., 1958; Он же. Местная лексика в Псковской первой летописи. — Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин—та, т. 173, 1958, с. 169—211.

К стр. 86 [75]. Иссл.: А. И. Соболевский. Поп Сильвестр и Домострой. — Изв. ОРЯС АН СССР, т. 2, кн. 1, Л., 1929, с. 190—202; С. Л. Никифоров. Из наблюдений над языком Домостроя по Коншинскому списку. — Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, т. 42. Каф. русск. яз. (вып. 1), 1947, с. 15-79; В. Л. Ринберг. О синтаксических функциях глагольных форм «Домостроя». — Научн. зап. Київськ. пед. ін-ту, т. 7. Філолог. серия, № 2, 1948, с. 68—87; М. А. Соколова. К именному склонению в «Домострое». — В кн.: Памяти акад. Л. В. Щербы, Л., 1951, с. 245—254; Она же. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957; Она же. Синонимы в памятниках XVI в. (по материалам «Домостроя»). — Уч. зап. Латв. гос. ун-та, т. 36. Филол. науки. Сб. каф. русск.

яз., вып. 6 А, Рига, 1960, с. 23—43; Она же. Чужая лексика в «Домострое» (Заимствования из греческого языка). — Уч. зап. Латв. гос. ун-та, Рига, 1961, т. 43, с. 43—57.

К стр. 87 [76]. Библиографию исследований о языке памятника, опубликованных за время с 1918 по 1955 гг. см. в кн.: Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1960 гг. М., 1963, ч. 1, с. 74—75 и ч. 2. — Лингвистические исследования, изданные позже: В. Л. Виноградова. Слово о полку Игореве и Задонщина по некоторым данным морфологии. — В кн.: Слово о полку Игореве — памятник XII в. М.—Л., 1962, с. 255—275; Она же (составитель) Словарь-справочник Слова о полку Игореве, вып. 1 (А—Г), вып. 2 (Д—К), вып. 3 (К—Н), М.—Л., 1965—1969; Ю. М. Лотман. Слово о полку Игореве и литературная традиция XVIII—начала XIX вв. — В кн.: Слово о полку Игореве — памятник XII в. М.—Л., 1962, с. 303—405; В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика Слова о полку Игореве. — В кн.: Слово о полку Игореве и памятники куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л. «Наука», 1966, с. 13—126; Н. А. Котляренко. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве». — Там же, с. 127—196; Ф. П. Филин (без названия в ответах А. А. Зимину), см.: К истории создания «Слова о полку Игореве». — «Вопросы лит-ры», 1967, № 3, с. 168—176.

К стр. 87 [77]. По этому списку изд. варианты из «Толка о неразумных словесех» к списку ГПБ Соф. № 54: Л. С. Ковтун. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 432—435.

К стр. 88 [78]. По этому списку изданы варианты из «Речи жидовского языка» к списку ГИМ, Син. № 312; Л. С. Ковтун. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 399—418. Иссл.: Она же. «Речь тонкословия греческого» как источник изучения русского обиходного языка XV—XVI вв. — В кн.: Из истории слов и словарей. Л., 1963, с. 59—71.

К стр. 88 [79]. См. еще: Разрядная книга 1475—1598 гг. Подготовка текста, вводная статья и редакция В. И. Буганова. М., 1966; (по рукописи XVII в. — ГИМ, Ув. 4°, № 950).

К стр. 88 [80]. Новое фототипическое издание текста: Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.) Л., 1959, с. 349—421. Иссл.: Там же, с. 1—303.

К стр. 89 [81]. Иссл.: Е. Г. Баш. К истории говоров Южного Подмосковья (Исследование языка Пчелы 1623 г. по рукописи Гос. Историч. музея, написанной в г. Серпухове). Автореф. канд. дисс. М., 1954.

К стр. [82]. См.: П. Зволиньскиї. Неизвестное первое издание «Думы казацкой» 1651 г. — Труды Отдела древнерусской лит-ры, АН СССР, т. 14, 1958, с. 335—340.

К стр. 89 [83] Изд.: А. Н. Робинсон. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исслед. и тексты. М., 1963. Иссл.: В. Н. Шорохова. Наблюдения в области словарного состава «Жития Аввакума». Автореф. канд. дисс. М., 1953; В. В. Виноградов. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. — Труды Отдела древнерусской лит-ры, т. 14, 1958, с. 371—379; В. А. Чернов. Отражение живого произношения в «Житии протопопа Аввакума» (аканье и произношение ѣ). — Уч. зап. Уральск. ун-та, вып. 36, Свердловск, 1960, с. 47—57; Он же. Система глагольных форм в «Житии Аввакума». — Лингвистический сборник Уральск. ун-та. Свердловск, 1963, вып. 1, с. 45—70. А. Н. Робинсон. Вопросы издания памятника по автографу (Житие Аввакума). — Исследования по

лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 173—189; Л. М. Черняк. Атрибутивные словосочетания в «Житии протопопа Аввакума». — Вестник Харьк. ун-та, 1965, № 12. Серия филол. наук, вып. 2, с. 82—92; Он же. Конструкции с дательным беспредложным в «Житии Аввакума». — Там же, с. 73—81.

К стр. 89 [84]. Иссл.: Н. Е. Бурова. Из истории синонимики имен существительных (на материале сочинения Г. К. Котошихина. О России в царствование Алексея Михайловича.) Автореф. канд. дисс. М., 1965.

К стр. 93 [85]. Выходу Апостола предшествовал приблизительно 11-летний подготовительный период, в течение которого было издано по крайней мере 6 больших «безвыходных» книг: евангелия, псалтыри и триодь постная. См.: А. Гераклитов. Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета. — Уч. зап. Саратовск. ун-та. Педфак, т. 5, вып. 2, 1926; А. С. Зернова. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947; Т. Н. Протасьева. Первые издания московской печати в собрании Государственного исторического музея. М., 1955 (Труды Гос. историч. музея. «Памятники культуры». вып. 15); сб. «У истоков русского книгопечатания» под. ред. М. Н. Тихомирова, А. А. Сидорова, В. Н. Лазарева. М., 1959. Библиография работ о первопечатных книгах — в статьях сборника и особо с 1935 г.: Т. Н. Каменева. Материалы для библиографии русской первопечатной книги. — В указ сб.: Е. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., «Книга», 1964. Иссл.: Г. И. Коляда. Первопечатник Иван Федоров (московский период его деятельности). Автореф. докт. дисс. М., 1961. Он же. Нове в мові першодрукованого Апостела. «Slavia», 1966, № 1, с. 57—64.

К стр. 94 [86]. Иссл.: П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953.

К стр. 94 [87]. Иссл.: В. П. Горланова. Орфография «Ведомостей» эпохи Петра I. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1954; М. Н. Кожина. Морфология глагола в «Ведомостях» петровского времени. Автореф. канд. дисс. Л., 1954; А. Е. Ладюкова. Из истории именного склонения в русском литературном языке XVIII в. (Падежные формы имен существительных в петровских «Ведомостях»). Автореф. канд. дисс. Л., 1956; З. Н. Кривопустова. Из истории ударения русского глагола. («Ведомости» 1703—1707 гг.). — Уч. зап. Куйбышевск. пед. ин-та, вып. 26, 1959, с. 105—155; Она же. Из истории ударения наречий («Ведомости» 1703—1707 гг.). — Уч. зап. Куйбышевск. пед. ин-та, вып. 32, 1960, с. 83—92.

К стр. 94[88]. Иссл.: І. Г. Чередниченко. Діалектні явища закарпатських українських говорів кінця XVIII ст., засвідчені урбаріальними записами 1772—1774 років. — Наук. зап. Чернівецьк. ун-ту, т. 31. Серия філол. наук, вип. 7, 1958, с. 81—88.

К стр. 94 [83]. Иссл.: З. М. Волоцкая. Некоторые явления безударного вокализма московского говора XVIII—нач. XIX в. (на материале памятников лубочной литературы). — В кн.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка М., 1961, с. 261—272.

К стр. 96 [90]. Собрание рукописей и документов Рижского городского архива в настоящее время в Центральном государственном архиве ЛатССР.

К стр. 96 [91]. В ЦБАН ЛитССР.

К стр. 96 [92]. Отдел письменных источников ГИМ.

К стр. 96 [93]. Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

К стр. 96 [94]. В Архиве Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР.

К стр. 97 [95]. Иссл.: Г. О. Винокур. Фонетика Мстиславовой грамоты 1130 г. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962, с. 66—75.

К стр. 98 [96]. Изд.: Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963. Там же библиография изданий и исследований. См.: В. А. Кучкин [Рец.]. О древнейших смоленских грамотах. «История СССР», 1966, № 3, с. 103—114. Иссл.: І. Свєнціцкий. Смоленська грамота 1229 р. у світлі дослідів чергування напівголосних і голосних у слов'янських мовах XIX—XX століть. «Вопросы славянского языкознания», кн. 4, Львов, 1955, с. 114—122; И. И. Матвеев. Неизвестная полоцкая грамота второй половины XV в. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, № 4, 1953, с. 71—84; П. А. Бузук. Некалькі слоў аб грамаце рыжан каля 1300 г. — Працы Беларуск. дзярж. ун-ту ў Мінску, 1927, № 16, с. 65—67.

К стр. 98 [97]. Изд.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подгот. к печати В. Г. Гейман. Н. А. Казакова и др. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л. 1949. (Без соблюдения орфографических особенностей). См.: А. Н. Попов. [Рец.]. О новом издании новгородских грамот. — Вестник Лен. гос. ун-та, 1949, № 9, с. 110—112. Иссл.: В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв., ч. 1. — Изв. Крымск. пед. ин-та, т. 9, 1940, с. 78—151; ч. 2. — Уч. зап. Ярослав. пед. ин-та, вып. 4, 1944, с. 3—61; Г. А. Селиванов. Фразеология новгородских договорных грамот XIII—XIV вв. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1953; З. И. Букатевич. Словообразование имен существительных в новгородских грамотах XII—XIV вв. Автореф. канд. дисс. Киев, 1954; Л. И. Молодых. Именное склонение в новгородских грамотах старшей поры. — Уч. зап. Мордовск. пед. ин-та, вып. 6. Саранск, 1957, с. 131—161; Она же. Именное склонение в новгородских грамотах старшей поры. Основы на *-о.* — Уч. зап. Мордовск. гос. ун-та. Саранск, 1962, № 20 (Серия филол. наук.); Она же. Склонение имен существительных в новгородских грамотах XII—XV вв. — Уч. зап. Куйбышевск. гос. ун-та, 1963, вып. 40. Вопросы теории и методики русск. яз., с. 115—161; М. Н. Ванеева. К вопросу о согласовании сказуемого с подлежащим в древнерусском языке (на материале новгородских грамот XI—XV вв.) — В кн.: Вопросы морфологии, синтаксиса русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1965, с. 105—119; О. Т. Бархатова. Система спряжения глагола в деловой письменности северо-западной Руси XII—XV вв. (на материале новгородских, двинских и псковских грамот). Автореф. канд. дисс. Л., 1955; Она же. Из истории описательных форм будущего времени русского глагола (на материале новгородских, двинских и псковских грамот XII—XV вв.). — Уч. зап. Выборгск. пед. ин-та, т. 1, вып. 1, 1957, с. 167—178; Е. С. Скобликова. О некоторых особенностях склонения местоимений в Грамотах Великого Новгорода и Пскова — Уч. зап. Куйбышевск. пед. ин-та, вып. 26, 1959, с. 157—180.

Фотокопия духовной Климента Новгородца изд.: М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952 (Труды Гос. историч. музея. «Памятники материальной культуры», вып. 8). См.: А. А. Зимин [Рец.]. — «Вопросы истории», 1953, № 12, с. 161—162.

К стр. 99 [98]. Изд.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. Под ред. С. В. Бахрушина. М.—Л., 1950. См.: П. Я. Черных (рец.). — Изв. ОЛЯ АН СССР, т. 10, 1950, вып. 1, с. 504—507. Иссл.: О. В. Горшкова. Язык московских грамот XIV—XV вв. (Лексика и фразеология). Автореф. канд. дисс. М., 1951; Она же. Фразеология московских грамот XIV—XV вв. как характерная особенность делового стиля русского языка. — В кн.: Сб. статей по языкознанию. Профессору МГУ акад. В. В. Виноградову.

М., 1958, с. 125—139; А. С. Позерн-Пестова. Категория одушевленности в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв. — Уч. зап. Костромск. пед. ин-та, вып. 2, 1957, с. 31—45; Она же. Родительный падеж единственного числа существительных в грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв. — Уч. зап. Костромск. пед. ин-та, вып. 7, 1960, с. 303—315; Е. Н. Петухова. Склонение указательных местоимений *тъ*, *та*, *то* в памятниках XIV—XVI вв. (на материале духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XVI вв.). — Уч. зап. Иркутск. пед. ин-та, т. 14, 1958, с. 67—91; Я. А. Спинчак. Структурные типы определительных придаточных предложений в московских грамотах XIV—XV вв. — Наук. зап. Дніпропетр. ун-ту, т. 64. Мовознавство, вип. 15, 1958, с. 119—131; Н. Д. Жихарева. Прилагательные в московских грамотах XV в. — Материалы по русско-славянскому языкознанию, 2. Воронеж, 1966, с. 35—45.

К стр. 100 [99]. Изд.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, см. выше, к п. 4; Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966; Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев. Псковская судная грамота. «Истор. зап»., т. 6, 1940, с. 235—299; С. Г. Капралова. Из наблюдений над словарным составом Псковской судной грамоты. — Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та, т. 33. Каф. русск. яз., вып. 3, 1954, с. 177—184; Она же. Изучение древних псковских памятников XIV—XV вв. и Псковская судная грамота. — Там же, с. 147—159; О. С. Мжельская. К вопросу об издании древнерусских памятников (критический обзор изданий Псковской судной грамоты за советский период). — Уч. зап. Лен. гос., ун-та, 1962, № 302. Серия филол. наук, вып. 61. Исследования по грамматике русск. яз., вып. 3, с. 228—242; см. указ. выше, к п. 4, статьи О. Т. Бархатовой и Е. С. Скобликовой.

К стр. 100 [100]. См. указ. выше к п. 4 статьи Бархатовой и Скобликовой.

К стр. 100 [101]. Изд. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. 1—3. М., 1952—1964. Иссл.: В. Б. Куликов. Формы дательного, творительного и местного падежей множественного числа имен существительных в языке актов Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. — Труды Самаркандск. гос. ун-та, 1963. Новая серия, вып. № 130. Славянский сборник, 2, с. 124—135; Он же. Формы имен существительных в языке актов Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1964; А. А. Горбунова. Описание Уральской грамоты XVII в. (Исследование языка). Автореф. канд. дисс. М., 1953; Т. В. Жарких. Язык воронежских грамот XVII в. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1953; Г. А. Хабургаев. Формы склонения имен существительных в курских памятниках деловой письменности первой половины XVII в. Автореф. канд. дисс. М., 1956; Т. И. Гаевская. Несколько замечаний по вопросу о пунктуации грамот, направленных на Верхотурье. — Уч. зап. Пермск. пед. ин-та, вып. 17, 1958, с. 115—121; Она же. Из наблюдений над орфографией рукописных грамот конца XVII—начала XVIII в., направленных на Урал. — Уч. зап. Пермск. пед. ин-та, вып. 25, 1960, с. 85—98; К. Д. Новоселова. Из наблюдений над орфографией и фонетическим составом деловых документов Илимской воеводской канцелярии конца XVII—начала XVIII в. (Употребление *а* и *о* после твердых согласных). — Труды Иркутск. гос. ун-та, т. 26. Серия языкознания, вып. 1, 1958, с. 211—223; Н. Е. Попова. О языке деловых документов Красноярского острога XVII—начала XVIII в. — Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та, т. 13. Серия ист.-филол., вып. 1, 1958, с. 98—143; Н. К. Соколова. Образование специальной терминологии на основе бытовой лексики (по материалам воронежских грамот XVII в.). — Труды Воронежск. ун-та, т. 51. Сб. работ. ист.-филол. фак-та, вып. 2, 1958, с. 131—136.

К стр. 101 [102]. Иссл.: В. В. А н и ч е н к о. Глагольные формы прошедшего времени в белорусском языке. По материалам Литовской метрики XV—XVI вв. Автореф. канд. дисс. Минск, 1955; А. Я. Б и р а л о. Состав глагольных префиксов и их основное значение по материалам белорусских письменных памятников Литовского княжества XV—XVI вв. — Труды по языкознанию Белорусск. гос. ун-та, вып. 1, Минск, 1958, с. 9—26; Г. В. П о п о в а. Из наблюдений над составом префиксальных глаголов в истории белорусского языка (На материале Литовской метрики). — Труды по языкознанию Белорусск. гос. ун-та, вып. 1. Минск, 1958, с. 69—87; О н а ж е. Некаторыя юрыдычныя тэрміны дзелавых помнікаў беларускай пісьменнасці (На матэрыяле актаў Літоускай метрыкі XVI ст.).—В кн.: Далед па беларуск. і руск. мовах. Мінск, 1958, с. 47—60; О н а ж е. Префиксальные глаголы в «Книгах судных дел» Литовской метрики XV—XVI вв. Автореф. канд. дисс. Минск, 1962; Н. С. Г у р л о. Да пытання станаўлення беларускай арфаграфічнай сістэмы (на матэрыялах заходнерускай пісьменнасці XIV—XV ст.) — Уч. зап. Гродненск. пед. ин-та, вып. 6. Минск, 1960, с. 79—95; В. С т а ш а й т е н е. О полонизмах в Литовской метрике (Книгах судных дел). — Уч. зап. высших учебн. заведений ЛитССР. Вильнюс, 1963, № 7. Языкознание, с. 33—43; О н а ж е. Лексика Литовской метрики (Книг судных дел). Автореф. канд. дисс. Минск, 1965.

К стр. 101 [103]. Иссл.: В. Д е м 'я н ч у к. Морфология українських грамот XIV першої половины XV ст. — Зап. іст.-філол. від. Укр. Акад. наук, т. 16, 1928, с. 73-109; М. С е м е н і в. Словосполучення з прийменником *над* у мові українських грамот XIV першої половини XV ст. — Збірн. комісії для дослідження історії укр. мови, т. 1. Київ, 1931, с. 137—140; В. И. Б о р к о в с к и й. Безличные предложения в древнерусских грамотах XIV—XV вв. южного происхождения. — Изв. ОЛЯ АН СССР, т. 9, 1950, вып. 5, с. 362—375; Л. И. К о л о м и е ц. Язык украинских грамот XIV—XV вв. Автореф. канд. дисс. Харьков, 1953; Т. Ф. А л е к с е е в а. Лексика и фразеология южнорусских грамот XIV—XV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1956; Л. Л. Г у м е ц ь к а. Топонимика в українській актовій мові XIV—XV ст. «Мовознавство», т. 14, 1957; О н а ж е. Нариси словотворчої системи української актової мови XIV—XV ст. Київ, 1958; О н а ж е. Функції первинних сполучників в українській актовій мові XIV—XV ст. — В кн.: Дослід. і матер. з укр. мови, т. 1, Київ, 1959, с. 46—54; О н а ж е. Первинні прийменники і їх синтаксичні функції в українських грамотах XIV—XV ст. — В кн.: Дослід. і матер. з укр. мови, т. 3. Київ, 1960, с. 37—51; О н а ж е. Вторинні прийменникиі і їх синтаксичні функції в українських грамотах XIV—XV ст. — В кн.: Дослід. і материали з укр. мови, т. 4. Київ, 1961, с. 42—51; О н а ж е. Литовские имена с компонентом *-товтъ*, *-толтъ* в украинских грамотах XI—XV вв. — Вопросы теории и истории языка. Л., 1963, с. 84—87; О н а ж е. Особові назви литовського похождення в укранських грамотах XIV—XV вв. — Дослід. і матеріали з укр. мови, т. 6. Київ, 1964, с. 121—132; О н а ж е. Деякі питання укладання словника староукраїнської мови XIV—XV ст. — В кн.: Дослід. з лексикології та лексикографії. Київ, 1965, с. 16—28; О. А. З а р у д н я к. Із спостережень над керуванням давальним відмінком в українських пам'ятках ділового письменства XIV—XVII ст. — Наук. зап. Одеськ. пед. ін-ту, т. 18, 1957, с. 109—120; А. В. М а й б о р о д а. Із історії іменникових суфіксів *-анння*, *-ення*, *-ство*, *-ище* за українськими грамотами XVI ст. — Наук. зап. Харк. держ. ун-ту, т. 25, 1957, с. 31—65; І. С. С в є н ц і ц к и й. Західноукраїнськи грамоти XIV—XV ст. — Питання українського мовознавства, кн. 2, Львів, 1957, с. 3—27; І. І. Б у к а р і в а. Назви адміністративно-територіального розподілу в пам'ятках ураїнської мови XIV—XV ст. — Наук. зап. Одеськ. пед. ін-ту, т. 23, 1959, с. 26—37; Ф. П. М е д в е д е в. Форми займенників в українських грамотах XIV—XV ст. — Наук. зап. Харк. держ. ун-ту, т. 101. Труди філол. фак., т. 7, 1959, с. 279—285; О н ж е. Звукові процеси завершального періоду формування мови української народності та відбиття їх

в українських грамотах XIV—XV століть. — Наук. зап. Харк. держ. ун-ту, 1960, т. 111. Труди філол. фак., т. 9, с. 121—144; Он же. Українськи грамоти XIV—XV століть як пам'ятки мови української народності. — В кн.: Питання історичного розвитку української мови. Харків, 1962, с. 166—179; Д. Г. Гринчишин. Із спостережень над адміністративно-юридичною лексикою в українських грамотах XIV—XV ст. — В кн.: Дослід. і матеріали з української мови, т. 5. Київ, 1962, с. 31—52; Он же. Іменникова синоніміка в українських пам'ятках XIV—XV ст. — В кн.: Дослід. і матеріали з української мови, т. 6. Київ, 1964, с. 67—80; Л. Ж. Дежё. О синтаксисе украинских грамот. 1. Сложноподчиненное предложение. «Slavia», 1962, № 2, с. 59—83; И. Ф. Нелюбова. Конструкции с двойными падежами в русских и украинских грамотах XIV—XV вв. — Праці Одеськ. ун-ту, 1962, т. 152. Серія філол. наук, вип. 15. Питання слов'янської філології. «Мовознавство», с. 182—190; П. Д. Тимошенко. Складнопідрядні (сполучникові) речення з підрядними означальними та додатковими в українських грамотах XIV—першої половини XV ст. — В кн.: Проблеми синтаксису. Львів, 1963, с. 116—127; У. Я. Едлінська. Із спостережень над формою українських грамот XIV—XVI ст. — Дослід. і матеріали з української мови, т. 6. Київ, 1964, с. 81—90; Л. М. Полюга. Із спостережень над абстрактною лексикою української актової мови XIV—XV ст. — Дослід. і матеріали з української мови, т. 6. Київ, 1964, с. 109—120.

Л. О. Самійленко. Форми займенникі в актових книг Полтавського городового уряду другої половини XVII ст. — Наук. зап. Ізмаїльск. пед. ін-ту, вип. 1. Київ, 1958, с. 90—107; Он же. Форми дієслів дійсного способу в актових книгах Полтавського городового уряду 2-ї половини XVII ст. — Праці Одеськ. держ. ун-ту, 1961, т. 151. Серія філол. наук, вип. 10, с. 89—104.

Изд.: Cronicile slavo-romîne din sec. XV—XVI. Publ. de I. Bogdan. Ed. rev. si comp. de P. P. Panaitescu. București, 1959. Иссл.: В. Ярошенко. Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV вв. — Збірн. комісії для дослідження історії української мови, т. 1. Київ, 1931, с. 247—338; Н. С. Антошин. Закарпатская грамота 1404 года. — Научн. зап. Ужгор. гос. ун-та, т. 13, 1955, с. 3—62 (рец. — І. Панькевич. — «Мовознавство», т. 15, 1959, с. 108—114); Он же. Состав молдавских грамот XIV—XV вв.—Научн. зап. [Ужгор. гос. ун-та], 1957, т. 28. Языкознание, с. 77—106; Он же. Стиль молдавских грамот XIV—XV вв. — Доповіді та повідомлення [Ужгор. держ. ун-ту], 1957. Серія історико-філол., с. 65—69; Он же. Система гласных фонем в языке молдавских грамот XIV—XV вв. — Наук. зап. [Ужгор. держ. ун-ту], т. 35, 1958, с. 109—134; Он же. Язык молдавских грамот XIV—XV вв. Автореф. докт. дисс. Л., 1961; Л. В. Веневцева. Фонетичні особливості молдавських грамот XV ст. — Наук. зап. Харк. держ. ун-ту, т. 61. Труди філол. фак-ту, т. 9. Харків, 1960; Она же. До характеристики морфологічних особливостей мови молдавських грамот XV ст. — Вісник Харк. ун-ту, 1965, № 7. Серія філол., вип. 1, с. 100—107; Она же. Форми дієслів у молдавських грамотах XV ст. — Там же, с. 129—135; Она же. Морфологічні особливості деяких староукраїнських числівників у молдавської писемності XV в. — Вісник Харк. держ. ун-ту. Серія філол., вып. 3, 1966; Она же. Молдавские грамоты XIV—XV вв. как источник изучения истории украинского языка (Фонетика, морфология). Автореф. канд. дисс., Харьков, 1966; Д. Богдан. Связь между ономастикой молдавских и украинских актов. «Слов'янське мовознавство». Зб. статей, т. 3, Київ, 1961, с. 253—284; Он же. Фонетические особенности языка славяно-румынских грамот XIV в. — В кн.: IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии. 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962, с. 296—297.

К стр. 102 [104]. Изд.: С. И. Котков и Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала

XVIII в. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фондов А. И. Безобразова). Изд. подготовили: С. И. Котков и Н. И. Тарабасова. М., 1965; Московская деловая и бытовая письменность XVII в. Изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников и И. С. Филиппова. М., 1968.

Иссл.: К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII—начале XVIII в. Язык Писем и бумаг Петра Великого. [Автореф. канд. дисс.]. — Вестник Моск. гос. ун-та, 1947, № 10, с. 111—118; Г. А. Кириченко. Некоторые данные о составе наречий в частной переписке XVII в. — Зб. наук. праць, т. 1. Київ, 1958, с. 173—183; Г. В. Карпюк. Из истории развития лексики эпистолярного стиля XVII в. (на материале писем царя Алексея Михайловича). — В кн.: Филол. сб. Хабаровск. пед. ин-та, вып. 1, 1959, с. 193—216; С. И. Котков. Русская частная переписка XVII—XVIII вв. как лингвистический источник. — ВЯ, 1963, № 6, с. 107—116; Н. П. Панкратова. Наблюдения над ошибками и описками в материалах частной переписки конца XVII—начала XVIII в. — В кн.: Лингвистическое источниковедение. М., 1963, с. 58—72; Она же. Элементы эпистолярной традиции в частной переписке XVII в. — Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 134—143.

К стр. 124 [105]. Вторая глава основана на данных, собранных главным образом в конце XIX—начале XX в., и отражает состояние говоров восточнославянских языков этого времени. Уже после выхода книги Н. Н. Дурново сведения об этих говорах в большой степени пополнились, в первую очередь собранными в послевоенные годы материалами диалектологических атласов русского, белорусского и украинского языков.

Из них опубликованы: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957; Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963. Подготовлены к печати: Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы, Атлас русских говоров юго-западных областей РСФСР, Атлас русских говоров северо-западных областей СССР, Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы; Атлас української мови, т. I: Полісся, Середня Наддніпрянщина та суміжні землі; т. II: Наддністрянщина, Волинь та суміжні землі. Ведется работа над третьим томом: Атлас української мови. Східна і Південна Україна.

Из региональных атласов опубликованы: С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева. Карпатский диалектологический атлас. М. [1967]; Й. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика), ч. 1—2. Ужгород, 1958—1960; М. Д. Мальцев и Ф. П. Филин. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.—Л., 1949; Z. Stieber. Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. z. I—VIII. Łódź. 1956—1964 (издание не закончено); J. Tarnacki. Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze). Warszawa, 1939. — Подготовлены к печати, в частности, лексический атлас среднего и нижнего Поднепровья В. С. Ващенко, третья часть атласа И. А. Дзендзелевского, атлас украинских говоров Восточной Словакии В. П. Латты, лингвистический атлас нижней Припяти Т. В. Назаровой, атлас русских говоров Волгоградской области Л. М. Орлова, атлас севернноподнестровских и волынских говоров Г. Ф. Шило.

Эти атласы в основном подтверждают данные, собранные в книге Н. Н. Дурново. Те отличия, которые имеются в атласах, объясняются, во-первых, гораздо большим объемом материала, собранного по более подробной программе на основе сплошного обследования территории, а во-вторых, тем, что эти материалы отражают состояние говоров восточнославянских языков более позднего этапа — середины XX в.

К стр. 219 [106]. Литературу по восточнославянской диалектологии см. в следующих работах:

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. III. Историческая грамматика русского языка. Диалектология. Язык фольклора. . . М., 1955; Вып. VII. Украинский и белорусский языки. . . М., 1958.

Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1960 г. Ч. 1—2. М., АН СССР, 1963; Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1961 по 1965 г. М., 1969.

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957 (в библиографию включены работы, опубликованные до 1950 г., в которых описываются или хотя бы упоминаются говоры картографированной территории или граничащей с нею).

Бібліяграфічпы ўказальнік літаратуры па беларускаму мовазнаўству. Мінск, 1960; Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963; Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

Л. І. Гольденберг і Н. Ф. Королевич. Українська мова. Бібліографічний покажчик (1918—1961). Київ, 1963; Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.

К стр. 222 [107] Литературу, изданную в СССР с 1918 по 1965 г., см. в разделе Славянские и неславянские языки (сопоставление и взаимовлияние) в кн.: Славянское языкознание. Библиографический указатель. . . Ч. 1—2. М., 1963; То же. М., 1969.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Н. Н. ДУРНОВО

1900

1. Заметка о говоре Шацкого у. Тамбовской губ. — Изв. ОРЯС, т. 5, кн. 3, 1900, с. 921—955.
   То же. Отд. отт. СПб., тип. имп. Акад. наук, 1900. 35 с.
2. Кое-что об этнографии Македонии и о Македонском вопросе. — Славянский век, 1900, № 7—8, с. 5—9. [Примечание редактора журнала с. 10].
3. Описание говора деревни Парфёнок Рузского у. Московской губ. — РФВ, т. 44, 1900, № 3—4, с. 153—216.
   [Продолж. см. № 7, 11, 14; отд. отт. и рец. см. № 14].
4. «Узник» Пушкина в народной переделке. — В кн.: Пушкинский сборник. Статьи студентов имп. Московского университета. Под ред. проф. А. И. Кирпичникова. М., Унив. тип., 1900, с. 237—254.

1901

5. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. Отд. отт. М., тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901. [2], 74, [1] с. [См. также № 9].
   Рец.: Флоринский Т. Д. — Киев. университетские изв., 1904, № 8, с. 76—77.
6. Македонский вопрос и Австрия. — Славянский век, 1901, № 15, с. 14—18.
7. Описание говора деревни Парфёнок Рузского у. Московской губ. [Продолж.]. — РФВ, т. 45, 1901, № 1—2, с. 227—268; т. 46, 1901, № 3—4, с. 129—151.
   [Нач. см. № 3; продолж. см. № 11, 14; оконч., отд. отт. и рец. см. № 14].
8. С какого времени существуют славянские письмена? — Славянский век, 1901, № 16, с. 1—15.

1902

9. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. — Древности. Труды Слав. ком., 1902, т. 3, с. 45—118.
   [Отд. отт. и рец. см. № 5].
10. Мелкие заметки по русскому языку. — ЖМНП, ч. 341, 1902, июнь, отд. 2, с. 257—268.
    То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. С автографом Н. Н. Дурново на экземпляре, хранящемся в Гос. б-ке им. В. И. Ленина].
11. Описание говора деревни Парфёнок Рузского у. Московской губ. [Продолж.]. — РФВ, т. 47, 1902, № 1—2, с. 119—151.
    [Нач. см. № 3, 7; оконч., отд. отт. и рец. см. № 14].

12. (Южно)великорусские деепричастия на *мчи* и *мши*. — РФВ, т. 48, 1902, с. 407—423.
То же. Отд. отт. Варшава, тип. Варшавск. учебн. округа, 1902. 17 с. [Б. тит. л. Автор указан в конце текста].
То же. — В кн.: Сборник статей, посвященных учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Филиппу Федоровичу Фортунатову, по случаю 30-летия его ученой и преподавательской деятельности в имп. Московском университете. 1872—1902. Варшава, тип. Варшавск. учебн. округа, 1902, с. 407—423.
Рец.: А. Б. [А. Белич]. — Изв. ОРЯС, т. 8, кн. 2, 1903, с. 391—393.

1903

13. Диалектологическая карта Калужской губ. СПб., тип. имп. Акад. наук, 1903. [2], 35 с. (В изд.: Сб. ОРЯС, т. 76, № 1).
Рец.: Карский Е. Ф. — РФВ, т. 51, 1904, № 1—2, с. 328—329.

14. Описание говора деревни Парфёнок Рузского у. Московской губ. [Оконч.]. — РФВ, т. 49, 1903, № 1—2, с. 297—321; т. 50, 1903, № 3—4, с. 64—147; 285—297 [поправки и содержание].
[Нач. см. № 3, 7, 11].
То же. Отд. отт. Варшава, тип. Варшавск. учебн. округа, 1903. 6, 267, 7 с.
Рец.: Васильев Л. — Изв. ОРЯС, т. 9, кн. 2, 1904, с. 372—376.

1904

15. Один из источников Стоглава. — ЖМНП, ч. 351, 1904, февраль, отд. 2, с. 454—456.

16. «Приветство брачное» Сильвестра Медведева. — Изв. ОРЯС, т. 9, кн. 2, 1904, с. 303—350.
То же. Отд. отт. СПб., тип. имп. Акад. наук, 1904. 48 с.

1905

17. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной литературе. I—III. Отд. отт. М., тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. 110 с.
[То же см. № 21].

18. Повесть о старце, просившем руки царской дочери. — В кн.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его ученолитературной деятельности. СПб., тип. М-ва Путей Сообщения (изд. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1905, с. 344—347. [Портрет Н. Н. Дурново].

19. Die grossrussische Dialektologie in den letzten fünf Jahren (1897—1901). — Archiv für slavische Philologie, B. 27, H. 1, Berlin, 1905, с. 91—125.

1907

20. Лекции по истории русского языка, читанные осенью 1906—1907 академ. г. в имп. Моск. ун-те пр. дц. Н. Н. Дурново. — Б. м. и г. 208 с. Опт. множ. апп.

21. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной литературе, I—III. — Древности. Труды Слав. ком., 1907, т. 4, вып. 1, с. 54—152; 319—326 [дополнения и поправки].
[Отд. отт. см. № 17].

22. Матвей Иванович Соколов. [Некролог.]. — В кн.: Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1906 г., ч. 1. М., Унив. тип. 1907, с. 395—412.
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].

23. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Владимирская губерния. — РФВ, т. 58, вып. 1, 1907, № 3, с. 194—195. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 29].

24. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Калужская губ. — РФВ, т. 58, вып. 1, 1907, № 3, с. 197—198. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 31].

25. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Курская губерния. — РФВ, т. 58, вып. 1, 1907, № 3, с. 199—210. [Обработка Н. Н. Дурново совместно с И. М. Тарабриным].
[То же, см. № 33].

26. Отчет Н. Н. Дурново о диалектологических наблюдениях в Клинском, Звенигородском и Рузском у. Московской губ. летом 1905 г. — РФВ, т. 57, вып. 2, 1907, № 2, с. 361—362.
[То же, см. № 36].

27. Отчет о поездке в Клинский и Волоколамский у. Московской губ. летом 1904 г. члена Комиссии Н. Н. Дурново. — РФВ, т. 57, вып. 2, 1907, № 2, с. 351—361.
[То же, см. № 37].

1908

28. Программа для собирания сведений о южновеликорусских говорах, необходимых для диалектологической карты русского языка. Издание предварительное Московской Комиссии для составления диалектологической карты русского языка. М., тип.-лит. В. Рихтер, 1908. 14 с.

29. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Владимирская губ. — Труды МДК, вып. 1, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1908, с. 68—69. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 23].

30. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Вологодская, Пермская, С.-Петербургская губ. — РФВ, т. 59, 1908, № 1—2, с. 330—331. [Обработка Н. Н. Дурново].
То же, — Труды МДК, вып. 1, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1908, с. 116—117.

31. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Калужская губ. — Труды МДК, вып. 1, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1908, с. 71—72. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 24].

32. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Костромская губ. — РФВ, т. 59, № 1—2, 1908, с. 328—330. [Обработка Н. Н. Дурново совместно с А. Д. Григорьевым].
То же. — Труды МДК, вып. 1, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1908, с. 114—116.

33. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Курская губ. — Труды МДК, вып. 1, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1908, с. 73—84. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 25].

34. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Рязанская губ. — РФВ, т. 59, 1908, № 1—2, с. 323—327. [Обработка Н. Н. Дурново совместно с Д. Н. Ушаковым].
То же. — Труды МДК, вып. 1, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1908, № 1—2, с. 323—327. [Обработка Н. Н. Дурново совместно с Д. Н. Ушаковым].
То же. — Труды МДК, вып. 1, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1908, с. 109—113.
[Продолж. см. № 56, 81].

35. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Тульская губ. — РФВ, т. 59, 1908, № 1—2, с. 299—312. [Обработка Н. Н. Дурново].
То же. — Труды МДК, вып. 1, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1908, с. 85—98.

36. Отчет Н. Н. Дурново о диалектологических наблюдениях в Клинском, Звенигородском и Рузском у. Московской губ. летом 1905 г. — Труды МДК, вып. 1, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1908, с. 35—36.
[То же, см. № 26].

37. Отчет о поездке в Клинский и Волоколамский у. Московской губ. летом 1904 г. члена Комиссии Н. Н. Дурново. — Труды МДК, вып. 1, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1908, с. 25—35.
[То же, см. № 27].

38. Рец.: Лекции по истории русского языка ординарного профессора имп. Казанского университета Е. Ф. Будде, 1906/7 академический год. Казань, 1907. — Изв. ОРЯС, т. 13, кн. 3, 1908, с. 328—365.
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].

1909

39. Ответ А. И. Соболевскому. [По поводу рец. А. И. Соболевского на 1-й вып. Трудов МДК. — ЖМНП, март, 1909]. — ЖМНП, ч. 21, 1909, май, отд. 2, с. 205—208.

40. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Казанская губ. — РФВ, т. 61, вып. 1, 1909, № 1, с. 1—5. [Обработка Н. Н. Дурново совместно с И. М. Тарабриным].
[То же, см. № 49].

41. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Новгородская губ. — РФВ, т. 61, вып. 1, 1909, № 1, с. 6—15. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 50].

42. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Псковская губ. — РФВ, т. 61, вып. 1, 1909, № 1, с. 16—29. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 51].

43. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Смоленская губ. — РФВ, т. 62, 1909, № 3—4, с. 196—216. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 52].

1910

44. Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения. [Составлен по поручению Московской Диалектологической Комиссии совместно с Д. Н. Ушаковым]. М., 1910. 8 с.

[Экземпляр, имеющийся в Библиотеке Ин-та русского языка АН СССР, приплетен к работе Д. Н. Ушакова и Н. Н. Дурново: «Проект системы знаков для фонетической транскрипции». М., 1910].

45. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. I. Южновеликорусские говоры. — Труды МДК, вып. 2, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1910, с. 40—50.
[В основу программы положен проект, составленный Н. Н. Дурново].

46. Проект системы знаков для фонетической транскрипции.
[Составлен по поручению Московской Диалектологической Комиссии совместно с Д. Н. Ушаковым]. М., 1910. 4 с.
[Экземпляр, имеющийся в Библиотеке Ин-та русского языка АН СССР, приплетен к работе Д. Н. Ушакова и Н. Н. Дурново: «Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения». М., 1910].

47. Хрестоматия по великорусской диалектологии. Пособие при преподавании русского языка в высших учебных заведениях. С приложением образца литературного произношения и карты. М., тип. имп. Моск. ун-та, 1910. 8, 215, [1] с., 1 л. карт. [Совместно с Д. Н. Ушаковым].
Рец.: Карский Е. Ф. — РФВ, т. 64, 1910, № 3—4, с. 407; Przegonia-Kryński Z. — Prace filologiszne, Warszawa, 1916, t. 8, (1913), cz. 1, с. 305—320.

48. Заметка об одном говоре Александровского у. Владимирской губ. — РФВ, т. 64, 1910, № 3—4, с. 253—270.
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].
То же. — Труды МДК, вып. 2, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1910, с. 124—141.

49. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Казанская губ. — Труды МДК, вып. 2, под ред. Д. Н. Ушакова, Варшава, 1910, с. 1—5. [Обработка Н. Н. Дурново совместно с И. М. Тарабриным].
[То же, см. № 40].

50 [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Новгородская губерния. — Труды МДК, вып. 2, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1910, с. 6—15. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 41].

51. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Псковская губ. — Труды МДК, вып. 2, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1910, с. 16—29. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 42].

52. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Смоленская губ. — Труды МДК, вып. 2, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1910, с. 72—92. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 43].

1911

53. Записки по истории русского языка. Харьков, тип.-лит. С. Иванченко, 1911. 114, 8 с. [Б. тит. л.; описано по обл.]. Литогр.

54. Наречия русского языка. — В кн.: Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. 7. Языкознание и история литературы. М., изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1911, с. 205—214, 1 л. карт.
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].

55. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. 2. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры. — РФВ, т. 66, 1911, № 3—4, с. 177—192.
[В основу программы положен проект, составленный Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым].
[То же, см. № 79].

56. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Рязанская губ. [Продолж.]. — РФВ, т. 66, вып. 2, 1911, № 3—4, с. 193—196. [Обработка Н. Н. Дурново].
[Нач. см. № 34; то же и продолж. см. № 81].

57. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Саратовская губ. — РФВ, т. 66, 1911, № 3—4, с. 197—207. [Обработка Н. Н. Дурново совместно с А. С. Мадуевым].
[То же, см. № 82].

58. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Тамбовская губерния. — РФВ, т. 66, 1911, № 3—4, с. 208—217. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 83].

59. Рец.: Народная Энциклопедия научных и прикладных знаний Харьковского общества Грамотности. Т. 7. Языкознание и история литературы. М. Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1911, 8, 612 с. С 28 рисунками и 57 портретами в тексте и картой наречий русского языка на отдельном листе. — РФВ, т. 65, вып. 2, 1911, № 2, с. 467—476.

1912

60. Записки по истории русского языка. I. Фонетика и диалектология. Харьков, тип.-лит. С. Иванченко, 1912. 211 с. [Б. тит. л., описано по обл.]. Литогр.

61. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией. Серия 2-я. Ответы на Программу для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка, составленную Московской Диалектологической Комиссией. I. Южновеликорусские говоры. Губернии, указанные в «Своде. . .» под № 1—3; 5—16]. — РФВ, т. 67, вып. 1, 1912, № 3, с. 2—22. [Обработка Н. Н. Дурново].
[См. также № 80].

62. Сильвестр Медведев. Приветство Брачное. К изданию приготовил Николай Дурново. — Зап. имп. Харьк. ун-та, 1912, кн. 3, ч. неофиц., с. 1—58, 6 [поправки].
То же. Отд. отт. Харьков, тип.-лит. М. Зильберберг и С-вья, 1912. 58, 6 с. [поправки].

63. Рец.: Д. Н. Ушаков, приват-доцент Московского ун-та. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. Переработано из летних лекций 1911 г. при педагогических курсах Московского О-ва воспит. и учительниц. М., 1911, 102 с. — Зап. имп. Харьк. ун-та, 1912, кн. 1, ч. неофиц., с. 1—5.
То же. Отд. отт. Харьков, тип.-лит. М. Зильберберг и С-вья, 1912. 5 с. [Б. тит. л.; описано по обл.].

1913

64. Выписки из старинных памятников русского языка. Харьков, тип.-лит. С. Иванченко, 1913. 26 с. [Б. тит. л. и обл.; описано по заголовку на 1-й странице текста]. Литогр.

65. Записки по истории звуков русского языка. Харьков, тип.-лит. С. Иванченко, 1913. 215, 16 с. [Б. тит. л.; описано по обл.]. Литогр.
[То же, см. № 72].

66. Очерк истории русского языка. Вып. 2. Историческая морфология. I. История форм склонения и спряжения. Харьков, тип.-лит. М. Зильберберг и С-вья, 1913. [1], 112, 8 с. Литогр.
Рец.: Карский Е. Ф. — РФВ, т. 70, вып. 1, 1913, № 3, с. 178.

67. Хрестоматия по малорусской диалектологии. Пособие при преподавании русского языка в высших учебных заведениях. С приложением карты. М., Синод. тип., 1913. 7, [1], 72, [5] с., 1 л. карт.
Рец.: Карский Е. Ф. — РФВ, т. 69, вып. 1, 1913, № 1, с. 250.

68. Отзыв о сочинении: «Описание говора села Покровского Александровского у. Екатеринославской губ.» под девизом «Етер», представленном в Историко-филологический факультет на соискание медали. — Зап. имп. Харьк. ун-та, 1913, кн. 1, ч. офиц., с. 23—29.
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].

69. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией. Серия 2-я. Ответы на Программу для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка, составленную Московской Диалектологической Комиссией. I. Южновеликорусские говоры. Губернии, указанные в «Своде. . .» под № 17—24]. — РФВ, т. 70, вып. 2, 1913, № 4, с. 276—290. [Обработка Н. Н. Дурново]. [См. также № 80].

70. Рец.: Архангельское Евангелие 1092 г. Издание Румянцевского Музея. М. 1912. — Изв. ОРЯС, т. 18, кн. 2, 1913, с. 348—352.
То же. Отд. отт. Б. м., тип. имп. Акад. наук, 1913. 5 с.

1914

71. Диалектологическая карта русского языка в Европе. Пг., Русск. геогр. о-во, 1914, 1 л. карт. [Совместно с Д. Н. Ушаковым и Н. Н. Соколовым].
Рец.: Зілинський І. — Rocznik slawistyczny, t. 9 (1922), cz. 2, Wrocław—Kraków—Warszawa, 1930, с. 217—254.

72. Записки по истории звуков русского языка. Харьков, тип.-лит. С. Иванченко, 1914. 16, 215 с. [Б. тит. л.; описано по обл.]. Литогр.
[То же, см. № 65].

73. Краткий очерк русской диалектологии. Харьков, тип.-лит. С. Иванченко, 1914. 56, 2 с., 2 л. карт. [Б. тит. л.; описано по обл.]. Литогр.

74. Хрестоматия по истории русского языка. Пособие при преподавании русского языка в высших учебных заведениях. Вып. I. Памятники X—XI вв. М., изд. В. С. Спиридонов, 1914. 4, 47, [1] с.
Рец.: Карский Е. Ф. — РФВ, т. 73, вып. 1, 1915, № 1, с. 183—184.

75. Легенда об Авдакее святой мученице. — В кн.: Сб. Харьк. Ист.-филол. о-ва, т. 21, 1914, с. 693—696. [В честь проф. В. П. Бузескула по поводу 30-летия его научно-преподавательской деятельности].
То же. Отд. отт. Харьков, «Печатное дело», 1914. 6 с.

76. Краткий отчет Н. Н. Дурново о диалектологических поездках в Рязанскую, Владимирскую, Нижегородскую и Симбирскую губ. летом 1910 и 1913 гг. — РФВ, т. 71, вып. 2, 1914, № 2, с. 363—382.
То же. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 163—182.
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].

77. Материалы и исследования по старинной литературе. II—III. Жития Конона Исаврийского и Марины Писидийской. Тексты и исследование. — Зап. имп. Харьк. ун-та, 1914, кн. 3, ч. неофиц., с. 1—16; кн. 4, ч. неофиц., с. 17—40.
[Продолж. см. № 87].

78. Отчет пр.-доц. Н. Н. Дурново о летней командировке. — Зап. имп. Харьк. ун-та, 1914, кн. 1, ч. офиц., с. 30—32.

79. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. 2. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 1—16.
[В основу программы положен проект, составленный Н. Н. Соколовым и Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 55; 2-е изд. см. № 140].

80. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией. Серия 2-я. Ответы на Программу для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка, составленную Московской Диалектологической Комиссией. I. Южновеликорусские говоры. Губернии, указанные в «Своде. . .» под № 1—3; 5—16; 17—24]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 50—53; 55—70; 80—94. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. №№ 61, 69].

81. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Рязанская губ. [Продолж.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 17—20; 151—153. [Обработка Н. Н. Дурново].
То же. — РФВ, т. 71, вып. 2, 1914, с. 351—353 [соответствует страницам 151—153 Трудов МДК, вып. 3, Варшава, 1914; см. также № 56; нач. см. № 34].

82. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Саратовская губерния. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 21—31. [Обработка Н. Н. Дурново совместно с А. С. Мадуевым].
[То же, см. № 57].

83. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Тамбовская губерния. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 32—41. [Обработка Н. Н. Дурново].
[То же, см. № 58].

84. [Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией]: Тверская губерния. — РФВ, т. 71, вып. 2, 1914, № 2, с. 334—346. [Обработка Н. Н. Дурново].
То же. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 134—146.

85. Рец.: Н. Маркс. Две старейших русских грамоты в дошедших до нас подлинниках. Оттиск из «Древностей», т. 24, 16 с., 2 снимка. М., 1913. — Изв. ОРЯС, т. 19, кн. 2, 1914, с. 302—304.

1915

86. Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории повести об Акире. М., Синод. тип., 1915. [3], 131 с. Отд. отт. из 2-го вып. 4-го тома Трудов Слав. ком. Моск. археол. о-ва.
Рец.: Карский Е. Ф. — РФВ, т. 75, 1916, № 1—2, с. 318—319.

87. Материалы и исследования по старинной русской литературе. II—III. Жития Конона Исаврийского и Марины Писидийской. Тексты и исследование. [Продолж.]. — Зап. имп. Харьк. ун-та, 1915, кн. 1, ч. неофиц., с. 41—56; кн. 2, ч. неофиц., с. 57—72; кн. 3, ч. неофиц., с. 73—88; кн. 4, ч. неофиц., с. 89—104.
[Публикация не закончена. Нач. см. № 77].

88. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. — РФВ, т. 74, вып. 2, 1915, № 4, с. 211—344, 1 л. карт. [Совместно с Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым].
То же. М., 1915. 6, 132 с. (В изд.: Труды МДК, вып. 5).
Рец.: Карский Е. Ф. — РФВ, т. 75, 1916, № 1—2, с. 319—321; Якобсон Р. О. — Этнографическое обозрение, 1916, кн. 59—60, № 1—2, с. 102—107;
Зілинський І. — Rocznik slawistyczny, t. 9 (1922), sz. 2, Wrocław—Kraków—Warszawa, 1930, с. 217—254.

1916

89. Рец.: М. И. Карнеева. Язык Служебной Минеи 1095 г. — РФВ, т. 75, 1916, № 1—2, с. 158—168; т. 76, вып. 1, 1916, № 3, с. 120—128.
[Оконч. и отд. изд. см. № 92].

90. Рец.: Ал. Дм. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. Издание императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. М. Синодальная типография, 1913. 10, 562, 316 с. — Изв. ОРЯС, т. 20 (1915), кн. 4, 1916, с. 255—302.

1917

91. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие.
Вып. I. М., Синод. тип., 1917. 4, 224 с. (В изд.: Труды МДК, вып. 6).
Вып. 2. Б. м., тип. Шамординск. женск. пустыни, Калужской губ., 1917 [на обл. — 1918], 87 с. (В изд.: Труды МДК, вып. 7].
Рец.: Будде Е. Ф. Научное значение «Диалектологических разысканий» последнего времени. — Изв. ОРЯС, т. 23 (1918), кн. 2, 1921, с. 26—59. [Ответ Н. Н. Дурново см. № 104];
Карский Е. Ф. — РФВ, т. 78 (1917), № 3—4, 1918, с. 216;
Обнорский С. — ZslPh, B. 1, H. 1—2, Leipzig, 1924, с. 240—252;
Селищев А. Заметки по великорусской диалектологии. I. К изучению типов акания. — Slavia, roč. 6, seš. 2—3, Praha, 1927, с. 455—479.

92. Ред.: М. И. Карнеева. Язык Служебной Минеи 1095 г. [Оконч.]. — РФВ, т. 78 (1917), № 3—4, 1918, с. 23—45.
То же. Отд. изд. 42 с. [Б. тит. л. и обл. Ред. указан в конце текста].
[Нач. см. № 89].

1918

93. Несколько замечаний на «заметки» А. В. Маркова. [По поводу статьи А. В. Маркова «Заметки по русской диалектологии». — РФВ, т. 76, 1916, № 2]. — РФВ, т. 78, (1917), № 3—4, 1918, с. 210—213.

1921

94. Заметки по истории русского литературного языка. — Изв. ОРЯС, т. 23 (1918), кн. 2, 1921, с. 92—108.
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].

1922

95. К вопросу о языке Киевских листков. — Slavia, roč. 1, Praha, 1922—1923, с. 219—227.
   Рец.: С. К. [С. Кульбакин]. — Јужнословенски филолог, књ. 5, Београд, 1925—1926, с. 323—324.

96. К истории звуков русского языка. I. Сочетание *ки* из общеславянского *кы* в Галицком Четвероевангелии 1144 г. — Slavia, — roč. 1, Praha, 1922—1923, с. 22—26.
   [См. также № 113].

97. Смягченные согласные в языке писца 2-го почерка Архангельского Евангелия. — Уч. зап. Высшей школы, г. Одесса, т. 2, отдел гуманит.-общ. наук, 1922, с. 140—147. (Сб., посвященный Б. М. Ляпунову).
   То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан на 1-й странице текста].

98. А. А. Шахматов как исследователь русского языка. — Изв. ОРЯС, т. 25 (1920), 1922, с. 409—418.

99. [Ученая жизнь Саратова. Философско-историческое общество при Саратовском университете]: Лингвистическая секция. [Деятельность]. — В кн.: Научные известия. Сб. 2-й. Философия. Литература. Искусство. М., Госиздат, 1922, с. 300—301.

100. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. — Revue des études slaves, t. 2, f. 3—4, Paris, 1922, c. 235—255.
   То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан на 1-й странице текста].

101. Ред.: Материалы для изучения великорусских говоров, вып. 11. Пг., Росс. Гос. Акад. тип., 1922. 133 с. (В изд.: Сб. ОРЯС, т. 99, № 3).

1923

102. В защиту логичности формальной грамматики. — Родн. яз. в школе, кн. 3, 1923, с. 38—42.
   Рец.: Тимченко Е. — Україна, Київ, 1925, 1—2, с. 190—191.

103. Николай Николаевич Соколов. [Некролог]. — Slavia, roč. 2, seš. 1, Praha, 1923, с. 187—188.

104. Ответ проф. Е. Ф. Будде. [Ответ Н. Н. Дурново на статью Е. Ф. Будде «Научное значение „Диалектологических разысканий" последнего времени». — Изв. ОРЯС, т. 23 (1918), кн. 2, 1921].—Изв. ОРЯС, т. 24 (1919), кн. 2, 1923, с. 362—371.
   То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].

105. Рец.: Проф. В. К. Поржезинский. Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка, читанным на Высших Женских Курсах. Введение и фонетика. Новое издание (третье), пересмотренное и дополненное. Гос. Изд. М., 1920. 152 с. — Slavia, roč. 2, seš. 2—3, Praha, 1923—1924, с. 439—446.
   Отд. отт. Praha, Česká grafická Unie. [Б. тит. л. Автор указан в конце текста].

106. Рец.: Словарь русского языка, составленный Вторым Отделением Российской Академии наук. Третьего тома выпуск первый. И—Изба. Пг., 1922. 8 с., столбцы 1—224. — Slavia, roč. 2, seš. 2—3, Praha, 1923, с. 446—450.

107. Рец.: Ученые записки Высшей школы города Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук под редакцией профессоров В. Ф. Лазурского, А. В. Флоровского, М. И. Гордиевского и П. А. Бузука. Том 2. Посвящается профессору Борису Михайловичу Ляпунову по случаю 30-летия

его преподавательской деятельности. Портрет, 8, 162 с. Одесса, 1922, — Slavia, roč. 2, seš. 1, Praha, 1923—1924, с. 130—135.

108. Рец.: Ф. Ф. Фортунатов. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. Посмертное издание. Издание Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. Пг., 1919, 2, 295 с.; Ф. Ф. Фортунатов. Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков. Посмертное издание. Издание Отд. русск. яз. и слов. Росс. Академии наук. СПб., 1922. 6, 281 с. — Slavia, roč. 2, seš. 1, Praha, 1923—1924, с. 113—115.

109. Что такое синтаксис. [Рец. на кн. М. Н. Петерсона «Очерк синтаксиса русского языка». М.—Пг., Госиздат., 1923, 129, 2 с.]. — Родн. яз. в школе, кн. 4, 1923, с. 65—75.
[Ответ М. Н. Петерсона на статью Н. Н. Дурново см.: Родн. яз. в школе, сб. 8, 1925, с. 76—84].

1924

110. Грамматический словарь. (Грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., изд. Л. Д. Френкель, 1924. [1], 154 стб., [3] с.
Рец.: Булаховский Л. — Путь просвещения, Харьков, 1924, № 9, с. 238—240;
Габо В. — Родн. яз. в школе, кн. 6, 1924, с. 227;
Голанов И. — Вестник просвещения, 1924, № 2—3, с. 162—163;
Кульбакин С. — Јужнословенски филолог, књ. 4. Београд, 1924, с. 237—239;
Петерсон М. — Печать и революция, кн. 5, 1924, с. 266—267;
Boh. Havránek. — Slavia, roč. 4, seš. 1. Praha, 1925, с. 192—193;
Meillet A. — Bul. de la Société de linguistique de Paris, t. 25, 1924, с. 164.

111. Очерк истории русского языка. М.—Л., Госиздат., 1924. 376 с.
То же. s'Gravenhage, Mouton, 1959; 1962.
Рец.: Булаховский Л. — Путь просвещения. Харьков, 1924, № 11—12, с. 241—244;
Ганцов В. — Україна. Київ, 1925, кн. 1—2, с. 185—190;
Обнорский С. — ZslPh, B. 4, H. 1—2. Leipzig, 1927, с. 249—260;
Петерсон М. — Печать и революция, 1925, кн. 2, с. 233—235;
Селищев А. М. — Изв. ОРЯС, т. 32, 1927, с. 303—330;
Meillet A. — Bul. de la Société de linguistique de Paris, t. 26, f. 3, 1925, с 200—202;
Müller K. — Zeitschrift für Slawistik, B. 8, H. 1. Berlin, 1963, с. 124.

112. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. I. М., Госиздат., Б. г. 114 с., 1 л. илл. [В каталоге Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина указан 1924 г. издания].
[Вып. 2 см. № 160].
Рец.: Архангельский А. — Книгоноша, 1924, № 41, с. 15;
Гвоздев А. — Родн. яз. в школе, сб. 8, 1925, с. 201—203;
Зарецкий А. — Просвещение Донбасса. Луганск, 1924, № 8—9, с. 132—133;
Meillet A. — Bul. de la Société de linguistique de Paris, t. 26, f. 3, 1925, с. 203—204.

113. К истории звуков русского языка. II. Старославянские смягченные согласные в Архангельском Евангелии. — Slavia, roč. 2, seš. 4, Praha, 1924, с. 599—612.
[См. также № 96].

114. О формальной грамматике и логике. [Рец. на статью С. И. Абакумова «Этюды по формальной грамматике»]. — Родн. яз. в школе, кн. 6, 1924, с. 88—93.

[Ответ С. И. Абакумова на статью Н. Н. Дурново см.: Родн. яз. в школе, кн. 6, 1924, с. 93—97].

115. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка. I—III. — Јужнословенски филолог, књ. 4. Београд, 1924, с. 72—94. [Продолж. см. №№ 129, 145].

116. [Рецензирование и краткое изложение содержания работ разных авторов по славяноведению, напечатанных в журнале «Русский филологический вестник». Варшава, за 1914—1917 гг., т. 72—78]. — Slavia, roč. 3, seš. 2—3, Praha, 1924, с. 576—585.

117. Спорные вопросы о.-сл. фонетики. I. Начальное *e* в о.-сл. языке. — Slavia, roč. 3, seš. 2—3. Praha, 1924, с. 225—271.
[Продолж. см. № 153].
Рец.: Ильинский Г. Еще раз о праславянских дублетах типа jelenь : olenь. — Slavia, roč 4, seš. 2. Praha, 1925, с. 387—394.

118. La catégorie du genre en russe moderne. — Revue des études slaves, t. 4, f. 3—4. Paris, 1924, s. 208—221.

119. Рец.: Н. Бельчиков и А. Шапиро. Грамматика в школе для взрослых (опыт методического построения курса) с приложением библиографического обзора методических сочинений по вопросу о преподавании грамматики за 1914—1923 гг. Гос. издат. М., 1924. 115 с. — Родн. яз. в школе, кн. 6, 1924, с. 222—225.

120. Рец.: Е. Истрина. Руководство по истории русского языка, с хрестоматией и снимками с древних рукописей. Допущено ГУС'ом как руководство для преподавателей школ II ступени. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. ГИЗ, Л., 1923, 127 с. — Родн. яз. в школе, кн. 6, 1924, с. 220—222.

121. Рец.: О. Синявський. Украинский язык. Пособие для практического изучения украинского языка на рабфаках, в техникумах, курсах для взрослых, а также для самообразования. Одобрено Методкомом Главпрофобра НКП УССР. Харьків, 1923. 8, 120 с. — Родн. яз. в школе, кн. 6, 1924, с. 222.

122. Рец.: Синайская Псалтырь, глаголический памятник XI в. Приготовил к печати Сергей Северьянов. Памятники старославянского языка. Т. 4. Изд. Отд. русск. яз. и слов. Российской Академии наук. Пг., 1922. 7, 392 с., 7 табл. фототип. снимков. — Slavia, roč. 3, seš. 1. Praha, 1924—1925, с. 138—139.
То же. Отд. отт. Praha, Česká grafická Unie. [Б. тит. л. Автор указан в конце текста].

1925

123. К 40-летию «Очерков» А. И. Соболевского. — Slavia, roč. 3, seš. 4. Praha, 1925, с. 757—758.

124. К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола. — Slavia, roč. 4, seš. 3. Praha, 1925, с. 446—460.
То же. Отд. отт. Praha, Česká grafická Unie. [Б. тит. л. Автор. указан в конце текста].

125. К украинской диалектологии. [По поводу рец. проф. Смаль-Стоцкого на работы Вс. Ганцова. — Slavia, roč. 4, seš. 1. Praha, 1925—1926, с. 149—160.

126. Московская Диалектологическая Комиссия (1904—1924). [Деятельность]. — Slavia, roč. 3, seš. 4, Praha, 1925, с. 755—757.

127. Общее и славянское языковедение в России с 1914 по 1925 год. [Хроника]. — Јужнословенски филолог, књ. 5. Београд, 1925—1926, с. 240—297.

128. Проф. Ал-др Ив. Яцимирский. [Некролог]. — Slavia, roč. 4, seš. 2, Praha, 1925, с. 395—396.

129. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка. [Продолж.]. — Јужнословенски филолог, књ. 5. Београд, 1925—1926, с. 93—117.
[Нач. см. № 115; продолж. см. № 145].

130. Федор Евгеньевич Корш. К десятилетию со дня его смерти. (I, III, 1915). — Slavia, roč. 4, seš. 3. Praha, 1925, с. 626—628.

131. Noch einmal aksl. *kyjь*. — ZslPh, B. 2, H. 3—4. Leipzig, 1925, с. 381—382.
Рец.: А. Б. [А. Белич]. — Јужнословенски филолог, књ. 5. Београд, 1925—1926, с. 324.

132. Рец.: Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской Летописи. Пг., 1923. 204 с. — Родн. яз. в школе, сб. 7, 1925, с. 184.

133. Рец.: О. Курило. Фонетичні та деяки морфологічні особливости говірки села Хоробричів, давніше Городнянського повіту, тепер Сновськоі округи на Чернігівщині. У Киïві, 1924, 2, 111с.; литогр. изд. [Всеукраïнська Академія Наук. Збірник історично-філологічного відділу; № 21 (=Працы Етнографічноі Комисïï)]. — Slavia, roč. 4, seš. 1. Praha, 1925, с. 193—194.
[См. также № 166].

133а. Рец.: Олександер Колесса. Південно-волиньске Городище і городиські рукописні памятники XII—XVI вв. I—III. Відбитка з Наукового Збірника Украïнського Університету в Празі, т. I. Прага, 1923. 45 с., 3 табл. снимков. — Slavia, roč. 4, seš. 3. Praha, 1925, с. 631.
[Продолж. см. № 151].

134. Рец.: Проф. Олександер Колесса. Погляд на історію украïнськоï мови. Інавгураційний виклад, виголошений в Украïнському В. Університеті в Праці. 23. жовтня 1921. В Празі, 1924. 43 с. — Slavia, roč. 4, seš. 1. Praha, 1925, с. 193.

135. Рец.: Проф. П. Бузук. Коротка історія украïнськоï мови. I. Вступ и звучня. Одеса, 1924. 60 с. — Slavia, roč. 4, seš. 3. Praha, 1925, с. 582—587.

136. Рец.: A. Šachmatov und A. Krymśkyj. Нариси з історіï украïнськоï мови та хрестоматія з пам'ятників письменськоï староукраïнщини XI—XVIII вв. 2. Aufl. Kiev, 1922, 182, 2. — ZslPh, B. 2, H. 1—2. Leipzig, 1925, с. 277—280.

137. Рец.: Karl H. Meyer. Historische Grammatik der russischen Sprache. Erster Band: Einleitung, Laut-, Formen- und Akzentlehre. Bonn, 1923, 12, 246 Seiten. — ZslPh, B. I, H. 3—4. Leipzig, 1925, с. 467—507.

138. Рец.: Max Vasmer. Ein russisch byzantinisches Gesprächsbuch. Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie (Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig, herausg. von G. Gerullis und M. Vasmer. 2). Leipzig, bei Markert und Petters, 1922, 2, 180 с. — Slavia, roč. 4, seš. 2. Praha, 1925, с. 347—349.

139. Рец.: S. Kulbakin. Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии. Charkov, 1919. 4, 104 nebst Karte.—ZslPh, B. 2, H. 1—2. Leipzig, 1925, с. 274—277.

140. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. 2. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры. Изд. 2. Рыбинск, Моск. диалектол. комис. и лингвист. кабинет Яросл. пед. ин-та, 1926. 22 с. К настоящему изданию приготовил И. Г. Голанов.
[Изд. 1-е см. № 79].

141. К вопросу о древнейших переводах на старославянский язык библейских текстов. Супрасльская рукопись. — Изв. ОРЯС, т. 30 (1925), 1926, с. 353—429.
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].
Рец.: Кульбакин С. — Јужнословенски филолог, књ. 6. Београд, 1926—1927, с. 271—272.

142. Леонид Лазаревич Васильев. [Некролог]. — Slavia, roč. 4, seš. 4, Praha, 1926, с. 858—860.

143. Новая попытка элементарного изложения русской грамматики на научных основах. (По поводу кн.: С. И. Карцевский. Русский язык. Часть первая. Грамматика. Пособие для старших классов средней школы. Прага, 1925. 125, 4 ненум. с.). — Родн. яз. в школе, сб. 10, 1926, с. 46—53.

144. Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения. I. Система знаков для фонетической транскрипции. — Slavia, roč. 5, seš. 2. Praha, 1926, с. 342—347. [Совместно с Д. Н. Ушаковым].

145. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка. V—VI. — Јужнословенски филолог, књ. 6. Београд, 1926—1927, с. 11—64.
То же. Отд. отт. Београд, Државна Штампарија. [Б. тит. л. Автор указан в конце текста].
[Нач. см. №№ 115, 129].

146. Le traitement de **sk* dans les langues slaves. — Revue des études slaves, t. 6, f. 3—4. Paris, 1926, с. 216—223.

147. [Notules]: II. La semaine slave. — Revue des études slaves, t. 6, f. 1—2. Paris, 1926, с. 107—108.

148. Starosłowiańskie прѫгынн (прѫгынія).—Prace filologiczne. Warszawa, 1926, t. 10, с. 105—109.

149. Zur Entstehung der Vokalbezeichnungen in den slav. Alphabeten. — ZslPh, B. 3, H. 3—4, Leipzig, 1926, с. 368—372.

150. Рец.: М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка. М.—Пг., Госиздат., 1923. 130, 2 с.; Он же: Русский язык. Пособие для преподавателей. М.—Л., Госиздат, 1925, 123 с. — Slavia, roč. 5, seš. 2. Praha, 1926, с. 350—357.

151. Рец.: Проф. Д-р Олександер Колесса. Південно-волиньске Городище і Городиські рукописні памятники XII—XVI в. IV. Городиське Евангеліе XII—XIII вв. Відбитка із Ювилейного Наукового Збірника Укр. Університету в Празі, присвяченого П. Президентови Чесь. Слов. Республіки Проф. Д-рови Т. Г. Масарикови для вшанування 75 роковин його нарождення. Прага, 1925, с. 406—432, 3 табл. снимков. — Slavia, roč. 4, seš. 4. Praha, 1926, с. 844—845.
[Нач. см. № 133а].

1927

152. Введение в историю русского языка. Часть I. Источники. 1. Письменные памятники. 2. Нынешние русские диалекты. Brno, 1927. 266 с., 4 л. карт. (Spisy Filosofiské fakulty Masarykovy University v Brně). [Загл. также на чешском яз.].
Рец.: Карский Е. Ф. — Изв. ОРЯС, т. 1, кн. 2, 1928, с. 608—609; Meillet A. — Bul. de la Société de linguistique de Paris, t. 29, f. 2. Paris, 1929, с. 212—214.

153. Спорные вопросы о.-сл. фонетики. 2. Гласные из *en*, *em* перед носовыми в о.-сл. (Посвящается профессору И. Зубатому). [Продолж.]. — Slavia, roč. 6, seš. 2—3. Praha, 1927, с. 209—232.
То же. Отд. отт. Praha, Česká grafická Unie. [Б. тит. л. Автор указан в конце текста. Нач. см. № 117].

154. Рец.: Академик А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Госиздат. Л., 1925. Портрет Шахматова, 212 с. — Slavia, roč. 5, seš. 4. Praha, 1927, с. 784—797.
То же. Отд. отт. Praha, Česká grafická Unie. [Б. тит. л. Автор указан в конце текста].

155. Рец.: Др. С. М. Кульбакин. Палеографска и језичка испитавања о Мирослављевом јеванђељу. (Српска Краљевска Академија. Посебна издања. Књига LII. Философски и филолошки списи, књ. 13). Сремски Карловци 1925, 8, 120 с., 2 табл. снимков. — Slavia, roč. 5, seš. 3. Praha, 1927, с. 563—571.

156. Рец.: Karinskij N. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. 68 фототипических снимков с древнерусских памятников, преимущественно XI в., на 29 таблицах. Petersburg, 1925, 20 S., 29 Tafeln. — ZslPh, B. 4, H. 3—4, Leipzig, 1927, с. 490—502.
То же. Отд. отт. Leipzig, Markert und Petters. [Б. тит. л. Автор указан в конце текста].

1928

157. Райградский сборник (Martyrologium Odonis). (Библ. Райградского Бенедиктинского м-он, I, MSS, 388, sign $\frac{D}{K}$ I. a II). — В кн.: Сб. статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников под ред. акад. В. Н. Перетца. [На обл. — Статьи по славянской филологии и русской словесности]. Л., АН СССР, 1928, с. 310—313. (В изд.: Сб. ОРЯС, т. 101, № 3).

158. Дыялекталагічная паездка у Падкарпацкую Русь улетку 1925 г. — Зап. аддзела гуманіт. навук Інбелкульта, кн. 2. Працы класа філалогії, т. 1, 1928, с. 220—229.

159. Der Schwund von Endvokalen im Russischen. — ZslPh, B. 5, H. 1—2. Leipzig, 1928, с. 17—36.
То же. Отд. отт. Leipzig, Markert und Petters. [Б. тит. л. Автор указан в конце текста].

1929

160. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. 2. Синтаксис. Ч. I. Введение в учение о формах словосочетаний. Пособие для преподавателей. М.—Л., Госиздат, 1929, 134, [1] с.
Вып. 1-й и рец. см. № 112].

161. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — Byzantinoslavica, roč. 1. Praha, 1929, с. 48—85. [Резюме на русск. и франц. яз.].
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан на 1-й странице текста].
Рец.: Кульбакин С. — Јужнословенски филолог, књ. 8. Београд, 1928—1929, с. 205—210;
Розов В. — Slavia, roč. 9, seš. 3. Praha, 1930, с. 621—630.

162. Несколько замечаний к вопросу об образовании русских языков. [По поводу статьи А. М. Селищева «Критические замечания о реконструкции судьбы русских диалектов». — Slavia, roč. 7, seš. 1. Praha, 1928]. — ИРЯС АН СССР, т. 2, кн. 2, 1929, с. 713—718.
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].
Ответ А. М. Селищева на статью Н. Н. Дурново см.: ИРЯС АН СССР, т. 3, кн. 2, 1930, с. 633—635.

163. Да пытання аб распадзе агульнаславянскай мовы. — Зап. аддзела гуманіт. навук Беларуск. АН, кн. 9. Працы класа філалогіі т. 2, 1929, с. 73—83.

164. Увагі да беларускай фанетыкі. — Зап. аддзела гуманіт. навук Беларуск. АН, кн. 9. Працы класа філалогіі, т. 2, 1929, с. 68—72.

165. Рец.: А. П. Бузук. Спроба лінгвістычнай геаграфіі Беларусі. Ч. I. Фанетыка і марфалогія. Вып. I. Гаворкі Цэнтральнай і Усходняй Беларусі и суседніх мясцовасцей Украіны і Вялікарасіі ў першай чвэрці XX в. Мінск, 1928, 112 с. с карт. (Інбелкульт. Аддзел гуманіт. навук. Доследы і матэрыялы ў галіне мовы і літ-ры, № 17). — Зап. аддзела гуманіт. навук Беларуск. АН, кн. 9. Працы класа філалогіі, т. 2, 1929, с. 308—314.

166. Рец.: Працы Алёны Курылавай у галіне дыялекталогіі і гісторыі беларускаі і украінскай мовы. [Рец. на кн.: О. Курило. Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки села Хоробричів, давніше Городнянського повіту, тепер Сновськоі округи на Чернігівщині. Київ, 1924, 2, 111 с.]. — Зап. аддзела гуманіт. навук Беларуск. АН, кн. 9. Працы класа філалогіі, т. 2, 1929, с. 317—320.
[См. также № 133].

167. Рец.: Dr. Alfons. Margulies. Der altkirchenslavische codex Suprasliensis (Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher. III. Reihe. Texte und Untersuchungen). Heidelberg, 1927, 16, 253 с. — Slavia, roč. 8, seš. 2. Praha, 1929, с. 353—371.

168. Corrigenda. [Поправки к рец. Н. Н. Дурново на книгу Маргулиеса о Супрасльской рукописи. — Slavia, roc. 8, ses. 2, Praha, 1929]. — Slavia, roč. 8, seš. 3. Praha, 1929, с. 667.

1930

169. Академик Алексей Иванович Соболевский (род. 8 янв. 1857 г., ум. 25 мая 1929 г.). [Некролог.] — Slavia, roč. 8, seš. 4. Praha, 1930, с. 831—839.

170. Еще о происхождении старославянского языка и письма. Несколько разъяснений по поводу рецензии проф. Ст. М. Кульбакина на мои «Мысли и предположения». Отд. отт. М., 1930. 10 с. [Резюме на русск. и франц. яз.]. [То же см. № 177].

171. К вопросу о реформе русского правописания. — Русск. яз. в сов. школе, 1930, № 3, с. 110—116.

172. Мюнхенский абецедарий. — Изв. АН СССР, 7-я серия. Отд. гуманит. наук, 1930, № 3, с. 211—221.

То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан в конце текста].
Рец.: Младенов С. — Училищенъ прегледъ, 1930, № 29, с. 1455—1457.

173. Das münchener abecedarium. — Byzantinoslavica, roč. 2, s. 1. Praha, 1930, c. 32—41.

174. Рец.: С. А. Еремин и И. А. Фалёв. Русская диалектология. Хрестоматия с кратким очерком диалектологии и программой для собирания материала по народным говорам. Под редакцией акад. Е. Ф. Карского. М.—Л., Госиздат, 1928. 14, 2 ненум., 195 с. — Slavia, roč. 8, seš. 4. Praha, 1930, с. 802—807.

175. Рец.: С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Выпуск I. Единственное число. Л., 1927. Сборник ОРЯС АН СССР, т. 100, № 3, 12, 324 с. — Slavia, roč. 9, seš. 2. Praha, 1930, с. 358—369.

1931

176. Академик Евфимий Федорович Карский. [Некролог]. — Slavia, roč. 10, seš. 3. Praha, 1931, с. 623—626.
То же. Отд. отт. Praha, Česká grafická Unie. [Б. тит. л. Автор указан в конце текста].

177. Еще о происхождении старославянского языка и письма. Несколько разъяснений по поводу рецензии проф. Ст. М. Кульбакина на мои «Мысли и предположения». — Byzantinoslavica, roč. 3, s. 1. Praha, 1931, с. 68—78. [Резюме на русск. и франц. яз.].
[Отд. отт. см. № 170].

178. Дубровницкий список повести об Акире. Dubrovnik, Štamparija «Jadran», 1931, 6 с. (Iz Dubrovačke prošlosti. Zbornik u čast M. Pesětaza). [Резюме на нем. яз.].

179. К вопросу о времени распадения общеславянского языка. Praha, 1931, 13 с. Zvláštní otisk ze Sborníku Prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929, svazek 11.

180. Рец.: В. М. Истрин. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. III. Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Л., 1930. 50, 348 с. — Slavia, roč. 9, seš. 4. Praha, 1931, с. 801—815.

181. Рец.: Karcevski Serge. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Ouvrage honoré de la souscription du Munistére de l'instruction Publique de la République Tchecoslovaque. Prague, 1927, 167 c. — Slavia, roč. 10, seš. 1. Praha, 1931 с. 140—165.

1932

182. K otázce o souvislosti fonetických a morfologických činitelů v jazykovém vývoji. — В кн.: Charisteria Gvilelmo Mathesio Qvinqvagenazio. A discipvlis et circvli lingvistici. Pragensis sodalibvs. Oblata. Pragae, «Pražský linguistický kroužek» (Cercle linguistique de Prague), 1932, с. 54—56.

183. Manuscrits russes distinguant l'ancien *o* «acute» et l'*o* d'une autre origine. — Annales Academiae Scientiarum fennicae. Helsinki, 1932, ser. B., nid. 27, с. 7—13.
То же. Отд. отт. [Б. тит. л. и обл. Автор указан на 1-й странице текста].

184. Рец.: A. Peškovskij. Русский синтаксис в научном освещении. 3. vollstandig umgearbeitete Auflage. M., Staatsverlag, 1928. 579 с. — ZslPh, B. 9, H. 1—2. Leipzig, 1932, с. 269—297.
То же. Отд. отт. Leipzig, Markert und Petters. [Б. тит. л. Автор. указан в конце текста.]

1933

185. Чешско-русский словарь. С приложением кратких сведений по грамматике чешского языка. 25 000 слов, наиболее употребительных в разговорной речи, общественно-политической и научно-популярной литературе. М., «Сов. энциклопедия», 1933, 1234 стб. [Совместно с А. Грулиным. На обл. — Карманный чешско-русский словарь].
Рец.: (M. W.) [Miloš Weingart]. — Časopis pro moderní filologii, roč. 20, č. 2. Praha, 1933, с. 179—182.

186. Славянское правописание X—XII вв. — Slavia, roč. 12, seš. 1—2. Praha, 1933, с. 45—82.
То же. Отд. отт. Praha, Československá grafická Unie. [Б. тит. л. Автор указан в конце текста].

ДОКЛАДЫ, ПРОЧИТАННЫЕ Н. Н. ДУРНОВО НА РАЗЛИЧНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ В ПЕРИОД С 1899 ПО 1929 г.

1899

1. [«О некоторых именах в славянском переводе повести об Акире». Краткое содержание доклада, прочитанного 25 января 1899 г. на 37-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1902, т. 3, с. 11—12.
2. [«Слово о рассечении человеческого естества». Краткое содержание доклада, прочитанного 30 ноября 1899 г. на 40-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1902, т. 3, с. 18—19.

1900

3. [«Повесть о старце, просившем руки царской дочери». Краткое содержание доклада, прочитанного 20 октября 1900 г. на 45-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1902, т. 3, с. 26—27.
   ]См. также № 18 библиографии печатных трудов].

1901

4. [«О деепричастиях на *-мши*». Сообщение о докладе, прочитанном в 1901 г. на одном из 30-ти заседаний Кружка по истории и диалектологии русского языка]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 220.
   [См. также № 12 библиографии печатных трудов].
5. [«О наблюдениях Никольского над жиздринскими Калужской губ. говорами». Сообщение о докладе, прочитанном в 1901 г. на одном из 30-ти заседаний Кружка по истории и диалектологии русского языка]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 220.
6. [«О словарном составе великорусских наречий». Сообщение о докладе, прочитанном в 1901 г. на одном из 30-ти заседаний Кружка по истории и диалектологии русского языка]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 220.
7. [«О трудах Чернышева по русской диалектологии». Сообщение о докладе, прочитанном в 1901 г. на одном из 30-ти заседаний Кружка по истории и диалектологии русского языка.] — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 220.

8. «„Приветство брачное“, стихотворение Медведева». Краткое содержание доклада, прочитанного 12 мая 1901 г. на 55-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1902, т. 3, с. 45.
[См. также № 16 библиографии печатных трудов].

1902

9. [«О Славянорусском Прологе». Сообщение о докладе, прочитанном 12 марта 1902 г. на 61-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1907, т. 4, с. 2.

10. [«Житие Святого Конона Исаврийского». Краткое содержание доклада, прочитанного 30 апреля 1902 г. на 63-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1907, т. 4, с. 7—9.
[См. также № 77, 87 библиографии печатных трудов].

11. [«Об ударении в великорусских наречиях». Сообщение о докладе, прочитанном в 1902 г. на одном из 30-ти заседаний Кружка по истории и диалектологии русского языка]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 220.

1901—1902

12. [«О новых книгах по славяноведению». Сообщение о докладе, прочитанном в 1901—1902 гг. на одном из 10-ти заседаний Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Моск. археол. о-ва, т. 20, вып. 1, 1904, с. 11.

13. [«О принадлежащих докладчику рукописных тетрадках конца XVIII и первой трети XIX вв. с псальмами и кантами». Сообщение о докладе, прочитанном в 1901—1902 гг. на одном из 10-ти заседаний Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Моск. археол. о-ва, т. 20, вып. 1, 1904, с. 11.

1903

14. [«О говорах Калужской губ.». Сообщение о докладе, прочитанном в 1903 г. на одном из 30-ти заседаний Кружка по истории и диалектологии русского языка]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 220.
[См. также № 24, 31 библиографии печатных трудов].

15. [«О говоре Рузского у. Московской губ.». Сообщение о докладе, прочитанном в 1903 г. на одном из 30-ти заседаний Кружка по истории и диалектологии русского языка]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 220.

16. [«О говоре д. Разва́рни Рузского у. Московской губ.». Сообщение о докладе, прочитанном в 1903 г. на одном из 30-ти заседаний Кружка по истории и диалектологии русского языка]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 220.

17. [«Один из источников Стоглава». Сообщение о докладе, прочитанном 24 октября 1903 г. на 72-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1907, т. 4, с. 23.
[См. также № 15 библиографии печатных трудов].

1905

18. [«Памяти Илариона Руварца». Сообщение о докладе, прочитанном 4 ноября 1905 г. на 83-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1907, т. 4, с. 48.

1906

19. [«Неизданные труды М. И. Соколова». Сообщение о докладе, прочитанном 6 октября 1906 г. на 88-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва].— Древности. Труды Слав. ком., 1907, т. 4, с. 59.

20. [«Памяти Стевана Сремца». Сообщение о докладе, прочитанном 24 октября 1906 г. на 89-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1907, т. 4, с. 62.

21. [«Рукописи Московского Археологического общества». Сообщение о докладе, прочитанном 7 марта 1906 г. на 85-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1907, т. 4, с. 54—55.

1907

22. [«О книге Келтуллы «Курс истории русской литературы, ч. I, СПб., 1906». Краткое содержание доклада, прочитанного 5 мая 1907 г. на 95-м заседании Слав. ком. Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Слав. ком., 1911, т. 5, с. 15.

1912

23. [«О трудах проф. Ильинского и Латышева». Сообщение о докладе, прочитанном в 1912 г. на одном из 9-ти заседаний Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Моск. археол. о-ва, т. 23, вып. 2, 1914, с. 343.

1912—1913

24. [«Несколько замечаний к повести об Акире Премудром». Сообщение о докладе, прочитанном в 1912—1913 гг. на одном из 8-ми заседаний Моск. археол. о-ва]. — Древности. Труды Моск. археол. о-ва, т. 24, 1914, с. 291.

1904—1913

25. [«Группировка южновеликорусских говоров по характеру их аканья». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.

26. [«К истории появления *у* вместо *в* в области южновеликорусского наречия»· Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.

27. [«Наблюдения в Клинском и Звенигородском у. Московской губ.». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223. [См. также № 26 библиографии печатных трудов].

28. [«О „Белоруссах“ Карского (т. II, I)». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.

29. [«О говоре Александровского у. Владимирской губ.». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалекто-

логической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.] — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.
[См. также № 23, 29 библиографии печатных трудов].

30. [«О говоре дер. Парфёнки Рузского у. Московской губ.». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.
[См. также № 3, 7, 11, 14 библиографии печатных трудов].

31. [«О говоре крестьянина Рославльского у. Смоленской губ.». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.

32. [«О „Грамматике языка Пушкина" Будде». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.

33. [«О диссертации Ильинского „Сложные местоимения"». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.

34. [«О границах южновеликорусского наречия». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.

35. [«О IX выпуске Материалов по великорусским говорам». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.

36. [«О „Лекциях по истории русского языка" Будде». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.
[См. также № 38 библиографии печатных трудов].

37. [«О работах по русскому языку в Сборнике в честь Ламанского». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.

38. [«О работах по русскому языку в 1905 и 1906 гг.». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.

39. [«О работах по русскому языку в 1907 г.». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.

40. [«О работах по русскому языку в 1908 г.». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.

41. [«О статье Шахматова «Южные поселения вятичей». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.

42. [«О „Физиологии славянской речи“ О. Брока». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.

43. [«О „Хрестоматии. . .'' Каринского». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.

44. [«Об ассимилятивном аканье». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.

45. [«Об „Общем языковедении“ Томсона». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.

46. [«Определение границ переходных великорусских говоров с северновеликорусской основой с северновеликорусскими непереходными и с говорами южновеликорусскими». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.

47. [«Отчет о летней поездке 1910 г.». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 224.
[См. также № 76 библиографии печатных трудов].

48. [«По поводу своей работы „Die grossrussische Dialectologie“». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 76-ти заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1904—1913 гг.]. — Труды МДК, вып. 3, под ред. Д. Н. Ушакова. Варшава, 1914, с. 223.
[См. также № 19 библиографии печатных трудов].

1919

49. [«Воспоминания Н. Морозова о Елизавете Петровне Дурново». Сообщение о докладе, прочитанном 2 февраля 1919 г. на заседании Философско-исторического о-ва при Саратовском университете]. — В кн.: Научные известия. Сб. 2-й. Философия. Литература. Искусство. М., Госиздат, 1922, с. 300.

50. [«Говоры Нижнего Поволжья». Сообщение о докладе, прочитанном 19 июня 1919 г. на 5-м заседании Общества Русской Филологии и Этнографии при Саратовском институте народного образования]. — В кн.: Научные известия. Сб. 2-й. Философия. Литература. Искусство. М., Госиздат, 1922, с. 305.

51. [«Живописное обозрение 1841—1842 гг.». Сообщение о докладе, прочитанном 2 февраля 1919 г. на заседании Философско-исторического о-ва при Саратовском университете]. — В кн.: Научные известия. Сб. 2-й. Философия. Литература. Искусство. М., Госиздат, 1922, с. 300.

52. [«Из истории византийской демонологии (Житие Конона Исаврийского)». Сообщение о докладе, прочитанном 25 мая 1919 г. на заседании Историко-литературной секции Философско-исторического о-ва при Саратовском

университете]. — В кн.: Научные известия. Сб. 2-й. Философия. Литература. Искусство. М., Госиздат, 1922, с. 302.
[См. также № 77, 87 библиографии печатных трудов].

53. [«К истории изменения *кы* в *ки* в русском языке». Сообщение о докладе, прочитанном на 4-м заседании Лингвистической секции Философско-исторического о-ва при Саратовском университете]. — В кн.: Научные известия. Сб. 2-й. Философия. Литература. Искусство. М., Госиздат, 1922, с. 301.
[См. также № 96 библиографии печатных трудов].

54. [«О грамматике классического арабского языка Хащаба». Сообщение о докладе, прочитанном на 1-м заседании Лингвистической секции Философско-исторического о-ва при Саратовском университете]. — В кн.: Научные известия. Сб. 2-й. Философия. Литература. Искусство. М., Госиздат, 1922, с. 300.

55. [«Памяти моего отца, Н. Н. Дурново». Сообщение о докладе, прочитанном 18 мая 1919 г. на заседании Философско-исторического о-ва при Саратовском университете]. — В кн.: Научные известия. Сб. 2-й. Философия. Литература. Искусство. М., Госиздат, 1922, с. 300.

56. [«Слово памяти слависта Флоринского». Сообщение о докладе, прочитанном 19 июня 1919 г. на 5-м заседании Общества Русской Филологии и Этнографии при Саратовском институте народного образования]. — В кн.: Научные известия. Сб. 2-й. Философия. Литература. Искусство. М., Госиздат, 1922, с. 305.

57. [«Musée de familles». Сообщение о докладе, прочитанном 2 февраля 1919 г. на заседании Философско-исторического о-ва при Саратовском университете]. — В кн.: Научные известия. Сб. 2-й. Философия. Литература. Искусство. М., Госиздат, 1922, с. 300.

1921—1925

58. [«О склонении в современном русском языке». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из заседаний Московского Лингвистического Кружка, состоявшихся в 1921—1924 гг.]. — Јужнословенски филолог, књ. 5. Београд, 1925—1926, с. 290.
[См. также № 100 библиографии печатных трудов].

59. [«Отчеты о современном состоянии чешскословацкой диалектологии и о диалектологической поездке в Карпацкую Русь». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из заседаний Московской Диалектологической Комиссии, состоявшихся в 1924—1925 гг.]. — Јужнословенски филолог, књ. 5. Београд, 1925—1926, с. 290.

1914—1926

60. [«Замечания на проект программы картографирования диалектологических особенностей русских говоров». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

61. [«Заметки по истории русского литературного языка (*они*, *оне* в рифмах русских писателей)». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского

языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 5.

62. [«Древнерусские рукописи XI—XII в. как памятники старославянского языка». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 5.
[См. также № 115, 129, 145 библиографии печатных трудов].

63. [«К 40-летию „Очерков из истории русского языка“ акад. А. И. Соболевского». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 5.
[См. также № 123 библиографии печатных трудов].

64. [«К вопросу о классификации южновеликорусских говоров по аканью». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

65. [«К вопросу о происхождении аканья». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

66. [«К вопросу о языке Киевских листков». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1916 гг.] — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.
[См. также № 95 библиографии печатных трудов].

67. [«Критические замечания на книгу акад. А. А. Шахматова „Очерк древнейшего периода истории русского языка“. Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

68. [«Московское или петроградское литературное произношение. (По поводу рец. С. П. Обнорского на „Русскую грамматику“ Р. И. Кошутича в Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1916 г., кн. 1)». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

69. [«Начальное *е* в общеславянском праязыке». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии

русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 5.
[См. также № 117 библиографии печатных трудов].

70. [«О „Кратком пособии к лекциям по исторической грамматике русского языка“ проф. В. К. Поржезинского». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 5.
[См. также № 105 библиографии печатных трудов].

71. [«О новых трудах по русскому языку». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 5.

72. [«О смягченных согласных в языке писца II почерка Архангельского Евангелия 1092 г.». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 5.
[См. также № 97 библиографии печатных трудов].

73. [«Описание Корницкого говора Константиновского у. бывш. Седлецкой губ. (составленное покойным Н. А. Янчуком)». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

74. [«Определение границ оканья и аканья». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

75. [«Памяти Н. Н. Соколова». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 5.
[См. также № 103 библиографии печатных трудов].

76. [«Проект краткой программы для собирания сведений о говорах Волынской губ.». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

77. [«Род имен существительных в современном русском литературном языке». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоян-

ной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., АН СССР, 1927, с. 5.
[См. также № 118 библиографии печатных трудов].

78. [«Русский народ и современные политические границы». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

79. [«Сочетание *ки*, *ги*, *хи* в Галицком Четвероевангелии 1144 г.» Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1924—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.
[См. также № 96 библиографии печатных трудов].

80. [«Текст диалектологических программ для нового их издания». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

81. [«Типы белорусского аканья». Сообщение о докладе, прочитанном на одном из 91-го заседания Диалектологической Комиссии при Отделении русского языка и словесности АН СССР, состоявшихся в 1914—1926 гг.]. — Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка [б. Московской Диалектологической Комиссии], вып. 9. Л., 1927, с. 4.

1929

82. [«К вопросу о времени распадения общеславянского языка». Сообщение о докладе, прочитанном в 1929 г. на 1-м съезде славянских филологов в Праге]. — I. sjezd slovanských filologů v Praze, Požád sjezdový, 1929, с. 16.
[См. также № 179 библиографии печатных трудов].

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. Н. Дурново

Введение в историю русского языка

*

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка АН СССР

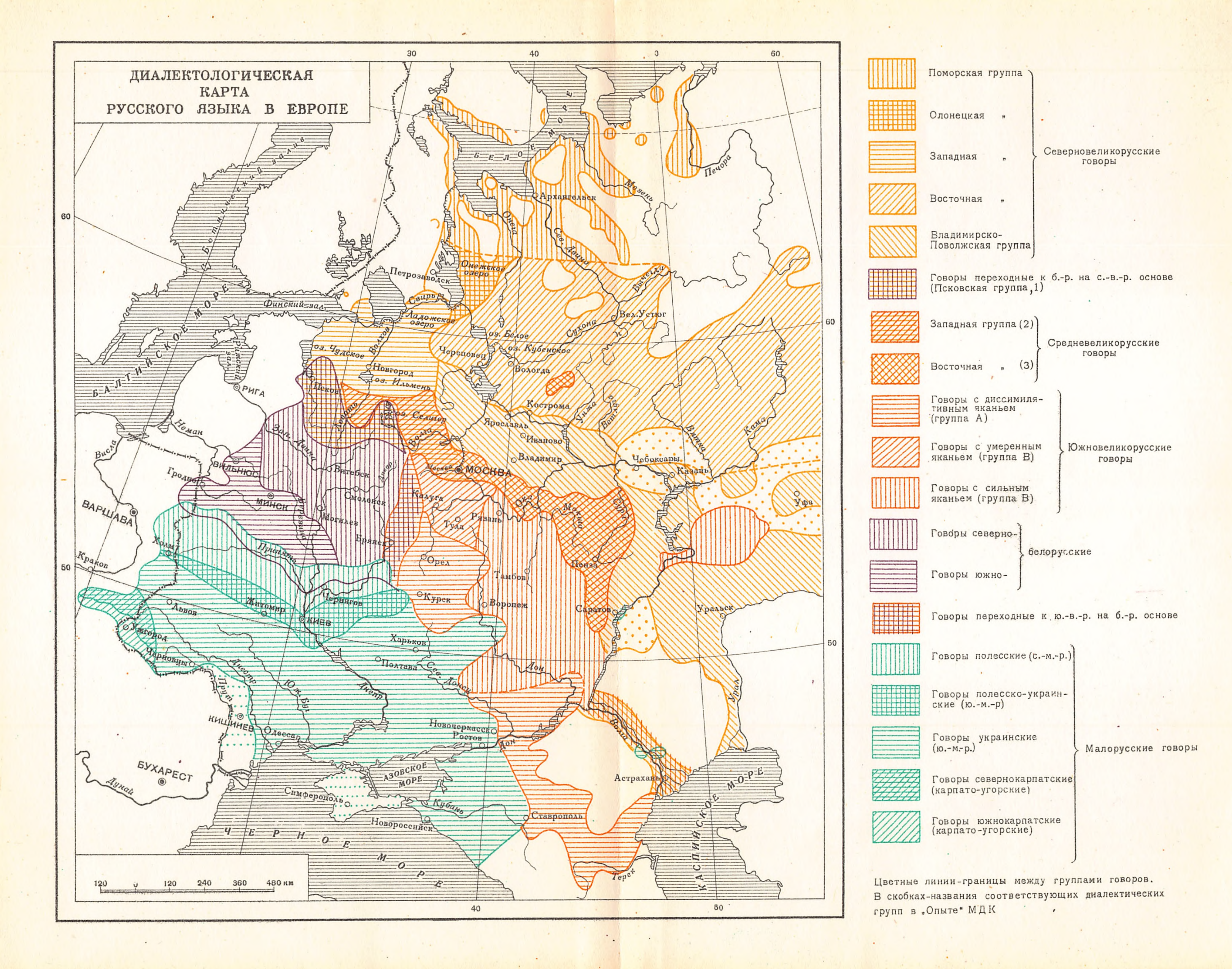
*

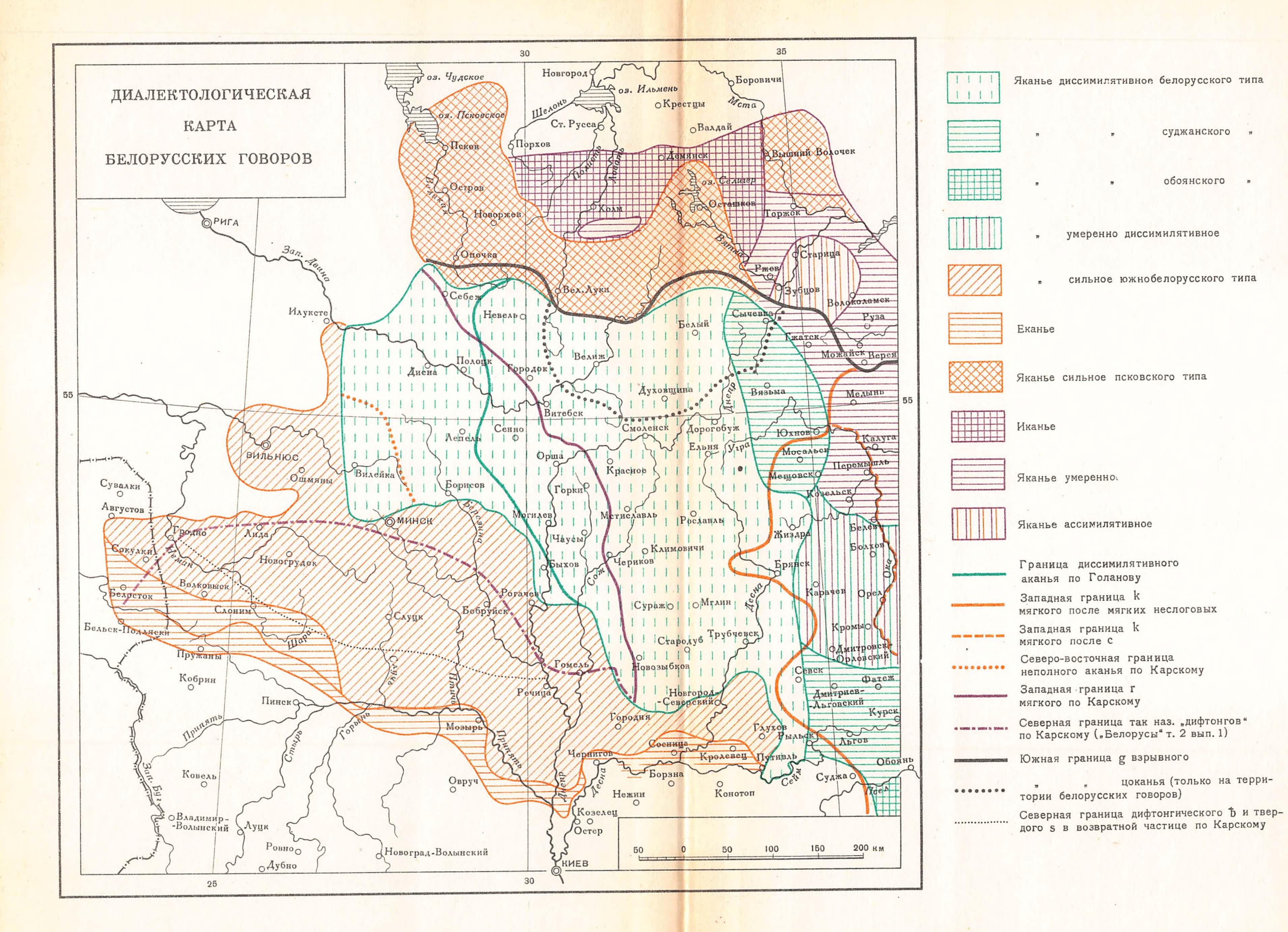
Редактор издательства *Г. Н. Корозо*
Художник *Г. А. Астафьева*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

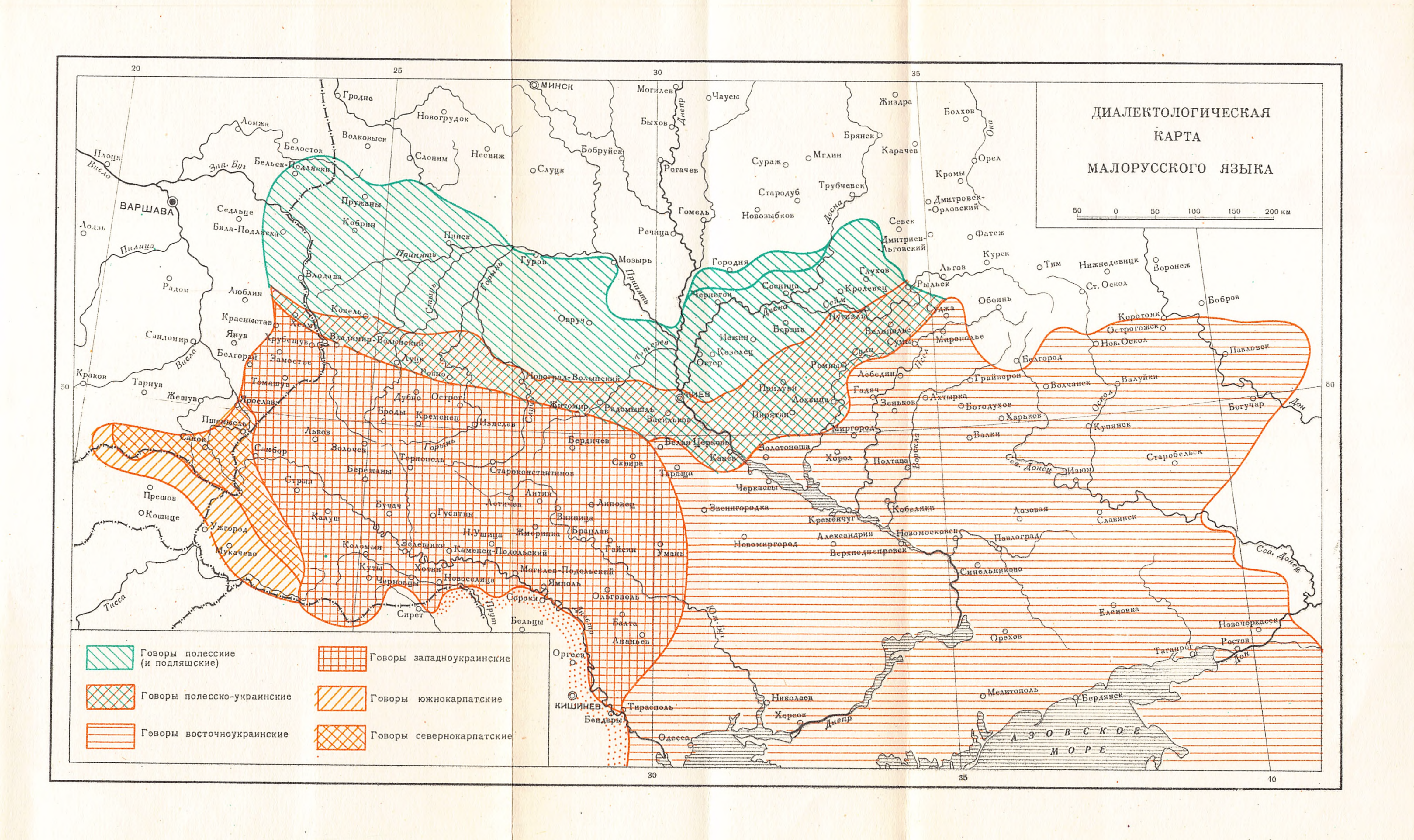
Сдано в набор 11/IV 1969 г.
Подписано к печати 7/X 1969 г.
Формат 60 × 90$^1/_{16}$. Бумага № 2. Усл. печ. л. 19,6.
Уч.-изд. л. 21,1. Тираж 6000 экз. Тип. зак. 213.
Цена 1 р. 59 к.

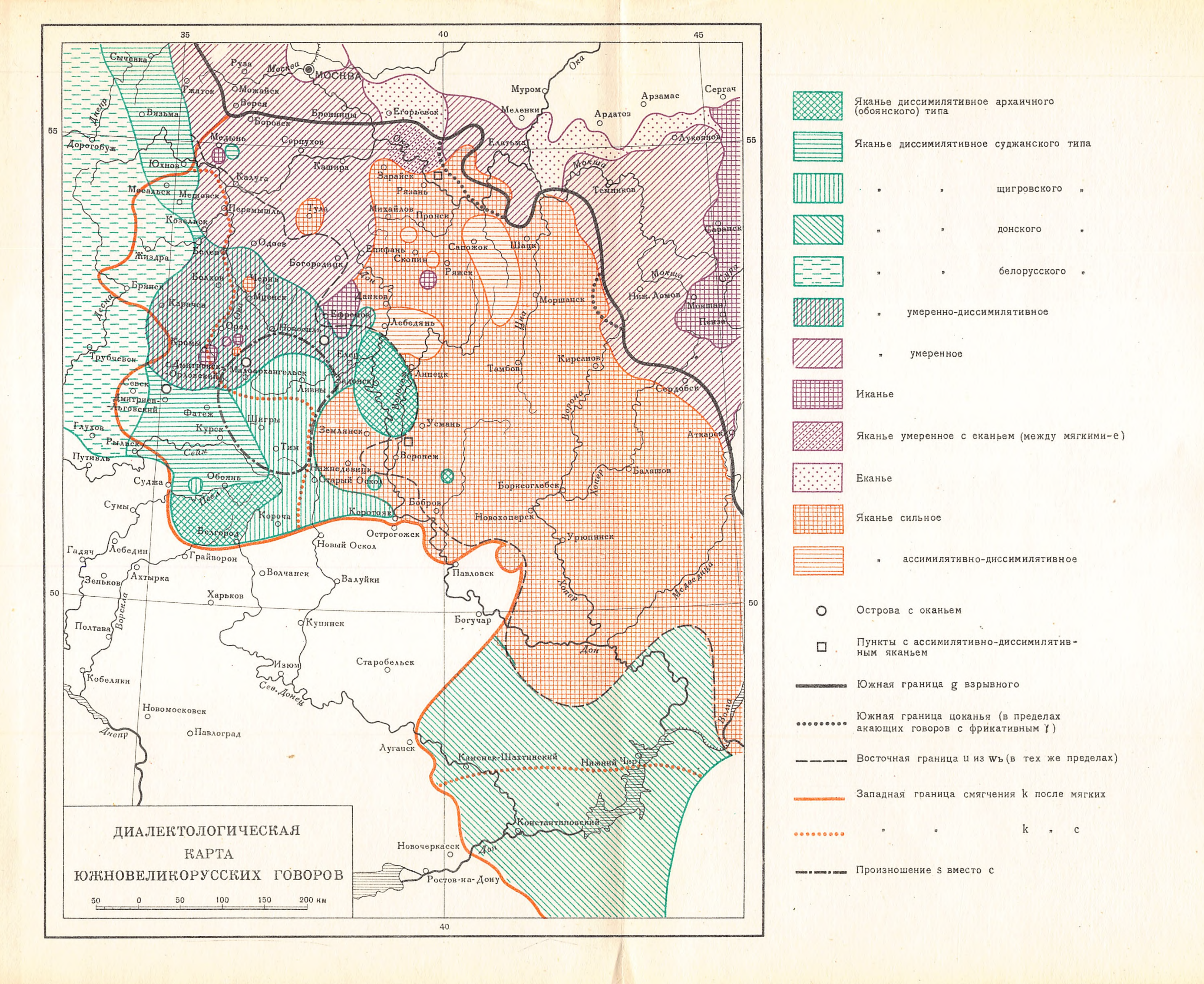
Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21.

1-я типография издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ
КАРТА
РУССКОГО ЯЗЫКА В ЕВРОПЕ
Поморская группа
Олонецкая „
Западная „
Восточная „
Владимирско-
Поволжская группа
Северновеликорусские
говоры
Говоры переходные к б.-р. на с.-в.-р. основе
(Псковская группа,1)
Западная группа (2)
Восточная „ (3)
Средневеликорусские
говоры
Говоры с диссимилятивным яканьем
(группа А)
Говоры с умеренным
яканьем (группа В)
Говоры с сильным
яканьем (группа В)
Южновеликорусские
говоры
Говоры северно-
Говоры южно-
белорусские
Говоры переходные к ю.-в.-р. на б.-р. основе
Говоры полесские (с.-м.-р.)
Говоры полесско-украинские (ю.-м.-р)
Говоры украинские
(ю.-м.-р.)
Говоры севернокарпатские
(карпато-угорские)
Говоры южнокарпатские
(карпато-угорские)
Малорусские говоры
Цветные линии-границы между группами говоров.
В скобках-названия соответствующих диалектических
групп в „Опыте" МДК
БЕЛОЕ МОРЕ
Архангельск
Мезень
Печора
Онега
Сев. Двина
Онежское озеро
Петрозаводск
Свирь
Ладожское озеро
Финский зал.
Ботнический залив
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Рижский зал.
РИГА
оз. Чудское
Волхов
Новгород
оз. Ильмень
Псков
оз. Белое
оз. Кубенское
Череповец
Вологда
Сухона
Вычегда
Вел. Устюг
Кострома
Ярославль
Иваново
Владимир
Унжа
Ветлуга
Вятка
Кама
Чебоксары
Казань
Уфа
оз. Селигер
Зап. Двина
Неман
Висла
ВИЛЬНЮС
Гродно
Витебск
Днепр
Смоленск
Москва
МОСКВА
Калуга
Ока
Рязань
Мокша
Сура
Тула
МИНСК
Могилев
Брянск
Березина
Припять
ВАРШАВА
Холм
Краков
Орел
Тамбов
Пенза
Саратов
Уральск
Курск
Воронеж
Чернигов
Житомир
КИЕВ
Львов
Ужгород
Черновцы
Харьков
Полтава
Сев. Донец
Дон
Днестр
Прут
Юж. Буг
КИШИНЕВ
Одесса
Новочеркасск
Ростов
Волга
Урал
Астрахань
БУХАРЕСТ
Дунай
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Симферополь
Кубань
Новороссийск
Ставрополь
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Терек
120 0 120 240 360 480 км
30
40
50
60

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ
КАРТА
БЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ
Яканье диссимилятивное белорусского типа
„ „ суджанского „
„ „ обоянского „
„ умеренно диссимилятивное
„ сильное южнобелорусского типа
Еканье
Яканье сильное псковского типа
Иканье
Яканье умеренное
Яканье ассимилятивное
Граница диссимилятивного аканья по Голанову
Западная граница k мягкого после мягких неслоговых
Западная граница k мягкого после с
Северо-восточная граница неполного аканья по Карскому
Западная граница г мягкого по Карскому
Северная граница так наз. „дифтонгов“ по Карскому („Белорусы“ т. 2 вып. 1)
Южная граница g взрывного
„ „ цоканья (только на территории белорусских говоров)
Северная граница дифтонгического ѣ и твердого s в возвратной частице по Карскому
50 0 50 100 150 200 км
30
35
25
55
оз. Чудское
оз. Псковское
оз. Ильмень
оз. Селигер
Новгород
Боровичи
Крестцы
Валдай
Шелонь
Мста
Ст. Русса
Порхов
Псков
Демянск
Вышний Волочек
Остров
Новоржев
Холм
Осташков
Торжок
Великая
Ловать
РИГА
Зап. Двина
Опочка
Вел. Луки
Ржев
Старица
Зубцов
Волоколамск
Себеж
Невель
Сычевка
Белый
Руза
Илуксте
Гжатск
Можайск
Верея
Дисна
Полоцк
Городок
Велиж
Вязьма
Духовщина
Медынь
Витебск
Смоленск
Дорогобуж
Лепель
Сенно
Юхнов
Калуга
ВИЛЬНЮС
Орша
Красное
Ельня
Угра
Мосальск
Перемышль
Ошмяны
Вилейка
Борисов
Горки
Мещовск
Козельск
Сувалки
Августов
МИНСК
Березина
Могилев
Мстиславль
Рославль
Белев
Жиздра
Болхов
Гродно
Лида
Чаусы
Новогрудок
Сокулки
Неман
Климовичи
Быхов
Чериков
Брянск
Ока
Волковыск
Сож
Белосток
Слоним
Рогачев
Сураж
Мглин
Карачев
Орел
Слуцк
Бобруйск
Десна
Бельск-Подляски
Стародуб
Трубчевск
Кромы
Дмитровск-Орловский
Пружаны
Новозыбков
Гомель
Кобрин
Севск
Фатеж
Речица
Пинск
Новгород-Северский
Дмитриев-Льговский
Припять
Курск
Городня
Стырь
Горынь
Мозырь
Глухов
Рыльск
Льгов
Сосница
Кролевец
Путивль
Чернигов
Ковель
Обоянь
Сейм
Борзна
Суджа
Днепр
Овруч
Нежин
Конотоп
Зап. Буг
Владимир-Волынский
Луцк
Козелец
Остер
Ровно
Дубно
Новоград-Волынский
КИЕВ

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ
КАРТА
МАЛОРУССКОГО ЯЗЫКА
50 0 50 100 150 200 км
Говоры полесские (и подляшские)
Говоры полесско-украинские
Говоры восточноукраинские
Говоры западноукраинские
Говоры южнокарпатские
Говоры севернокарпатские
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ВАРШАВА
МИНСК
КИЕВ
КИШИНЕВ

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ
КАРТА
ЮЖНОВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРОВ
50 0 50 100 150 200 км
35
40
45
55
50
Яканье диссимилятивное архаичного (обоянского) типа
Яканье диссимилятивное суджанского типа
" " щигровского "
" " донского "
" " белорусского "
" умеренно-диссимилятивное
" умеренное
Иканье
Яканье умеренное с еканьем (между мягкими-е)
Еканье
Яканье сильное
" ассимилятивно-диссимилятивное
Острова с оканьем
Пункты с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем
Южная граница g взрывного
Южная граница цоканья (в пределах акающих говоров с фрикативным γ)
Восточная граница u из wъ (в тех же пределах)
Западная граница смягчения k после мягких
" " k " с
Произношение s вместо с
Москва
Руза
Сычевка
Гжатск
Можайск
Верея
Боровск
Бронницы
Егорьевск
Муром
Меленки
Арзамас
Ардатов
Сергач
Лукоянов
Вязьма
Дорогобуж
Медынь
Серпухов
Кашира
Елатьма
Ока
Днепр
Юхнов
Калуга
Зарайск
Рязань
Мокша
Темников
Мосальск
Мещовск
Перемышль
Тула
Михайлов
Пронск
Козельск
Одоев
Епифань
Скопин
Сапожок
Шацк
Саранск
Жиздра
Белев
Богородицк
Ряжск
Болхов
Мценск
Дон
Брянск
Карачев
Данков
Моршанск
Ниж. Ломов
Мокшан
Пенза
Сура
Ефремов
Лебедянь
Десна
Орел
Новосиль
Кромы
Елец
Трубчевск
Дмитровск
Малоархангельск
Липецк
Тамбов
Кирсанов
Цна
Сердобск
Севск
Ливны
Задонск
Дмитриев-Льговский
Фатеж
Щигры
Усмань
Ворона
Глухов
Курск
Землянск
Аткарск
Рыльск
Тим
Путивль
Сейм
Воронеж
Нижнедевицк
Балашов
Суджа
Обоянь
Старый Оскол
Хопер
Борисоглебск
Сумы
Псел
Бобров
Короча
Коротояк
Новохоперск
Белгород
Острогожск
Урюпинск
Гадяч
Лебедин
Новый Оскол
Грайворон
Медведица
Павловск
Волчанск
Валуйки
Зеньков
Ахтырка
Харьков
Ворскла
Полтава
Купянск
Богучар
Изюм
Старобельск
Кобеляки
Сев. Донец
Новомосковск
Волга
Павлоград
Луганск
Каменск-Шахтинский
Нижний Чир
Константиновский
Новочеркасск
Ростов-на-Дону